

18+

Александр Иванченко

Камбала

Роман в двух книгах. Книга первая

Александр Иванченко

Камбала

Роман в двух книгах. Книга первая

Издательские решения

По лицензии Ridero

2021

УДК 82-3
ББК 84-4
И23

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Иванченко Александр

И23 Камбала : Роман в двух книгах. Книга первая / Александр Иванченко. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 500 с.
ISBN 978-5-0053-8826-1 (т. 1)
ISBN 978-5-0053-8827-8

Роман охватывает промежуток времени более 10 лет. В основном, это юность и молодость героя периода 70—80 годов XX века, так называемого «периода застоя». Героя на всех описанных жизненных этапах ожидают испытания, душевные переживания и, конечно же, любовь. Роман, состоящий из двух книг, включает в себя пять частей, затрагивая события школьной скамьи, институтские годы, службу в ВМФ и вплоть до судьбоносного события, уже на «гражданке». Почему назван роман «Камбалой», вы узнаете, прочитав роман.

УДК 82-3
ББК 84-4

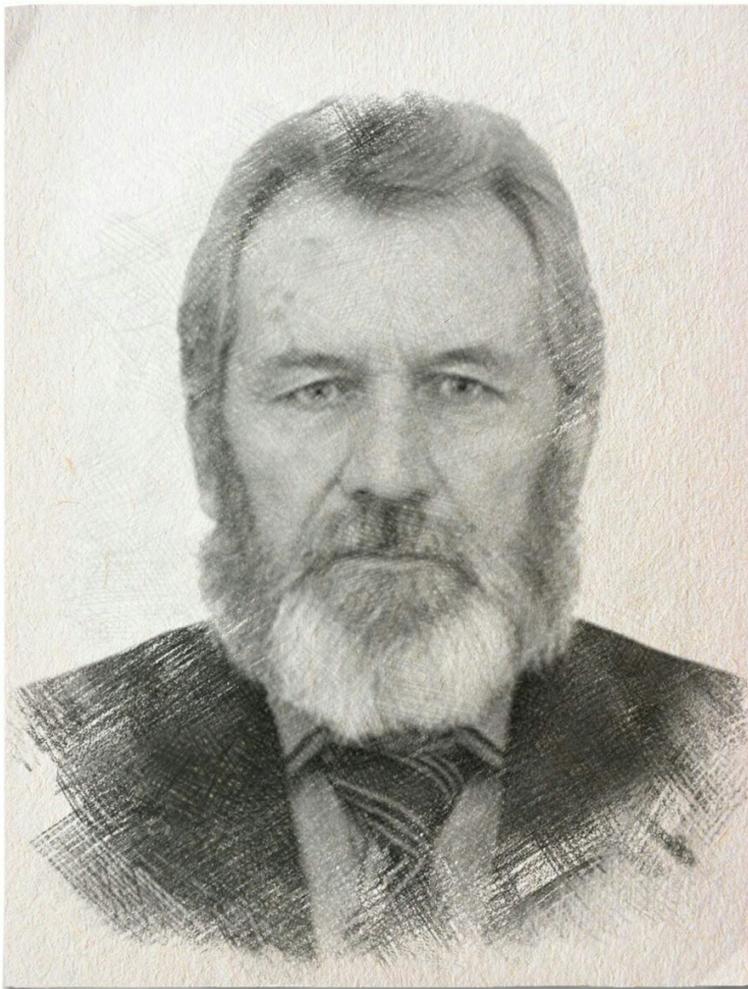
18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Александр Иванченко, 2021

© Александр Иванович Иванченко, дизайн
обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-8826-1 © Александр Иванович Иванченко,

ISBN 978-5-0053-8827-8 фотографии, 2021

Иванченко Александр Иванович

Я напишу о вас роман

Струится свет сквозь темноту сознания,
Пытаюсь факты жизни ярко осветить,
С шагов тех первых в изученье мироздания
И оду, чтоб правдивую вам посвятить.

Не разделяя вас на тех, кто был мне ближе
И кто доставил много огорчений и проблем,
Не буду возвышать по рангу, делать ниже,
«Вознёсся» кто, без роли в решении дилемм.

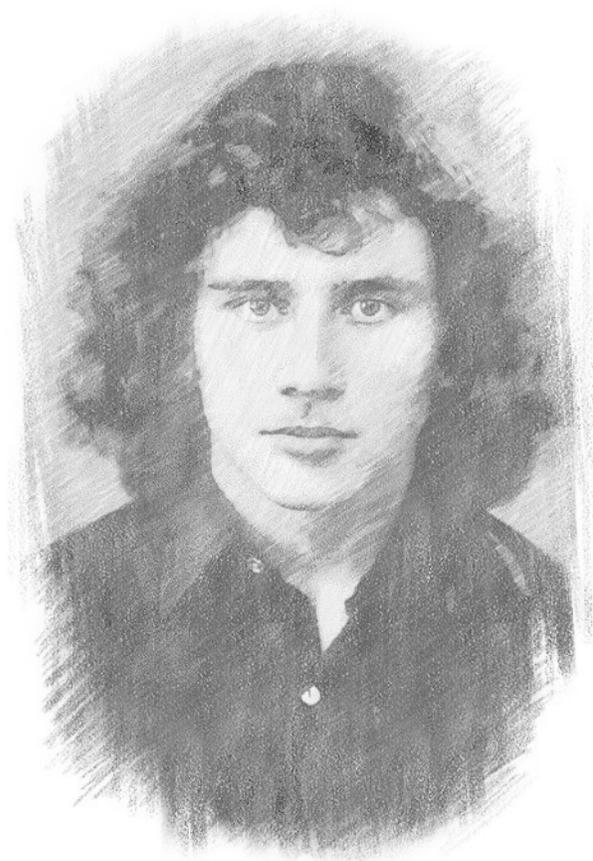
Я не держу обид, и зла не накопил в душе на вас
И вы меня, коль что не так, прошу — простите,
А, кто помянет — не жалеет тот свой глаз.
Сыграть в романе свою роль мне обещайте.

Оставили вы след в душе моей глубокий,
Благодарю, не забыл я никогда, друзья, о вас,
Хоть с памятью о вас сейчас не одинокий,
Сыграйте ж свою роль, я не приму отказ.

Струится свет сквозь темноту сознания,
Пытаюсь факты жизни ярко осветить,
Где первая любовь, разлуки и свиданья,
Хочу я вам, друзья, роман сей посвятить.

Александр Иванченко

Часть первая. Дядя Саша

Пролог

Кто мне скажет, что между правильными с понятием морали поступками и в противоположность им, аморальными поступками существует чёткая грань, граница которой определена морально-этическими нормами, я просто улыбнусь и спорить не стану. Почему, удитесь вы? Кто со мной знаком ближе, даже упрекнуть:

— Как, так? У тебя же раньше всегда была явно выраженная активная жизненная позиция. Ты же часто выступал как борец за справедливость и поднимал на суд общественности, беспокоившие её, вопросы, проблемы и существующие недостатки, часто, внося предложения, верные со своей точки зрения, в решении поднятых вопросов и проблем. Что, сдулся, как воздушный шарик?

И с вами я не буду спорить. Считаю, что лучшим ответом должен быть тот аргумент, который преподносится не с ссорой или в драке кулаками, не ором, а спокойной констатацией аргументированных фактов и убедительных доказательств правоты, но без принуждения, а так, чтобы оппонент своим разумом к этому пришёл.

А, если это не получится, значит не очень убедителен я был, как говорится в суде: «Оправдан, из-за недостатка собранных доказательств». В этом случае есть недоработка следственного отдела и победа, а бывает и триумфальная победа адвокатов, сумевших оправдать того, у кого на лбу написано «вор» или «преступник», «маньяк», «крупный коррупционер» или другим названием, подходящим к совершенным им преступлениям.

Когда в жизни совершаешь какие-то поступки и, тем более что до этого никогда ничего подобного не делал, то не всегда осознаешь и можешь до конца предвидеть, к чему всё это приведёт и чем они могут закончиться. Сознание человека изменчиво во времени из-за того, что

получает новые знания, приобретает умения и драгоценный или пагубный жизненный опыт.

Если меня спросят, задав, ставший даже «дежурным» у корреспондентов: «Вы совершали в жизни поступки, из-за которых потом приходилось жалеть? — я отвечу: «Конечно, совершал! Жалел, но не обо всех свершённых деяний, некоторые, как кровь из носу необходимо было совершить, чтобы следующий жизненный этап начать с подъёма, а иногда даже со взлёта, стремительно, с большим желанием и рвением.

Некоторые ошибки и поступки нужно было совершить, чтобы сформировалось в чём-то твёрдые, доселе шаткие, убеждения и формирования устойчивых жизненных принципов. Но, к счастью, пока, слава Богу, не совершал таких, за которые казнил себя мучительно и долго, и даже всё оставшуюся жизнь. А пословица гласит, что нельзя зарекаться ни от сумы, ни от тюрьмы. Я не зарекаюсь, тем более, судя по всему, сума нам многим уготовила жизнью в ближайшие годы. Я не каркаю, это видно всем и невооруженным глазом.»

Детские поступки совершались из-за желания пошалить или неосознания серьезности, к которой могут привести шалости. Что касается поступков взрослого, осознającego во многом и возможные последствия, тут уже иное суждение и осуждение должно быть. Помните чеховского «Злоумышленника», который «с умом» отвинчивал гайки на железнодорожных путях, через одну. Или героя фильма «Берегись автомобиля», Деточкина, который и виновен, потому что совершал кражу и не виновен, так как все вырученные деньги отправлял в детские дома.

На различных жизненных этапах идёт переоценка поступков, принятых решений и даже, просто высказываний, в зависимости и от того, на каком уровне в данный момент поднялся или опустился умственный потен-

циал, умения анализировать факты в новых реалиях, и с учётом того, какие последствия имели через годы, и даже десятилетия, то совершенное, что пора бы и забыть, но не получается.

Мы помним много примеров того, когда людей осуждали за то, что они совершили, а потом оправдывали, но, увы, тем, кого больше нет, им уже всё равно. Нам, конечно, не всё равно, считают ли нашего родственника «врагом народа» или, наоборот, он герой и пример для подражания.

Мой дядя в начале войны, будучи водителем, перевозил снаряды и другие грузы для фронта. В районе г. Белая Церковь, что на Украине, его «полупанк» попала под артобстрел, машину разбило вдребезги. Он чудом остался жив. Фронт в то время, и-за того, что Советская Армия даже не успевала закрепиться на новых рубежах, стремительно двигался на восток. Боец, спрятав, закопав под деревом документы у одной из хозяек в деревни, решил во что бы то не стало прорваться через фронт к своим.

И нужно отдать должное, через несколько недель скрытного пешего перехода, пройдя по территориям, уже оккупированным фашистами, вышел к линии фронта и перешёл её недалеко от родных мест, где по реке Миус, установился временно фронт, названный и вошедший в историю, как один из кровопролитных, «Миус-фронт». Не прислушался он к призывам командиров тех частей, которые находились в противостоянии у линии фронта, которым «позарез» нужны были водители, чтобы он продолжил бить врага в рядах их соединений — отказался, сказав, пусть комендатура, которая должна была вскорости здесь разместиться, решит его судьбу, чтобы не приняла, как дезертира.

Получилось же, в точности наоборот: прибыла комендатура и военный трибунал, известный, как «тройка

НКВД» — начальник НКВД, секретарь и прокурор, вынесли приговор — «8 лет тюрьмы, без права переписки».

И потом, через какое-то время весточка — «Пропал без вести».

К чему я всё это говорю. Да к тому, что в своей повести, которую лучше можно бы назвать автобиографической повестью, будь она раз в десять не такая «пухляя», герой часто стоит перед выбором, как поступить и не всегда этот выбор правильный. Не зря говорят, что «тот не совершает ошибок, кто ничего не делает». Я бы ещё так сказал — «кто не живёт, а существует, тот не ошибается или ошибается только в одном, но самом главном — он не живёт».

Почему название романа экзотическое, для моих годовых степных мест Приморию, название, лучше бы подходящее к морской тематике, морских путешествий, жизни глубин морей и океанов? Потому, что кроме одного памятного мне случая, где очень верно и метко было отмечено в человеке то, что другим, даже ломая голову, невдомёк. И ещё потому, что мне давно хотелось поговорить о военно-морской службе и не только поэтическим слогом, что я давно уже делаю, но и, как бы вам это странным не показалось, прозой, которая в некоторых случаях может быть даже более выразительна или доступна и понятна читателям, любителям романов, детективов и повестей, хоть и не столь многочисленной является крайняя категория любителей прозы.

Я говорю о названии «Камбала». Ну, камбала и камбала. Раньше этим морепродуктом были завалены все гастрономы, кооперативные продовольственные магазины, как и креветками, которые давали, как семечки в нагрузку с той же килькой или тюлькой вяленой к бутылке портвейна или другого какого-либо плодово-ягодного вина. Кто-то вспомнит про сырки. Ну вы загнули. Сырки, чтоб было вам известно, молодые люди, лучше подходили к водочке.

Что вы сказали? «Водочка и селёdochка — не надо ничего», имелось ввиду, кроме этой закусочки. Вы же помните «Иваси» — это название на этикетке, вкуснейшую сельдь иваси в металлических больших банка, килограмма на три по 3 рубля 20 или 50 копеек за банку.

Опять-таки, на отлов той же сельди иваси в 80-е годы был мораторий на 25 лет. Иначе говоря, целое поколение, как минимум не знает этой по истине народной еды, как и многое то, что только в наших воспоминаниях, я бы сказал в «красной книге» нашей памяти.

Это всё хорошо и поговорить, конечно можно, но как же быть с камбалой, нет, не так — с «Камбалой»? А, что значит как? Сказал «Аз», сказать придётся и «Буки». Кстати, у кого память хорошая, запоминайте. Ещё напомним из тех лет, что сейчас история с 50-летним стажем и приличным слоем пыли, осевшей на неё за эти годы. Иначе говоря, другой, более низкий «культурный исторический слой».

— Ну, ближе к телу, Склифосовской! — ... (внутренний голос).

— Вы ничего не слышали? Нет?! Значит, послышалось.

Хочу лишь напомнить, что по гороскопу я рак. Кто помнит, раки бывают нескольких видов. А к ракообразным относятся, начиная от креветок и крабов, и заканчивая морскими раками: богомолами, отшельниками и лобстеры, которым цены не сложить. Мы больше всего знакомы с речными раками, отзовутся много знатоков, любителей пива с раками. Сразу говорю, что я не вкусный, не съедобный даже (вспомнил какой-то фильм, где туземцы хотели белого человека просто скушать).

А вот камбалы в гороскопе нет. Рака считают не рыбой, а животным, но камбала также своеобразна и непохожа даже на рыб. То, есть, это что-то необычное, отличное от других. Пожалуй, я слишком много сказал,

чтобы продолжать дальше. Иначе, пропадёт всякий интерес к прочтению. Вам предоставится возможность самим судить, что так, а что должно быть не так, но и так терпимо или «не в какие ворота не лезет» и т. п.

Три года жизни — это много или мало? Пожалуй, однозначного ответа не будет. Но большинство читателей сойдутся во мнении, если в счастливой жизни — мало, если в горе, лишениях и не только связанных с отбыванием в местах несть отдалённых, то нестерпимо бывает много. Всё измеряется тем, получаешь ли ты за бесцельно прожитые или в достижении поставленной цели, годы удовольствие или нет. Так? Будем считать, что «молчание — знак согласия».

Это я всё намекаю на три года службы, которые мне, признаюсь честно, не ради выполнения своего гражданского долга, а именно по своей собственной инициативе, выпало служить в рядах Военно-морского флота СССР. Вот теперь, подумал внимательный читатель, частично понятно, к чему будет слово, применяемое к глубоководной морской рыбе, сильно отличающейся от тех видов рыб, о которых мы чуть-чуть уже успели сказать и это рыба, правильно, камбала.

А совсем продвинутый читатель даже осмелится предположить, что не просто о Морфлоте речь пойдёт, а о службе подводника, раз рыбка-то глубоководная. Вот какую дискуссию можно развить, взяв за основу всего одно слово. Разве, нет?

Не буду больше мучить читателя в догадках, надеюсь, что мне ещё не раз предоставится такая возможность и я, непременно постараюсь её воспользоваться.

Глава I. Позор

Лично я не знаю человека, которому было бы приятно воспринимать позор, как благо. Возможно нет чёткой границы, когда поступки переходят рамки адекватного, с точки зрения большинства граждан, поведения к какой-либо из сферы жизненного социума.

Да и понятие «позор» каждый трактует по-своему, другие даже ставят его вместо короны на голову и ходят с гордо поднятой головой. Для порядочной девушки какие-то знаки излишнего внимания являются оскорбительными и позорными, а для девицы легкого поведения, как комплимент в адрес её привлекательности и неотражимости. Она даже не думает, что привлекает в ее поведении только легкая доступность.

Как бы то не было, но каждый в свое время испытывал в жизни подобные моменты, скажу мягко, когда было неудобно за себя, свое поведение, поступок. Причины их появления и проявления могут быть самые различные. Иногда в них мы или совсем не виновны — это чистая случайность, или невнимательность, рассеянность, непонимание чего-либо в момент совершения, или не видение результатов, в коим наши действия или поступки могут привести. Даже какой-либо жизненный казус можно считать или кто-то может считать, как позор, а другие, как нелепое стечение обстоятельств.

Вот несколько примеров. Когда пьяный или даже трезвый БОМЖ валяется где-то под забором, ходит или сидит и клянчит мелочь, и при этом у него расстёгнута ширинка грязных и дырявых брюк — да за ради Бога, никто практически не обратит на это внимание. Другое дело, если почтенный интеллигентный человек, ну скажем, лектор учебного заведения, выходит на подиум и у него такая же «нелепость». Она тут же становится

главной обсуждаемой новостью для многоликой аудитории.

У меня были случаи, когда мне было стыдно, но я умышленно шел на этот «стыдливый» поступок, ради благого дела, как я понимал. Вот один из них. Будучи не таким «подержанным», а довольно привлекательным молодым мужчиной, я заметил, что у попутно следовавшей со мной, впереди меня молодой и красивой девушки случился «казус» и она этого не видит. У нее расстегнулась короткая и без того юбочка, но для таких стройных и красивых ножек юбка-макси — это преступление перед мужской половиной общества, истинных ценителей женской красоты, и виднелись, хоть и красивое, но всё же нижнее белье. Её трусики были слишком контрастны со цветом юбки, чтобы этого не заметить.

Изначально, из-за того, что людей, не на тротуаре, а на проезжей части улицы, которая не умела тротуаров, было по обычаю много, я старался выбрать такую траекторию движения, чтобы те, кто очень спешил и обгонял меня и следом девушку, не смог за моей не очень широкой спиной заметить «казуса», который случился с моей попутчицей. Не знаю, как это у меня получалось. Скорее всего, люди думали, что я её преследую. Да и сама девушка, не видя меня за спиной, но точно, слыша шаги, стала немного нервничать и косить взгляд своих красивых глазок в мою сторону через плечо.

Нужно было решаться и я решился, выбрав удобный момент, чтобы рядом на расстоянии распространения звука моего волнительного голоса обратился к девушке со словами сбивчивой речи:

— Девушка... Вы меня... я прошу Вас меня дик-к-ко извинить... Но у Вас..., — я пытался пальцем указать то место, где..., но она уже повернулась и мой палец «тыкал» район её пояса или чуть ниже, и продолжил, видя недоразумение, плавно переходящее в негодование, —

у Вас... это..., у вас молния расстёгнута. Простите, пожалуйста!...

Девушка немного смутилась, быстро застегнула молнию, сказав «спасибо!», на что я молча кивнул, оставаясь неподвижным на месте, хотя она уже продолжила свой путь. У меня с собой не было карманного зеркала, я же не девушка, чтобы носить косметичку, но я и без него ощущал, как горит кожа на лице. Мне было так стыдно, видимо, за эту нелепость, свидетелем которой я стал, как будто я подсматривал за голой девушкой в бане.

Конечно, у каждого свое представление о стеснении, скверности поступка или позора в глобальном понимании этого обсуждаемого аспекта. Не зря говорят, «Каждый понимает в меру своей распушенности», если перевернуть понятие, то «Каждый осознает происходящее в меру своей воспитанности», но это если более культурно выразиться.

А сейчас я хочу рассказать о позоре, который иначе я никак назвать не могу, который произошел со мной очень давно, но оставил глубокий след в становлении меня, как человека, в формировании моего характера, моих убеждений и жизненных принципов. Учился я тогда в третьем или скорее всего в четвертом классе.

У нас в классной комнате, предназначенной для обучения начальных классов сельской восьмилетней школы в то время, обучалось по два класса одновременно: первый класс с третьим, а второй с четвертым. Учительница успевала всех опросить в обеих классах и объяснить новый материал. Это было связано с малой наполняемостью классов, как правило 5—7 человек, а общее количество на уроке было в пределах 15 человек.

И я хочу заметить, что ена качество овладения той школьной программы никак не отражалось. Даже, может быть и в чём-то было лучше, чем в городских школах, где классы насчитывали 25—30 учеников. Там был другой

минус, учитель не имел возможности ежедневно проверять готовность учеников к уроку, проверять качество усвоения и закрепления материала каждым, как это было у нас. Я не помню такого, чтобы учительница не успела на уроке опросить всех учеников класса, если было задано на дом выучить стихотворение наизусть или правила правописания по русскому языку. Потому отлить, по принципу «меня на прошлом уроке спрашивали, значит сегодня не спросят» — было делом изначально из раздела фантастики.

Самое интересное, что я на первом году обучения, кроме азбуки, родной речи, марания тетрадей в косую линию, при отработке правильности наклона и нажима пера чернильной ручки, на хорошем уровне запоминал не только предметы, где требовалось прочтение и запоминание по существу основных моментов, но и большинство математических выкладок, форму и правил грамматики в русском языке. Самое неприятное было то, что не мог запоминать наизусть стихи, правила и пр., требовавших точное изложения, а не пересказа, что для меня труда не представляло. Это давалось мне с трудом и с большим усилием, благодаря зубрежке. Если бы не это, за 2 года можно было бы экстерном сдавать всю программу начальной школы. Я хорошо усваивал параллельно и весь материал старших классов, единственно, что было плохо, не под ряд, а с разрывом в один год.

Учились мы вместе с моим братом Виктором, с которым были близнецы, правильнее сказать, двойня, были разные во всем, от внешней схожести до умственных способностей и характера. Я был круглым отличником, брат перебивался с тройки на четверку и в основном за счёт списывания у меня домашних работ. В школе проблемы усугублялись тем, что там списать, тем более, если отвечать у доски — никак.

И физически мы отличались тем, что брата тянуло в рост, как и наши предки по отцовской линии, где все были рослые, вплоть до старшего брата Алексея, а я, видимо удался, как говорят, в материнскую породу и дед, которого я в те годы ни разу не видел и вообще в жизни довелось увидеть всего один раз, так как после войны, с фронта к бабушке не вернулся, и мама была ростом Дюймовочки. Но в цепкости и способности уворачиваться или изворачиваться и не дать положить себя на лопатки, опять же я бы пошустрее.

Но память, в отличие от моей, у брата была в разы лучше. Но он мало этим пользовался. Мог бы неплохо учиться по тем предметам, где не требовался математический склад ума, умение сопоставлять, анализировать и прочее. Дома мы часто не мирили, постоянно спорили до драк за старшинство (я был на пол часа от него старше). Да и в классе нас рассаживали за разные парты. В нашем классе изначально училось пять человек, двое из которых девочки, с третьего класса осталась одна.

Ближе к делу. Школа располагалась на одной улице с нашей хатой, в ста метрах и двух минутах ходьбы. Если проследить улицу со стороны въезда в село, то правая сторона была застроена, в те годы еще саманными хатами, некоторые из них были покрыты черепицей, самые «крутые» шифером, а самые бедные камышом. А левая сторона представляла большой пустырь с бурьянами, изрезанными тропинками, по которым доярки и скотники ходили на расположенную за этим пустырьём и оврагом с родниками, ручьем и перекладным мостиком. В конце улицы, по этой же левой стороне моей улицы обособленно стояло здание старой школы. Рядом было захоронение, погибшим при защите и освобождении села воинам Красной Армии и памятник. В 1962 года была окончательно построена новая просторная школа «восьмилетка», в которую я и пошел в первый класс вместе с её открытием.

Позже, на этом же пустыре, рядом с новой школой, но ближе к нашей хате построили здание детского сада и правления колхоза. На радость детворы стройка затянулась, а отстроенные стены помещений и сам помещения были излюбленным местом игры, и в прятки, и в войну. Как любая стройка на ней было нагромождение целого и битого кирпича, куч грунта, песка, щебня, досок и отходов. Короче, по нашим понятиям, лучшего места для «боев местного значения» или «в черте городской застройки», как сейчас говорят, не придумаешь.

Часто, возвращаясь со школы, от нечего дела, заходил на это место «боевой славы», чтобы насладиться воспоминаниями былых побед.

С вечера «пошла масть» и я слишком долго времени провел в подобных баталиях, до этого, правда, исправно письменные домашние задания выполнил, как всегда блестяще и дав тем самым своему брату возможность, воспользоваться моим отсутствием на «театре боевых действий», вынуть из портфеля тетради и переписать решение задач и упражнения по русскому языку.

Учительница на русском опрашивала, как всегда всех, всех четверых учеников нашего класса. И у нее оставался еще «в запасе» класс с младшим контингентом аудитории. Вот я и влип! Совсем забыл, что нужно было выучить довольно заумное правило по русскому. Из того, что я смог запомнить со слов моей любимой, безо всякого лицемерия учительницы, Натальи Павловны, пытался составить складную в правило речь. У меня это плохо получилось. Учительница сделала изумленное лицо. От кого другого, но от меня такого она никак не ожидала:

— Саша! В чем дело? Ты не заболел?

Я стоял у доски, потупив взгляд в пол. Лицо моё горело. Меньшие на два года ученики, толи просто перешушукивались, толи злорадствовали, не помню уже, для них тоже было неожиданностью, чтобы отличник и так

опростался. Мне было не того, чтобы поднимать голову, я был посрамлен, а моя былая слава отличника покрылась «несмываемым» позором. «Позор! Какой позор!!» — звенели у меня в голове и протяжным эхом слова «внутреннего голоса».

— Иди домой и без родителей в школу не приходи! — таков был вердикт строгим голосом требовательной учительницы, — я тебя вынуждена поставить «тройку». Для кого-то сейчас это покажется смешным, но не для меня и тем более тогда.

Я сложил портфель и кивнул брату, чтобы забрал, если чё. Идти домой — «смерти подобно», — думал я. Отсужу два урока, пока закончится четвертый, последний и потом с братом пойду домой. Так и сделал, пошел на стройку, где она в этот момент защищала меня от всех, как «Брестская крепость».

Мысли сверлили голову: мама в это время точно уже пришла с фермы, дома; отцу не дай Бог говорить, боялся. Хотя меня отец за всю жизнь не бил, даже голос сильно не повышал, но говорил так, что хотел лучше умереть на месте, чем вот такое переносить. Было стыдно, не то, чтобы до слёз, до списания всех немалых моих заслуг и в учебе, и в помощи дома по хозяйству, до нуля, до чистого листа моей детской биографии. Только один раз, батя, замахнулся, быстро выдернувшим из брык ремнем, но я смог увернуться, а его внезапный пыл остыл. А было ведь за что. На этот раз, я нашел минометную мину, точно не помню, но примерно 120-миллиметровой и «спрятал», забросив на камышовую крышу курятника. Сейчас смешно, отец-то был вдвое выше меня и всю, что находилось на крыше ему было, естественно видно. Перепрятать же я не успел. Этой мине судьба, как и гранатам и другим взрывоопасным моим трофеям, была predetermined — она подлежала затоплению в туалетной яме. Однажды, я не выдержал и спросил: «Па, а если гах-

нет?» — Нет! — был ответ отца, — дерьмо делает своё поганое дело, сожрёт...»

С братом возвратился домой. На вопрос мамы «как успехи?», на который она особо и ждала ответа и так знала наши способности и успехи, я ответил «хорошо» и поспешил, с особым усердием учить уроки.

Гром прогремел среди ясного неба, когда я, каким-то непонятным чутьем ощутил приближавшуюся «грозу» — бросив взгляд в окно, увидел вошедшую во двор учительницу. В те годы ворот и калитки не было, так как все в деревне жили открыто и дружелюбно, а проход и проезд во двор облагораживали стеночки из сложенного буттового камня, в основном ракушечника. Куда деваться, хоть от судьбы и не уйдёшь, но оттянуть время «казни» попытаться-то можно. Выскочить во двор и спрятаться за постройками и сенниками было поздно. Учительница уже разговаривала с мамой во дворе.

Единственное и часто применяемое место, где можно было притаиться — под кроватью. Я пулей влетел под кровать, успокоив рукой покрывало. Сердце билось, как колокол набата. Мама позвала меня, не услышав отзыва, прошла под комнаты и зная, что я не выходил, заглянула под кровать.

Я стоял перед моей любимой учительницей и испытывал то, что не дай Бог кому-то испытать, такой стыд и позор, какой никогда до этого и после этого за всю мою уже долгую жизнь не испытывал. Не буду даже передавать, что говорила учительница и что я испытывал, готовый лучше провалиться сквозь землю.

Конечно, за свою не короткую жизнь много пришлось испытать конфузов, побывать в ситуациях, при которых было, как минимум неудобно за себя, а по большому счёту позорно, судя по собственноручно представляемой «шкале позора», которая никак не могла быть мерилom для поступков других. Другие подобными поступками

могли даже гордиться, у них были совершенно другие принципы и критерии оценок поступков. В той же начальной школе в параллельном, старшем классе, с которым мы занимались в одной классной комнате, учился Толик, который мог, не зная урока, тянуть руку, чтобы его вызывали к доске побыстрее, где он не отвечал на вопросы учительницы, а развлекал нас своими рожицами, кривляньями и прочим, чем сам наслаждался и получал, как он считал свои заслуженные «артистические бонусы». Конечно, он мог дождаться своей очереди, а учительница, зная его, старалась спрашивать в последнюю очередь, чтобы «не расхолаживать» остальных его клоунадой.

Одно хочу сказать. На 55-летие сельской школы, в которой я учился восемь лет, в просторном зале Дома культуры проходила торжественная часть. Было очень трогательно. Я, как и многие другие, бывшие выпускники школы, попросил слово и со сцены, особую благодарность высказал своей первой учительнице, поблагодарил её за главный урок, за эту единственную тройку, которую она мне поставила за всю учебу в начальных классах. А самое важное в том, что я всегда помнил этот урок и никогда никому больше не врал. Я мог не сказать правды, но соврать — никогда!

Я подарил ей мой первый сборник стихов, которого бы не было, не будь у меня такой замечательной учительницы. Царствие ей небесное. Она не так давно ушла в мир иной. Светлая память сохранится о ней в моём сердце, пока я жив. Можно ли смыть позор, кроме, как кровью — не знаю. Но я сильно старался, поверьте мне. Да и для неё, уверен, что этот случай не стал столь трагическим, как для меня, за её долгую трудовую деятельность. Но, то, что она свою душу вкладывала в свой почётный педагогический труд — это бесспорно. И как сказать, что могло стать в моей жизни определяющим

в выборе профессиональной деятельности, так как я большую часть трудовой деятельности проработал всё-таки не инженером-механиком, имея на это диплом, а педагогом в профессиональном училище и колледже. Как знать?!

Глава II. Всё за одного, а один «против»

Кто меня знал, как школьника, те могут подтвердить, что более адекватного и спокойного ученика, чем я, даже трудно представить. Если и шалил на переменках, как все, то на уроках старался вести себя дисциплинированно, в рамках дозволенного или условно допустимого, т.е. на грани неподобающего. Хотя я и учился в двух школах, сначала в родной сельской восьмилетке, а затем, недостающие для получения аттестата о полном среднем образовании уже в районной СШ №1, п. Матвеев Курган, вам потребуется много усилий, чтобы «под пытками» расспросов всё же выпытать у учителей и моих одноклассников сведения, порочащие моё честь и достоинство. Во, как сказал, в духе патриотизма и лозунгов той поры, что самому понравилось. Но нельзя ни в чём быть уверенным на все сто и, при желании, можно выявить, что и Белый Ангел не такой уж и белый и безгрешный.

Но не хочу богохульствовать, оставлю Ангелов в покое. Лучше уж меня обсуждать, так как брось палку и попадёшь в грешного человека, с той лишь разницей, что степень проступков у каждого своя. Я за долгую жизнь ко всему практически привык. Говорят, что только к одной мысли привыкнуть нельзя — к мысли о смерти. Всё в нашем мире относительно. Если одними мерилками мерить, человек может представляться, чуть-ли не святым, а при-

мени другие — на нём клейма под перечнем плохих дел, скажу мягко — не злодеяний, ставить негде.

Вот так же и вы, с первых слов моего громкого заявления скажите — хвастун. Да, пожалуй, есть немножко. Кто не любит прихвастнуть? Но я знаю людей, которые сначала немного привирая, затем больше, а со временем уже верят в свою ложь и до хрипоты оспаривают свою вымышленную правоту.

Ну, не знаю. Пораспрашивайте, пока есть у кого и обо мне, откройте шкаф, пересчитайте сколько в нём «скелетов». Я не работал в секретных службах, и информация о моем счастливом школьном детстве засекреченной быть не может. И, когда соберёте «компромат», сможете меня застыдить. И это, в отличие от стыда, который может испытывать школьник, если ему это вообще знакомо, будет не то, чтобы сказать — очень чувствительно, это будет убийственно, как выстрел артиллерийского орудия по мухе, «распятой» морскими швартовыми канатами напротив его жерла бронебойным снарядом.

Но, чтобы быть максимально правдивым, то нужно признаться, что всё-таки можно припомнить за десять лет, как минимум три случая, из-за которых пришлось краснеть мне и моим родным. Первый случай я уже довольно подробно рассказал, это был случай, когда я получил за невыученное правило по русскому языку «тройку» и учитель, за этот «аморальный» поступок, отстранив меня от занятий, отправила домой за родителями. До этого я не могу припомнить что-либо подобное, что могло произойти в моем детстве, а главное, чтобы за это мне было так стыдно. Все мы в детстве шалим и шалим так, что родители наказывают даже, лишая возможности сходить в кино или даже ставя в угол, а кого-то, чего греха таить и ремнём отхаживали. Вот чего-чего, а этого и я, и мои братья избежали. Толи родители были гуманистами, толи проступки были мелочными

не «тянули» на телесные наказания. Такого у нас в семье не было.

Вы должны согласиться со мной, что если человек, молодой человек в первую очередь, если мы разговор о школе завели, стыдится своих поступков, значит он не потерял для общества, а недостатки в воспитании, если есть, исправимы. Тем более, что из более, чем 40-летнего трудового стажа, четверть века я проработал педагогом и не раз приходилось, и как классному руководителю, и как мастеру производственного обучения заниматься с проблемными учащимися училища и студентами колледжа, бывать у родителей дома, даже проезжая на своей машине по селам района, где проживали мои подопечные. Но сейчас речь обо мне, как об ученике и проступках, которые я хочу всё же вспомнить и чистосердечно рассказать, как на исповеди, чтобы Большом Суде не смешить этим Великого Судью.

Вот сейчас, вспоминая об этих самых проступках, которые необходимо было осуждать и за них я должен был понести законное наказание и всплывают те, что я пытался «утаить», даже не умышленно, а как говорят, «за давностью времени». Они, возможно, и чем-то необычны, и не столь трагичны, но были же. Как говорят в поговорке, «Был бы человек, а статья, под которую его можно подвести найдётся».

Не секрет, что в наше современное время, время «двойных стандартов» мы так привыкли к тому, что правда с «кривдой» часто меняются местами, в зависимости от того, из чьих уст произносятся.

Ещё один пример, когда в советские годы так называемых «валютчиков и «цеховиков» преследовали, давали большие сроки и вплоть до высшей меры приговаривали. А теперь эти злостные некогда преступления — законная финансовая и коммерческая деятельность негосударственных крупных и мелких предприятий. Люди, хотя их

называть людьми не хочется, вот хапуги — это лучше подходит, пользуясь природными богатствами, которые для «красного словца» иногда называют «народными», торгуя ими, набивают не то, что свои карманы, обеспечивая безбедную жизнь даже своим правнукам. Это вам не советские миллионеры, как Александр Корейко. Их состояние исчисляется миллиардами, не рублей и «кере-нок», а долларов или евро.

Отвлёкся, простите.

Иногда, осмысливаешь поступки, совершенные тобой же в далекие годы, но современными мерками и степень их благородства или скверности может меняться в одну или другую сторону. Вот пример, поступок Павлика Морозова, нам ставили в пример и когда красноармеец, не задумываясь стреляет в своего брата белогвардейца — мы оправдывали. Сейчас, уверен, что Павлика, скорее предателем называют и поступок братоубийцы не оправдают.

Я могу привести пример из своей школьной жизни, когда нужно было делать выбор и в этом выборе я оказывался одинок, среди коллектива класса. А дело было так.

Я учился в седьмом или даже восьмом классе. Любимыми были точные науки, любил физику и математику. Возможно, потому что меня тянуло к технике. Это не значит, что гуманитарные предметы изучал «спустя рукава» — нет, но занимался не с таким интересом.

Физику у нас преподавала учительница, которую звали Евгения Петровна. Она была одинокой женщиной, инвалидом, сухонькая, сгорбленная женщина, хотя ей и 50 лет не было, но выглядела старше своих лет и никогда не была замужем. О таких говорят: «Богом обиженная» и по-человечески её было жаль только от вида, не зная о ней ничего. Но это лично моё отношение к ней.

Мне нравилась физика, нравилась методика преподавания, я с удовольствием получал те знания, в которых у меня была потребность. Учительница была беззащитна и не могла стать кому-то угрозой, чтобы как от других, ученики прятались под партой, отбросив крышку стола (кто помнит, как парты были устроены). Потому на ее уроках было часто шумно, а иногда ученики устраивали беспредел, т.е. делали пакости, чтобы сорвать урок.

Я был противником таких методов «протеста» против возможности получить знания, тем более, когда обиде подвергается человек, уже обиженный, как я упомянул, Богом. Но и быть «изгоем», пойдя против всего класса ничего бы не дало, кроме того, что меня могли просто осмеивать потом постоянно, как минимум.

По обыкновению, учительница в начале урока проводила закрепление пройденной темы, чтобы, используя знания прошлого урока перейти к новому материалу. Сейчас, я, как педагог называю это «актуализация опорных знаний». Неготовность к ответу большинства учеников была продиктована тем, что они на прошлом уроке не слушали, дома прогуляли, не готовились, так как стояла отличная осенняя погода и ещё присутствовала «червоточина», которая проявлялась очень чётко при общении с Евгенией Петровной.

Сначала ученики поднимались и отвечали: «Я не готов отвечать!» Потом, уже с пересмешкой и одобрительным гулом, смехом и повышенной оживлённостью бросали в адрес учителя, но смотря с улыбкой не в её сторону: «Не буду!»

Ситуация раскалилась до предела и подходила к кульминации, нужно было как-то остановить её «бурный поток». Учительница беспомощно помахивала измерительным учебным метром, но это выглядело не столь угрожающе, сколько смешно. Она поняла, что класс таким образом высказывает к ней пренебрежение.

Пренебрежение: за то, что у неё жизнь и так тяжела из-за инвалидности, с хромотой, проблемой с позвоночником и рукой; за то, что её в младенчестве оставили в больнице, не желая возиться с калекой; за то, что она прожила всю жизнь одна, не зная помощи, не зная надежного мужского плеча, как минимум; за то, что она получила образование и имела желание просто учить детей, будущих строителей нашего светлого общества...

Что можно было сделать? Она пробежала взглядом по обезумевшим от восторга, приступов смеха и каких-то, уже не человеческих выражений лиц учеников. И когда она остановилась на глазах стыда за своих одноклассников, сожаления за случившееся и той же безысходности и непонимания, что делать, она поняла, что я — её последняя надежда.

— Саша, ты готов ответить?! — со слабой искоркой надежды.

Я без слов, не стал отвечать с места, вышел к доске, хотя ответ не предполагал каких-то письменных выкладок у доски. Ответ мой был, как всегда полный и содержательный.

— Садись. «Пять» — проговорила учительница и склонилась над журналом, не присаживаясь на стул.

Моя «пятёрка» была окружена в журнале со всех сторон двойками. От этого я ощущал не стыд, я не чувствовал стыда за то, что сделал то, что делал и до этого, ответил на вопрос, который знал и мог ответить. Мне казалось, что эти «двойки», поставленные в журнале, стесняют мою грудную клетку, мою душу. Одноклассники притихли, но теперь их приглушённое шушуканье было обращено в мой адрес.

Учительница не стала объяснять новую тему, видимо поняла, что сегодня не получится, точно. Она взяла журнал подмышку, привычно поправила ремешок наручных часов, которые болтались на запястье из-за удобства её

рук, подтянув их почти к локтевому суставу, подняла голову к классу и сказала:

— Урок окончен! — прихрамывая, вышла из класса.

На какое-то время в классе наступила «гробовая тишина». Только сейчас все поняли, что сегодня что-то случилось. Они не понимали ещё до конца, что именно, но что-то такое, чего раньше не было. Они, скорее всего поняли, что сегодня вели себя не очень красиво. Может быть и не все, а те, у которых в груди билось сердце, а не камень и, несмотря на свою подростковую шаловливость, ростки человечности, изгибаясь под воздействием внешних факторов, тянулись вверх к свету, к светлому и доброму.

Быть добру! — я мог бы так закончить, но у меня есть в «загашнике» ещё два примера, может быть и не столь наглядных — это судить не мне, но также произошедших со мной в разные периоды школьной жизни и сразу после окончания школы.

Глава III. «Жирафа»

Успешно окончив восьмилетку, передо мной не стоял вопрос, продолжать учёбу в школе или поступать в техникум. Моя цель была — однозначно, полное среднее образование получать в школе. Мой старший брат, в это время проходившую воинскую службу в г. Урюпинске, известный на весь Союз некогда, крылатым выражением, обучался в СШ №1, что располагалась в самом центре посёлка и с жильём у него проблем не было. Родная наша бабушка жила в непосредственной близости, как говорят «в двухшаговой доступности».

Знакомить меня со школой и сдавать документы я пошёл, естественно с бабушкой. На это были свои причи-

ны. В те годы иногородние, как правило направлялись на обучение в школу №2, она считалась более «периферийной», чем наша, более цивилизная, «первая». Во-вторых, директор школы, бывший военный, высокий и подтянутый, несмотря на уже солидный возраст мужчина, хоть внушал боязнь от вида, но был «чётким» по-военному в разговоре и, на самом деле, добродушным человеком.

— Варвара Максимовна! — директор приподнялся и своим жестом приветствуя мою бабушку, указал на стулья, — присаживайтесь. Что Вас привело к нам через столько-то лет?

— Да, вот, Андрей Ильич, одного уже внука выучила, другому нужно «десятилетку» оканчивать. Он парень толковый, школу без «троек» окончил и «четвёрок» почти нет, «хорошист» он. И дисциплинированный, паренёк-то.

— Ну, ну! А чего ты голову опустил, боец?

— Так, стесняется, Ильич...

— Нет! Не возьму, как он будет учиться, у него же и языка нет.

Эти слова меня задели, я вскинул голову и посмотрел в глаза директора, с явной обидой, но быстро понял, что он шутит, что было написано на его добродушном, улыбающемся лице.

— Кем хочешь стать? Когда школу закончишь, ещё не думал, где учиться дальше будешь?

— В военное, наверное, пойду. Брат советует, офицером-связистом хочу быть.

— Похвально, сказал директор. А я в артиллерии, почитай всю войну прошёл. «Бог войны», слышал?

Я не успел ответить, директор испугано посмотрел на мою бабушку — она плакала.

— Максимовна, что с Вами?

— Простите, Андрей Ильич! Сыночка вспомнила. Мой Василёк связистом был. В девятнадцать лет слег

от вражеской пули, налаживая порыв связи уже в конце февраля 45-го года. Похоронен там, на окраине г. Губина, в ГДР теперешней.

— Да я помню, Варвара Максимовна.

Я до этого, если и знал, то выпустил из виду, что моя бабушка раньше не один год даже работала в школе техничкой и они с директором, естественно не первый год знакомы.

— А, что же внука Василием не назвали?

— Видимо, дети не хотели, чтобы его судьба с судьбой сыночка повторилась. А вот старшего назвали в честь погибшего в войне дяди, брата моего зятя. Сейчас служит старший внук, как раз связистом.

— Вот она, жизнь-то наша: внуки взрослеют, а мы стареем. Хорошо, так и быть, будешь у нас учиться, раз так.

— Ещё одна просьба, Андрей Ильич, можно?

— Конечно, Максимовна.

— А можно, чтобы внук учился в 9 «А», там классным руководителем, Надежда Ивановна, одноклассница моей старшей дочери Лидии, тоже фронтовички. Она зенитчицей служила. Слава Богу, войну прошла, живёт в Ростове, четверо детей у неё.

— Вот видишь, как тебя зовут? Саша? Саша, видишь, какая у тебя бабушка боевая, а ты тихоня. Небось, в этом «тихом болоте черти водятся»? — выдержав паузу, добавил, — да шучу я, конечно. С периферии, как правило, дети не разбалованы, как наши. Надеюсь, с тебя выйдет толк. Учись!

— Мы поблагодарили директора, откланялись и с чувством решённого вопроса пошли через парк и центр, где бабушка любила продавать тюльпаны на скамье, что напротив универсама, по цене, смешно сказать, по три копейки букет. У неё во дворе было много тюльпанов, их век недолог, и она спешила, не столько

«нажиться» или «озолотиться» на них, сколько предоставить людям радость. Это было время, когда для того, чтобы купить букет хороших цветов, нужно было ехать в город Таганрог. Вот разве, что сезонные тюльпаны и можно было купить, да семечки перед сеансом в кино.

И школа, и бабушкина хатка находились строго по диагонали одного квартала, а потому в неё можно было ходить по двум разным маршрутам с одинаковым расстоянием.

Один маршрут, «верхний» был для меня выгоден тем, что, когда я шёл в школу, на перекрёстке моей уже улицы 1 Мая и ул. Таганрогская встречался с попутчиками и одноклассниками, Сашей, Юрой и Вовой. Саня часто ходил в сопровождении, практически соседа, своим и моим тезкой Саней «Кузей», Кузьменко его фамилия, вообще-то была. И вместе, оставшиеся 300 метров мы шли уже группой. Так же и обратно.

«Нижний маршрут, который мне показала впервые моя бабушка, когда привела меня в школу с документами, был интереснее, но здесь я не встречал своих попутчиков. А в сезон дождей почву в парке «развозило» и потом долго приходилось мыть обувь у входа в школу. Он был тем интересен, что кроме того, что тропа лежала через парк, в нём находился тир, дальше путь проходил через центральную аллею посёлка, где находился кинотеатр «Октябрь» и универмаг.

За универмагом мне нужно было сворачивать направо вверх, где в 100 метрах находилась хатка, даже по тем временам представляющая невысокий, ухоженный, побеленный снаружи домик с двумя крохотными комнатами внутри. Но в нём было очень уютно, возможно из-за того, что комнаты отделала печь, тепло которой и создавало уют.

Получилось так, что я даже не знал, что к 1 сентября, кроме меня в моём же классе будут обучаться ещё два од-

ноклассника-земляка, один из них проживал в соседнем селе, второй в том же селе, но последние два года с нами не обучался, мать переехала в село, рядом с районным центром. Толик же, закончил со мной восьмилетку и определился на квартиру к родственникам в другой стороне от школы.

Ему и в сельской школе заниматься было труднее, чем мне. А тут получилось так, что ему стало «невыносимо», как он сам признался учиться, «двойки», просто «градом» посыпались на голову.

У меня, в отличие от него дела обстояли несколько иначе. Всё зависело во многом от того, кто преподавал эти предметы и частично, повлияло изменение обстановки, наполняемости и состава класса, подход несколько иной к учебному процессу, чем у нас в сельской школе. Нужна была адаптация.

По физике был замечательный учитель, которого все уважали и любили. По математике, учитель хоть и сильно мне приглянулся, хотя и плохого ничего сказать не могу, я понимал, что она мне нужна — нет, не учитель, конечно, математика. И по ней у меня были вполне нормальные оценки. Ну, а дальше всё хуже и хуже. Чего не могу сказать о физкультуре, трудах, где мы изучали тракторы и по окончании получали свидетельства механизаторов — моя слабость и, конечно, НВП — начальная военная подготовка. Вот я и назвал пять своих любимых предметов.

Что касаето химии, то, когда пошла «органика», то я перестал её понимать. А вот, что касаето русского языка, по которому даже на выпускных экзаменах, я четверку с трудом получил, по литературе дела обстояли лучше, но там были другие проблемы.

Кто помнит программы тех лет, то, чего стоит изучение хотя бы произведения «Война и мир», когда учитель требовал прочтения именно томов произведения,

а не так, как многие и я в том числе, покупали хрестоматию с кратким изложением или выдержки тех романов или повестей, которые изучались по программе.

Учительницу литературы по имени отчеству практически никто не называл, а по школе ходило прозвище «Жирафа», видимо из-за высокого роста. Она была стройная женщина лет сорока, всегда серьёзная и беспринципная. Требования, предъявляемые ею, были жёсткими.

Мой земляк, Толик, не доучившись и двух месяцев, бросил учёбу, махнув на всё рукой и, раз он был почти на год старше меня, вскорости пошёл служить в армию.

Я же терпел, стиснув зубы, до головокружения читал пухлые тома произведений классиков, у меня в голове была каша. А что касается произведений наизусть, так с этим у меня проблемы были с самого детства. И только благодаря упорству работы над собой, я достиг определенного равновесия и, если можно сказать баланса в оценках средним баллом, в котором стала оценка 3,5. Да, двойки, конечно проскакивали, но не редки были «четвёрки» и, изредка» даже «отлично» стояло в дневнике, который добросовестно проверяла бабушка и за родителей расписывалась.

Конечно, можно было её в чём-то обмануть, не сказать, не показать, но я этого не делал. У нас были доверительные отношения, старался её меньше огорчать.

Сложность подготовки к урокам была еще в том, что в одной комнате, который считался залом и был размером 3х3 или 3х4 метра, дважды в год, а по сути, кроме лета, когда я на каникулах, бабушка брала ещё двоих парней, которые обучались на курсах водителей.

Комната имела два окошка вперёд, но раз хата стояла к улице не фасадом, а боковой стенкой, то окна выходили в палисадник, ещё одно окно у моей кровати выходило в маленький дворик и из него была видна через огород

соседей соседняя улица Садовая, за которой начинался парк. Один парень спал напротив на кровати, а второй в проходе на раскладушке. Утром её, конечно убирали, иначе в комнате вообще не повернешься.

Любимым занятием моих сожителей по комнате была игра в карты. Под настроение, бабушка тоже была не против «забить» партейку-другую в «дурачка». Тогда им нужен был четвертый. Я старался, пока они отсыпались после занятий или учебного вождения или были на занятиях сделать хотя бы письменные задания. С устными было проще, можно бы упасть на кровать, отвернуться к окну, свет от лампочки в центре комнаты при этом освещал мне текст и, если мог сосредоточиться в таких условиях, то мог подготовить на завтра устные задания. Благо, что ежедневно в ДК демонстрировались фильмы, на которые я ходил реже, по понятным причинам, а будущие водители чаще.

Но у меня с самых начальных классов была хорошая привычка, я запоминал рассказ учителя и мог пересказать его своими словами. А учить что-то наизусть, как было проблемно, так и осталось.

Короче, месяца за два я хорошо притёрся и среди одноклассников и учителя успели понять к какому разряду меня причислять, если что: к благонадежным или неблагонадежным.

Думаю, что чаша весов в то время перевешивала в сторону благонадежности. Что касается успеваемости, то среди четвертных оценок, маячили 3—4 «тройки» железно. И, если сравнивать с текущей успеваемостью в первый месяц обучения, было очень и очень неплохо, если учесть, что и пятёрок где-то столько, что создавало скользкое равновесие в сторону «условного» хорошиста.

Я не был: скандалистом или безропотным исполнителем чьих-то указаний, даже, если они противоречили моим принципам; сплетником или доносчиком и чьим-то

любимчиком-подлизой; активистом в классе, так как был им в сельской восьмилетке. Я просто был «средне-статистическим» учеником и по успеваемости, и по дисциплинам, по дисциплинам даже выше среднего.

С одной стороны, в то время, если что-то натворил бы, родители, если и узнали, то далеко не сразу. Правда, бабушка могла быть об этом осведомлена, встретившись с классной руководительницей или каким-либо знакомым учителем. Но и не поэтому я старался вести себя тихо и адекватно, а потому, что я был таковым с детства, так воспитал, а волю эмоциям мог дать только вне школы после занятий.

На этот раз к уроку литературы, на который «Жирафа», наш учитель, так нас настрашала и угрожала, что эта оценка может сказаться даже на четвертной, что к четвертому уроку класс не уходил даже по обыкновению на перерывы, все эмоционально обсуждали, какие «контрмеры» мы могли предпринять. После недолгих диспутов, даже путем голосования было решено всем до одного бойкотировать урок. Если кто останется на урок, тому будет всеобщее презрение.

Отношение к учителю и к той мере протеста, против её, как нам казалось «беспредела» было практически единоголосным, с единственной разницей, что кто-то решил в школу сегодня уже не возвращаться, а таких были единицы и те, которых было большинство и я в том числе, планировали прогулять всего час, с учётом перерыва и явиться на последний урок. У нас не было в планах срывать урок того учителя, отношение к которому было у нас больше, чем здоровое.

План строили на ходу. Выйдя из школы, прошли через парк, где частично потоки распределились по группам, а основной, изъявив желание спуститься к речке Миус в районе моста, чтобы полюбоваться осенними красотами. Никаких «переборов» или «перегибов», типа

«по пивку» или «по пять капель» не было. А о таких вещах, как «косячка забить», тем более «ширнуться», то мы таких понятий не знали. Слова «оттопыриться» или «поймать кайф» были не из нашего комсомольского лексикона.

Мы гоготали, радуясь «свободе», которую приобрели, хоть и ненадолго, возможности пообщаться вне школьных стен, порадоваться прекрасному дню уходящей осени. Было солнечно, но уже свежо и Наташа, живущая совсем недалеко от речки, пригласила всех на 20 минут послушать живую музыку. Она играла на пианино, я об этом не знал. Скажу больше, что то исполнение, которое я услышал в этот день, было моим первым знакомством с живым звуком клавишных инструментов.

Конечно, я знал и много раз слышал звук баяна на свадьбах, струнных инструментов, гитары, балалайки и мандолины (учительница музыки совсем неплохо владела ими), но игру на пианино вот так запросто, даже не в концертном зале, а в тесной, как говорится, дружеской обстановке, впервые. И это, я сейчас больше, чем уверен, несовершенное исполнение молодой 16-летней девушки оставило в моей душе такой глубокий след и просто отчетливое понятие, что собой представляет именно «живая музыка». Я был в восторге и радовался, как дитя. Я был счастлив, что мне предоставилась такая возможность и пусть после этого что угодно будет, но этот день я запомню на всю жизнь, даже, если я через три-пять-десять лет стану известным музыкантом.

Я не стал музыкантом и это замечательно, что ещё раньше мне «на ухо медведь наступил». Если бы не это, то и Наташины вариации для меня не были бы, возможно, тем счастливым чувством, которое я испытывал.

Мы возвращались, стараясь не опоздать на последний урок и все были в настроении, и никому в голову

не могло прийти то, что нас ожидало. Еще войду в школу, мы почувствовали какое-то странное предчувствие. Поднялись на второй этаж и направились налево, в восточное крыло здания, где крайним был кабинет НВП и наш учебный класс одновременно. В классе у доски стояла классный руководитель, Надежда Ивановна, за столом сидела зауч.

Две пары глаз, бурлившие нас насквозь, без малейшего намека на «розыгрыш», что прослушивалось в «железе голоса», приказали всем остановиться у доски. Нотации были непродолжительные и в заключении прозвучало:

— Всем идти за родителями! И сегодня же, чтобы они явились сюда в школу, для того чтобы узнали, что творят их дети, на которых они, наверняка возлагают надежды.

Кто-то дернулся за портфелем, но его движение резко оборвали окриком со словами:

— Портфели вы заберёте только тогда, когда придут родители. Без родителей вам и завтра в школе делать нечего.

Возможно, что те, кто, забрав портфели и не явились вообще на последний урок, были самые несерьезные ученики, от которых педагогический коллектив школы не возлагал надежд и могли ждать всего, чего угодно, были самые, как бы сейчас сказали «прошаренные». Но, уверен, они тоже этого не могли предусмотреть, так как могли и без общей акции «неповиновения» уйти с последнего урока, как не раз это делали.

Но, а мы, костяк, даже так можно сказать класса, а ни у кого не нашлось прозорливости предвидеть «подводные камни». Нет, не были мы Алёшиными, Корчными или Спасскими и не могу просчитывать ситуацию больше, чем на два хода. Как говорят, «каждый опыт и неудачный — есть опыт, который чему-то учит».

Мы хотели преподать урок учителю и преподали. Какими были оргвыводы на педсовете или общем собрании

учителей школы, мы не знаем, но то, что наш, тихий, без шума и крика протест в форме игнорирования учителя, путём срыва урока, рассматривался там однозначно.

В тоже время мы получили свой «внеклассный» урок и тоже сделали выводы, каждый свой и в меру своего склада ума, характера, темперамента и эмоциональности, в зависимости от пытливости юношеского мышления и умения анализировать факты и делать правильные выводы. Это вам не «матанализ», господа. Это больше. Это первая попытка протеста против того, что, по нашему мнению, могло сломать нас, как личность и умение делать правильные выводы и стараться впредь не совершать необдуманных ошибок.

И сейчас мне приходят на ум только слова великого А. С. Пушкина:

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.

Как мне стыдно было говорить бабушке, что её приглашают в школу по поводу моего неадекватного поведения. И не говорить не мог, так как в этом случае мне пришлось бы ждать еще три дня до выходного, ехать домой, объяснять родителям что и как, а они в свою очередь решить вопрос с подменой на работе. Короче, мне целую неделю были бы обеспечены каникулы.

А ещё могли бы, как самого неисполнительного ученика «пропесочить» в стенгазете, тогда хоть еще неделю в школу не ходи. Целые каникулы и не осенние, а зимние вышли бы.

Долго я готовил бабушку, но она, не раздумывая, с причитаниями, но всё же пошла, причитая по дороге и спеша за мной, как она сказала:

— Веди, разгильдяй! Глаза бы мои тебя не видели. Дожила на старости-то лет...

И хорошо и плохо было то, что беседовала с бабушкой, её давняя знакомая, ещё будучи девушкой и подружкой её старшей дочери, моей тёти Лиды.

Лет шесть, после случая с «тройкой» по русскому, я не испытывал никогда такого стыда, унижения и одновременно непонятного чувства, которое толкало меня взять «последнее слово» для оправдания, перед вынесением вердикта «суда», но зная, какая может быть реакции бабушки, не стал испытывать судьбу. Стойко перенес и принял, как доброе все порицания и когда у меня спросили, если что сказать, не стал оправдываться и обвинять кого-то, а ответил кратко:

— Постараюсь совершать поступки, за которые, бабушка, вам краснеть не придётся, как мне подскажет совесть.

За комсомольскую честь и совесть, о которой мне напоминали, речи не шло. Я говорил о своей гражданской совести, гражданина Великого Советского Союза, будущего строителя коммунизма, до построения основ которого, если можно было верить девизам Н. С. Хрущева, оставалось 10 лет.

Во, заживем, — думал я ещё, когда в учебниках появились красивые, обещающие картинке, где говорилось о бесплатном обучении, здравоохранении, проезде на транспорте, продуктах питания, все должны быть обеспечены жильём и пр. Вот только о совести, чести и достоинстве ничего не было сказано ни слова. Ну, да ладно.

Справедливости ради нужно сказать, что наш протест всё же пошел на пользу, учительница старалась соответствовать в своих требованиях к нам в плане требований к компетенциям, предъявляемым к выпускникам школы, к тому, что мы должны знать и уметь и критериям оце-

нок. Проще говоря, двухсторонние отношения улучшились.

С одной стороны, я понимаю учителя, если смотреть на эти вещи, применяя поговорку «За одного битого двух небитых дают». И в этом есть здоровое зерно. А с другой стороны «нездоровые отношение» где бы они не возникали, никогда ни к чему хорошему не приведут, кроме негатива и взаимной неприязни.

Глава IV. «Испытания на прочность»

После того, как старший брат пришел из рядов вооруженных сил, а случилось это тогда, когда я перешел в десятый класс и рассказал об интересной службе, причём упор делал на том, какая бесподобная служба у офицеров. Он настойчиво уговаривал меня:

— Ну, что ты теряешь? Будешь одет, накормлен, служба те то, что у строевиков на плацу, подумай. Будешь сидеть где-то и командовать взводом или ротой РЛС (радиолокационные станции) и на пенсию в 45 уже выйдешь. Что ты теряешь, брат? Я бы тоже пошел, но не поступлю. А ты учишься неплохо. Не пойдешь — пожалеешь!

И уже с осени этого года, после очередной медицинской комиссии в военкомате, я, завив о своем желании, начал готовиться к поступлению. Заполнял многочисленные формуляры в военкомате, писал автобиографии и прочее. До 1 апреля нужно было уже подавать документы через военкомат. Интерес выбора именно этого военного училища был продиктован ещё тем, кроме того, что меня привлекала сама по себе радиосвязь, будь то радио или телевидение, оно размещалось в г. Новочеркасске, всего в 120 км от дома и ещё славными традициями столицы донского казачества.

Из класса у нас после окончания школы собирались поступить в различные военные училища человек 6—7, в авиационные, Рязанское десантное и другие, достоверно знаю о трёх поступивших. Но обо всём по порядку.

Сдача выпускных экзаменов и, собственно говоря, их результаты на итоговые оценки в аттестате не влияли. К сожалению, я это узнал только тогда, когда получил документ на руки. Наивный я всё же был, когда, как в спорте, думал, что сделаю финишный рывок, успешно сдав экзамены и повышу средний балл, которые стали также учитывать при поступлении в ВУЗы и военные училища в том числе.

О том, как я учился, я рассказывал. Скажу больше, порой считал лишним «выкладывать все козыри на кон», а вдруг они понадобятся позже, как бы хотел сберечь силы. Вы смеетесь. И правильно делаете, я потом над собой тоже от души смеялся.

Сдал я все экзамены школьные, кроме химии и иностранного языка на «отлично», а итоговые были всё те же «четвёрки» и даже «тройки». Средний балл чуть не дотягивал до «четверки». Но это не смертельно. Никто тогда, при поступлении знать не мог какой будет набор, конкурс на место и какой балл станет «проходным». Теперь важно было вступительные экзамены сдать не хуже школьных.

Ехали мы поступать в Новочеркасское высшее военное командное Краснознаменное училище связи (НВВККУС) втроём, кроме меня, парень с параллельного класса, Петя, спортивного телосложения, что я отдыхал и паренёк из сельской школы, Лёха, этот отдыхал по форме физической подготовки и от меня, уж сильно хил казался, но комиссию прошёл, значит — «годен».

Я впервые был в Новочеркасске. До этого всего дважды был в Ростове, в 10 лет на цирк мама возила и второй раз в 14 лет, мама взяла меня в поездку к старшему

брату, который служил в г. Урюпинске в войсках связи. Теперь я подумал, видимо это и есть судьба. Городом нам не пришлось долго любоваться. Всех абитуриентов собирали в с. Казачьи лагеря, в 20 км от г. Новочеркаска. Туда можно было доехать и электричкой, и автобусом.

Что представляла в то время территория, на которой мы находились. Довольно просторная территория, на которой были капитальные строения: администрация или вернее, наверное, сказать, командование; здание столовой; учебный корпус; санчасть, ну и все важные объекты я перечислил. Территория была обнесена колючей проволокой, на въезде оборудована КПП.

Примерно посередине был сооружен палаточный городок, в который нас и расселили по военному расписанию: роты, взводы, отделения. В каждой палатке размещалось отделение, которому присваивался, естественно номер: «первое», «второе» и т. п. Командиры взводов были курсанты, отучившиеся в училище 2—3 года, имели уже сержантские звания и находились здесь на стажировке. Ротами командовали, офицеры, видимо преподаватели или специалисты по специальной подготовке.

Сначала всё было безумно интересно, пока не пошли дожди. А с дождями, кто находился в брезентовых палатках, тот знает, как в ней переносить дождь, жару или комаров. И не знаешь, что из всего лучше всего. Наверное, самое противное — это нашествие комаров.

За нами, если стоять лицом к КПП, располагалась река Грушевка, а слева село, откуда особенно вечерами, слышались голоса, шум, гам, лай собак и грохот техники. За КПП, чуть левее, располагался остановочный пункт электропоездов. А в ночное время можно было наблюдать за освещенными окнами скорых и пассажирских поездов в сторону г. Москва и в обратном направлении на г. Ростов и на юг.

За железной дорогой располагалась лесополоса, отделяющая её от автодороги в направлении г. Шахты и г. Новошахтинска на север. Между нашим палаточным городком и ограждением из колючей проволоки был пустырь с растущими беспорядочно деревьями и в конце, напротив остановочного пункта размещался довольно густой кустарник, преобладал в котором терновник.

В свободное для подготовки время, нам разрешалось гулять по территории и были указаны ограничения куда нельзя заходить, кроме колючей проволоки. Лето, как и полагается, для южных широт, где находилась колыбель донского казачества, было знойное. Лично я различаю три пункта неразрывно связанных с рождением и развитием казачества на Дону — это в первую очередь станица Старочеркасская — основанная в начале 16 века, г. Новочеркасск, куда впоследствии перешла столица и Казачьи лагеря — летние стойбища казаков, где проводили сборы казаков и военнообязанных, а также велась переподготовка личного состава.

Кроме подготовки, конечно же мы знакомились друг с другом, узнавали больше об их малой родине. Вечером, придерживаясь распорядка, собирались в кругу, где кто-то из нашего отделения прихватил из дому гитару. Вот это было истинное наслаждение. Говорили, конечно, о Высоцком, о группе Битлз, о политике, обо всем.

Засиживался с нами и взводный. И в один вечер, не сдержался и рассказал нам одну страшную историю, от которой немел разум, не желая принимать сказанное за действительное. Он начал свой рассказ с того, а что вы знаете о столице казачества. Ну, мы наперебой рассказали то, что мы знали на уровне программы предмета «Край родной», кто-то чуть больше.

— А кто знает, какие события происходили ровно 10 лет назад? Не знаете? — может и мне не стоило говорить, но, если будете язык за зубами держать, то расскажу.

Мы оцепенели. Что могло произойти, чтобы это было какой-то военной или другой тайной.

Сержант начал нам рассказывать то, что ему рассказали старшие курсанты и так по цепочке пришла и его очередь раскрыть какую-то тайну.

— В 1962 году, во время правления Никиты Сергеевича Хрущева, Совет министров предложил, Политбюро одобрило и так «по цепочке» Указ о повышении цен на продукты питания, кроме того, были приняты постановления о снижении уровня заработной платы рабочих.

Рабочие НЭВЗа, в свою очередь, недовольные этим пошли мирной демонстрацией с протестом сначала к зданию заводоуправления, а получив отказ в своих требованиях, решили обратиться в горсовет...

Мы, открыв рты слушали ту правду, которую, если кто и знал, то молчали из-за «подписки о неразглашении». Получается, что «кровавое воскресенье» было не только 9 января 1905 г., но и то, что произошло в Новочеркасске 1—3 июня 1962 г. Точных цифр убитых и пострадавших сержант не сказал, но поведал истории, рассказанные свидетелями тех страшных событий. Особо меня покорило даже, когда прозвучало, что в расстреле мирных граждан принимали участие сотрудники КГБ, милиции и армия.

Последнее мне врезалось глубже всего в разум — солдаты стреляли в мирных людей, те, которые стоят на защите рубежей и мирного труда народа стреляли?...

Мы понимали, что это делалось по приказу командования, но жертв трагедии никогда не вернуть и доверие к правоохранительным (как звучит хорошо) органам и военным, как вернуть?

Какая «капля дёгтя» упала в «бочку мёда», которую я ещё не открыл, а взялся открывать, думая, как это сделать лучше. После этого рассказа, какое-то время веселые модные песни не пелись, душа их не могла воспри-

нять, была заполнена тяжелым грузом и нужно было время для его разгрузки. Постепенно рассказ про страшный события забывался и этого еще требовала подготовка к экзаменам.

Каждый готовился по-разному, я применил очень действенный вид шпаргалок, которые я готовил на точные науки, математику и физику, где важным было и для доказательств, а еще больше, при решении задач формулы. Я писал только формулы и всё. Кто-то писал шпаргалки по старинке на небольших листиках-записках, кто-то делал из лент «гармошки», они были более компактны. И я вспомнил, как наши девочки в школе писали «шпоры» ручкой прямо на бедрах, если они полненькие аппетитные, то там много чего помещалось. Оставалось только поднимать полу платья выше и им хорошо, и нам, пацанам приятно было наблюдать это «эротическое шоу» прямо на экзамене.

Я писал «шпоры» на гранях простых шариковых ручек иглой. Вы не ослышались, царапал иглой формулы. Иначе говоря, Левша, после этого просто посапывал обижено в сторонке. Сейчас не помню откуда я взял эту технологию, но она меня устраивала потому, что у меня знания были свежи хорошей подготовкой к экзаменам в школе, а это больше для уверенности и, не дай Бог, если растеряешься в такой новой обстановке.

Вот сейчас сию и думаю, как можно было писать на гранях, шириной не более пяти миллиметров иглой, которая, наверняка дрожала в руках и вонзалась в левую руку, которой я её держал, «двухъярусные формулы», но получалось же. Жаль, что такой шедевр не сохранился для потомков.

Распорядок у нас был, конечно, военный: подъем, время на туалет, физзарядку, строем на завтрак и обратно, ... Не помню через сколько дней был первый экзамен, но весь процесс сдачи продлился 3—4 недели.

Первым и самым волнительным, потому что в таких условиях и для достижения заветной цели были впервые. Здесь много значил настрой. Честно скажу, что волнения были, но я был в себе уверен. Когда брал какой-то устный вопрос, к примеру, мысленно отвечал на него, а потом открывал учебник и сверял или для контроля просил кого-то уделить мне пару минут и был доволен результатом. Это меня и успокаивало.

На экзамен шел уверенным. Но на первый всё-таки волнение было естественно, сравнительно небольшое. Математику письменно написал блестяще. После того, как сдал работу, только подмена её могла испортить мне оценку. Когда объявили результат: у меня «отлично», у Лёхи «удовлетворительно», у Пети «неуд». Петя с нами распрощался, пожелал удачи и уехал в родной Матвеев Курган. Мы вдвоём продолжили «забег».

Второй экзамен подкосил Лёху, после «шарабана» по устному экзамену по математике, я проводил и его домой. В наших палатках появились свободные места и по лицам некоторых из них читалось такое же беспокойство, как у участника розыгрыша лотереи — выпадет или не выпадет счастливый шар. Но в экзамене присутствует лотерея только в том случае, если успел, скажем вызубрить половину билетов и мечтаешь, чтобы именно те вопросы попались. Но, теорию вероятности никто не отменял, счастливики были, но все больше тех, как и в настоящей лотерее, выпадал лишь «бублик». Моя уверенность укрепилась, после второй «пятерки».

Немного отступлюсь от экзаменов и расскажу какие нас еще ждали испытания, кроме них. Кто помнит, в СССР в 1970 году свирепствовала эпидемия холеры. Много случаев было в южных городах страны, в Одессе, Херсоне, Астрахани. Не помню, где заразился, но умер в г. Таганроге летом этого года на 45 году жизни Герой Советского Союза, уроженец моего село Парамонов Па-

вел Денисович. Почему я об этом пишу подробно. Есть два «потому что». Первое, когда я буду через несколько дней писать сочинение я выберу тему о Героях земляках.

А о второй причине расскажу еще подробней.

Мне предстояло пройти ещё одно испытание, и оно совершенно не связано напрямую с экзаменационными испытаниями, но так или иначе повлияло итоговый результат, однозначно.

Хоть и прошло со времени тех страшных событий, холеры в южных городах страны. А то, что эпидемия не разнеслась, как в настоящий, насущный и тревожный момент с пандемией коронавируса, в этом огромная заслуга советской медицины и оперативность принятия организационно-административных мер на всех этапах и инстанциях.

Вот действительно, могли же оперативно принимать меры в те, «застойные», как привыкли говорить времена. Мне кажется (креститься не буду), что случись эта пандемия в те годы, с ней бы покончили так же быстро, как и в Китае.

Не беру Китай. Южная Корея в этом году может быть примером, как нужно бороться с эпидемией. В первую очередь ответственное поведение граждан — часть культурной традиции, когда каждый помнит о личном пространстве другого и старается поступать так, чтобы не нарушать общественную гармонию. Такой образ мысли очень помогает во времена кризисов, потому что диктует поведение во имя общего блага. Во-вторых, их высочайшая компьютеризации не только процессов, но и всех жизненных аспектов граждан.

Упаси Бог, если что-то у них, как и в Китае, ослушается и нарушит рекомендации Минздрава или, как у нас Роспотребнадзора. Их ждёт неминуемое и незамедлительное наказание. Неважно, денежным штрафом или сроком заключения. Важна великая сознательность

граждан. Как у нас сейчас, вы сами все видите и знаете.

Возвращаюсь в лето 1972 года. Казачьи лагеря. Возможно, опасаясь возобновления эпидемии холеры или дизентерии, на всей территории лагеря, кроме информационных бюллетеней развешенных везде и всюду, нам постоянно проводили инструктажи и напоминания, что «льзя», а что «ни-зя».

В чём заключались «ни-зя»? Нельзя было принимать передаваемые каким-то образом на территорию лагерей передач со свежими овощами и фруктами. Мыть руки необходимо было только в общих рукомойниках, установленных на улице и имеющих общую емкость, приподнятую для создания самотёка и множество точек для умывания с пимпочками, замыкающими конусной частью истечение воды, а ниже располагалось под уклоном корыто-желоб для стока воды. Всё вспомнили, если были в те далёкие времена в пионерском лагере, там тоже такие устанавливали.

Но важно то, что умывальник пополняли водой и при этом не забывали обильно добавлять туда хлорку. Хлоркой пахло, если можно так назвать запах и действие на глаза, выедавая их буквально. Но это цветочки. А ягодки в том, что нам запрещалось пить какую-либо воду вне питейных бачков. Многие помнят оцинкованные 40 литровые емкости, с установленным в нижней части краном. Туда заливалась вода для питья и тоже бросали изрядное количество хлорки, и никто не задумывался над дозировкой, насыпали по принципу «кашу маслом не испортишь».

Я вспомнил тот отвратительный вкус и запах, меня передернуло от этого и стошнило. Жара невыносимая, пить хочется и пили, конечно. Не буду судить, чего в этом больше; вреда или пользы, но выжили же.

К нам уже предъявлялись требования, как и к военнослужащим, с той лишь разницей, что они приняли

присягу, а мы нет. Но это правильно, нужно было постепенно приучать к воинской дисциплине, азы которой мы уже прошли на занятиях в школе по начальной военной подготовке (НВП). И, если к тем знаниям, добавить те, что мы получили за месяц пребывания в лагерях, то слаживалось уже, хоть смутное, но представление о будущей службе в рядах ВС СССР, хотя бы рядовым.

А время неумолимо двигалось вперёд. Мы здесь начали себя представлять, как в соревнованиях «на выживание», подобно популярным на телевидение играх «В порт Бояре» или «на необитаемом острове». И это добавляло в кровь адреналина, бесспорно.

Физика была моим любимым предметом и я шёл на экзамен, поднимая дух моим товарищам, подбадривая их тем, что «половина пути позади, нужно собраться, без волнения, так как волнение — плохой помощник на экзамене» и мы строим, кто, как на праздник, а кто, как на эшафот шли в учебный корпус, где нам, хоть и привычно по устному экзамену по математике, нужно было вновь в режиме, как сейчас говорят «онлайн» доказать экзаменатору свою пригодность к освоению новейших образцов военной техники.

Я не был излишне самоуверен. На первых двух экзаменах, если и присутствовало волнение, то из-за неизвестности процесса, новой обстановки, требовательности экзаменаторов и критериев к оценкам, а вдруг они завышенные намного, чем для школьников-выпускников в школе.

Оказалось, что здесь тоже люди сидят на стульях экзаменаторов, только в военной форме и погонах с различным офицерским званием, чаще старших офицеров. Экзаменатор, которому мне выпало объяснять устные вопросы и ход решения задачи, а затем без запинки ответить на 3—4 дополнительных вопроса, улыбаясь, без раздумий поставил в ведомость оценку «5», спросив, как-бы не по уставу:

— Есть желание стать военным?

— Так точно! — стараясь в меру громко, но, чтобы не мешать процессу диагностики «остаточных» знаний абитуриентов, пытаясь доказать, что командный голос уже отработан.

Майор, ещё шире улыбнулся и по-отцовски пожелал:

— Будешь! Успехов!

Какой сегодня был прекрасный день для меня, хотя погода была, как и вчера и позавчера, ничего примечательного. Но у меня он был замечательным, настроение поднялось выше флажтока на площадке для построений. Ещё на одну ступень я успешно поднялся, оставалось сделать «финишный рывок» и цель достигнута.

И тут, как я не раз повторялся «на самом интересном месте...»

Начать этот раздел главы мне так хочется, что даже руки зачесались, с высказывания Фаины Раневской, моей землячке, из Таганрога, обладающей прекрасным чувством юмора. Она любила шутками отвечать на серьёзные вопросы. Ну, вот, к примеру:

«Всю свою жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй».

И ещё одно высказывание в тему, если позволите:

«Если больной очень хочет жить, врачи бессильны».

Ну и совсем этически нескромное высказывание... Хотя кто это говорит? Человек, совершающий аморальные поступки, которые лучше проступками назвать. Так и быть и это скажу. А, если серьёзно, то по сравнению с тем, что позволят себе литераторы современные, режиссёры, артисты эстрады, отчего и уши вянут и глаза из орбит вылазят, высказывания, во-первых, не мои и во-вторых, что они столь безгрешно-наивны, что вы меня не осудите за это.

Раневскую как-то спросили:

«Фаина Георгиевна, как ваши дела?»

«Вы знаете, милочка, что такое говно? Так вот оно по сравнению с моей жизнью повидло», — отвечала без раздумий актриса.

Вот на этой ноте и начну повествовать о немаловажном случае, который произошёл со мной «на самом интересном месте...», как я и хотел настроить читателей, прямо в канун подготовки и сдачи последнего вступительного экзамена. А случился неожиданный и очень неприятный казус.

Вот точно не помню, из-за чего всё произошло. Толи нас, оставшихся в гордом меньшинстве «участником гонок на выживание», решили накормить чем-то вкусненьким или, чтобы быстро портящиеся продукты не пропали, может быть, даже начали пропадать, или кому-то передали всё-таки «с воли» что-то недозволенное, но это имело эффект и какой. У меня с детства желудок отличался от утиного не только тем, что не мог проглоченные монеты переваривать, даже специфическую пищу и в случае несовместимости принимаемой пищи не воспринимал, как нужно — сопротивлялся, как только мог, начиная от резей и заканчивая диареей, хотя у нас в простонародье её называют более понятным и от того неприятным названием, которое для «ясности» сознания и меньшего засорения памяти грязными словами из разговорного лексикона. Хватит, что я Раневской «крылатые» изречения привёл.

Чтобы подготовить вас к этому случаю я и говорил много раньше о санитарных мерах в лагерях, направленных как раз на предотвращение таких вот случаев. Как говорят сейчас, «где-то система дала сбой». Возможно, что и сам тому стал виной, расслабившись, под впечатлением успеха. Вполне возможно, не отрицаю.

С оперативность, о которой я вам рассказывал, меня изолировали в отдельную палату санчасти, в лазарет. Передачи от продуктов до учебников или тетради для напи-

сания шпаргалок, хоть я их и не собирался их писать, ничего нельзя было приносить и передавать мне в палату. Вот так подумал сейчас, а чем она от палаты в психушке отличается и понял, что почти ничем, но там общие палаты, а у меня одиночка, лазарет, мало чем отличающийся от тюремного «карцера».

Можно только представить, как невыносимо долго тянулось время в душной палате с не отрывающимися окнами и маленьким вытяжным вентилятором в верхнем углу рамы, вместо стекла. Стекла окна наполовину были закрашены краской, а если стать на кровать, можно было видеть пустой двор с тыльной стороны санчасти. Все описанные мной ранее строения располагались с обратной стороны санчасти. И от этого было в разы тоскливее. Мой старший внук, если бы ему это рассказать, и при условии, что он внимательно слушал бы, после этого рассказа сказал бы мне, как в анекдоте: «Деда, так ты „динозавр“, что и по сотовому ни с кем пообщаться нельзя было или СМС отправить?»

Да, времена и годы. Как шагнул вперед прогресс, с развитием телекоммуникаций, то есть тот профиль, по которому я имел желание получить военную специальность. И, мало того, что на 25 лет вперед был обеспечен престижной, а в одно время, даже презираемой работой, с нищенской зарплатой, тяготами и лишениями, а после, опять был поднят престиж военных профессий. Да и на гражданке с такой профессией можно было найти работу, думаю.

А в то время я еще думал, у меня из головы не выходили рисуемые воображением картинки: вот я, молодой лейтенант, которому было доверено охранять мирный труд и покой граждан, команду взводом солдат, которых бросили на усмирение восставших рабочих. И на этой рисованной моим больным воображением картине, я не вижу генералов и полковников. Я только

вижу шумную толпу простых рабочих с лозунгами и плакатами, на которых их требования. У меня перед глазами стояла картина, что лица возмущенных людей скрываются за огромным плакатом, на котором крупными буквами написано: «МЯСО, МАСЛО, ПОВЫШЕНИЕ ЗАРПЛАТЫ».

Я слышу в наушники ротной радиостанции истощенный крик командования «...остановить любой ценой... стреляйте, лейтенант... я вас под трибунал...». Холодный пот прошибает меня, выступает на лбу и затылке. Голова сейчас расколется, как перезревший арбуз от малейшего толчка извне. Нужно срочно принимать решение или толпа сомнет меня и моих подчиненных, выставивших на изготовке автоматы в сторону, уже даже не протестующих, а огромного на всю площадь плаката. Но за ним-то люди, мирные люди, у которых дома сидят голодные дети и просят кушать, труженики, которые своими мозолями зарабатывали себе на хлеб и беззаветно любили эту Родину, руководители которой приказали в них стрелять.

Как можно стрелять в тех, кто менее, чем 20 лет назад ценой здоровья и пролитой крови на своих руках принесли Великую Победу, подняли из руин страну, восстановили и вновь построили заводы и города, своим добросовестным трудом делали свой вклад в строительство развитого социализма и не их вина, что «забуксовала», принятая ещё И. В. Сталиным программа планомерного снижения цен на продукты питания и, то, что пошла череда неурожайных лет, и, как обухом по голове резкое повышение цен, снижение расценок на выполняемые работы и повышение норм выработки... Какая могла быть реакция рабочих, если администрация завода их грубо «отфутболивает» со словами «Нет денег на пирожки с мясом — жрите с ливером»?

Чтобы я мог сделать в этой ситуации? Смог бы, как генерал Матвей Шапошников, Герой Советского Союза,

заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом, не подчиниться приказу сверху стрелять по движущейся колонне из танков, ответив, что не видит перед собой такого врага, против которого стоит использовать бронетехнику.

В противном случае жертвы исчислялись бы не десятками, а тысячами. И этого не произошло только благодаря тому, что генерал, взяв всю ответственность за неисполнение приказа на себя, спас тысячи людей. И мало того, хотел предпринять попытку полностью исключить жертвы.

Увидев рабочих,двигающихся прямо на него, генерал отдал приказ своим частям, согласно которому всё огнестрельное оружие должно было быть разряжено, а боеприпасы сданы командирам рот для предотвращения чрезвычайных происшествий.

Но, кроме подразделений, подчинявшимся ему были другие, были еще сотрудники КГБ и милиции, снайперы, залёгшие на чердаках зданий с хорошим обзором площади. И жертв, естественно, полностью избежать не удалось.

Только значимые заслуги помогли Герою Советского Союза Матвею Шапошникову избежать уголовного преследования. Умер генерал в 1994 г. На его могиле в Ростове-на-Дону был установлен памятник, на котором выбиты следующие слова: «У каждого есть своя война и свой Новочеркасск, но не каждый выходит из них так, как Матвей Кузьмич Шапошников».

Мог бы я, нарушив Воинский Устав и приказы вышестоящего командования, в случае повторения такой чрезвычайной ситуации, как генерал Шапочников, потерять перспективную карьеру и, возможно даже, свободу пойти на путь предательства интересов Родины и социалистического строя, ради спасения людей? Ох и вопросик я себе задал. У меня от воспаления и так температурило, хоть

и давали микстуры и кололи уколы. Кроме того, июльская жара днём с душными ночами давала себе знать и плюс к тому вот этот «мозговой шторм».

Время подумать у меня было в излишке, отвлекаться было нечем и потому душа моя болела невыносимо. Я не замечал даже определенного дискомфорта от болезни, у меня страдала душа и, казалось этому конца не будет.

Через пару дней я пошел на поправку и мне разрешили самому ходить в столовую, только тогда, когда все уже закончат прием пищи. Слава Богу (вот видимо, когда у меня атеистические убеждения подверглись сомнениям впервые), я увидел солнечный свет не только в вечерние часы и закаты, но и в зените и ещё не палящее, а ласкающее и душу, и тело утром, когда шел на завтрак и не строем, а вразвалку, неспеша.

А назавтра последний экзамен. Допустят ли меня или из-за этой нелепой случайности придётся распрощаться со своей мечтой. Да, нет, уважаемые, это не случайность. Случайностей, как таковых совсем не бывает. Бывают случаи, даже искромётно короткие события, имеющие в судьбе большое значение. Просто это мы осознаем не сразу, а намного позже, когда понимаем, что какое-то событие было предначертано задолго до него и благодаря этим предсказаниям Свыше, нас пытаются предупредить, направить по верному пути, заставить верно мыслить и совершать благородные поступки. Я это твёрдо уверовал. И первые убеждения начали во мне формироваться с сомнений и размышлений во время даже полубредового состояния в лазарете.

У меня не было ничего, что могло помочь мне в подготовке к сочинению. Еще до того, как я попал сюда, на территории лагерей были пойманы распространители шпаргалок, изготовленных на фотобумаге с уменьшением текста и самого формата. А еще говорят, что предпринимательство зародилось уже с развалом Союза и ста-

новлении страны на путь «развивающего капитализма». Вот вам пример. Вот, если бы они еще и налоги платили, их бы, и никто не трогал, как сейчас. В их наборе были варианты возможных сочинений на популярные темы.

Хоть я и продумывал возможные темы, но делал это продумывая текст и при этом у меня не работала зрительная память, как это бывает тогда, когда ты читаешь текст, то помимо просто умственного запоминания, работала так называемая зрительная и слуховая память. Потому, уже сейчас, как преподаватель, объясняю студентам, как лучше всего можно усвоить изучаемый материал. Но сейчас вся их надежда на смартфоны и другие «гад же ты», с которыми они думают прожить всю жизнь, и они за них скоро и думать будут. Конечно, вы догадались, что я умышленно разорвал слово, взятое в «кавычки».

Если бы я мог написать сочинение о настоящем Герое Советского Союза и еще не поэтому, а потому, что он совершил не менее значимый поступок и уже не на фронте, а в мирное время. Ох, как мне это хотелось сделать. Я столько передумал за трое суток пребывания в лазарете, что мыслей было сверх, чем достаточно. Но было совершенное отсутствие документальных подтверждений, тема была засекречена на десятилетия и, если я всё же осмелился это сделать, то об этом сильно пожалел и не только я, это я знал точно.

Наутро, узнав, как моё самочувствие, померяв температуру и выполнив лечебные процедуры, мне дали добро на сдачу экзамена. Даже для меня было удивлением проявление такой человечности, как я понимал со стороны того, кто взял на себя эту должностную ответственность.

Первый раз я шел на экзамен не таким уверенным, а скорее всего, можно сказать, что разбитым. Кроме физической слабости, что является закономерным, при таких болезнях, мне казалось, что танки, которыми ко-

мандовал генерал Шапошников всё же «прокатились» почвозащепами траков гусениц не по моей молодой плоти, а по моей чуткой и ранимой душе. А именно душа и уставший от многочасовых раздумий разум были ответственны за результат этого творческого испытания, под названием сочинение.

Я выбрал тему «Герои — наши земляки», в которой описал подвиг односельчанина, Павла Парамонова, генерала авиации Кутахова, ставшего командующим авиацией в последствии, уроженца из села нашего же района и знаменитого земляка, уроженца соседнего района, ранее бывшего с нашим воедино, дважды Героя Советского Союза, Министра обороны, маршала Советского Союза, Андрея Антоновича Гречко, находившегося в то время на этой должности.

Плеяду Героев-земляков можно было продолжать. И хотя я о них знал много, но той искорки при написании не было и, главное, у меня были в сочинении, которое, среди прочего я был вынужден сдать досрочно, было большое количество ошибок. Это и определило то, что оценка за литературную составляющую всё же была высокой, а по русскому языку, естественно «три». И оценка в сумму баллов добавилось эти три балла.

Несмотря на эту, если можно сказать «ложку дёгтя», сумма баллов была высокая.

Глава V. «Аморальный» поступок

Сдав экзамены, мое пребывание в лазарете продолжилось. Было тоскливо и грустно от того, что я находился тут, как вино «на отстое». Ко мне не приходили, как раньше с процедурами, было ощущение, что меня забыли. Меня осенил дерзкий план побега. Просто за 4 неде-

ли произошло так много всего, что поколебало даже моё желание стать военным, которое изначально было мне навязано братом.

Если не брать во внимание события, произошедшие в Новочеркасске 10 лет назад, постоянное нахождение за колючей проволокой мне больше стало напоминать не Казачьи лагеря, а концлагеря. А дни пребывания в лазарете сильно расшатали мою психику.

Я почувствовал резкий прилив желания просто бежать отсюда, бежать не оглядываясь, пока не замаячат где-то впереди родимые места, по которым я, никогда практически не уезжавший из родных мест, сильно начал скучать. И после этого я стал продумывать план побега. Самое главное и сложное было пробраться за колючку.

До этого хорошо изучив расположение объектов, я не видел наилучшего варианта, чем пробраться под колючкой в районе кустарника, за которым нужно было быстро скрыться на остановочном пункте или где-то рядом и дожидаться транспорта, электрички. Сложность еще была в том, что на территории лагерей нам разрешалось ходить только в спортивной форме. Ехать в этом до мной меня не устраивало.

Мой план был в том, что изначально нужно было из палатки «выкрасть» свою одежду, как это не было бы смешно или лучше сказать, взять незаметно. Но мне это удалось, воспользовавшись, пока все в столовой. Нужно было действовать быстро, пока меня не кинулись искать в лазарете и не попался на глаза на территории.

Перетащив поочередно под майкой брюки и летнюю безрукавку, переоделся в кустарнике. Улучшив момент, чтобы меня не засекли и из палаточного городка, где началось движение и со стороны КПП, выломал подходящую палку, бросился к проволоке, прилёг, подsunул палку под проволоку, натянул её и, как змея, просочился под неё на ту сторону.

Быстро перебежал через просматриваемое пространство, поднялся по насыпи к остановочной площадке. Посмотрел расписание и с огорчением понял, что столько времени я здесь незамеченным не продержусь, «заметут» меня тут. Электричка отпадала. Перебрался через лесополосу на автодорогу, где был также остановочный пункт автобусов, просто столбик на обочине с названием остановки «Казачьи лагеря».

Здесь мне повезло больше, минут через десять шел автобус, который я остановил и пробрался подальше в зад салона, где у автобусов ЛАЗ очень теплые места, из-за расположенного под ними двигателя. Но это было меньшее из зол.

Как это будет звучать не смешно, но, чтобы доехать домой, мне потребовалось четыре пересадки, в Новочеркасске, Ростове, Таганроге и в районном центре Матвеевом Кургане, затратив на дорогу весь день и к вечеру, уставший и как пес голодный, упал на диван дома перед изумленным братом, который в доме был один.

Родители мои были на море, что оттянуло для меня процедуру объяснения с ними. Но от такой участи я не ушёл по требованию брата. Домашним харчем утолив голод, хоть и нехотя, рассказал брату о своих злоключениях.

— Дурак! Что ты натворил? Завтра же езжай и просись, чтобы тебя приняли.

— Послезавтра у нас там должна состояться мандатная комиссия. Вот отойду от всего и поеду.

Но обещать, что буду проситься и почему брат знал, что меня должны были выгонять. Возможно потому, что прошёл уже срочную службу и в этих вещах разбирался лучше. На том и порешили.

Я спал, как младенец в отчем доме, вернее сказать, в деревенской хате, но обложенной кирпичом и потому похожей на домик. Не заметил, как окончательно ушли

проблемы с желудком. Возможно, домашняя пища тому виной.

Утром брат ушел на работу в гараж, где он работал водителем и строго наказал:

— Смотри, чтоб никуда ногой. Сиди дома, чтобы снова куда-то не пропал.

Ни о чем не хотелось думать. Я за целый месяц впервые хорошо выспался не на раскладушке в палатке и не, в пропитанной, пожалуй, наполовину толщины стен запахами медикаментов, лазарете. Мне не хотелось никуда идти и что-то делать. Я хотел всё забыть и ни о чём не думать.

Когда брат пришел с работы и обнаружил меня дома, не стал больше читать нотации по поводу того, что я сделал. А я в то время даже не мог понять, а что преступного я сделал.

Дорога уже по привычному обратному маршруту в Казачьи лагеря заняла у меня уже не весь день, а около пяти часов. Около 10 часов утра я появился в расположении палаточного городка и первым, кто меня «приветствовал», был командир взвода. Я не буду пересказывать все те «эпитеты» которыми он меня наградил, но, если слить из его «бочки лести» ту «лесть», которая говорится с поглаживанием головы, как говорят «против шерсти», то останется неполный стакан, который можно было выпить одним глотком, чтобы утолить жажду, которую спровоцировало желание, чтобы всё это побыстрее закончилось.

Подошла очередь нашей роты идти строем на комиссию к зданию администрации. Я осмотрел контингент роты, он больше напоминал отделение, пробивавшееся через «линию фронта» и при этом потерявшее еще несколько бойцов, с которыми я был знаком и если бы можно было помочь им, чтобы они смогли поступить, а не сидеть сейчас дома и думать, чем заняться до армии,

то я бы раздал все свои, заработанные и честно заработанные на испытаниях, баллы. Они-то мне уже не понадобятся, как я понял.

А что происходило здесь эти двое суток, пока меня не было. Здесь бала объявлена чрезвычайная ситуация, из-за бесследного исчезновения абитуриента, то есть меня. Искали везде. Прощупали все закутки внутри территории — никого. Затем, построившись цепью, все те, кто скоро окажется в рядах принятых и те, кому придётся ещё распрощаться со своей мечтой, после объявления комиссией результатов сдачи, с учётом среднего балла по аттестату, хотя все этот простой математический расчёт сделали и этой цепью курсировали «челночным» способом совершали обход прилегающих уже к обнесенной проволокой территории. И это в течение нескольких часов до обеда и после него, в июльскую жару. Как они меня в те часы «благодарили», бубня себе под нос, можно догадаться.

Нашлась моя, припрятанная в кустах терновника одежда. Видимо появились догадки у командования и поиски до особого распоряжения были прекращены.

Все мысли сдавших все экзамены были теперь уже о том, какой общий балл будет «проходным». Свою сумму баллов они, конечно же давно подсчитали, сложив четыре числа.

Пошли слухи, а они не были лишены здравого смысла, что проходным показателем суммы баллов в этом году будет 20,5 балла. К примеру, если по аттестату средней стала оценка «4» и на экзаменах получил все четверки — этого было недостаточно, не хватало пол балла. У меня эта сумма, без малого равнялась «22» баллам. Но, что они теперь, «выеденного яйца не стоят».

Кто-то был, как «сом» спокоен, кто-то заметно нервничал и «вылетев» из помещения, где заседали члены мандатной комиссии, сбивая всех, кто оказывался на пу-

ти, на вопрос «что?» или «ну, как?», лишь отмахивались рукой и это было красноречивей любых слов. Другое дело, когда выходили счастливики. Они не спешили уходить, они жаждали славы и оваций. От таких колебаний настроений было не по себе и хотелось лишь одного — быстрее услышать «приговор».

И вот называется моя фамилия. Нужно было, зайдя, подойти к сдвинутым в один ряд столам на расстоянии метра три, не ближе и доложить, как нас учили представляться. Скорее всего голос дрогнул во время доклада. Но не это заставило всех офицеров одновременно поднять головы и повернуть их в мою сторону. Этому способствовало то, что всё училище гудело новостью об бесследном исчезновении абитуриента. Даже были попытки «процедить» недалеко от лагерей протекающую речушку. Хотя там воды, воробью по ..., не глубоко, в общем.

Минута молчания для меня была, что вечность. Затем, сидевший справа от генерала, начальника училища, подполковник зачитал результаты экзаменом, огласил общий балл и зачитал блестящую характеристику со школы. В те годы, даже для суда не давали омерзительные характеристики, вернее, в характеристиках, даже омерзительным личностям не давали заслуживающие характеристики, жалели всех, чтобы суд меньший срок назначил, например. Но моя, совершенно не вязалась с тем, что было рассказано дальше — это была «сводка Совинформбюро» о моем «мужественном», даже «героическом» поступке — побеге из стен «гестаповского застенка». Так я себе представлял эту информацию, пока с ней знакомили всех членов комиссии.

Опять наступило тишина, слышно было, как в виски бил пульс, а лицо изменило оттенок кумачевого знамени, установленного между проемами окон, за спинами моих судей

Генерал, пробуравил сначала меня пристальным взглядом, как будто хотел понять, гнилое ли у меня нутро или ещё можно «подлечить» и обратился ко мне строгим, но спокойным голосом:

— Скажите, что вас сподвигло на такой поступок, за который в военной время..., — но, сделав паузу, продолжил, — этот проступок не может остаться без наказания. Так почему вы покинули территорию, если было строжайшее предупреждение — не покидать расположения лагерей до особого на то распоряжения?

Я приподнял, до этого притупленный опущенный куда-то на середину ножек стола взгляд до уровня испытывающих глаз генерала и ответил:

— Я в последние дни много думал, у меня было время подумать и принял решение, что раз я не смог беспрепятственно выполнить требования командиров здесь и сейчас, то не могу быть в себе уверенным в дальнейшем...

Я говорил слегка дрожащим голосом, пытаюсь вспомнить воинские формулировки, а то, что я стал сомневаться в правильности выбора, пока не решился сказать. Не знаю, подействовали мои слова на членов комиссии, как жалоба и просьба о пощаде или кто-то видел в них даже некую дерзость, но они переглянулись, что-то в полголоса посоветовались или кто-то внес предложение, но после этого генерал вновь обратился ко мне.

— Вы понимаете, что с теми результатами, которыми могут похвастать лишь единицы из тех, кто сегодня иметь возможность услышать оглашение вердикта мандатной комиссии, а другие только мечтают. Ум в голове присутствует, но нет той силы духа, которая могла и разум направлять на благие дела. Сможете вы его укрепить до того уровня, чтобы служить, исполняя присягу, по воинским уставам, чётко, преданно, самоотверженно и мужественно, стать достойным защитником Родины, воином и офицером?

Как я понял, генерал пытался переубедить меня в честных признаниях, дав шанс, изменить что-то в своих первоначальных, возможно, поспешных доводах и, через паузу, не дожидаясь ответа продолжил:

— Вы не сможете учиться в одном строю и сидеть за одним столом с теми, кто никогда не забудет этот поступок, пятно от которого придётся смывать долго и старательно. Я хочу предложить вам начать ваше стремление к своей цели стать военным, но не в нашем училище, а в Ульяновском с таким же профилем. Вас там примут по нашему ходатайству. Как вам это предложение, устраивает?

Такого расклада вещей я вообще не ожидал, но в моем сознании уже сформировался устойчивое мнение, с присущим мне упорством, даже упрямством характера — я больше не хочу быть военным, пусть и не столь явно выраженных видов рода войск, применяемых в военное время летальное оружие, а скорее наоборот, во многом предотвращающее нападение врагов, защите мирного неба и обеспечение коммуникаций связи, в том числе и правительственной. Я много передумал и сейчас даже слова генерала для меня не были столь убедительны, хотя они отличались, справедливости ради хочу сказать, заботой обо мне больше, чем о чести и чистоте рядов курсантов в училище. Уверен, что он столько уже повидал таких пацанов из деревни, для которых даже то, что они проехали сотни километров, видели, как минимум два больших города, Ростов-на-Дону и Новочеркасск — это уже большое событие.

Действительно, мне за этот месяц, узнав многое из того, что не было доступно из средств массовой информации, отражающих нашу действительность пафосно и многое замалчивая, я узнал даже то, что другие люди узнали только ещё через 15—20 лет, с приходом «эпохи гласности» в нашу повседневную жизнь, а не в жизнь

с разговором в полголоса на кухне, с зашторенными окнами.

Не дождавшись ответа, председатель комиссии повторил вопрос:

— Уважаемый, время, — машинально показав пальцем на наручные часы, — за дверью с нетерпением ждут твои товарищи, с большой благодарностью и желанием занявшие бы твоё место, если..., — и не досказав, умолк, посчитав досказанность излишней.

Я тоже это прекрасно понял, не мог не понять:

— Нет, спасибо за предложение! Я не хочу ехать в Ульяновск и военным тоже не буду. Видимо, мне предписано, — машинально вскинув голову вверх и с удивлением понял, что я постепенно начинаю из атеиста превращаться, хоть пока ещё не в верующего, но с убеждениями, явно противоположными тех, которые нам все эти годы внушали в школе и обществе, продолжил, — найти себя на гражданке. Я люблю технику, люблю земля и свою глубинку, с её бескрайними просторами.

Возможно, я передал свою речь не дословно, кто может это сделать, по истечению почти 50 лет, но, по сути, правильно, а по убеждениям, которые мало изменились с тех пор, точно абсолютно.

Члены комиссии переглянулись, они явно ожидали другой ответ, да и, наверняка, другой на моём месте крепко бы ухватился за такую возможность. А я был в глубокой душевной прострации и, если бы меня сейчас приговорили и повели на расстрел, я бы безвольно, пошел без сопротивления и протеста. Видимо и до меня дошло, что я поступил так, как не следовало бы. Но, что сделано, то сделано, назад дороги нет, я её только-что отрубил своим ответом. Значит, такая моя судьба. Как не сопротивляйся и не юли, от неё не уйти.

— Постановление. Решением мандатной комиссии, кандидат в курсанты Новочеркасского высшего военного Краснознаменного командного училища связи, Иванченко Александр Иванович, отчислен из списка поступивших, за поведение, порочащее честь будущего защитника Родины. Число. Подписи членов мандатной аттестационной комиссии, — зачитал тот же, приставших с места подполковник и после прочтения, уже уставший за пару часов работы комиссии, плюхнулся на стул.

— Можете идти. Мы вас больше не задерживаем, — сказал кто-то, но я уже не видел кто и не было желания видеть. Кто-то из младших офицеров направился к двери приглашать следующего кандидата в курсанты.

На меня посыпался град вопросов, как только я вышел к толпе тех, с кем недавно были в равных правах и имели одну и ту же цель — стать военным.

Говорить не хотелось, но не ответить было бы неуважением к тем, кто от души переживал за меня и принимали утомительные попытки найти меня живого и здорового на прилегающих к лагерям территориях, просто тем, кому было любопытно узнать, накажут меня или нет.

— Исключили. Не моё это. Не буду я военным, — ответил я кратко.

И от меня все отстали, потому что понимали причины моей неразговорчивости, чего, конечно, раньше не наблюдалось. Но, то, что было раньше, кануло в лету или в ту, небольшую речушку, под названием Грушевка, что петляла сразу за ограждением из колючей проволоки, которая, как мне стало казаться в последние дни обвило грудь и голову, как терновый венец на голове нашего спасителя и вонзается в мой рассудок и в мою душу, делая мне больно и заставляя меня принять то решение, которое я принял.

До свидания Казачьи лагеря, прощай мечта стать военным!

Забирая документы, мне было отказано в выдаче, положенной уже в то время к выдаче по требованию поступающего, справки о результатах вступительных экзаменов. «Против военных не попрёшь», — подумал я и поехал домой ожидать приезда с отдыха на море родителей.

Но мне этого не дал сделать брат, опять наседающий с тем, чтобы пока не поздно, ехать и пробовать поступать в другой ВУЗ, куда угодно, чтобы год не пропал или, потом, армия.

Приехав в Ростов и остановившись у родных, в доме тети Лиды, я, долго не раздумывая, быстро сфотографировался и сдал документы не в ВУЗ, а в техникум связи, из-за того, что всё-таки эта профессия была постоянно у меня в мыслях и на слуху и я от нее не мог освободиться. Успел в аккурат ко второму потоку поступающим.

На первый экзамен шёл, как подневольный, только с одним словом в голове «надо». Меня отец с детства приучил к такому понятию, что «нет слова «нет», есть слово «надо». Видимо сказались все неординарные события последних дней и та «каша» в голове, которая не давала сосредоточиться, но письменный экзамен по математике я сдал на «хорошо», без особого старания и напряги.

А тем временем приехали родители и мать, не разбирая сумок, сразу приехала в Ростов.

— Что ты делаешь? Какой техникум? Ты способен на большее, — пыталась переубедить меня мама, услышав всю историю о моих пережитых злоключениях, сначала от старшего сына дома и затем уже от меня. Еще, будучи на море, они успели там получить от меня пару писем, с результатами первых двух экзаменов и были уверены в том, что я поступлю. Спокойно отдыхали, пользуясь первой возможностью оторваться от деревенских хлопот и работы без выходных и отпусков, за долгие годы труда в сельском хозяйстве.

— Только институт! — подытожила разговор мама.

Вступительные экзамены в институтах закончились. И нам не оставалось ничего больше, как ехать в Новочеркасск. Только сейчас я смог хоть немного рассмотреть город, а до этого знал только автовокзал и железнодорожный вокзал, где мне приходилось делать пересадки. На этот раз ехать в Казачьи лагеря нам не пришлось.

Остановились мы у троюродного брата мамы, работающего прорабом где-то в строительной организации. У него был автомобиль «Москвич-400» или «401», я точно не помню. Главное, что я знал, что отец еще до моего рождения имел в далеком с 1951 или 1952 года такое чудо послевоенного автопрома. Он купил его в Ростове у военного, какого-то полковника. И действительно, я заметил, что в городе было столько таких автомобилей, что я больше в жизни никогда не видел столько одновременно в одном месте.

Он любезно согласился нас познакомить с городом, показать основные его достопримечательности, которые располагались как раз в шаговой доступности от училища. Училище располагалось на площади, рядом с центральным универмагом (ЦУМ), а в квартале отсюда площадь Ермака с памятнику знаменитому казаку и с не менее знаменитым казачьим собором, Новочеркасским Вознесенским кафедральным собором, вторым в то время по величине в стране, после Исаакиевского собора в Ленинграде тогда и сейчас, после строительства храма Христа Спасителя в Москве, был сдвинут на третью позицию.

На КПП у ворот училища нас внутрь не пустили, и дежурный офицер тоже отмахнулся дежурной фразой «распоряжения на поступало». Информации о просьбе встречи с начальником училища или заместителями не давали, игнорируя наши просьбы.

— Будем ждать генерала утром здесь, — сказала мама, уверенная в своих стремлениях, во что бы то не стало поговорить с генералом.

Не зря говорят, «смелость города берёт», утром, когда мы заблаговременно, часов с семи уже дежурили возле проходной, ближе к восьми часам, заметили уверенно приближавшуюся к воротам чёрную «Волгу». Выбежал из помещения КПП вахтенный, для того, чтобы быстро открыть ворота и автомобиль генерала без остановки смог въехать во двор училища, но стремительно бросившаяся под колеса «Волги» женщина, сбила его намерения от ранее отработанного движения, он изменил направление и бросился теперь уже вдогонку за женщиной, моей мамой, чтобы успеть её остановить.

Машина затормозила, остановилась. Из нее вышел знакомый мне генерал и дал отмашку курсанту со словами «Всё нормально!» Тот остановился там, где стоял.

— Что Вы хотели, гражданка? — спросил генерал строго и одновременно душевно, как и подобает, так думаю, генералу, не допускавшего панибратства и грубости в обращении с гражданским населением.

Мама поспешно объяснила суть нашего обращения, кивнув в мою сторону. Я стоял чуть в сторонке неподвижно, в ожидании очередного вердикта. Генерал, узнав во мне, кандидата в курсанты, недавно стоявшего «на ковре» перед ним и всеми членами комиссии и всячески противился здравому смыслу, прозвучавших из его уст слов делового предложения.

Мне он ничего не сказал — достаточно было сказано неделей раньше, подозвал дежурного по КПП офицера и приказал выписать нам пропуск то ли в отдел кадров, то ли в учебный отдел (за давностью событий подзабыл совсем). Курсант, опомнившись, побежал открывать ворота. Чёрная «Волга», тронувшись, въехала в арку ворот и повернув во двор, скрылась из зоны видимости.

Получив пропуск на одного человека, и проследовав, согласно объяснениям дежурного по КПП на второй этаж административного корпуса, я обратился к штабному офицеру. Который попросил подождать, потом долго пытался мне объяснить, то, что и сам не мог понять, но звучало это примерно так, что обычную справку с результатами он дать не мог (видимо из-за того, что где-то возникнет вопрос — «с такими результатами и не прошёл по конкурсу?»), потому необходима формулировка, оправдывающая в первую очередь их самих.

Где-то, что-то, у кого-то спрашивал и звонил по телефону и... И выдал мне академическую справку установленного образца с припиской внизу причины отчисления, на которую я сразу и внимания особого не обратил.

Я поблагодарил этого капитана-штабиста, а когда вышел в просторный двор училища, глубоко и с неким облегчением вдохнул свежего, но уже прогретого августовскими лучами утреннего солнца, воздуха и развернул справку, то опешил, надпись, просто, кричала — «за аморальное поведение»...

Мне лучше нужно была где-то найти спиртного, хотя я тогда не знал, как его пьют, потому мне его много не понадобилось, выпив и после этого хорошо кому-то «начистить» лицо, чтоб не сказать рыло. Второй вариант, можно было избежать этой позорной формулировки, просто не сдав экзамены или сдав на «троечки», тогда бы тот же капитан не ломал голову, как меня «опустить», а себе при том не замарать.

Не хочется даже рассказывать, как в приемных комиссиях тех вузов, куда мы обращались с этой справкой брезгливо смотрели на справку и на меня. Если бы я кого-то «замочил» при разборках в пьяной драке, то со мной, думаю, почтительней бы общались и, хотя бы, из-за боязни, прежде чем отказать подумали не раз

«как бы чего после этого не вышло». Ну, что тут поделаешь, никудышный я был «аморал».

В единственный институт я ехал с желанием и не терял надежды поступить, это был тот, к профессии инженера-механика сельского хозяйства, которую я мог иметь, в случае его окончания был моей с детства тягой. И, если бы меня брат не «обработал» умело своей агитацией, могло быть несколько проще и не пришлось проходить, не через «круги ада», конечно, но много крови попортить, в первую очередь родным и понервничать, как минимум самому, пройдя через слом убеждений, которые до Казачий лагерей были непоколебимы.

Меня приняли с одним условием, как и ещё нескольких студентов и назывались мы «кандидаты в студенты». Скажу я вам, чувства неполноценности зашкаливали. Таким образом деканат старался подстраховать себя, в случае большого отсева в первую сессию, мы могли, как «запасные игроки» выйти на «ринг» борьбы за знания, а кто просто ради получения диплома, как штатные студенты. Как мы потом поняли, это было незаконная махинация деканата факультета или ректората всего института, эта разница не столь важна.

Началась другая, интересная глава моей студенческой жизни. И эту главу своей жизни, как и моего повествования о ней, я без раздумий назвал «Дядя Саша». А почему именно так, вы сможете узнать, окунувшись вместе с моими воспоминаниями в пучину студенческой жизни.

Если подвести промежуточные итоги месячного периода пребывания в палаточном лагере и всех событий, что со мной произошли серьезные изменения в самом стержне сознания. Что-то придало мне синусоидальные колебания, наподобие колебаний звука неправильного камертона, с убывающей и возрастающей тональностью. И, анализируя многие годы, прожитые после, жизненной

стабильности, даже в спокойные «застойные годы». Взлёты и падения, погружения и всплытия. Может быть потому, при очередном «погружении» я оказался на службе в ВМФ, где мне пришлось отдать всё-таки Родине долг и это было лично моё решение. И служил, как вы уже догадались моряком-подводником.

Но это уже другая история, которую, может быть я расскажу, но, хоть и во время трёх лет службы я совершил несколько погружений, не в плане в подводное положение на подводной лодке, а именно по принципу синусоиды, плавно переходя из «положительной четверти» через «ноль» или «ватерлинию», погружаясь в отрицательную, на предельную глубину, из которой была всё-таки реальная возможность всплыть, иногда даже «критически опасная, но мне удавалось всплывать снова и снова.

Это моя жизнь, моя судьба. Что было в жизни больше, плохого или хорошего? Бесспорно, хорошего. Даже если хорошего были всего «крохи», они так сластили жизнь, что её горечи были нипочём.

Я люблю жизнь. Благодарен Господу за то, что он мне даровал это счастье жить. Любите жизнь и будьте счастливы, друзья!

Глава VI. «Кандидат»

Начало 80-х годов, ушедшего в лету, но оставшегося навсегда в памяти нас, людей той эпохи, как говорится, «когда «кирпичик» серого хлеба стоил 16 копеек, колбаса «Докторская» в натуральной оболочке по 2 рубля 80 копеек, вода газированная из автомата с сиропом 3 копейки, а пачка «пролетарских» сигарет «Прима» — 14 копеек, я имел счастье быть в рядах студентов и «тер-

петь тяготы и лишения» и одновременно наслаждаться всеми прелестями этой, незабываемой, для всех студентов, уверен, поры.

Учился я в молодом, во всех отношениях, студенческом городке, одном из научных центров сельскохозяйственного производства. Город и одновременно являющийся сельским районным центром, с населением около 20 тысяч человек. Градообразующими предприятиями и организациями были, в первую очередь, АЧИМСХ — Азово-Черноморский институт механизации сельского хозяйства, который был основан в 1930 г. на базе Учебно-опытного зерносовхоза №2 (в апреле этого года было принято более полутысячи студентов, большей частью из г. Москвы и Ленинграда. Не могу понять до сих пор — городские жители и сельскохозяйственный профиль. Но партия сказала — «Надо!», комсомол ответил — «Есть!»), затем уже построенной НИМИС — научно-испытательной станции, завода гидроагрегатов и научного института «Сорго».

Но не об этом я хотел вам поведать. Кстати, когда у меня спрашивали, «где учишься?» — никто не знал такого города, но все кивали, когда называл «станция Верблюды». Именно так назывался будущий город в степи в 1929 году, когда туда проложили железную дорогу и построили первые бараки.

Большинство домов центральной части города представляли собой глинобитные общежития студентов и гражданские коммуналки. Кто не знает, это сооружение из деревянных брусков, сбитых в каркас по типу солнцезащитной решетки беседки и набитые глиняно-соломенным раствором. В них нужно было пожить, чтобы понять, что московские коммуналки отдыхают, по сути — это бараки.

Крыши напоминаю западный, даже американский стиль. Говорят, что в 30-е и 40-е годы их американцы

и строили. Кто знает студенческую жизнь в те годы, тот улыбнется по-доброму и подтвердит мною сказанное. Общежитие — это своеобразная коммуна, в отдельно взятом здании, с ее правилами и законами гласными и негласными. В отличие от проживания в квартире частного сектора, где цены «кусались», в общежитии можно было за полтора рубля жить месяц, если... А вот под «если» понимается то, что могли за нарушение правил, просто «попросить». Для этого систематически проводились обходы в составе коменданта и представителей «студсовета», привлекались к этой работе и кураторы учебных групп и представители деканата. А так, как говорится, «От сессии до сессии живут студенты весело. А сессия всего два раза в год».

Многие те, кто был студентом, со мной согласятся, что самыми тяжелыми являются первые годы обучения в ВУЗе, или СУЗе. Особенно тяжело пройти психологический барьер, первую сессию. Получилось так, что я познакомиться смог со своими одноклассниками, не с «трудфака» — «трудовым» факультетом мы называли подготовительное факультет, где в течение полугода те, кто поступал не сразу со школьной скамьи, а через год или несколько лет, из-за воинской службы или вынужденные работать, а потом решивших посягнуть на «вышку».

Немного перескочу и скажу, что я сейчас работаю преподавателем и у нас два года назад защищался дипломник в 56-летнем возрасте, сейчас обучается и срок его защиты совпадет с возрастной планкой, с 55-летним юбилеем. Всё верно, учиться никогда не поздно, тем более что им, бедолагам, до пенсии, как говорили у нас на службе, «как медным котелкам», пахать и пахать. И даже не с абитуриентами, с «горячими» аттестатами, не успевшими запылиться, а так уж получилось, что я сдавал экзамены в военное училище и с результатами

сдачи в виде «академической справки», поступил потом в институт. Сейчас вообще общепринятая практика, можно одновременно пробовать поступить сразу в пять ВУЗов. Тогда же это было новшество.

Познакомился я со своими одногруппниками в августе месяце, когда, по принятым тогда правилам, поступившие проходили, как можно назвать «курс молодого бойца» перед присягой, трудовую закалку на подшефных производствах. Чаще всего, работа была связана с уборкой урожая овощей или плодов. Нам повезло, мы работали на сборе яблок и винограда в садах питомника, как его величали и там же располагался консервный завод, для переработки фруктов и овощей. Хочется сказать, что в то, «застойное», как его оскорбительно или иронично называют, время, в области работали и в больших объёмах производили свою продукцию, кроме зерноградского консервного завода, подобные предприятия: на моей родине, Сад-Базовсий завод, заводы в Семикаракорске, Аксае и др. И эта продукция распространялась по всему необъятному Союзу. Проходя службу на Балтике, в г. Рига, мне не раз на глаза попадались банки с соками, произведенными на моей малой родине, в Сад-Базе, как своеобразная весточка из дому.

Так как я вскочил на подножку зачисления на факультет механизации в самый последний момент, то мест в общежитии свободный не было, и мы подыскивали в непосредственной близости по «шпаргалке» на вахте у вахтенной дежурной главного входа в институт, квартиру.

Моя хозяйка, оказалась моей тезкой, звали её Александрой Федоровной, а фамилия, при первом упоминании вызывала у меня легкую дрожь по коже и не только на спине. Не столько даже фамилия — Махно, сколько её вид, который я попробую по истечению почти полувека описать. Высокая, стройная, бесспорно красивая в моло-

дости и привлекательная своей стройностью и отточенностью черт, уже немолодого лица женщины пенсионного возраста и в те годы, имела голос звонкий, как удар молотка-ручника, при помощи которого, кузнецом указывается направление удара кувалдой, который наносил его помощник — молотобоец, и в тоже время хлесткий, как звук при ударе кнута или даже не ударе, а когда пастух создавал хлесткий звук, профессиональным движением в воздухе, чтобы направить или подогнать стадо — одним словом, Махно. Честно скажу, я ее слегка побаивался, она была строгая, но, толи из-за моей покладистости, толи из-за внутренней мягкости души её, у нас не было за два месяца, пока я у нее жил, ни одного неприятного, скандального инцидента.

Комната в общежитии барачного типа была однокомнатная, удобства, конечно, общие. В доме проживали, как одинокие, так и семейные люди. Передняя часть комнаты с окном, выходящим во двор и с видом со второго этажа, через просветы между такими же бараками на чуть видимую крышу главного корпуса института. Справедливости ради, хочу сказать, что архитектура того, как в последствии его назовем «старого» учебного и административного корпуса, меня впечатляла. Мне нравилось там всё: просторный вестибюль, справа располагалось небольшое почтовое отделение, рядом огромный актовый зал, служивший вечером и залом для просмотра кинофильмов, как «кинотеатр АЧИМСХа». По сути, все три кинотеатра располагались в одном квартале, большую часть которого занимала, конечно, территория института и его строений.

Трехэтажное здание со «скворечником» на четвертом, только над центральной частью корпуса, где располагалась кафедра начертательной геометрии и машиностроительного черчения. Что есть еще и подвальные или полуподвальные помещения, мы узнали чуть позже, там

установлено было в учебных классах и лабораториях модели, натуральные образцы двигателей и прочее, что нам предстояло изучать уже на военной кафедре.

Но я отвлёкся. Хоть меня привез на квартиру старший брат на колхозном грузовике, с провиантами и вещами на первый случай, хоть мать и договаривалась с хозяйкой, чтобы та, по возможности готовила мне завтраки, меня устраивали вполне буфеты утром и студенческая столовая в обед и вечером. Да, что тут темнить — стеснялся я просто, было неудобно, не барин какой, чтобы мне готовили и подавали со словами «ваша овсянка, сер!»

Комнату разделяла на две половины, мужскую и женскую, шторка, которой хозяйка зашторивала свое спальное место, в левом от входа углу. Моя кровать располагалась в левом дальнем углу комнаты, напротив окна, посередине наружной стены располагалось окно, в которое я любил наблюдать, скучая, при подготовке к занятиям или в дождливую погоду.

На выходные из близлежащего села к ней приезжала племянница. Также, как и тётя, добротная девица, скажем, без особых, надолго западающих в душу примет. По просьбе хозяйки ходил с ней в кино, благо кинотеатр в сотне метрах от дома. Во благо или нет, но наши прогулки после фильма заканчивались сравнительно быстро. Ухажёр из меня в те годы был никакой. Да и предстоящий разговор хозяйки, если что, меня не радовал.

Намного мучительнее мне было притворяться, что я сплю, когда школьница-старшеклассница, готовилась ко сну. Этот процесс для меня казался бесконечным. Прищуренным глазом я следил за колебания шторки в углу хозяйки, они спали на одной кровати. Может быть, из-за того, что спать на узкой кровати было неудобно, только боком, они шушукались до полуночи и даже далеко за... На следующее утро я свежестью не отличался.

Какое-то время нам пришлось пожить в еще более стесненных условиях уже втроем. Вторым квартирантом стал мой однокурсник, который невероятным образом ухитрялся нелегально проживать в разных комнатах своих же и моих, соответственно, одногруппников до тех пор, когда его не «накрыли» и не выставили «персоной нон грата». Звали «эту персону» Вова, его судьба была схожа с моей, он «запрыгивал на подножку учебного локомотива института» тоже, после неудачного поступления в Краснодарское военное летное училище. Возможно, что после этих походов «нелегала» (не раз, при проверках комнат комендантом совместно со студсоветом, ему приходилось выпрыгивать через окно, ему дали стойкую кликуху «Поль». Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

В общежитие, а по сути, в бараке, я ни с кем не смог сблизиться, познакомившись по общим интересам, хотя, как приучен был еще с детства здороваться со всеми, знакомыми или незнакомыми людьми, с которыми приходилось встречаться. Эта добрая привычка до сих пор сохранилась ещё в российской глубинке.

Только с одной пожилой сухонькой и маленькой, как «божий одуванчик» женщиной, проживающей по одному коридору наискосок у меня, по её инициативе были деловые отношения. Они заключались в том, что я дважды в месяц писал письма её сыну, служившему на самом юге нашего необъятного Союза, в п. Кушка, Туркменской ССР и один раз месяц посылочку с не хитростными домашними, а по сути купленными припасами на рынке, типа сала, чеснока и кое-каких вещей, собранных заботливыми материнскими руками. Я содержимое не видел, но заботливая мама офицера-пограничника, охраняющего южные рубежи нашей, тогда еще большой Родины добродушно об этом рассказывала.

За мою помощь она меня от души благодарила шоколадкой и что было под рукой, конфетами, печеньем или яблоками. Я выполнял ответственную работу, писал на посылке адреса мест отправки и назначения.

В субботу святым делом было посещение городской бани, расположенной в аккурат на этой же ул. Чкалова в сторону «Военведа». Военное ведомство — я так понимаю расшифровку этого сокращения. Это поселок, представляющий собой военный городок военных авиаторов, с ее инфраструктурой, квартирами, конечно, аэродромом и с пропускным режимом. В воскресенье я любил просто «убивать» время прогулками по городу и его окраинам — поселкам, имеющих свои названия: Старый, Новый, Тимирязева, Дубки, Военвед я уже назвал и «Питомник» выпадал из общего контура города, расположением в непосредственной близости к садам и виноградникам.

Городок небольшой, мне нравился тем, что был очень похож на мой родной районный центр Матвеев Курган, именно застройкой частного сектора поселков, привычным, совсем не городским чаше, а сельским образом жизни. Центральная площадь имела точную копию типового строения зданий Дворца культуры и такого же памятника В. И. Ленину, с разницей, что здесь он был установлен боком в ДК, а у нас спиной.

Наступила золотая осень. Произошла адаптация к учебному процессу, как в армии «курс молодого бойца». Кто-то не выдержал резкого изменения нагрузки и просто бросил учёбу, кто-то по другим причинам забрал документы или перевелся на заочное обучение. Но, как бы то не было, в общежитии появились свободные места.

Сначала, юркий Польш смог устроиться в общагу, а следом и я влился в круглосуточную жизнь своей группы. Это была небольшая, но важная победа, как всё рав-

но вступление «единоличника» в колхоз в далёкие 30-е годы.

Учился я в 5 группе, которую, скорее из-за этой «пятёрочки» мы сами называли «гвардейской». Кроме того, свою комнату №21, мы также прозвали «гвардейской», т.е. она уже была «дважды гвардейская». Бесхитростные комнаты, где помещались всего четыре кровати с тумбочками и встроенный шкаф. Моя кровать у окна с батареей отопления. Первый этаж, кухня, туалет и работающий на все три этажа буфет.

Общага пробуждалась по нарастающей, как звук приближающегося самолета дальней авиации, но каждый стук дверью отдавался не только на перепонки слухового аппарата, где быстро утихал в лабиринтах спящего студенческого мозга, с двумя-тремя извилинами, чаще всего. И-то, желание учиться у большинства не укладывалось в объёмы памяти этих извилин. Главная из них, в первую очередь, как «линия жизни» на руке, отвечала за ту функцию, которая в первую очередь продлевала нашу жизнь, за «поиски» пропитания. Конечно, городские студенты, из престижных или лучше сказать обеспеченных семей могли и тогда себе позволить то, что нам и не снилось. Но их было единицы. А основной состав общаги — простые деревенские пацаны, выбор специальности которых не случаен — любовь к земле, к сельскому хозяйству.

Пик шума в общаге приходился на промежуток времени от 07—40 до 08—10, напоминающий одновременно: гул пчелиной пасеки с таким же хаотическим движением, в основном, бегом, как у пчёл; шум оборудования кузнечно-прессового оборудования, от стука выдавших виды дверей и падающих от спешки предметов, включая и тела крепко спящих студентов, которых товарищи, убегая на пары, «поднять-то-подняли, а разбудить забыли» — они грохались, в лучшем случае опять на кровать,

вдоль или поперек и продолжали досматривать сладкие сны; смешение двух миров — «мира мёртвых», а вернее — зомби, плавно выползающих по стенам, с растопыренными руками и широко расставленными ногами, передвигая их скольжением по полу коридора и другой, взаимно-противоположных млекопитающих, явно из другого мира — мира «пучеглазых лемууров», но в отличие от них, быстро движущихся, сбивающих всех и все подряд для достижения единой цели — успеть, во чтобы то ни стало на первую пару.

Когда «час пик» в общаге сходил на нет, наступала такая тишина, что можно было через дверь, не открывая её понять, в какой комнате остался студент досыпать, не только по храпу, даже по сопению. Как сладок этот сон, когда твои товарищи, нехотя разворачивают свои затасканные, чаще всего, смятые трубочкой, общие тетради с конспектами — понимает только тот, кто испытал эту негу на выдавшем виды матрасе и обтянутой, чуть ли не до пола сетке, и, чаще всего, с подушкой-«глушителем» на голове.

Если чуть подробнее рассказать то, как протекало время между подъёмом и началом занятиями, то для среднестатистического студента это было так. Подъем 07—45...07-50. Подъём дружным никогда не был, кроме, когда, кто-то, первый, открывший, свободный от замусоленной подушки глаз, заорёт, как дневальный в армии, но не «подъём!», а «проспали!!!». Тогда, все, принявшие мужское решение — идти на первую лекцию, потому что будет проверка из деканата, «перекличка», если иначе, начинают друг друга сбивать и хватая на ходу все, что успеют, выбегают, как поток вырывается из водопроводного трубопровода на свободу улицы, разделяющей общежитие и новый, выстроенный при нашей уже памяти четырёхэтажный корпус института.

Если же пробуждение происходило плановым порядком, то за ним следовали: туалет, одевание, посещение буфета и принятие «первого завтрака», если есть за что (как правило меню составляли две вещи: пирожок с повидлом — 5 коп. или с картошкой — 4 коп., а когда «богатый «Буратин», то и беляш за 13 коп.!, а к ним или чай, что чаще за 2 коп. или «кофе с молоком» — какао за 4 коп., реже, но когда «душа горит» — томатный сок идёт изумительно со щепоткой соли).

«Проплыв» мимо дежурной по общаге через дверной проём, двери в который открывает только первый, самый сознательный студент, а потом она только срабатывает, как счетчик на колесе велосипеда, делая скрипучие отклонения, в результате воздействия могучих и не хилых плеч движущейся живой массы. Сделав глубокий вдох, действующий, как допинг, от которого даже могла закружиться голова, следующий вдох необходимо было сделать уже вместе с дымом, прикуренной на ходу сигареты. Как правило, во время движения от общаги до входа в институт, расстояние-то всего 20—25 метров, звенел противный звонок на занятия и ещё, желательно было докурить до «Ростов-на-Дону» — надписи на сигарете, а «самое вкусное», от надписи до фильтра или момента, когда пальцам горячо, уже, столпившись на входе. Выбросить окурок под решетку, для очистки обуви на входе и... хорошо, если занятия в этом корпусе (кафедра «Деталей машин» и сопромата на первом этаже, ОРЗ и иностранного языка на 3-м, а «Военной подготовки» на четвертом).

Если утром не успел «заправиться» в буфете общаги или института, ловил момент между парами или и так сойдёт. Пообедать можно было, если проскочишь, пока нет очереди в «тошниловке», во время большого перерыва или, если не успел, то после занятий. Тридцатикопеечный обед, конечно, набивал нутро, но особой кало-

рийностью не отличался. В основном «налегали» на хлеб, который был на столах, суп стоил 7—11 копеек, компот или чай, да кашка с «хлебной» котлетой. Со «стипухи» можно было побаловать себя и обедом в кафе, со сносной едой. Но, после то, что готовят в столовой поперек горла, может стать, лучше не привыкать.

Ужин, как правило организовывали в общаге. Именно, организовать. Вариантов была тьма. Первый, самый престижный. Это, когда все или кто-то один приезжал из дома и привозил чего-нибудь вкусного. Я уже не говорю о чемодане рыбы, которую привозил Саня Котов из Цимлы (у нас в комнате было три Сани и Володя). Хоть он ездил редко, но после его приезда мы ели «рыбу с рыбой». Заходит как-то к нам Миха Карась, наш же «гвардеец», но в отличие от нас, отслуживший уже срочную службу и его лицо и так, зачастую имеющую красный пигментный цвет, побагровел и заорал: «Рыба?! Без пива — преступление!...» Следующие после этого выражения, я лучше опущу. Готовить могли все и готовили хорошо, а там всё казалось вкусным.

Вечером на кухне скворчала на сале картошка, готовились супы и всё, что можно было только придумать. Но приходили времена, когда достали из-под кровати последнюю луковицу и говорили: «Это всё, что есть!» И тут начинал срабатывать инстинкт «самосохранения» или выживания. Посылались «гонцы» по этажам, задача которых состояла в том, чтобы не прийти с пустыми руками. «С миру по нитке — голому рубашка». Как говорится, что «враньё ради благого дела простительно». Например, заходишь и лучше к тем, кто тебя еще ни разу не «раскусывал», не ловил на лжи и говоришь: «Мужики! Выручайте! Начистили картошку, хотели жарить, глянули, а сала нет, на чём жарить...»; у следующих: «Не найдется пару картошин, бульон уже готов, а картошка закончилась. Где её сейчас, уже поздно, возьмешь...». Вот

«таким Макаром» и ужин готов. Заключительный штрих — «пацаны, выручайте! Ужин стынет, а хлеб забыли купить». Насытившись, Саня Котов берет неизменную гитару и идем в курилку, получать двойное удовольствие: после приема пищи и от песен под гитару. К нему добавляются в трио Миха Голяков и Вова «Поль». День прошел. Слава Богу!

Глава VII. Дядя Саша

Дядей Сашей я стал зваться ещё задолго до того, когда у меня родился старший племянник. И это не зоновское прозвище, не дворовое «погоняло», а прозвище, данное мне в 18-летнем возрасте институтскими товарищами за «особые заслуги». Если смог, хоть немного заинтриговать, то расскажу.

Попробую позволить себе начать свой рассказ с того «истока», т.е. первопричины, которая и привела к «прилипанию» ко мне такого прозвища.

Я, хоть и до безумия хотел спать, но ворочался и не мог уснуть. Плюхнувшись, не раздеваясь на своё лежбище у окна, в которое пробивались лучи яркого июньского солнца, не мог никак перестать думать, отложить свои мысли на потом, чтобы, при желании перелистывать события, произошедшие с ним за сутки и заодно сортировать: эти стоит сохранить на самом видном и доступном месте, чтобы при желании, когда была в этом душевная необходимость, насладиться приятными воспоминаниями; а эти, хоть и столь важны, но могут пригодиться при случае, если нужно будет вспомнить какую-то дату, адрес, как зовут того человека, с кем ещё придётся когда-то встретиться и пр.; а вот те события, которые вызывают негативные эмоции, при их воспоминании,

приносят боль и страдания — лучше выбросить в урну забытья, нет, лучше сжечь пламенем страсти и любви.

Самое главное и самое светлое, что произошло за эти сутки — он влюбился, влюбился с первого взгляда, влюбился, скорее всего по-настоящему, по-взрослому, а не так, как в пять лет. Вспомнилась и эта, самая первая детская, не знаю, как лучше назвать — привязанность, интерес к девочке 4—5 лет или симпатия, но не любовь же?!

Я только на миг вспомнил эту кроху, с которой меня связала судьба в те далёкие годы, когда Юрий Гагарин проводил усиленные тренировки по подготовке к полету в отряде космонавтов. Нас, дворовую детвору, хотя определение «дворовая» вряд ли будет подходяще в этом случае, скажу так, уличную шпану или, как у нас практиковалось называть «кланы» — «края», больше интересовали успехи в баталиях между, так называемыми краями, в каждом из которых, конечно был предводитель. Село делилось негласно на пять краев, центральная, самая длинная улица, тянувшаяся через все село километра на два, делилась на три края (центральный тоже был центральным краем, т.е. у нас край и окраина имели не одинаковое значение).

Вот, однажды, ранней весенней порой, занимаясь по обыкновению подготовкой амуниции и, главное, оружия, я заметил, что в соседском дворе, где проживала тетья Таня с мужем и сыном юношеского возраста, как-то стало оживленно. Я прильнул к ограде и увидел, что соседи встречали гостей, как я потом понял, они приехали из г. Красный Луч, что на Украине. Но меня заинтересовала девочка, на вид чуть меньше меня, в красивом пальтишке, шапочке и косичками с бантиками. Можно не поверить, но у меня, пятилетнего шкета заколотилось сердечко, меня влекло встретиться с ней, во чтобы то не стало.

Наши дворы отделял забор только до конца двора и постройек, а огороды разделены не были. Я, как пограничник, долго обходил свои «владения», пока, моя новая соседка, не увидела меня и, надо отдать ей должное, осмелилась ко мне подойти.

У нас состоялся короткий, но памятный разговор. Факт знакомства я закрепил тем, что достал из кармана долго хранимые карамельки, которые бабушка от души, нет-нет да и баловала нас, и раскрыв ладошку с сияющим лицом протянул «даме моего сердца». Она приняла конфеты и дружбу с улыбкой. Гости пробыли у соседей не долго, и я с грустью наблюдал, как моя принцесса садилась в салон «Москвича».

Не помню, как долго я страдал, переживая разлуку, но в те минуты, когда особого занятия не было, я вглядывался через ограду на соседнее подворье, в надежде увидеть причину моих потаенных мыслей и чувств, если это таким термином можно назвать.

Прошло больше десятка лет. Я, как и многие, если имеют смелость признаться, влюблялся и в школе в девочек и в учительниц, когда стал чуть постарше, но никогда и никому об этом старался и мимикой не показывать. Да и вообще, я был скромным парнем. Даже в старших классах и на первом курсе института для меня девушки были почти что табу. Как в песне «Первым делом, первым делом самолеты,...

Успешно сданная летняя сессия, перевод на второй курс и первая практика, которую я проходил в родном селе, дали мне второй толчок сердцу. А автором толчка стала моя бывшая одноклассница, Нина, которая проучилась в первом и втором классе всего года полтора, уехала с семьей жить за Урал.

Она приехала через девять лет в гости в те места, где когда-то прожили недолгое время. И я почувствовал, что ветерок перемен раздул ту «золу» от симпатий, которые

были у меня к однокласснице, когда она вертела впереди своей белокурой головкой с косичками, заплетенными большими бантами, в искорку и стремительно разгоревшейся в костёр.

Это была взрослая (мне только исполнилось 18 лет) любовь. Любовь чистая, платоническая, как говорится. Возможно, я больше напоминал своим старшим землякам телохранителя этой приезжей блондиночки, чем ухажера. В крайнем случае, мне поступали предложения — уступи девку, я бы с ней... Благо, что всё общее, что нас годы связывало до этого, определенные навыки поведения в приличном обществе, тактичность и основы философского мировоззрения брали верх над желанием, просто, дать в морду. Но, как можно, свои же пацаны.

На память об этих отношениях, я, используя трактор Т-4А, на котором я проходил практику в колхозе, пятикорпусным плугом склон напротив улицы, где жила Нина, расписал на полную глубину корпусов целину, надписью буквы «Н». Много лет селяне недоумевали, кто таким образом опробовал пахотный агрегат, испортив часть пастбища и единый окрас ландшафта.

Вернувшись на учёбу, я часами писал Нине длинные письма, по 4—6 тетрадных листов. Это ещё не были поэтические признания, но когда под напором своих товарищей, я сдался и прочитал то, что пишу, то они частично потеряли дар речи. Самое слабое выражение, которое помню, было «Ну, ни фиги себе!» Кто-то из них, давая оценку моим открывшимся способностям писать красивые письма, сказал: «Ну, ты, ваще! Дядя Саша, ты учитель классической любви».

Так и повелось. Все знают, что прозвища, если имеют под собой основания, так сказать подоплёку, прилипают без клея. Сначала вся группа, а затем и большинство общаги, стали обращаться ко мне, как Дядя Саша. Остальные определения отпали быстро, как излишние.

Но на многочисленные просьбы моих одноклассников, написать от их имени любовные послания девушкам, я отказывал, объясняя это тем, что для того, чтобы получалось от души, нужны чувства к тому, кому пишешь. Они пытались подсовывать фотографии симпатичных девчонок, с вопросом и надеждой «что? Не нравится?» Я им доказывал, что тонкая девичья душа почувствует подлог, «как пить дать». Конечно, это в какой-то степени подняло мою самооценку, я стал менее скромн, более уверен в себе. Короче, меня испортили. А начало «порчи» состоялось чуть раньше, когда я, не куривший вообще, не употребляющий спиртных напитков, на моё совершеннолетие, отмечая его в привычной компании своих одноклассников из «5-й гвардейской» группы, был «сломлен», под натиском двух десятков здоровых пацанов. И, как это бывает, под слова «была-не была!»...

Так и стал я дядей Сашей, а через год уже и в городе, при встрече стали меня так звать. Но до этого должно было что-то произойти значимое. А, что? Об этом в другой раз.

Помните известную поговорку, когда внезапно прерывается кино на захватывающем моменте, с целью заинтриговать зрителей, чтобы они с нетерпением ждали продолжение сериала, например. В этом случае, самопроизвольно с губ слетает клеше-фраза: «Вот так всегда! На самом интересном месте!»

Так и у меня случилось, провал или фиаско, сказать будет уместнее. Та, из-за которой у меня открылись определенные способности и я, из молчуна-тихони постепенно превратился в говоруна и, как оказалось, интересного собеседника, с неизменным юмором и той, отличающих от прочих находчивостью, быстро и метко подобрать эпитеты, если нужно, то уместные комплименты или шутку, для разрядки обстановки, отвечала

мне письмами в разы меньше, как объемы присылаемой «макулатуры».

— Как некрасиво, Дядя Саша, так о себе, выпячивая свои ещё шаткие, не доказанные серьёзными проверками и временем способности, — это я о себе, пристыдить решил, чтобы нос не драл. Возможно, читатель, ещё раньше заметил тенденцию к тому и думает — «зазвездился совсем, раздухарился». Возможно, есть такое. Но, согласитесь, редко кто откажется чуть прихвастнуть своими определенными успехами, способностями или в чём-то неповторимостью. Может быть я и ошибаюсь. Простите! Но в те годы, не спорю, желание проявить себя в чём-то овладевало мной бесспорно.

Кому не хотелось нравиться девушкам? А быть, если не тем, которого называют заводила, то как минимум, в центре компании? В группе много было индивидуумов: бесспорно, это меломаны-гитаристы, юмористы, ловеласы-любовники, любители спать, вместо посещения лекций и пр. Мне выпала, по велению судьбы другая роль и я старался не терять «профессиональный престиж».

«Так, что ты там, дядя Саша о Той говорил? — это я опять напомнил себе, что не терял нить сюжетной линии, — а ещё Дядей Сашей звался. Тебя ещё самого учить и учить. Ну и что, что преподаешь в колледже четверть века, ты же сейчас не о сегодня говоришь, а о том, что было в далекие, но соглашусь, счастливые и беззаботные, в какой-то степени, годы студенческой».

«Извини, Иваныч!» — так меня студенты величают, — хоть и говорить самому с собой и не ахти какая примета, но замечание по делу. Продолжу по существу вопроса, вынесенного на суд читателей.

«Думаешь, что по достоинству оценят твои бредовые истории? Ерунда на постном масле или как говорит герой полюбившейся нам комедии, высказывания из кото-

рой разлетелись на цитаты: «Ох, и гадость, эта ваша заливная рыба».

Не уверен на все 100, но надеюсь, что кто-то, прочитав, как и я предастся упоительным воспоминаниям своей юности и, хоть на время забудет, что у нас на дворе, не какой-то 1974 год, с выходом на экраны, любимшегося в нашей стране фильме «Генералы песчаных карьеров», а то время, когда весь мир интересуется самым важным вопросом — закончится ли когда-нибудь этот напруг с коронавирусом. А прелесть просмотра фильмов в кинотеатрах на задних, излюбленных для влюблённых пар местах, в обнимку и с поцелуями втихаря, сменилось скучным продавливанием дивана в то время, пока жена хлопочет на кухне, готова вкусный ужин.

Теперь уже, как педагог с большим стажем работы, хочу подтвердить правильность такого суждения, что: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа». Теорию «учения о любви» я совершенствовал, пополняя ее постулатами, поиском и «разработкой» новых, неизведанных путей к девичьему сердцу, методик и рекомендаций. Но эти методики и рекомендации должны быть опробованы на практике, прежде чем их внедрять для применения или даже изначально рекомендовать.

Испытывать, как работают теоретические аспекты моих теоретических выкладок я не мог без убедительной просьбы самих «испытуемых», чаще же я их обкатывал сам. Но и не будь я «учителем», если «урок» проходил без учеников. Их подбор был не случайный, чаще всего — это были единомышленники, с кем было много общего в характере, взглядах, убеждениях и другом. Часто «занятия» проводились в форме «дискуссии», «беседы», «ролевой игры» — очень интересная в данном случае методика, а заканчивалось, как и полагается «закреплением изученного учебного материала» в разнообразных формах.

Очень важным моментом урока, опытные педагоги меня поддержат, является начальная часть урока, которую называют «налаживание психологического контакта» с учащимися, а в моем случае это были объекты изучения или отработки на них учебных или практических задач (наглядными «пособиями» девушек назвать язык не поворачивается сказать, хотя некоторые из них заслуживали того, чтобы смотреть, смотреть — не насмотреться).

Я развеял миф о том, что познакомиться можно только в выходные на танцах или на вечерних сеансах кино. Чаще всего эти эксперименты я проделывал со своим наиболее близким товарищем, даже скажу больше — другом, Саней, парнишкой из Цимлы, очень коммуникабельным, опытным во многих отношениях, высоким стройным блондином, что тоже было важно для контраста со мной — среднего роста, шатеном, в отличие от Сани, у меня волосы были вьющиеся и, главное то, что мы друг друга понимали без слов.

Мы выходили на «отработку» практических навыков в любое время, даже утром и часто по понедельникам, хотя все знают, что утро в понедельник добрым не бывает. Мы развеяли этот миф в пух и прах. Основное, чего мы должны были добиться — познакомиться, завести доверительную беседу, пригласить девушек в кино, на танцы (в кафе мы никого не приглашали, так как «финансы постоянно пели романсы»).

Чтобы пример и очередной успех были зафиксированы, как правило, на определенном почтительном удалении от нас, но с возможностью видеть и слышать все происходящее, за нами следовал «почётный эскорт», как правило 2—3 студента, желающих «подтянуть» свои, пока слабые успехи на этом поприще.

«Если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно выстрелит», — так сказал мой

земляк из г. Таганрога А. П. Чехов. И в этом, несомненно, вложен большой смысл. И в этом, несомненно, вложен большой смысл. Если воинов обучать военному делу, то эти знания кому-то обязательно пригодятся, как бы не хотелось нам этого — воевать.

Мне нравятся фильмы про наших доблестных гусар и они, для многих стали не только примером доблести и славы, но и галантности по отношению к дамам. Я не скажу, что был своими манерами схож с ними, но к этому стремился. Терпеть ненавижу грубое или властное отношение к девушкам или женщинам, какого бы ты сословия не был и какими бы миллионами твоё состояние не исчислялось. Мой отец, как писали раньше в анкетах, и я не исключение, там, где указывал своё происхождение — из крестьян. Но это не помешало ему, при простоте одяения (как ходили наши советские люди, да ещё и в деревне в послевоенные годы мы знаем), был очень галантным в общении с женщинами и даже, элементарное приветствие поцелуем руки, я перенял не столько из фильмов — от отца.

Отец мой много читал, как говорили «запоями», несколько лет, начиная с военных, когда ещё парнишкой руководил избой-читальней и после службы в Армии, работая заведующим сельским клубом, был примером интеллигента со своим 6-ти летним образованием до войны.

Сегодня мы с Саней Запорожцем, по прозвищу ЗАЗ, чернявым парнишкой из Пятигорска, носившем не совсем подходящие редкие усы, прогуливаясь на местном Бродвее, ул. Ленина, которая была закрыта для транспорта и на протяжении двух километров, от железнодорожного вокзала, называемого когда-то ст. Верблюд и автовокзала перед ним и до большой площади им. Ленина с его памятником, универмагом, дворцом культуры и гостиницей.

«Свеженькие» девчата бросались в глаза сразу. В первых, город был небольшой и при, практически ежедневных прогулках, запоминаешь лица. Во-вторых, приезжие вели себя иначе, не так уверенно, иногда даже оглядываясь, словно ожидая преследования. Вот в этом они не ошиблись. Мы быстро, заинтересовавшись их персонами, проявив некоторые традиционные и при нетрадиционных ответах, быстро находясь в новых решениях, методы знакомства, сбавив шаг, прогуливались по тротуару. Почему по тротуару, а не по улице свободной от автомобилей? Да потому, что с обеих сторон тротуаров росли развесистые деревья, создаваемые днем комфорт, защищая от жары, а вечером прикрывая от яркого света уличных фонарей, создавая некий интим.

Все «клеилось» замечательно. Девчата приехали из г. Ростова, где учились в училище, на практику в местный питомник для помощи в сборе овощей и фруктов. Мы уже построили совместные планы на вечер, как произошло то, что когда-то должно было произойти.

Место событий, которым только предстояло свершиться, располагалось между территорий нашего института и школой №5, здание которой, по непонятным соображениям, было отнесено от улицы метров на 30, а пустое пространство образованное при этом, не имело ни цветников с клумбами и прочими, ни других красот, а было засажено высокими тополями. Возможно, чтобы прикрыть здание школы от палящих лучей южного безжалостного солнца.

Навстречу «надвигалась», иначе не назвать, веселая компания. Я с Галинкой, так звали мою новую знакомую, шли метрах в 15—20 впереди от кубанского казака, с подходящим для этого фамилией, Запорожцев. Видимо, явно его предки были переселенцами с Запорожья.

Толпа пацанов шла шумной, плотной толпой, хоть их и было всего 5—6 человек, но на тротуаре они могли уме-

щаться только в две шеренги. Я, из соображений безопасности, но, если честно, то и не только — была причина прижать Галю плотно к себе, чтобы благополучно разминуться с компанией. Но в их-то планы это не входило.

Просто тараном, что «стенобитным орудием», они, врезавшись в нас так, что нас даже развернуло обоих, так как мы в этот момент представляли монолит прижавшихся друг к другу молодых людей, проявляющих (а почему бы и нет?), к тому же, взаимные симпатии. Нужно было быть совсем не джентльменом и себя не уважать, чтобы не сделать парням замечание.

Видимо, это они и ждали, их это раззадорило, резко повернувшись в нашу сторону, начали напирать.

— Галя, уйди! — почти грубо оттолкнув в сторону улицы с тротуара, крикнул ей и выбирая место, где мне будет удобнее обороняться отошел в названную ранее тополиную рощу. Первый же нападавший, после уклонения от его удара, получил ровно под глаз, отлетел в сторону и визжал, подстрекая остальных. Началось, как говорится «махалово», в результате чего никто больше особо не пострадал, кроме нескольких пропущенных и мною ударов в туловище. Но это ещё благодарю тому, что кубанский казак уже бежал мне на выручку, с криками и принявшись помогать мне дать достойный отпор.

Не ожидав того, что их план «блиц-крига» и лёгкой победы над «учителем» с порицанием, как себя нужно вести, с отношением сил «пять на одного» или шестерых, запамятовал уже, после того, как отношение поменяло пропорцию, ретировались со стандартными угрозами «мы ещё встретимся!»

Мы от души посмеялись над толпой, явно «навеселе» парней, которым было не по зубам справиться с двумя студентами. Раньше и не раз было, что студентов встречали, как говорят «в тёмных местах» для того,

чтобы проучить и поставить ультиматум, типа «это наша территория и девчата наши, будешь с ней встречаться — ноги переломаем». Да, такое встречалось на посёлках: Тимерязева, Новом или Старом. Но здесь, в центре, где даже по положению места проживания был наш анклав.

Кто-то мог подумать, что этот заголовок, как в конце главы предупреждает о перерыве коротком или длинном. Я помню, когда в 60-е годы показывали сериалы с одной серией в недели. Как было невыносимо долго ждать. Не знаю, насколько я вас заинтриговал, но осмелюсь продолжить еще немного повествований событий, о которых идёт речь.

Наша прогулка с своими прекрасными пассиями продолжимся и стоит отметить, что в нашем лице девушки видели достойных рыцарей. Вскоре мы не вспоминали об этом случае, потому что нам было чем заниматься и говорить на более приятные темы.

Девчонки, не хотели испытывать судьбу, потому к 23 часам мы их проводили в общежитие студентов №3, где их временно разместили. Общежитие студентов-электриков по какой-то привилегии располагалось в самом центре города, а наша общага совсем рядом, на соседней улице, ровно напротив, куда и отправился сразу Саня, отпустив свою девушку у входа.

А мне так не хотелось расставаться со своей Галинкой. Благо, что ее комната располагалась на первом этаже с тыльной стороны здания, окна выходили к волейбольной площадке, за ней кинотеатр «Комсомолец», за ним, на углу улицы аптека, а напротив, через улицу наше общежитие. Галя открыла окно, и мы продолжили общение под светом светильника. Мне было не охота отвлекаться от улыбающегося лица девушки до тех пор, пока оно не изменилось в мимике и улыбка исчезла.

Я повернулся и сразу воткнулся в толпу.

— Это твоя работа?! — зло сказал стоявший напротив и указывающий на своё лицо, с расплывшимся изрядно синяком.

Я ничего не успел сказать, так как кто-то сбоку ударил меня в голову и несколько пар рук потащили меня на площадку. Это хорошо, подумал я, что не стали избивать, зажав в «тиски» у стены и, как только почувствовал слабость, сделал резкое, насколько можно было, вращательное движение и половина рук оторвались от меня, правда и нещадно отлетали при этом пуговицы в моей модной в то время, с красивыми, сочными рисунками рубашке из нейлона. На этот раз, план «мести», несколько часов ранее получивших уже урок сработал, их неожиданная атака и как не крути, а один и, на этот раз трудно сказать, сколько их было вообще. Держался, как мне показалось долго, но в такие моменты, минута часом кажется.

Силы были неравные, в конце концов меня сбили с ног — это было опасно, могли забить ногами. И опять я как-то изловчился или нападающие взяли секундный перерыв. Я стал на середине площадки, широко расставив ноги и растопырив, сжатые кулаки. У меня из груди вырвался крик Тарзана и я крикнул в толпу:

— Давай, налетай! Я вас буду убивать!

Возможно, немного иначе, даже с матом, чего я обычно не делаю, но смысл был однозначным. И я, чуть ли не впервые ошибся, думая, что это их лишь раздраконит и они пойдут опять наносить удары руками и ногами. Нет. Установилось молчание, потом круг медленно начал расступаться и строй нападавших стал не таким стройным, как изначально. Я понял — это победа. Мне бока помяли, губу расквасили, но я снова вышел победителем, я был духом в разы сильнее их.

Не обращая внимание на присутствующих, двинулся из круга. Мне никто не препятствовал, а только лишь

расступились. На углу, перед общагой стоял автомат газированной воды. Кто знает устройство, стаканы в нем, они были постоянными, пока кто-то из выпивох не прихватит для распития спиртных напитков за углом и мылись струей проточной воды, нажатием на устройство. Я воспользовался этим, чтобы умыться.

Проходил мимо, возвращающийся в общагу комсорг группы Паша Бочкаренко и увидев меня в таком состоянии, естественно спросил:

— Дядя Саша, что с тобой?

Я вкратце объяснил ситуацию...

Что было потом? Кстати, резонный вопрос и на самом интересном месте, как всегда. Если интересно, расскажу, но приведя себя в порядок.

Глава VIII. Ночь «возмездия»

«Принцип привлечения интереса читателей, заканчивая главу на интригующем моменте, как, Дядя Саша, работает?» — спрашиваю свою молодость.

«Ты это о чём, Иваныч? — спрашивает вопросом на вопрос моя молодость у меня, — я только излагаю факты событий, происходящих со мной или в то время и с теми людьми, с которыми я имел счастье быть знакомым. А ты не ухмыляйся, хоть ты и писатель, я то же не лыком шит, и учти, то, чем ты сейчас можешь похвастаться, знания и умения, способности, в том числе — всё это заложено было в большой степени и тогда, когда все твои сверстники ходили в моднячих брюках-„колоколах“ и носили кустарно клееные здесь же, в Зернограде туфли на платформе, которые, кроме, как „армянские“ мы не называли — забыл?»

«Дядя Саша, успокойся. Ну, да, ты прав. Было дело. Но ты же тоже тогда понимал, что мама получала зарплату 60 рублей, отец 70—90 рублей, в зависимости от сезона, а твоя стипендия, вне зависимости — сдашь сессию без „троек“ или будут одни „тройки“, всё равно платил колхоз, да ещё и на 6 рублей больше, чем тем, кто не по направлению учился», — ответил Иваныч.

«Чё, умный стал на старости лет, чтобы мою стипендию считать? Попробуй на них месяц прожить, когда, кроме пирожков в буфете, хочется и в кино, на танцы и с девчатами, как вы сейчас говорите, „потусить“. Тогда мы не знали, как у вас дискотеки, бары, стриптиз-клубы... Фу, мерзость! Даже никогда там не бывал и то противно стало от названия», — Дядя Саша с презрением сплюнул в сторону.

«Дядя Саша, ты счастливый потому, что не знаешь, что такое гей-парады, хотя бы. Или знаешь?» — решил осадить «взорвавшегося Дядю Сашу Иваныч.

«Старый, откуда?!» — возмутился студент, откуда он слышать мог о геях в 1973 году с СССР.

«Тебе ещё многое предстоит узнать, осмыслить и переоценить. А то, что наш великий Советский Союз «отдал Богу душу, проще сказать, распался, можешь представить?» — спросил у Дяди Саши и пожалел об этом Иваныч.

«Ну, это, Иваныч, совсем не смешно. Ты знаешь, что тебе за эти слова может быть? Или забыл, писака?» — студент начинал не на шутку злиться.

«Я ещё помню и анекдоты о Леониде Ильиче и Василии Ивановиче, но сейчас сама жизнь — анекдот, только не смешной, а очень грустный. А вообще-то, я уже и сам запутался, где ты, Дядя Саша, а где я — Иваныч. Знаешь, что? Давай читателю мозг не будем ломать, а продолжим: ты действовать дальше, а я вспоминать те годы и события и, как твой летописец, без значимых прикрас, как на ду-

ху всё расскажу, что помню. А, что забуду, ты напomini мне или с фоток, где ты с друзьями-товарищами и все молоды и живы, пока..., или, открыв интернет и порывшись в нём», — решил заключить мировое соглашение со своей молодостью Иваныч.

«Интернет — это чё? „Интер“ помню, сигареты болгарские по 35 копеек, я их, потом ещё „Опал“ и „Ту-134“, даже „Шипку“ в тяжелые времена курил. А ты и сейчас куришь? Чохотку не заработал от сигарет?» — не мог понять о чём речь Дядя Саша.

«Бросил, Дядя Саша, твою вредную привычку, уже 10 лет, как не курю», честно признался Иваныч.

«А ты почему за Союз не ответил? Смотри, чтобы в органах тебе за это «по шапке» не надавали. Ладно, пиши писака. Я в общагу, переодеться нужно... рубаха порвана, и вся в крови, и брюхи... ё-моё, вот, суки, брюки тоже распорол по шву, «модисты» хреновы... Без меня не начинай. Я быстро, «одна нога тут, другая там.» — вытерев умытое в автомате газированной воды лицо, Дядя Саша перебежал через улицу и скрылся за дверью общежития.

Пока я переодевался в своей комнате, в коридоре по лестничным пролетам и на верхних этажах, звонкие отголоски от любого шума, некогда отзывались сильным эхом из-за пустоты коридоров и пространств между этажами из-за того, что в это время по распорядку в общежитии, студенты должны бы переключаться с первого сна на второй. Сейчас всё было с точностью до наоборот — общага гудела и не как улей, а как механический цех или кузнечнопрессовый производственный участок.

Шум и крик сливался в гул. Когда я выходил на улицу, меня в коридоре обгоняли студенты других групп нашего первого потока факультета механизации, которые со спины, из-за растопыренных ноздрей и бегающих,

очумелых глаз, как у разъярённого быка, не замечали, что у них перед носом «виновник» того, что их поднял девиз «наших бьют!», но разбудить забыли. Вахтёрша грозилась, что обратно никого не пустит. Попробовала бы она это сделать, когда процентов на 80 все жильцы общаги были на улице.

Голова гудела. Это было последствием ударов, возможно ногами, когда меня сбили с ног на волейбольной площадке. Я подумал — благо, что в это время года, когда лето полностью вступило в свои права, от туфель даже многие отказались в пользу более легкой спортивной обуви, вплоть до сланцев. Иначе, мне пришлось бы совсем плохо. Да и, справедливости ради хочу сказать, что зверских избиений, как в наше сегодняшнее время, тогда, практически, не практиковалось. Понимайте, как хотите, но люди в то время, как бы это смешно в данном случае не показалось, были в разы добрее, не такие озлобленные, как теперь.

Уже была ночь, теплая июньская, тихая до того, как, ночь. Улицы были практически пусты. Движение автомобилей, своей интенсивностью никак не шло в сравнение с нынешним, то есть движение замерло. Обычно, в такое время молодежь привычно гуляла по Ленина бесцельно или имея цель, но пока из задуманного мало, что получилось, а у кого получилось, те уже сидели в обнимку, зашхерясь или в парке на скамье, где лампочки давно были умышленно разбиты или во дворах частного сектора города, где были беседки и места для свиданий, а на поселках — это скамьи возле дворов, как правило, в это время изрядно закрытые свисающими ветками деревьев, в основном вишен.

Зная это, комсорг Паша, как опытный вожак (говорю это на полном серьёзе, организатором был от Бога, потому его впоследствии избрали председателем комитета комсомола института и, менее, чем через год стал делега-

том XVII Съезда ВЛКСМ. Как знать, может быть полученная в подобных «революционно-освободительных» движениях от беспредела местных кланов и сформировались его организаторские способности.

Быстро были организованы «боевые» группы: одной из них руководил сам «вожак»; вторым руководил я; третьим Саша Запорожцев, так как мог узнать в лицо нападавших ранее беспредельщиков; четвёртым звеном было поручено руководить кому-то из активистов смежной группы. Перед всеми была поставлена задача, как сказал комсомольский вожак — «Отомстить за Дядю Сашу и дать понять, кто в городе «заказывает музыку». На вопрос «Мы же их и в лицо не знаем...», был ответ — «Мочите всех, кто попадётся, другим, чтоб неповадно было». На том и порешили. Хотя «мочите! Или «гасите», звучащее тогда, ни в коем случае не идет в сравнение с сегодняшним, что нужно теперь в прямом смысле понимать — жестокость, вплоть до...

Хорошо рассуждать сейчас молодежи: сотовые у всех на руках, каждый шаг можно отследить и скорректировать действия групп, всё согласовано и подконтрольно можно было бы провести. Но, если бы, да кабы... Вот сейчас я подумал, как тяжело было работать в следственном отделе милиции в то время. И, несмотря на отсутствие всех современных «наворотов» и средств отслеживания, они делали чудеса. Такие показатели раскрываемости, что... Короче, нам было еще далеко до сыскарей.

Группы рассосались по намеченным маршрутам и начали с глухих улочек и совсем не потому, что там предположительно могли скрываться те, кто стал виновником того, что город, вместо того чтобы отойти ко сну, начал, наоборот просыпаться. Так, вот в этих тихих улочках, где имелись пролёты штaketника-частокола, слышался характерный звук отрываемых планок и треск сучкова-

тых, показавших свою непригодность, в качестве «указателей недостатков» сразу, а не на спине предполагаемых обидчиков.

Я не столь кровожаден, чтобы расписывать сцены кровавых побоищ, как любят делать в своих боевиках голливудские режиссёры. Да и наши, в последние годы стараются не отстать. Даже кровь на съемках используют натуральную, надеюсь, что не человеческую. Когда говорят, что из донорской крови получают плазму, а остальное куда девают?

А в наших стычках «оппоненты», чаще всего отделывались двумя-тремя ударами по ребрам, если оказывал кто-то сопротивление, мог получить и в нос, отделаться «фингалом» под глазом или расквашенной губой и этим походить на современных див с «накачанными» силиконом «варениками». Зачем деньги тратить, обзови парня нехорошим словом — он тебе губы «наквасит», потом ещё поблагодари за оказанную бесплатную «пластическую операцию». А сэкономленные при этом деньги можно потратить на себя, любимую.

Пока ещё город «не стал на уши» была возможность прижучить обидчиков. И этот случай выпал группе, руководимой вожаком Пашей. Они увидели подозрительную группу парней. Вот кто бы мог подумать, что они придумают укрыться в самом, как говорится «логове их врага» — у стен института, усевшись «мирно» на скамьи под развесистыми деревьями в сквере, неподалеку от парадного входа в институт. Это тот случай, когда хочется пожать руку достойному противнику. Но меня же там не было, к сожалению или к счастью, как посмотреть. И надо же было так опростоволоситься «ведущему» звена «карающего несправедливость», спросившего у них:

— А, вы, кто?

Те, почуяв неладное, а, возможно даже, невзначай наткнувшись на митинг у общаги, слыша его громкие при-

зывы (от общаги до места их «лежки» было метров 250—300 всего, а с учётом того, что вечер был тихим, а голоса громки и даже слишком ...), ответили:

— Мы поступать будем в институт. Документы сдаем...

Тут чуйка моих «боевых» товарищей подвела. Когда был «разбор полётов» в общаге, в назначенный час, ближе к рассвету, мне описали этих «абитуриентов», стало ясно — это и были мои обидчики.

Шум и гам в городе только нарастал. Его переняли дворовые собаки частного сектора поселков и казалось, что не спал никто. И неизвестно ещё, кто был злее, собаки или те, кому эти собаки, шум, гам и крики не давали поспать в одну и так самых коротких ночей в году. Было много сломанных штакетников, много разбитых носов, иногда, даже чаще незаслуженных. Большинство тех, над кем зависал «дамоклов меч» их свежо-крашенных планок или уже облупившейся под действием южного беспощадного солнца, сезонных дождей и степных ветров из сальских и калмыцких степей.

Очень быстро все поняли, что учинять допросы и расспросы результата не дают. Да и кто сознается, что дерзкое избиение студента, да еще, практически на территории, прилегающей к студенческому общежитию — это был вызов. И мы его приняли. Скорее всего, это была последняя капля, перевесившая чашу весов терпения. Потому что, то там, то там, чаще всего на поселках происходили случаи, когда студентов, провожающих своих девушек встречали в таких местах, как парк, который пролегал границей между городом и поселками Дубки и Темерязева, так называемое Шаманский сад с кладбищем — одно из неприятных мест, рядом с которыми проходила дорога на Тимерязевку. Но они были, как бы «в назидание», чтобы показать, что там есть «хозяин» и его требования — закон.

В нашем случае, как говорится, ребята «рамсы попутали», начали права качать на исконно нашей студенческой территории. Получилось так, что «боевые действия» перешли все границы и «наказывать» обидчиков пришлось в их же логове. Кто попадал под «горячую руку»? Да, все, кто попадался, даже загулявшие студенты, если с перепугу не понимал, кто перед ним и не успевал объяснить, что «Я — свой! Не бейте меня, пацаны!»

Справедливости ради хочу сказать, что особая жестокость не проявлялась, основная цель — «воспитательная» выполнялась при этом на все сто. Вот сейчас я порой смотрю по телевизору, как на Украине, Беларуси, а в последнее время всё чаще в США, молодые люди выходят и громят всё и всяк. Боже упаси. То, что мы делали, по сравнению с нынешними погромами — это небо и земля.

Не знаю, попадались ли еще кому-то, из наших «боевых отрядов» или групп в ту ночь мои обидчики, но даже, если они «залегли на дно», то их вспомнили на утро другие, те, что пострадал в результате «урока с воспитательной целью», но не принятыми в системе образования методами. Важно одно, чтобы любой человек, при совершении проступка знал, что проступок всегда рано или поздно ведет к наказанию. Кто выполнить карательную функцию — не важно. Не Бог, так сама жизнь накажет тех, кто тебя когда-то обидел. Хорошо, если приговор не будет содержать какую-то статью уголовного кодекса.

В те годы, подобные вещи происходили часто, но имели разную подоплеку и разную реакцию на действия противодействиями. Я помню, когда у нас, молодежь села, парни, конечно, выходили драться в кулачном бою с парнями другого соседнего села, если там кого-то из девушки, практически всегда был повод — «ты, зачем у нас уводишь девушку?» В лучшем случае тогда вечера-

ми приезжал отряд «бойцов» и так же искали обидчиков или просто били тех, кто попадетсЯ. Но для таких ситуаций нужен был повод. Все «войны» начинались из-за де-душек.

Резонным будет вопрос: «А куда милиция смотрела?» Могу высказать своё личное мнения, исходя из того, что помню из событий тех далёких лет и из собственных наблюдений позже.

Мне кажется, что из-за того, что даже при массовых столкновениях, когда в драке участвовали даже десятки человек, слава Богу, случаев битья до полусмерти или, упаси Бог, до смертельного исхода — случаев вопиющих, неординарных, практически не было. Даже «буцание, как мячик» упавшего человека, было из ряда вот выходящим. Хотя, отморозки попадались везде, но народ не был озлоблен условиями жизни, политическими решениями правительства и пр. Исключением можно, правда, называть бунт рабочих из-за, непривычных в то время, повышений цен на продукты и их физическое подавление, расстрелом. Этого, конечно, в нашей мирной стране, с народной властью и такое, никто не мог и в страшном сне увидеть.

Милиция, до определенного «накала» соблюдала нейтралитет. Не раз мне приходилось наблюдать, например, как милиция «пряталась» за дверки своих «ПМГ» или как они тогда назывались. Обычно их было два, ну в лучшем случае три человека. К примеру, дерущихся было 10 — 15 человек, а иногда и больше. Что они сделают? Применить оружие? А потом самому сидеть или, опять же, вдруг в неразберихе и сутолоке кто-то завладеет табельным «ПМ». Другое дело, когда едет «воронок», медленно, как крадётся и его экипаж, как правило два человека: водитель и старший патрульной спецмашины. Куда легче им остановиться у изрядно-выпившего человека, мирно-

отдыхающего на уютном месте где-нибудь на скамье, в худшем случае на земле, а если в грязи, то и поднимать не стоило — измажет всех и машину тоже.

Вот с таким контингентом и работать приятней, безопаснее и прибыльнее, однако. Нет-нет, да и перепадёт «чирик» в карман. Я не осуждаю милицию. Может быть, у них на разводе «установки» делают и наверняка инструктируют, как в какой обстановке действовать. Честно скажу, что если бы, прошедшей ночью, одну из групп, скажем, «попросили объяснить» повод поздних прогулок, со штaketником в руках, то нашелся бы весельчак, который ответил бы: «Решили доброе дело сделать, субботник организовали. А ночью, чтобы сюрприз получился. Вот ветеран войны утром проснётся, а у него палисадник новым штaketником огорожен. Комсомольский отряд мы, во...». А в худшем случае, если не нашли ничего для объяснения — «атасс» ещё никто не отменял. Сколько направлений у «Розы ветров» по стольким же «векторам направления движения» устремились бы в рассыпную все, что неизвестно за кем гнаться и оно вот это нужно?

Как быто не было, толи из-за глухой ночи, когда даже под ожесточённый лай собак, дежурные, посапывая спали за пультом у телефона, за рулем «УАЗика», а кто-то и осмелился на ночь грядущую и остаканиться.

Хоть и среди наших «гвардейцев» задержаний в эту «Варфоломеевскую ночь» не было, но на утро по всему городу поползли слухи. Версий было много. Кто-то даже чего-то видел, но побоялся выйти в темноту. Оставалось надеяться, что заборы преподавательских домов в эту ночь пострадали меньше всего и в случае, если правда о событиях этой ночи раскроется, то на предстоящих ещё в будущем сессиях, они отомстят каверзными вопросами на экзаменах.

Уверен, что обидчики, ради которых была сделана эта, откровенно-показательная экзекуция, мало того, что узнали о многих случаях, произошедших в городе и поселках за ночь, смогли сложить картину из «пазлов» рассказов очевидцев или даже пострадавших невинно, кто-то мог сам попасть под «горячую руку» «комсомольского» патруля и на утро даже получить обвинения в том, что сломали своим необдуманным поступком мирную жизнь в городе.

Утомил я всех и сам пристал. Но не эта ночь стала развязкой или поводом для развязывания «полномасштабных боевых...», нет. А после «Варфоломеевской ночи» что-то должно было случиться? Конечно! Но это уже следующий рассказ, хоть продолжение начатого, как хотите. Давайте, просто перекурим, «тачки смажем», чтоб не скрипели. Да и мне нужно с Иванычем пошутушкаться, чтобы он «пургу не мел».

Глава IX. «Стрелка»

«Слышь, Иваныч?! Я когда бегал со штакетиной в руках, в ночном „крестовом походе“ и когда моделировал возможность встречи с милицейским патрулем, о чем немного уже ранее дискутировал с тобой, то вспомнил анекдот тех времён, которые со временем не стареют, а приобретают новую актуальность, но уже в условиях реального времени, где они происходят», — с улыбкой заинтриговал Дядя Саща.

«Ну, рассказывай, раз заикнулся. Может и я знаю, хоть за столько лет скоро имя своё забудешь. Хорошо, хоть отчество часто напоминают, не забуду хотя бы его. Давай, „грузи“, чаво уж там! Во, дела и я вспомнил, по-

том расскажу тоже. „Грузи“!» — улыбнулся Иваныч, даже не в предвкушении смешного анекдота, который должен рассказать Дядя Саша, а от того, что прокрутил в голове тот сюжет анекдота, который сам вспомнил.

«Закончилась гражданская война. Василий Иванович и Петька ничего, как воевать не умеют. Жизнь тяжелая, а выживать-то как-то надо. Идут голодные по городу, еле ноги переставляют. Сосёт так и в желудке стоит такой оркестровый та-ра-рам, что бывший дивизионный оркестр с популярными в то время «Прощанием славянки» и «Маршем Будённого» отдыхают.

Вертят головой от безысходности. Глядь, пости в каждом окне из форточек «авоськи» висят с продуктами — пролетарский «холодильник». Родилась идея моментально: выломали пару штакетин с высокого забора, связали тесьмой-«стременами», оторванными от галифы и к одному концу, смастерили крючок.

Один из них ловко поддевает крючком авоськи с продуктами и передает другому. Затарились прилично, еды на взвод хватило бы. И тут, откуда не возьмись, навстречу милиционер из-за угла. Увидел подозрительных людей с большим количеством, явно не дорожных вещей:

— Граждане, объясните, что это вы тут делаете?

Петька заюлил, заменжевался, опытный комдив отвечает:

— Подарки гражданам на Новый год, вот развешиваем.

— Так Новый год же ещё не скоро! — удивился милиционер.

— Я же тебе говорил, Петька, что рано ещё. Снимай на...!»

«Забавно! Ну, тогда и я в тему воспоминаний расскажу. Приехали вологодские ребята в командировку в Зерноград на Северо-Кавказскую машиноиспытательную станцию (МИС) по производственным делам. Останови-

лись в гостинице «Юбилейная». Поужинали в ресторане, выходят на свежий воздух.

А тут их поджидает местная братва, чужаков заприметили давно и ждали удобного случая, что «познакомиться» воочию. Выходит первый кацап, местные, прям в лоб ему вопрос:

— Ты, кто?

— Пс-с-ко-о-опские мы, ребя...

Удар в челюсть, гость встречает головой в клумбу перед гостиницей.

За ним вразвалочку выходит второй. Ну и его учеть та же.

Третий, пока чухался в тамбуре, всё слышал. Выходит. Ему сразу встречный вопрос:

— А, ты, кто? А???

— Да, чаво уж там, давай, ляпи!!!» — Иваныч улыбнулся и продолжил, —

«У вас во вчерашних похождениях такого не было? Или вы не приезжих, а местных вылавливали, тут подход другой был нужен. Так, я не понял, продолжение этой истории было или может быть развязка какая?»

«Ну, так почему же я с тобой и встретился. Пиши, да, по сути, не теряя нить существа. Знаю я вас, писак. Вот когда-нибудь сам роман, может быть, напишу» — серьёзно сказал студент.

«Веди дневник, Дядя Саша!»

«У меня память пока еще не хромает», — уже улыбаясь ответил студент.

«Э, брат, это пока. Доживёшь до моих лет, узнаешь», — теперь очередь пришла грустить Иванычу.

«Ну, слушай...», — продолжил историю Дядя Саша.

Лучшего времени, чем лето для того, чтобы хорошо провести свободное время студентам, не придумать. В первых, учебный семестр заканчивается, а дальше экза-

мены, практика. Учебная если, на институтском полигоне, производственные вообще лафа: Ростов — «Ростсельмаш», Волгоград — ВТЗ, Харьков — ХТЗ. Свобода!

А, как же, если летом в Зернограде находишься? — ты можешь спросить.

Разнообразие, конечно не то, вернее, его отсутствие и нет чувства встречи с новизной. Вино, девки, танцы. Но лучше, конечно, в жару посетить «решетку» — пивбар в городском парке, в виде открытой террасы. Из-за легких перекрещивающихся рейках на боках и сводах террасы и прозвали его «решетка». Был и «зимний» пивбар — «аквариум», названный так из-за своей конструкции. Сравнительно небольшое по объёму помещение, изготовленное из стальных уголков каркас, застеклённый с трёх сторон стёклами.

Послушав меня, можно подумать, что студенты все пьянчужки, им и учиться некогда. Стипендия студента 40 рублей. Бутылка вина дешевого ёмкостью 0,5 литра стоила 1 руб. 27 коп. Путем простых вычислений можно сказать, что можно каждый день употреблять по одной бутылке, без закуски целый месяц и совершить на оставшиеся 2 руб. 90 коп. покупку одного пирожка с картошкой и доехать с пересадкой в Ростове домой. Не серьёзно.

Что не пили, что ли? Да, пили, конечно. Дни рождения — святое дело, на выходные, вечером для настроения и «смелости» перед танцами. А иначе, у многих язык там, откуда ноги начинают расти.

Часто мы отмечали дни рождения и веселились в заброшенном Шаманском саду. Обязательным атрибутом были гитары и магнитофон переносной. Одним из любимых мест в жару был «канал», где можно было освежиться, опустить «мысли в воду», если захватил с собой конспект,

для подготовки к экзамену.

Но самый лучший в те времена был отдых у аттракционов и на аттракционах в городском парке. Особенно захватывающим дух было катание на «лодочках», а если еще и с девушкой, да в легком летнем ситцевом или шёлковом платье или сарафане — «высший пилотаж», кто это знает. Да и просто посидеть на скамье в тени деревьев парка и понаблюдать за происходящим, присмотреть девушку, чтобы пригласить сначала на аттракционы, а потом, как повезёт и на вечерние танцы.

Танцы в парке — это что-то не передаваемое. Это не толкотня в душном ДК в холодное время года. Площадка, огороженная высоким забором, эстрада, живая музыка, площадка и ряд скамей по периметру, для тех, кто притомился. Сколько нужно было энергии, чтобы не пропускать, практически, не один модный, а репертуар был такой, что пляши и пляши. Хиты ВИА «Веселых ребят», «Цветы», «Синяя птица», непременно «Шизгара», а вернее сказать: «Венера» и множество тех, которые называли коротко и ёмко: «медляки» и «быстрые». Как замирало дыхание, когда объявляли «Белый танец» и так хотелось, чтобы тебя пригласила понравившаяся девушка, а не та, которую практически никто не приглашает.

Я, деревенский парень, который ещё год назад стеснялся пригласить девушку на танцы вообще не умел танцевать, просто никак, сейчас выглядел перспективно, с симпатичной мордашкой, красивыми выющими волосами, свисающими на плечи и с горячим сердцем в груди, которое желало любви, любви большой, красивой и навсегда. Эх, парнишка, скольким девчонкам ты разобьёшь сердце и сколько тебе разобьют, но не факт, что собранные осколки станут для тебя и кого-то из твоих влюблённостей основой фундамента счастья. Это понимание придёт намного позже. А сейчас, всё так классно, всё так чувственно, любовь — это прекрасно.

Ты чувствуешь себя невесомым, ты летаешь, чувства для тебя, как поток воздуха, для создания «подъёмной силы» самолёту. Ты не можешь утром уснуть, хотя только на рассвете расстались с девушкой. Ты ещё ощущаешь на себе запах её волос, её духов, её тела, слышишь её томное дыхание во время твоих чувственных поцелуев. И у тебя снова кружится голова и ты не падаешь лишь потому, что лежишь на кровати в общежитии, смотришь в окно, где давно уже рассвело и видишь не утренний рассвет, а облик той, которая сейчас для тебя всё, она для тебя весь мир, большой мир весь вместила эта, ещё школьница, пусть и старших классов. Ты влюблён и ты счастлив, счастлив, как младенец, мирно сопящий на груди у матери, счастлив, как мореплаватель, нашедший на острове клад, зарытый некогда пиратами, но этот клад сотворён хорошими людьми, этот клад ты, моя прекрасная, ещё недавно, незнакомка, а сейчас, мне кажется, что мы знакомы с тобой целую вечность, хотя провели вместе всего одну ночь, целую незабываемую ночь вместе, только ты и я, я и ты, мы, как одно счастливое целое.

...Прошу прощения! Так о чём я обещал тебе, Иваныч, рассказать? Ах, да, о «развязке» сюжета. Конечно, слушай.

Эта суббота могла бы ничем не отличаться от предыдущих, в череде счастливых, с нетерпением ожидаемых дней студенческих развлечений и вечерних «отжиганий» на танцах, если бы не то, что это были первые танцы, после памятной ночи. За будничные дни ничего, что напомнило бы нам о той ночи, кроме собственных воспоминаний во время перекуров, не говорило. Даже моя «облицовка» пришла в норму. Как говорят в таких случаях, «Зажило, как на собаке». Почему, собака, кошка от неё живучей, по всему? Бог с ним, с этими сравнениями.

Подготовка была к вечеру стандартная: мытьё, купание, потом «заготовка», которой занимались «гонцы» по очереди или жребию, принятие заготовленного «на грудь». «Гонцы» — это сильно сказано, гастроном располагался наискосок, метра в ста от входа в общагу. По поводу патл на голове хочу сказать. Понятно, что они требовали особого ухода и смотря у кого какие волосы. Например, единственный не Саня, проживающий в нашей комнате, мыл голову исключительно белком яиц, а полоскал слабым раствором уксуса. Во, как!

Народ на танцы собирался сначала несколько несмело, пока было ещё сравнительно светло, а как стемнело и музыканты, наверняка, подогреваемые явно не теплом от усилительной аппаратуры. Они же тоже люди, а что? Но они входили в кураж. И если, пока народ собирался, могли поставить магнитофон для привлечения или чтобы не так скучно было тем, кто старался отжечь от и до. Но когда струны задрожали, появились одобрительные возгласы, публика оживилась, и бабушка-контролёрша еле успевала отрывать «контрольки» от билетов. Молодежь хлынула с доселе насиженных мест на скамьях парка и понеслась, понеслась сразу с прохода на площадку в круг, на «разминку».

По первым же аккордам было понятно, что звучит один из самых полюбившихся хитов группы Стаса Намина «Цветы» «Звёздочка моя ясная» в исполнении Александра Лосева. Более душевную песню искать, искать и не сыскать. Возможно, и сейчас кто-то не знает или уже забыл, что она посвящена стюардессе самолета АН-24, девятнадцатилетней Надежде Курченко, ставшей жертвой террористов, захвативших самолёт.

Танцуя под эту медленную музыку песни, прижимая к груди свою любимую девушку, думаешь — я тебя никому не отдам и не позволю, чтобы с тобой что-либо случилось, я буду рядом, стану твоим телохранителем, никому

не дам тебя в обиду потому, что я сильно тебя люблю. Даже, если в этот момент мысли были несколько другими, я уверен, что они были чистыми и прекрасными, как сама любовь. В этом я уверен, однозначно. Ну не может такая трогательная мелодия вызывать дурные мысли.

— А, как у вас сейчас с этим, Иваныч? Молчишь. Догадываюсь, что мир стал жестче. Это нам счастливицам повезло жить в то время, когда даже избиение было «предупредительной мерой», а сейчас бьют так, чтобы больше не поднялся — зверьё, не иначе. Хотя, зря я так их со зверьми сравнил, они не звери, звери убивают, чтобы выжить популяции, а человек, иногда, чтобы показать свою крутизну и пытаясь тем, что его по любому за «бабосы отмажут».

Прошу прощения! Отвлёкся.

Обнимая девушку нежно, только кончиками пальцев, если ты еще с ней недостаточно знаком и боишься испортить о себе первое впечатление, и не только. Девушка для нас была чистым, божественным творением. И для большинства это определение подходило. Их скромность не была показушной. А девушки нескромного поведения, если и были в этом социуме, то сразу о себе давали знать. Мы называли их «чувихами», а себя «чуваками» и это был всего молодёжный сленг, без обид и желания унижить.

Для примера, сейчас, когда тебя или знакомую, как минимум обзывают «тёлкой» или «овцой», то приятного мало, а лично у меня появляется желание просто двинуть этому «челу» в челюсть. Хотя, во многом сейчас и девушки виноваты, желанием «подстелиться» под крутого обеспеченного парня, с квартирой, самим не заработан-

ной и машиной, подаренной папиком на 18-летие. Опять же около половины девушек с малых лет курят, желая показать себя взрослой и успевают быстро пристраститься к спиртному и, упаси Бог к наркотикам. В наше время это было дико и недопустимо.

Как правило, даже не из-за мер безопасности, чтобы случай чего, могли бы дать отпор — нет, конечно, это не главное. Главное, это коллективизм, желание вместе провести время, а это лучше сделать и будешь при этом более расслаблен, с друзьями. Закаблчить «Шизгару» в своем кругу, когда все остальные больше смотрят в вашу сторону, чем сами танцует — вот в чём есть шик и истинное удовольствие отдыха, под девизом «гуляй душа».

Танцы в разгаре, мы «центрируем». Когда мы с двумя-тремя товарищами отошли к ограде, чтобы покурить, оттуда из толпы «висяков», повисших с обратной стороны зевак, кто-то подозвал меня:

— Кучерявый, на минутку...

Я подошёл ближе, глянул в лицо позвавшего, не узнал, парень, как парень:

— Что ты хотел? Закурить?

— Нет, с тобой хочет «Князь» поговорить.

— Что он такой важный, чтобы я к нему шёл? Я не знаю такого.

— Знаешь, знаешь! — улыбаясь процедил парнишка, не вынимая сигареты с фильтром изо рта, — вы успели уже с ним намеренно познакомиться и довольно близко, как я понимаю, судя по тому, с каким лицом он боялся несколько дней показаться на улицу. Да и сейчас удобнее поговорить не под «бу-бу-бу» ударника. Выходи, он ждёт тебя за «ракушкой» сцены, чуть дальше, найдёшь.

Теперь я догадался о ком шла речь. Конечно, о моём «меченном» оппоненте. Друзья, кто слышал разговор пытались отговорить идти, говоря — оно тебе нужно?

— Нужно, пацаны! Нужно. Почему я должен бегать от кого-то? Я же не страус, чтобы голову в песок прятать.

Выбросив, бычок в урну, решительно направился к выходу. Толпа, те из наших, кто слышал или просто увидел движуху, присоединились к нам. Выйдя за ограду танцплощадки, повернулся к своим, которые уже начали меня обступать, как бы стараясь защитить от бед и напастей.

— А вы куда? — раздраженно сказал всем, кто пока ещё мало что осознавали, что у меня в голове и какие решил предпринять действия, а решения, видимо, уже приняты. Конечно приняты. Нужно было ставить точку в конфликте иначе... Но мы же не кавказцы, в конце концов, чтобы устраивать «кровную месть».

— Мы тебя не пустим одного. Мы с тобой! — прозвучало воодушевленно единогласное решение.

— Я пойду сам, «чуваки». Если они увидят, что идет толпа, то у кого-то могут нервишки не выдержат и пойдёт слово-за-слово или от вспышки ярости, бойня может получиться. Оно нам надо? Если хотите, станьте поодаль, в зоне видимости и слышимости, будете «фактором сдерживания», если у них агрессивные намерения.

На том и порешили. Я пошёл вперёд, обходя танцплощадку. Везде, кроме задней части «ракушки» висели зеваки, своими телами прикрывая всё, что происходило на танцплощадке. Яркий свет танцплощадки и со сцены давал сильную тень и без того не на самое светлое место парка. Глаза потихоньку привыкали в темноте, и я начал различать уже силуэты. Ближе всех ко мне стоял этот блондин, невысокого, примерно с меня, роста. Он курил, и каждая затяжка сигареты более отчётливо освещала жаром и не только сигареты, а тем, что творился, наверняка внутри его.

Скрывать не буду, у меня тоже в душе, хоть страха не было, но была естественная тревога и мысль, а что, ес-

ли что-то пойдёт не так, как я предполагал. Возможно, я что-то не смог прочитать в ухмылке того парня, который через ограду передал мне «приглашение» на «стрелку». Времени на раздумывание у меня почти не было, но в таких ситуациях мысли работают быстро. Говорят, что в моменты опасности, может вся жизнь пролетит перед глазами за секунду. У меня до этого не дошло, конечно. Но «запасный» вариант — ретироваться я вообще не рассматривал. Просто настраивал себя на то, чтобы не потерять самообладание и трезвость ума, не вспылить и не допустить непоправимую ошибку.

— Здраваться будем или как? — спросил первым Князь.

— Ну, почему бы и нет. Мы же, как я понимаю уже немного знакомы, — ответил я, с легкой иронией, увидев, что под глазом последствия синяка, хоть и при плохой освещенности просматриваются.

— Я смотрю, ты в городе «центрируешь», — Князь, говоря об этом, имел ввиду центральные районы города, где исторически, студенты чувствовали себя свободно и безопасно, центр был, как общая для всех территория, своеобразные «нейтральные воды», — за тобой братва стоит. Нам ссориться с тобой и твоей братвой не резон. Давай заключим мир или как?

— Лучше плохой мир, чем хорошая война, — вспомнил я вслух крылатое изречение.

— Чё? — спросил кто-то из тех в толпе моего оппонента, кто совсем плохо в школе учился.

— Я говорю, это лучшее из всего, что можно предложить. Тем более, что до нашей стычки, я считаю, что она была вовсе не обязательна. Ты же знаешь, как раньше у нас было, если студент провожал девушку домой до подъезда или калитки. Трогать его нельзя было. Так? Но обратно... Не обессудь, он на вашей территории. Унижать при девушке парня было у нас тоже «за падло».

Так? А тут, как минимум, в первый раз была несостоявшаяся попытка, а после уже и состоялась. Но, согласись, что позорно толпой одного месить. Разве, нет?

Блондину не очень понравилось моё напоминание, особенно случая, который его, как жоака обезумевшей «стаи» не красило совсем. Тем более, что это произошло с его участием и под непосредственным руководством. Видя, что Князь ищет что сказать в оправдание, я продолжил:

— «Синяки украшают мужчину», в них нет ничего пагубного, я помню, мы в детстве даже хвастали, показываясь перед пацанами в таком виде, да ещё, если тот, с кем была стычка не в лучшей форме тоже, говорили: «Да вы на него посмотрите..., как я ему задал». А вот, если сломаны ребра, да ещё от ударов ногами «лежащего» — это уже позор и неуважуха беспредельщикам. Согласен, Князь?!

Князь, немного менжуясь, повернулся назад к своей братке, жестом что-то показал и замямлил:

— Да! Но, вот... Давай серьёзно. Сейчас «накатим» и поговорим.

— Ну, почему бы и нет, коли разговор стоящий. Я думаю, что тому, что напрягает обстановку, вот этому противостоянию невидимому, но осязаемому даже шкуркой, когда идёшь и озираешься, не зная, что и от кого ожидать.

— Студент, как тебя зовут? Я слышал, что и погоняло у тебя есть?

— Значит, так и зовут, раз погоняло слышал. Раз Дядя Саша, стало быть Саней и зовут. А тебя Князь? Небось «чалился» по какому-то случае или как?

— Да, было дело по «малолетке» ещё...

Тот, кто вызывал меня на стрелку, молча поднёс бутылку «Агдама», с приоткрытой, но не снятой совсем капроновой пробкой при помощи зажигалки (доносился

характерный запах). Я оглянулся. Моя «группа поддержки» стояла молча, но напряжение чувствовалось, даже в их силуэтах, хоть и лиц видно не было, так как мне приходилось смотреть против освещения танцплощадки.

— Серегой меня зовут, — сказал блондин и, сняв пробку, протянул мне бутылку со словами, — гостю в первую очередь.

— За мирную жизнь советских граждан выпить?! Пафосно слишком. За нас, за вас и за здоровый глаз — это более актуально. Давай выпьем за справедливость?! За добро, даже, если оно достигается кулаками! — я умышлено перефразировал известное всем выражение «Добро должно быть с кулаками», чтобы был компромисс и возможность выбора пути решена и достижения желаемого, т.е. добра.

Я не стал объяснять свое мнение по поводу тоста, да и возможно, что этот парень, хоть и является авторитетом всего посёлка, но своё неполное общее образование, если и получил, то в «местах, не столь отдалённых». И вряд ли это нужно было это делать здесь, сейчас и для этого, сейчас совсем не грозного вожака, а такого же чувака, в меру моднучего и в тоже время, как и я, живущего не на широкую ногу. Да и работает где-то на заводе гидроагрегатов слесарем или токарем, если во время отбывания срока, назначенного за «хулиганку», там его обучили рабочей специальности. Тогда это считалось одним из верных путей к исправлению — получение образования и рабочей профессии.

Пили, естественно из горлышка. Вот было время: пили газировку в автоматах десятки людей; ходили в общественные бани, пользовались поочередно одними тазиками; делили одно яблоко на троих, откусывая поочередно куски, стараясь других не обидеть, разделив честно; за делёж вина и говорить не принято — «ухтышников» (это те, кто брался делить на всех, но ему, как последнему «слу-

чайно» получалось больше других и они, обычно удивленно вскрикивали «Ух, ты!»), если такие однажды о себе дали знать, больше в компанию не приглашали просто; жмотство не приветствовалось совершенно. Как было принято, спросил:

— На скольких делим?

Князь довольно улыбнулся, обвел своих одобрительным взглядом и сказал, приближая жестом от себя ко мне бутылку, которую я так и держал перед собой:

— Пей, Дядя Саша! Можешь до дна. Гуляем сегодня. Мы ещё «нарисуем»...

— Слово было сказано, за то и выпью, — добавил я и приложился к бутылке, заливая воспалённое нутро, от «прогрева» на танцплощадке розовой жидкость, с температурой, при которой кузнецы не делают глубокую закалку и характерно «пш-ш-ш», при соприкосновении её с плотью не получилось.

Отпив треть бутылки, я передал её Серёге. Полез в карман и достал «дежурную» карамельку, предназначенную обычно для придания свежего дыхания, развернул, откусил половину, а вторую также предложил своему оппоненту и уже, можно сказать собутыльнику. Он взял кусок конфеты и закусил кусочком карамельки. Я достал пачку каких-то болгарских сигарет, если не ошибаюсь, толи «ТУ-134», толи «Интер», которые курил с небольшим стажем, протянул Князю, он подобным жестом предложил свои сигареты. Со стороны посмотреть — одна любезность, кто поверит, что около недели назад «квасили» друг другу физиономии и никому в голову не приходило поднять руку и крикнуть: «Стоп!» Остыть, подумать, что творим, покурить и пожав друг другу руки, разойтись. Тогда не оказалось ни одной холодной головы, вернее головы с холодным разумом.

Договор в устной форме, конечно, был заключён: мы не «борзеем» на их территории и не препятствуем их на-

хождению с мирными намерениями на нашей; к ним предъявляются такие же требования договора. «Кровью» не подписывали договор и по этому поводу было принято примечание, что если конфликт между представителями сторон урегулировать мирным способом не представляется возможным, то драку прекращать после первого же кровопускания, не допускать зверских избиений.

Кто-то скажет, это всё слова — дал слово, забрал слово. Может быть и такое случалось, но мы тогда действительно верили и от души желали, что «топор войны» будет зарыт надолго и к этой теме возвращаться не придётся.

После процедуры принятия договора, присутствующие сошлись вместе и не для того, чтобы надавать друг другу тумаков, а чтобы пожать руки, как это делают соперники в спортивных соревнованиях, скажем в футболе, и чтобы запомнить, насколько возможно лица тех, с кем мы полчаса назад были ещё враги, а сейчас союзники.

Танцы продолжались и мы, распрощавшись со своими союзниками, друзьями называть всех собравшихся было рано, соли то с ними еще практически не ели, мы тем же потоком, под возгласы тех, кто не понял, где мы пропали, возвратились в центр танцплощадки и отождили на славу. Я, не дожидаясь «белого танца», пригласил ту, которую надеялся сегодня проводить в Дубки. Это совсем недалеко от парка, но и дело не в этом. Любовь всесильна, если сильно захотеть, ничто не сможет остановить тебя перед достижением цели.

Музыканты заиграли прощальный танец. Молодёжь загудела. Так не хотелось расходиться. Но мы обязательно ещё не раз придём сюда, что снова замечательно провести вечер выходного дня. Мы будем обниматься и целоваться, провожать девушек до мой и не отпускать их

из своих объятий «до петухов». Всё это будет, потому что мы молоды и влюблены.

— Какое это счастье, братцы, жить!!! — кричал Дядя Саша, возвращаясь со свидания в свою общагу студентов №2 с первыми лучами восходящего солнца по пустой дороге ещё сонной улицы.

Глава X. Воспоминания Дяди Саши

Не хочется, чтобы меня дотошные и очень любопытные и с хорошей памятью, чтобы не сказать «злопамятные» читатели, Боже упаси, но пунктуальные люди, чтобы не заподозрили меня во лжи, не буду указывать точные даты событий, о которых хочу рассказать а, ориентировочные, тогда и во лжи уличать не придётся, хотя я всегда стараюсь, как на суде «говорить правду, одну только правду и ничего, кроме правды...»

Была холодная зима, с, казалось бы, несвойственными крепкими морозами и большим количеством снега в этих южных степных районах Ростовской области, к которым относится зерноградский и Мечётинский районы. Эти районы степные, часто к ним применяют обобщающий термин — сальские степи, по названию самого крупного на юге города области Сальска. Где-то в середине-конце января 1974 года.

Я учился в г. Зернограде в сельскохозяйственном институте на факультете механизации сельского хозяйства. По обыкновению, мы с друзьями вечерами прогуливались по самой оживлённой улице города, являющейся одновременно центральной и закрытой для проезда транспорта. Центральная часть улицы была расчищена коммунальными службами, при этом весь снег не убрался, а был смещён отвалами техники к поребрикам, от-

деляющих асфальтированную часть от газонов, где летом благоухали цветники.

В этот раз желающих подышать, по-настоящему свежим воздухом, было непривычно мало в этот будничный холодный морозный вечер. Встречались чаще лишь те, кто куда-то спешил, например, после просмотра вечернего сеанса кино в уютный дом, где можно было согреться горячим чаем или другими горячительными напитками или согреться в объятьях любимых.

Мы сегодня были вдвоём: два неразлучных друга, тетки, жильцы одной комнаты в общежитии, два Александра, желающие быть сегодня победителями. Неважно чего, главное победить. Самое первое — это непогоду. Но с этим было довольно несложно справиться, с учетом того, что нам обоим было по восемнадцать лет (Сане в мае еще исполнилось, а мне, через месяц, в июне).

Молодость-то, хорошо, а настрой поднять нужно было. Для этого дела ничего лучше, чем портвейн не помогает. Кто-то сейчас подсказывает, что водка в морозы лучше будет. Согласен, но для студентов дороговато, однако. Настроение поднято, маршрут, как и место для поисков приключений — неизменно. Да и какой придурок в такую погоду будет искать «приключения» в экзотических, более привлекательных растительностью и тишиной глухих улочках посёлков? Там и улицы, возможно не чищены и кого там можно «снять». Конечно, мы вышли «снимать чувих», как говорится. А, вдруг и повезёт?!

— Дядя Саша, может на вокзал рванём, по времени скоро должен мой поезд на Цимлянск идти?! — предложил неуверенно Саня и в его предложении было разумное зерно.

Если нам сегодня судьба повезти в достижении нашего бесхитростного плана нескучно, как минимум провести время вне стен, опостылевшей общаги, то есть шанс, что именно вокзал может быть отправной точкой увесе-

лительного маршрута. Тем более, что один круг по улице мы уже дали, а это $2+2=4$, подсчитал я длину маршрута в километрах.

— Ты не домой вздумал рвануть, Сань? Мы же за сутки не вернемся, а в понедельник на занятия.

— Да, нет! Ты же знаешь, я же недавно на зимних каникулах был, да и скукота там в моей глуши. Если бы не мать, я бы и на каникулах тут остался. Мамка переживает, болеет часто.

— Слышь, а чё, Коваль с «ЗАЗ»иком заменжевались? Сначала, вроде, как собирались.

— Вова голову только помыл экологически чистым моющим средством — белком куриного яйца, боится застудить, а «ЗАЗ», сам знаешь, как к этому — не сильно охоч.

— А «деды» из соседней 18-й, как обычно, за «портишок» засели. Пока литра по два не опустошат, не угомонятся. Но им-то попроще, чем нам: Миха и «Аниськин» в котельную устроились на зимний сезон, «лавэ» водится. «Штангист» со своим «Океаном» порывался с нами, я сказал, что только чуток воздухом дыхнем и хлебца подкупим. Он понял, что «отмаза», насупился и плюхнувшись в кровать, отвернулся к стенке и подушку на голову взгромоздив, засопел.

— «Меньше народа — больше кислорода!» — подытожил мой поделеньник в приключениях.

Можно было вспомнить приключения летние наши с ним и «турне» по городам и весям с одним двугривенником на двоих в течение двух суток. А, главное, что мы его потратили на пирожки, когда приехали из г. Новочеркасск, через Ростов-батью, уже дома, в зернограде, выскочив «зайцами» из автобуса.

Поезд выходил из г. Ростова-на-Дону в 20—45 и шёл медленней черепахи, расстояние в 70 км проходил чуть ли не 2 часа. Может быть это было связано с тем, что

по этому маршруту ходило только два поезда в сутки туда и обратно. И, из-за того, что они имели почтовые вагоны, на их разгрузку нужно было время, потому на станциях поезд стоял не 1—2 минуты, а намного больше. Железная дорога в этом направлении электрифицирована не была и удобных электричек не было.

Минут 10—15 нам пришлось «потанцевать» на перроне из-за того, что стоять было холоднее, чем при ходьбе. А сидеть в вокзале, которые в те далекие «застойные годы» не закрывали после 21 или 22 часов на ночь на замок, было как-то стрёмно. Стояли, шутили, курили и выпускали вместе с дымом клубы пара, потому и были похожи на два паровозика: один длинный и худощавый, другой короткий и среднего телосложения.

Но пыхтящий дизель-локомотив-поезда мы заметили издали, так-как он приближался по прямой линии железной дороги и бело-сизый дым выхлопных газов был отчетливо виден на фоне звездного горизонта и безоблачного неба. Когда он проходил мимо нас, вся свежесть морозного воздуха сменилась теми запахами, которые были господствующими на железнодорожных вокзалах, запахи составов, смазки, криолина с тамбурным запахом дыма сигарет, и титана с предполагаемым совместно с ним, запахом чая, который разносили в красивых подстаканниках.

На наше огорчение, достойных нашего внимания молодых персон, в основном студенток, приезжающих на выходные из Ростова домой, не было. Толи они сумели успеть уехать еще автобусами, либо после двух недель пребывания на каникулах, их еще не тянуло домой. Вышла пожилая семейная пара с сумками, трое-четверо молодых людей и пара военных офицеров, видимо, служащих в части на Военведе.

— Не может быть! — почти прокричал тёзка, — когда я ездил домой, столько молодёжи было...

Явно, он предвидел другой путь развития запланированных на поздний вечер мероприятий. По вокзалу объявили об отправке пассажирского поезда и тут, Саня дернул меня за рукав:

— Быстрее! Поехали! — прокричал он мне чуть ли не на ухо, стараясь перекричать динамик-«колокол», размещенный рядом с нами на приличной высоте электрического столба с фонарями освещения, типа «шляпы», изготовленной штамповкой, в которых горели лампочки «Ильича», мощностью 150—200 Ватт.

Саня, чуть не волоком потащим меня в вагон по высоким ступеням поднятого над уровнем рельс перрона, как такового не было и без поручней забраться в вагон было нереально. Мы запустили в пассажирский вагон с местами для сиденья морозный воздух и на шум нашего появления пассажиры дружно повернулись назад, так как их кресла были установлены не так, как в электричке, а как в автобусе все по ходу движения вперёд.

Дольше всех и после из-под тишка нас оценивали, конечно, молодые девчонки, как-то засуетившись, ожились и что-то шёпотом обсуждая. Но об этом позже.

Я сразу вспомнил, что ехал уже однажды имел возможность и горький опыт познакомиться с такими сиденьями. Вкратце расскажу, пока нас испытывающе изучают повернувшиеся, глянуть, как на чудо, люди.

Пять лет назад, когда я только закончил 8-класс, не думавши и не гадавши, по случайному стечению обстоятельств я совершил незапланированную поездку к брату в армию, который служил в г. Урипинск, Волгоградской области...

Летом чем занимается детвора на каникулах? Конечно, носиться, как ошалелые с утра до темна. Занятия бы-

ли, в отличие от современной детворы простые и наивные, но ими мы могли заниматься не часами — днями. Через балку с узкой и неглубокой речушкой Каменка я увидел, как по грунтовой дороге, а других тогда и не было, шла моя мама с двумя тяжелыми сумками по направлению к шляху, который проходил в двух километрах выше от деревни и соединял районный центр, если налево в 20 км с Ростовом, что направо в 70 км. Я окликнул её, не зная, куда она собралась. Вот так, мы могли жить дома, а вернее, приходиться только ночевать и не знать, что дома делается.

Мама, опустила тяжелые сумки на землю и позвала меня. Я мигом перебежал на другую сторону по приподнятым над речушкой трубам нефтепровода и поднялся по кособоку на дорогу.

— Саша, помоги сумки до шляха допереть, сил нет. Взяла, вроде бы лёгкие казались, а теперь..., — вытирая пот с лица, сказала мама.

— Ма, чё, батя выгнал?! — недоумеваю я.

У нас в селе редко кто куда ездил, работа в колхозе была без выходных, «проходных» и отпуска. Вечером, по обыкновению, прибежал по темну уже, выпил молока из литровой кружки и спать. А утром, в обратной последовательно всё проделал. Мамы с утра дома не было. Я подумал, что на работе, как и отец. Бабушка и брат тоже ничего не сказали.

Оказывается, мама утром ходила на «планёрку» в правление колхоза и отпросилась у председателя, хоть и с трудом на неделю отпуска. Оказалось, что она решила проведать сына, старшего Алексея, который служил с мая месяца уже третий месяц и хотела повести ему го-стинцев домашних.

— Помоги мне сумки до шляха донести и посадить на «попутку» на Курган, — сказала мне кратко, — хочу Лёшу проведать. Председатель времени в обрез дал, а дорога дальняя.

Некоторое время я стоял ошарашенный, а когда мать взяла сумку потяжелее, я подхватил ту, что осталась и стал её догонять. Время было ближе к обеду и машины в сторону Матвеева Кургане не бежали, а наоборот — возвращались с рейса в колхоз или шли по направлению слободы Большекрепинской и Ростова.

Вдруг, бензовоз на базе автомобиля «ГАЗ» резко затормозил и обдал нас пылью. Бензовоз остановился, проехав перекрёсток в сторону Ростова. Пыль не успела рассеяться, как нам, выскочив привычно из кабины, шёл улыбающийся родственник, которого я один-два раза видел в своей жизни.

— Привет, сестра! — бодро приветствовал двоюродный мамин брат, — ты куда собралась? А коров доить? — улыбался он.

— Какие коровы? Еду сына проведать в армию.

Вкратце рассказав, что и как, мама спросила о здоровье родных, которые жили с братом Иваном в Большекрепинской. Немного поговорив, дядя предложил маме:

— А зачем тебе в Курган, а потом через Таганрог в Ростов. Я вот горючку солью быстро в бочку и подброшу тебя на Военвед (военвед — окраина Ростова, где располагались воинские части). Ты сколько времени сэкономишь.

На том и порешили. Я помог маме погрузить вещи. Не знаю, какой у меня был вид, но посмотрев на меня, чтобы попрощаться, её лицо изменилось, она повернулась к брату:

— А с мальцом возьмешь?

— Куда же вас девать? Садись! — чуть помявшись, сказал дядя Ваня.

Я втиснулся к тесную кабину ГАЗ-63, и мы заплыли по накатанной, грейдированной дороге, с хорошими откосами и глубокими водоотводными канавами. Справедливости ради нужно сказать, что за грунтовыми дорога-

ми в те годы следили хорошо, тем более что начиналась уборка урожая и интенсивность движения в разы возрастала.

Через полчаса мы были в Большекрепинской, а через час, дядя, лишь заскочил домой, сказал супруге, что через пару часов борщ был на столе и мы, поднявшись на крутой подъём от моста через реку Тузлов, выехали на «Ростовский шлях». Он так и назывался и связывал областной центр с г. Дьяково в Луганской области Украины.

Доехали без приключений. Дядя, хорошо знавший Ростов, особенно район Военведа, рассказал, где сесть и как лучше доехать нам на Гниловскую, где жила мамина родная сестра. Она женщина пробивная, бывшая фронтовичка-зенитчица, могла оказать всевозможную помощь, начиная от дельного совета.

Тетя Лида работа в детском садике, который соседствовал с их подворьем. Позвонив со служебного телефона своему сослуживцу, работающему в администрации железнодорожного вокзала «Ростов главный», узнала, что можно будет уехать завтра в вечерние часы, около 18 часов пассажирским поездом «Ростов — Волгоград — Поворино».

Мама побеспокоилась и мне подобрали рубашку и брюки от старшего двоюродного брата, который несмотря на то, что был намного от меня старше, росточка был небольшого.

Назавтра мы пораньше уехали на вокзал, чтобы купить билеты. Много часов провели на скамье под навесом из виноградной лозы у пригородного вокзала. И в назначенный час, поезд тронулся с пригородного вокзала.

Я впервые видел такой вагон с сидячими местами. Они были мягкими и, как показалось удобными. Наивный парнишка. Да и откуда мне было знать: на самолё-

тах не летал, на автобусах дальнего следования не ездил.

Муки начались тогда, когда, после нескольких часов изучения природы родного края, наступила ночь и нужно было постараться уснуть. А, никак! Как я не извращался на сиденье, экспериментируя с углом наклона и вращаясь самому, как рыба на разогретой сковородке. Ночь была ужасной. Я не помню, чтобы когда-нибудь вот так мог мучиться от бессонницы. Но тут было другое — непривычная поза, спать сидя мне не приходилось. А может быть ещё к этому добавилась возбуждённость от множества событий, к которым я был не готов и не подготовлен.

Утром, я весь измученный понял, что у меня ноги отекли так, что невозможно было обувать туфли. Мама предложила мне их поднимать повыше на сумки или ей на колени. Меня больше не радовала смена пейзажа и архитектура городов и населённых пунктов. Лишь хорошо запомнил красную землю степей восточных районов области, граничащих с Калмыкией и пустынные степи Волгоградской области. Ещё поразила растянутость Волгограда вдоль Волги. Вторая ночь была кульминацией мук.

Кое-как всунув наполовину опухшие ноги в туфли, помня всё, как в тумане, я пошел в туалет вагона. Взгромоздился на унитаз, придерживаясь одной рукой за решётку окна или ещё что-то, с жадностью вдыхал поток свежего уже, вечернего воздуха, обдувающего через открытое небольшое окошко и, ... под качку уснул. И не просто уснул, а уснул так, что в тамбуре создалась уже очередь, а когда прыснувшая мать обнаружила, что меня нет, с трудом протиснулась сквозь толпу и нашла те слова, которые, даже, если бы она их прошептала мне, я бы их услышал. Это были слова, которые шли от сердца. Я бы их услышал, если бы она только подумала сказать.

Не знаю, сколько времени прошло. Может быть и не так много, 10—20 минут, но они дали возможность моему мозгу отдохнуть. Я начал понимать, что происходит. И благодарю этим минутам, я продержался и ещё одну бессонную ночь.

Сделав пересадку в Поворино, мы добрались по темноте в г. Урюпинск. Помню, как шли по темным улицам и их открытых ворот, заставив нас прижаться ближе к обочине, выскочили, издав рёв, танки. Видимо танкистов подняли по тревоге.

Дежурный по КПП, выслушав нас, сообщил в роту, где служил брат. Его разбудили, он пришел к нам и после радужной, неожиданной встречи с обниманием, получив разрешение дежурного, провел в какой-то учебный класс.

У меня кружилась голова, я тогда находился в состоянии зомби или человека, которого поднять-подняли, а разбудить забыли, но в отличие от второго случая я находился в состоянии полусознательном. Мама угощала брата чем-то. У меня туман застилал глаза.

Брат, догадавшись, что можно сделать, поставил четыре табурета в ряд и спросил:

— Если сможешь, тут вот, ложись?!

Я не прилёг, а упал на табуреты и моментально уснул, брат даже не успел ничего мне послать на них.

Сколько я спал, не знаю, но меня еле-еле разбудили. Ходили по городу и таскали меня, как пленного за собой. Я и тогда мало что запомнил, а теперь уже и подавно. Единственно, что напоминает мне и не даёт забыть — это фотография с мамой и братом, сделанная там в г. Урюпинске, в фотоателье. Хорошо, что там моих ног не видно. Глядя на них, слон отдыхает.

Могу сказать лишь одно, вечером этого же дня мы уехали в Поворино, где, к счастью, нам дали билеты, не на этот «поезд пыток» с муками, без малого в двое су-

ток, а на скорый поезд не через Волгоград и непонятный огромный крюк, а через Харьков и Лозовую на Ростов.

Глава XI. «Козлова балка»

Явно нам пока что везло. Обычно, пассажиры, рассчитывающие ехать в вагоне, особенно ночью, стараются уединиться своим «кланом» родных или друзей, чтобы вести разговорю или приватные беседы и другим не мешать, и минимизировать возможность их подслушивания, даже не специально, а из-за близости расположения кресел.

Но это не для нашего случая. Эти две хорошенькие девчонки и не то, что красавицы и, конечно, не страшненькие, обычные девчонки-провинциалки, как и мы с Саней, чего уж там греха таить. Спереди них, одно место было занято какой-то пожилой женщиной, а сзади, как раз свободны. Мы, долго не думая, плюхнулись в них, снимая на ходу перчатки и расстегивая куртки.

Лица наши сменили пигментный окрас, видимо от перепада температур и, возможно, в какой-то степени, ещё хорошо державшегося внутри горячительного, возбуждающего и призывающего к общению напитка. Чтоб не делать ему рекламу, называть название марки данного эликсира бодрости не буду.

— Как могут такие девчонки-симпатяги и скучать в такой прекрасный зимний вечер? Никак нельзя? — сходу пошел в «разведку с боем» Саня.

— Нет, дружбан, у них, наверное, в сопровождении целая рота охраны, но из-за невозможности находиться с рядом охраняемыми персонами, следят своим недремлющим оком из соседних вагонов. Угадал? — поддержал попытку разговорить девочек, своего друга.

Девчонки кокетливо и чуть стыдливо даже, зачихкали, прикрывая свои пухленькие губы и порозовевшие щечки руками. Видимо, им уже успела надоест изрядно скучная дорога без веселых попутчиков в течение, как минимум двух часов, пока они ехали из Ростова.

— Нет, брат, девочки явно не мои землячки. Таких красавиц я бы не смог не приметить. Я прав, вы же из Цимлянска, не домой едите?

— Нет! Мы учимся в Гиганте, в техникуме, — наперебой охотно ответили девчонки.

— Небось, на модельеров учитесь?! А-то шмотки из-за бугра достали, дорого. А вы нам по благу пошьёте, да? — съязвил Саня.

— Нет! — серьёзно ответила девушка со светлыми волосами, — у нас сельскохозяйственный техникум.

Увидев какое-то разочарование, хотя оно было нами умышленно натянуто на лица, добавила:

— А вы знаете, как назывался изначально наш техникум?

— Не домом невест, случайно? — пошутил я.

Азово-Черноморский техникум агромеханизации, во! — выпалила блондинка.

— Круто! — почти хором произнесли мы, — наш и сейчас так называется, только институт, слышали? — продолжил Саня.

Теперь «мяч» был доставлен на поле наших новых знакомых и их очередь была удивляться:

— Какой институт, где он? — пришла очередь заговорить шатенке.

— А там, где мы садились в «экспресс счастливых встреч», — улыбаясь произнёс Саня, — в зернограде, конечно, наш альма-матер.

— Какую мать ты вспомнил, друг? — шутя продолжал хохлить я.

— В нашем «храме науки», Азово-Черноморском институте механизации сельского хозяйства, — не без гордости, естественно, произнес Санёк.

— Знаешь, что, Саня? — да мы забыли представиться — два Александра, — добродушно предложил познакомиться я девчонкам.

— Люда, — ответила блондинка.

— Таня, — призналась, как зовут её подруга.

— Прекрасно! Имена замечательные. Что я хотел сказать раньше, — задумался я, — вспомнил, нам нужно взять шефство над вами девчонки. Ну, если, вернее сказать, института над вашим техникумом, ну и не мешало и лично наше над вами. Вы не против?! — напирал я на продолжение знакомства и серьёзных отношений.

— Поезд у вас будет после полуночи. Темно, страшно, хулиганы в подворотнях везде 20 копеек просят, а вы красивые и одни. Другое дело, когда рядом будем мы, ваша надёжная охрана, — не унимался Саня, — уговорил вас проводить до общаги или где вы там живёте?

— В общежитии, но вас туда, уже будет поздно, не пустят.

— Да, ладно, — отвечал я Татьянке, — нас и в своё уже сейчас не пустят. Так, что из-за этого не вешаться же?

Девчата заулыбались. Видимо и у них в общежитии, как и у нас, для входа после 23 часов служили окна или, может быть, запасные выходы.

— Мечётка! — утвердительно проговорила женщина, не вмешиваясь, естественно, в разговор молодых, но, думаю, вспомнив молодость и начала поспешно собираться.

Знакомство со словоохотливыми студентками явно ладился, и мы были очень довольны, а я Сане ещё и благодарен за идею, что выбрали сегодня такой, в некотором смысле экзотический для зимы, способ знакомства

в пассажирском поезде. В нашем молодёжном «оазисе знакомств и свиданий», среди угрюмых лиц пассажиров в вагоне и пустых мест, всё громче и громче доносился смех и шутки, а Саша откровенно пожалел, что не прихватил с собой свою любимую гитару-шестиструнку, подаренную мамой на его шестнадцатилетие за его сильное желание заниматься музыкой.

Мы уже подумывали, как бы нам с девчонками поменяться местами, чтобы удобнее вести беседу. Я знал Сашино неизменное кредо — он любил блондинок, да и сам был белобрысым парнем, мне, хоть волосы со временем стали каштанового цвета, а с детства я себя помнил ещё рыжим и с множеством веснушек на лице, нравились темненькие девочки. Эти вещи и обсуждать не нужно было, мы друг друга уже за полтора года хорошо изучили.

И тут, как говорится «на самом интересном месте»:

— Граждане пассажиры! Проверка. Просьба предъявить свои билеты, — объявила, вошедшая в вагон проводница, о существовании которой мы уже напрочь забыли.

Мы уже прикинули, что следующая станция Егорлыцкая, вернее станция Атаман, а станица, где она расположена Егорлыцкая. Видимо это название связано с историей донского казачества. Здесь казаков называли маныческими, по названию реки. Между Зерноградом и Ростовом располагалась река Кагальник, и казаки там были кагальницкие. И так повсеместно. Вот только я не слышал выражения зерноградские казаки, по названию города, реки-то в Зернограде не было. А называть по названию, которое было еще до строительства города, железнодорожной станции или остановочного пункта, которое изначально имело название Верблюд — это уже слишком как-то не красиво.

Говори-не говори, а приехали, как говорится. Эх, если бы у нас в кармане был бы, хоть один рубль на двоих — мы бы были в тот момент самыми счастливыми. Проводница выводила нас в тамбур, торопясь, приговаривая, что скоро остановка и там она нас ссадит. Мы с грустью поворачивали головы назад, где остались скучать две наши симпатичные девчонки, с которыми только успели познакомиться и даже не обменялись адресами. Они нас провожали сочувствующими взглядами и тоже, как мне казалось, как минимум, с нами им было в разы веселее коротать время скучной поездки и в разы. Но, не судьба, значит.

Мы спрыгнули с трапа вагона и не на перрон, как ожидали, а чуть ли не в сугроб, нанесенный практически до самых рельс. Вместо освещенной площади перед вокзалом, нашему вниманию предстало одинокое, выдавшее виды, служебного здания с темными окнами и одинокий фонарь, излучающий слабый свет.

— Какая это станция? — еле успели спросить у проводницы, убравший трап и закрывающей двери.

— Это «Козлова балка», остановочный пункт, — успела ответить, не очень вежливая, судя по тому, что в такую погоду и практически, как у Пушкина про ямщика, проводница.

Поезд тронул. Стало так тоскливо. Глухая ночь, вокруг не души, не тарабанить же в стекла окон, что бы проходчик открыл нам погреться. Сам-то он небось в нагретой «курняком», углём, которым часто снабжали железнодорожников, судя по дыму из печной трубы, комнате, а тут, хоть плачь.

Обойдя вокруг строения, за которым располагалась лесополоса, а за ней поле, сплошь покрытое глубоким снегом. Звёздное небо, окрепший значительно мороз,

да ещё и после теплого вагона поезда давал о себе знать.

Первую мысль — разжечь костёр, отбросили почти сразу по тем причинам, что искать сухие ветки под глубоким снегом — занятие бесполезное, ломать с деревьев в темноте тоже не безопасное, можно было и глаза выколоть и в ботинки, как минимум снега набрать. Нужно было искать убежище.

Единственной постройкой, кроме дома проходчика, был сарайчик. Он, как и дом видал виды и за долгие годы и похилился, и крыша прохудилась, и даже задняя стена частично вывалилась наружу. В какой-то степени от ветра такое убежище спасти могло, конечно, вернее защитить как-то. А от мороза — это вряд ли.

Протиснувшись в полуоткрытую, занесенную и примёрзшую в таком положении дверь, мы стали пристально всматриваться в темноту, изредка зажигая, из-за экономии, незаменимого в данном случае предмета — спички. Справа были навалены дрова и кое-какая мебель, превратившаяся в рухлядь: пара сломанных стульев, этажерка, тумбочка, ещё что-то, кроме сгоревшего на жарком огне, пока хозяин обходил километры пути, чайник. Пару старых книг нас даже заинтересовали больше всего. Нет, не заниматься читкой книг под звездами мы собирались, а использовать их, как легко воспламеняющийся материал.

Слева располагалась куча угля, большей частью фракций «семечки» и, как я ранее предполагал, «курной». Меня заинтересовало что-то необычное, по форме ящика сверху кучи, как раз под провалившейся крышей.

— Саня? — окликнул товарища.

— Чё нашёл, Дядя Саша? — приблизившись ко мне вплотную, отозвался он.

— Ты мне присвети...

Я не успел договорить, как перед лицом увидел увесистый, больше из-за того, конечно, что в перчатке и от неожиданности ещё, его кулак перед самым лицом:

— Под какой глаз? С превеликими удовольствием. — ржал прямо мне в лицо друг Саня.

Я тоже не удержался от удовольствия поржать, чтобы разрядить ту обстановку, которая нежданно и негаданно, как гром среди ясного неба над нами нависла.

Успокоившись от нахлынувшего, как спасительная волна, не затягивающая на глубину, а как казалось, помогающая нам выкарабкаться из сложившейся ситуации, смеха, я попросил:

— Саня, спичками присвети, не под глаз, а чтобы я под этим глазом где-то сам себе доской с крыши «фингал», вместо «фонаря» не поставил.

— Понял! — уже серьёзно, снимая перчатки и доставая спички, сказал дружбан.

Нагибая голову, я пробрался под крышу сарая и стянул волоком тот ящик, что меня приманил в темноте. «Включил» задний ход и сполз назад по осыпающейся куче угля.

Саня зажег еще одну спичку, я отстегнул удерживающие крышку зажимы и приподнял осторожно. Боже мой! Патефон, перед нами был патефон, звук которого я слышал до этого еще где-то более 10 лет назад в родном селе. Тогда у нас электричества в селе не было. Отец, один из продвинутых по тому времени, «крутой» сейчас бы сказали, приобрёл радио, еще не транзисторное, ламповое, конечно, а то, что требовало большого напряжения переменного или постоянного тока и питалось оно от громоздких сухих батарей, которые занимали всё свободное под столом, на котором было установлено радио.

А вот под патефон мы «отплясывали» 7-8-летней девторой на дне рождения у сестры. Как мне этого не хотелось, но старика подсмеиваясь, подстрекали, мол пока-

жи класс, жених. И таким образом провоцировали нас, несмышленных, под патефон танцевать.

Я проверил, он был с заправленной иглой, знал, где в пенале находятся запасные. Главное, на нём была установлена пластинка, изрядно запылённая, несмотря даже на то, что была прикрыта крышкой. Видимо давно тут пылилась или угольная пыль такая вездесущая.

Я радовался ничуть не меньше, чем Джон Сильвер, нашедший некогда клад на острове. И сейчас было единственное желание, поскорее... да, нет, не уехать отсюда — опробовать находку. Здесь это делать не рискнули, захватив находку и несколько книг, перешли через лесонасаждение на полосу, которая по снежным брустверам говорила о том, что здесь была дорога и её после обильного снегопада даже расчищали. Снега было тут поменьше, только свежий, выпавший на днях.

Раздербанили пару старых книг, сложили пучком и подожгли. Погрели остывшие руки, даже перчатки их сильно не спасали. Ветра не было и потому пламя поднималось ровными языками кверху.

Я, со знанием дела, закрутил пружины механизма до отказа, установил иглу на керамический диск и замер в ожидании. Пару кругов ящик, а вернее мембрана, звукосъёмной головки издавала треск и затем случилось чудо. Нет, не выросло у оленя вместо рога или между ними вишнёвое дерево и не расцвели в эту январскую ночь подснежники. Просто жизнь и прожитый день не потерял своего значения и важности в осмыслении тех вещей, которые раньше и на ум не приходило. Оказывается, что мы живём и не замечаем того прекрасного, что можем просто растоптать, не замечая, как росток травы, пробившийся сквозь трещину асфальта, как улыбку старушки, которой мы дали упасть, вовремя придержав за руку на скользкой дороге или вот это, разве это не чудо?!

На второй стороне, я уже не помню, какая из русских народных была песня, но из-за того, что она сильно была повреждена, игла съезжала, почти с самого начала, потому нам пришлось довольствоваться одним шедевром. А когда мороз стал сильно пробираться, мы пустились в пляс. Согласитесь, что плясать под музыку в разы лучше, чем просто прыгать, спасаясь от холода.

Нам предстояла длинная ночь испытания на стойкость и выносливость. И, не знаю, как бы мы с этим справлялись, не будь этого чуда, музыки, которую мы раньше и слушать бы не захотели (в детстве наслушались по одноканальному проводному радио или на клубных концертах). Даже месяц смеялся и потешился над нами, а мы смеялись в лицо январскому морозу и, похоже, что он был бессилён в этом противостоянии. Мы одержали не столько над ним победу, но и в чём-то над собой.

Саша знал ориентировочное время прибытия поезда, только один вопрос мучил и не давал покоя — а остановится ли он по графику в обратном направлении или нет. Мы гнали от себя ту мысль, что проводница упростила машиниста просто притормозить на этом полустанке, чтобы просто нас наказать. Хотелось верить, что это не так.

— Да, не помню я! — отвечал на мой вопрос Саня, утром первым не мой поезд идет, мой же ближе к обеду.

Оставалось ждать раннего утра и, главное, не прозевать его. Мы-то были метрах в 100 от остановочного пункта. Но то, что было тихо и звук приближающегося поезда будет слышен издали, нас успокаивал. Спать, конечно, никто не собирался. Заснуть в такой мороз — равносильно, сами знаете чему.

Глава XII. «Шизгара» 50-х годов или сингл 90-х

Хоть снег, упавший на землю, являлся своеобразным глушителем звуков, характерных для приближающегося поезда, но стук колёс был отчётливым, и мы задолго еще, подхватив «трофей», и с нетерпением ожидали его приближения на заснеженном перроне. Луч яркого света прожектора локомотива прорезал темень раннего зимнего утра, заставив искриться и плясать кристаллики снежинок сугробов, сложенных трудягой восточным ветром из калмыцких степей в бурханы высотой не менее метра.

Тормозные колодки издали характерный звук при остановке и даже показалось, что поезд немного начал скатываться назад, как бывает с автомобилем после остановки, если отпустить педаль тормоза. Мы бегали глазами вдоль вагонов, но ни в одном из них двери не открывались. Нам ничего не оставалось делать, как стучать в двери случайно выбранного вагона, из-за того, что они были ближе всего к нам. Сердце начало тревожно биться. Пора было и Господа вспомнить нам, студентам-атеистам.

Сонная проводница, сначала выглянула через стекло, а затем начала открывать дверь. Поднимаясь в тамбур вагона, толи от холода, толи от того, что могли еще остаться «куковать» в этой, не зря видимо названной кем-то для посмешища Козловой Балкой, со стучащими зубами промолвили:

— З-з-д-р-р-равствуйте! С-с-спасибо!

— Здравствуйте! А утро-то, видать недоброе?! — ответила улыбающаяся женщина лет пятидесяти, примерно.

Наученные горьким опытом, не заходя даже в вагон, мы начали проситься, вкратце рассказав о наших приключениях-злоклучениях.

— Ох, уж эти горе-любовники! Идите в вагон, грейтесь. Когда будете работать, тогда и отдадите за проезд, — пошутила она по-доброму, по-матерински.

Бывают же и добрые люди, думали мы, проходя в вагон и несколько раз высказав доброй женщине благодарность за чуткость и сердечность. Вошли в спящий полупустой вагон и первым делом отогрелись чуток. А когда зубы перестали стучать, молодость и желание пошухарить взяли своё.

Проведя перчаткой по крышке нашего драгоценного трофея, на котором изморозь превратилась от тепла в капельки воды. Я привычно накрутил рукояткой пружину. Саня предупредительно и с юмором остановил меня:

— А прогреть разве не нужно? — и после моего отрицания с улыбкой, добавил, — тогда, маэстро, «Шизгару» на всю!

Больше всего меня поразило выражение «на всю», это же не граммофон, где можно при помощи трубы-резонатора направлять звуковые волны в нужное направление. Но я не стал поправлять друга, тем более что он начинал играть импровизированную роль. Да и практически всегда мы разыгрывали маленькие спектакли, без предварительно написанного и тем более отрепетированного сценария, а полагались лишь на импровизацию. И очень даже неплохо это у нас получалось. А может быть мы пошли не в т от ВУЗ обучаться, тем более что Саша замечательно играл на гитаре и не просто, а владел нотной грамотой.

Но не об этом сейчас. Шизгару, так Шизгару и я аккуратно опустив иглу на пластинку, отпустил тормозок. Люди и так уже только чутко дремавшие и больше боролись с желанием открыть глаза, чем с бессонницей, начали ворочаться и прислушиваться к тому, что говорили «нарушители покоя». А когда зазвучали первые аккорды «Барыни», а не заявленной «Шизгары», которую боль-

шинство-то уже знали, а молодежь отплясывали под её звуки на танцплощадках, многие даже повыскакивали со своих мест, чтобы убедиться, а не во сне ли это всё.

Вагон оживился. Зашла проводница, и когда мы хотели оставить музыку, чтобы нас на ст. Мечётинской не высадили, она с улыбкой дала отмашку, чтобы мы этого не делали, и сама присела поодаль, склонив голову на спинку, впереди расположенного сиденья. Вагон уже весь не спал. Всем не была интересна сама песня, старая, как и сам мир народная песня «Барыня-сударыни» в исполнении Марии Мордасовой, а звучание диковинного инструмента. Они-то думали услышать звучание «Шизгары» из динамиков переносного магнитофона, что, конечно, не удивило бы никого.

Доехав благополучно до зернограда, мы выходили, провожаемые добрыми улыбками радушных, душевных людей, пассажиров самых разных возрастов, с разным образованием и даже национальностей, но когда мы оказались уже на перроне родного города и посмотрели в окна отходящего вагона, то кроме света, притушенных светильников ощутили на себе десяток одобрительных улыбок, они махали нам руками и кто-то даже послал воздушный поцелуй.

Милая девчонка, как я раньше не разглядел тебя, с миленьким личиком и доброй, без всякого сомнения душой, тем, что всегда отличало нас, русских, от людей многих других национальностей — это доброта и широта нашей русской души. И что могло лучше всего её характеризует, как не русская народная «Шизгара», песня и танец «Барыня-сударыня». Я не удержался помахать ей в ответ. А почему бы и нет. Люди должны дарить всем тем, кто рядом добро и улыбки, улыбки с добрыми пожеланиями.

Думаю, что наше настроение можно не описывать, оно было на высоте несмотря на то, что холод и ночь,

проведённая в бодрствующем состоянии, привела к трате большого количества килокалорий и требовалось восстановление сил, принятием любой мало-мальски съедобной пищи, так как мы к деликатесам всё равно приучены не были. Мы же не буржуи какие, а советские студенты со стипендией в 40 рублей и скромными желаниями в естественных потребностях: покушать дешево в столовой, купить дешёвые сигареты, для настроения принять, перед тем, как бокал-другой портвейна и, если останется что-то, то сводить девушку в кино, а если быть не до уровня Плюшкина экономным, то даже позволить себе угостить девушку мороженым или подарить букетик тюльпанов.

Во, как! Говорил, что потребности слабые, а писал столько, что рука даже устала. Что не говорите, но даже ноша, которая была изначально невесомой, становилась неподъёмно тяжелой. Тёзка брался уже мне помогать, подменял по дороге.

Мы-то и прошли около 100 метров из, примерно 1000, которые разделяли нашу общагу с вокзалом, а может даже чуть больше. Остановились как раз напротив отделения внутренних дел. Входная дверь была изготовлена, не как сейчас, из «броневой» стали: нижняя часть из листовой стали, верхняя часть, составляющая две трети двери из стекла, и мы хорошо могли видеть голову дежурного, склоненную на стол в дежурке, также отделённую от коридора стеклянной перегородкой.

Поняв, что это непорядок, не долго совещаясь решили исправить эту оплошность доступными и неприступными средствами. Репертуар, с повторами «Шизгары» за прошедшую ночь приелся. И тут моему тёзке приходит гениальная по её неадекватности и неповторимости вещь, он мне предложил следующее:

— Дядя Саша, а слабо сбавить «Барыню» на немецком языке, на слова тут же сочинённые?

— Не слабо! Только одно условие, ты немецкий по-лучше моего знаешь, ты будешь запевать, а я на подпевке. Идёт?!

На том и порешили. Но, гитары у лучшего гитариста второй общаги не было, но без музыкального сопровождения — это не песня, а коровье мычание. Без лишних слов, я готовлю «фонограмму плюсовку», а вокалист Саша Котов разминает озябший голос.

Ой, братцы, если бы была возможность записать эту импровизацию, сочиняемых на ходу сочиняемой на ходу песни, под классический шедевр русского народного творчества, на немецком языке, да ещё с выбором слушателей в лице дежурных МВД, которые не просто проснулись ошарашенные, они на всю жизнь запомнили этот наш концерт без фортепьяно, само пьяно и без оркестра, сами были, как маэстро. Саша, знающий толк в ритме и не только, начал отсчёт, перед вступлением:

— Eins Zwei, — потом посмотрел в сторону дежурки и продолжил, — Polizei,

Drei Vier, Komandir...

И он запел, я вторил ему и вместе, в два голоса вытягивали припев. Такое девство, конечно не могло оставить равнодушными ни гражданских людей, но, к сожалению, их не было рядом, ни служивых, к счастью, они продирали глаза и с любопытством всматривались через стекла на улицу, где выступали современные «Бременские музыканты». Представляю, как они там ржали, хоть и ни фиги не понимали в этих немудрённых словах. Хотя, трудно найти человека, не знающего счёт один, два, три на немецком.

Я сейчас почти уверен, что нас в то ранее утро всё-таки кто-то записал на «бабинник» переносной, а иначе как можно объяснить, что немцы через много лет после этого записали нашу песню и выдали, как свою. Вот её текст:

Eins Zwei Polizei
Drei Vier Grenadier
Funf Sechs Alte Hex
Sieben Acht Gute Nacht
Ja Ja Ja Was ist los? Was ist das?
(repeat)

Перевод звучит так:

Раз, два, полиция,
Три, четыре, гренадер,
Пять, шесть, старая ведьма,
Семь, восемь, спокойной ночи!
И так повторяется трижды, а потом идёт припев
из одной строки:
Да, да, да. Что случилось? Что это?

Так вот, я поинтересовался в инете, Фабио Фриттелли (итал. *Fabio Frittelli*, более известный как Мо-До), написал и исполнил наш сингл только в 1993 году, т.е. практически через 20 лет, после того, когда оставшийся без заслуженной славы, мой тёзка и известный в определённых кругах музыкант, написал слёта и исполнил её при описанных мной обстоятельствах и изначально, с одним, а потом и разбуженным вторым слушателем в лице сотрудником МВД.

Братцы, я понимаю, что много лет прошло, но если вы, используя всё же, имеющееся на вашем вооружении подслушивающее оборудование и средства слежения, смогли записать наш концерт, то полученный гонорар, за проданный материал можете оставить себе, пусть правда восторжествует. Я вас прошу, расскажите правду. Вам за давностью лет ничего не будет, тем более что вы давно уже не работаете в этой службе. Хотя, бывших «ментов» не бывает. Короче, пусть справедливость восторжествует. Вы же, надеюсь, русские и были, как минимум патриотами нашей большой Родины.

Я сказал всё. Всё хорошо. Alles ist gut.

Я хотел поставить в этом в этом повествовании жирную точку. Но потом, подумав, решил, что читателю будет интересно знать, что случилось с бесценным кладом, трофеем, доставшимся мне в морозную январскую ночь на полустанке «Козлова балка». И вкратце сообщали, что жизнь её была не столь долгая, сколь мне хотелось, но она честно служила мне: и в курилке в общаге, когда мы развлекали её жильцов экзотичной музыкой; и, когда я оставил учебу, переведясь на заочное отделение, то свой трофей не бросил на произвол судьбы, но и домой не повёз, а оставил в Матвеевом Кургане у своей бабушки. Я смог настроить так скорость вращения диска, что мог проигрывать и грампластинки современные со скоростью вращения 33 об/мин. Благо, что старых пластинок было много.

Уйдя на службу, я доверил своей бабушке хранить раритет, как зеницу ока. Но, но, но... Как добродушная бабушка могла отказать своему правнуку, которому было 2—3 года в желании покататься на вращающемся диске. Надежная техника легко справлялась с этой работой.

А когда это занятие наскучило моему племяннику, раритет превратился просто в дрова. Уж с таким усердием он трудился над чем-то обидевшим малыша патефоном, с помощью небольшого топорика, что бабуля поохав, решила, что будет лучше, если я, придя со службы, не рвал душу над плачевным видом его, сдала его на свалку.

Вот такой нерадостный конец оказался в этой истории. Но не стоит расстраиваться друзья. Жизнь хороша и жить хорошо, как говорили знаменитые герои добрых советских комедий. Будем жить!

Я, Иваныч, и мой герой Дядя Саша, объединились вместе и это объединение, не союз какой-либо, не укрупнённая организация за счёт нескольких небольших — это слияние в одно единое целое двух представляемых в повести участников событий и диалогов в единую телесную оболочку. Некоторые из моих уважаемых читателей удивлённо скажут: «Как так? Такого быть не может потому, что не может быть никогда». На что я вам отвечу: «Может, ещё как может».

Если серьёзно, то вы, бесспорно догадались и давно о том, что Иваныч и Дядя Саша — это и есть ваш покорный слуга, как часто любят говорить даже те, которым даже это словосочетание вызывает мурашки и зуд не только по спине, по всему телу. Но не о них сейчас речь, хотя бы о тех депутатах, которые лишь прикрываются такими красивыми высказываниями.

Что касается меня, как «слуги покорного», то во многом выражение правдиво, это по поводу слуги. Я, без зазрения совести могу сказать, я очень искренне верю, возможно и утопически верю, что служу простым, «рядовым» служащим в той сфере умственного труда, плодами которого являются работы в области литературы в жанре прозы или поэзии.

До новых встреч. Дядя Саша и я, являющийся связующим звеном между тем далёким временем, когда я был молод, как Дядя Саша и сегодня, когда Дяди Саши, как такового, для широких кругов общества уже нет, а племянники вообще никак не называют, не проводят потому как, сейчас я дедушка Саша, не книжный герой, а самый настоящий дедушка четырёх внуков, моих любимых и дорогих.

А там, как знать. Возможно и то, что Дядя Саша припомнит ещё какую-нибудь занимательную историю, а я с удовольствием её с вами поделюсь, непременно и незамедлительно. До новых встреч! Bis bald.

И это не только потому, что являюсь членом Российского союза писателей, а считаю, что мой скромный труд станет той небольшой крупичей, которая наряду с работами других творческих людей ляжет не просто пылью на полки отечественной литературы, но и надеюсь, что займет своё скромное место в ряду наших современников.

А по поводу покорного, даже не знаю, как полно раскрылся характер Дяди Саши, насколько он может быть лояльным, покорным или непокорным — судить вам. У меня с ним, конечно, очень много общего и за десятки лет, он, постепенно становясь Иванычем изменился. Но, с другой стороны, если не смотреть на внешние отличия, вот так подумаю и скажу сам себе: «Какой там дедушка Саша или Иваныч? Дядей Сашей я был, им и остался, в душе, конечно, да и в некоторых поступках».

Описанные события происходят на протяжении периода с август 1972 г. по июль 1974 г. Это я для того, что можно было проверить достоверность некоторых аспектов или событий, в которых мной были допущены ошибки. Если таковые всё-таки обнаружатся, прошу простить. Это не умышленно, а из-за свойств человеческой памяти забывать или искажать что-либо во временных рамках или по существу не имеющих в то время место в географическом понятии пространства или в принципиальном. Хотелось быть максимально правдивым и к историческим особенностям того периода времени, и к внутреннему миру Дяди Саши.

Возможно, я ещё вернусь в творчестве к этому промежутку времени в написании мемуаров, рассказов, повествований или романа. А сейчас, забегаая на перёд хочу сказать и как я не раз уже повторялся, что оставить какую-то интригу и недосказанность, чтобы заинтересовать вас, дорогие читатели, скажу только одно, что дорога от поступления абитуриента Сани в инсти-

тут, до защиты дипломного проекта и получения диплома инженера-механика было долгой и тернистой и благополучно соединилась с главной дорогой жизненной цели только в далеком, от описываемых событий 1986 году.

Когда уже перед защитой, в учебной части просматривали мою зачетную книжку, с удивлением констатировали: «Ого! Вас еще Миронович учил инженерной графике, профессор Зайдинер вёл лекции по научному коммунизму, руководитель курсового проекта по экономике отрасли Баранчук, говоривший, что моя фамилия не переносится, а директором еще Коптев был? Это история в лицах.

Когда мы встретились в июне 2017 года на 40-летие после выпуска в Зернограде, нас в институте приветствовал тот же, профессор, доктор исторических наук, Зайдинер Виктор Изарович. А когда я поинтересовался, жив ли наша легенда института с сожалением узнал, что он скончался на 98 году жизни в марте этого года. Жаль. А как жаль наших одноклассников, «боевых» товарищей «5-й гвардейской» группы. То, что я знаю, уже двоих нет из тех семерых, что встречались три года назад.

Эх, жизнь наша. Но я надеюсь и верю, что мы ещё обязательно встретимся и вспомнишь нашу молодость. И Дядя Саша, проучившийся в рядах этой прославленной группы не полных три года, тоже будет. И как знать, может быть на полке произведений Иваныча, кроме многочисленных томиков его авторских стихов, появится ещё одна книга повестей и рассказов, нет, чего там мелочиться: любить, так королеву, а если писать, то роман, конечно.

Мы «гвардейцы», мы прорвёмся!

Глава XIII. Рыба мечет икру

Далее события, которые могут быть упомянуты с большой долей правдивости и достоверности, будут датируются, начиная с осени 1974 года по конец весны 1981-го. Приятного прочтения! Нет, я не ухожу. Я остаюсь с вами до самого последнего листа этой автобиографической повести.

Позади «третий трудовой» семестр, как в ВУЗе называли производственную практику. Не все, конечно, ехали на целину или стройки, как бытует мнение о романтике студенческой жизни. Стройка для строителей, прокладка железнодорожных полотен — для железнодорожных специальностей. А мы будущие инженеры-механики после второго курса должны были закрепить знания, набраться умений и опыта, пока еще не управления производства, не руководства трудовых коллективов, начиная со звеньев, бригад и по возрастающей, а просто освоение рабочих специальностей и заодно, изучение серьёзного производства, глазами и рабочего и уже будущего специалиста.

Если местом моей первой производственной практики был родной колхоз, то вторая была на большом и известном на всю страну заводе ХТЗ (Харьковском тракторном заводе). Теперь, если представить, сколько технических ВУЗов в стране и сколько производств, серьёзных производств с показательной энерговооружённостью, механизацией и автоматизацией производств, то можно понять, какая трудная задача стояла во взаимодействии, по налаживанию связей и заключении долгосрочных договоров. Это не то, что сейчас, не вставая с кресла за компьютером можно столько дел «наворочать», что, как говорил А. Райкин «10 институтов с профессорами и доцентами» за годы не «разволочёт».

Но, нужно отдать должное, что в «застойные» времена всё работало, строилось и возводилось, заводы и фабрики, тот же завод КамАЗ, строительство которого было начато в 1970 году было объявлено ударной комсомольской стройкой. Сколько рук там было задействовано, тысячи и десятки тысяч.

«Ростсельмаш», гордость нашего донского края всегда с распростёртыми руками принимал специалистов технического профиля для сельского хозяйства, в основном, инженеров-механиков, инженеров-ремонтников, которых и готовил наш институт.

Практика в красивом и чистом городе на востоке Украины, была интересная и запоминающаяся. И не только знакомством с заводом и работой на производстве. Главное же не в том, чтобы заработать побольше денег, а чтобы хорошо провести время. Как можно забыть: площадь им. Дзержинского, вторую по величине площадь в Европе, если не ошибаюсь; парк культуры и отдыха им. Максима Горького; канатная дорога и это не в Геленджике где-то; строящееся открытым способом метро; а какие девочки там, братцы, увидел — не забудешь.

После лета всегда учиться немного лень, а тут еще то, что не может быть проходящим... Да, нет, сейчас не о музыке, которая, конечно вечная. Я о любви, она, разве не вечна, пока существует род людской. Наташка из Новочеркасска, 16-летняя девчонка, она же далеко и для поддержания «жара угольков» пока хватало длинных и чувственных, а иногда наивных писем, мечтателя, хоть и «классика» в определённых кругах, под прозвищем Дядя Саша.

Люда, пухленькая, невысокого роста ученицей ещё 9-го класса понравилась мне, когда шла со своей подругой, неизменно, мимо нашего общежития. Было ли это случайностью? Пожалуй, так как это был ближайший путь

от их школы, сейчас она №14, а тогда не помню такой ли была, но её здание располагалась под прямым углом к нашему общежитию и мы могли в простой театральный бинокль, при открытых в теплый период окна видеть, что происходит в классах.

Миха, бывалый ловелас, после того как увидел впервые меня, провожающего Люду домой, а она жила в многоэтажке на Дубках, выпалил умышленно при свидетелях:

— Иду с Тимерязевки от своей зазнобы мимо парка, смотрю, Дядя Саша навстречу и кого-то «несёт». Ну, как-как? Под мышку взял, как конспект по сопромату и несёт. Идут навстречу. Когда поравнялись, глянул на то, что под мышкой, не поверите — Жадница!

— Чего? — не поняв, спросил «ЗАЗ»ик, это чё, пого-няло или чё?

Все, кто был, пожалуй, а я, так в первую очередь, догадались, над чем или кем прикалывается Миха, кроме меня, конечно.

— Ну, Жадница или Задница — не велика разница, — заключил он и повернувшись ко мне, подмигнув, добавил, — так же, а, Дядя Саша?!

Я слегка замялся и, наверное, даже покраснел слегка. Ведь, в отличие от других наших одноклассников, которые становились ежедневным поводом для разговора из-за каких-то, ну очень отличительных от нормального, в наших понятиях, поведения, манере одеваться даже или отношению к различным жизненным аспектам, типа «бабтист» — это не любитель баб, как можно подумать «тискающий баб», а напротив — боявшийся, до потери сознания девушек, человек. Ну, «штангист» или «гиревик» — эти прозвища говорили сами за себя. Но, а то, что кто-то меня так «подковыривал» мог, пожалуй, только Карась. На то он и карась.

Действительно, Люда было небольшого роста и Миха совершенно не врал, что я её брал за шею под мышку.

А иначе, мне нужно было присесть, чтобы обнимать за талию. А девичьи прелести от того, видимо, выглядели слегка или даже не совсем слегка великоваты для данной по росту фактуре.

Так и прижилось, что Люда и Жадница — эта девушка, с которой я встречался. Это еще хорошо, что пацаны не называли, изменив первую букву на созвучную ей. А так, как-то все привыкли и стали ассоциировать это прозвище с однокоренным «жадная».

Из-за этого, иногда можно услышать было шутку:

— Ну, что, Дядя Саша, Жадница жадничает? Не даёт тебе?...

Это, пожалуй, единственная девушка, с которой я встречался, хоть и не очень долго, была блондинка. Больше я не припомню белокурых дам. Были или чернобровые казачки, или хохлушки с каштановым цветом волос и разными оттенками, но не такими, как сейчас — можно встретить и синие, и зелёные волосы, кто на что горазд.

Из дисциплинированного студента я постепенно превратился в обычного, со своими «косяками», мог со своим лучшим другом, после ночных приключений, проспять первую пару лекций, порой, вместо второй или третьей пары, сходить в столовку и позавтракать. Но сказать, что был таким, на котором клемма негде ставить под перечнем «косяков» сказать не могу, да и не было такого.

Вот сейчас, сравнивая моих студентов с собой, хоть и разница-то эпох в полвека, хочу сказать, что я бы сейчас был в десятке лучших из группы. Что значит время. И как меняется всё. Да, что там говорить, страны целой не стало, самой большой по территории страны, самой могущей по многим показателям. Где наш Великий Советский Союз! Где?

Я как-то говорил о некоторых изменениях в моем ду-

ховном мире, что касается веры и отношения к религии. Один из ярких примеров из жизни атеиста.

Вела у нас научный атеизм дочь заведующего кафедры, будущего профессора исторических наук Зайдинера В. И. Но прежде, немного расскажу, какую я работу в своей знаменитой и часто отличающейся не всегда хорошими поступками 21-й комнате. Началось с того, что я приобрёл церковный календарь. Всегда внимательно следил за праздниками и старались, по возможности их отмечать. Часто обряды были придуманные или упрощенные из общепринятых.

Что касается постов, то он у нас, как начался с первого дня учёбы и прерывался лишь на несколько дней в году, когда мы попадали домой и на каникулах. Короче, любой священник мог позавидовать нашей сдержанности и терпимости, если можно было так назвать извечное недоедание, отсутствие практически мясных блюд (хлебные же котлеты — не мясо?!)

Больше всего всем нравилось, когда я объявлял:

— Уважаемые обитатели кельи №21, миряне, братья и... братья, прослушайте важное сообщение. Сегодня такого-то числа, такого-то месяца и года от Рождества Господня, великий праздник.

— Слушаем, отец наш, Протоиерей Александр. Слушаем и повинемся!

Дальше шло краткое знакомство, что это за праздник и как его следовало проводить, что лезья, чего ни-зя делать в этот день. Позволялось прогулять даже занятия, дабы не грешить.

У моей бабушки было несколько божественных книг, издавших виды, передаваемых из поколения к поколению и имевшие изрядно потрёпанный вид. Просьбы дать мне одну книгу «напрокат» были отклонены, видимо бабушка понимала, что это может быть проявлением нечистой силы, которая во мне вселилась. Но всё было на-

много прозаичней. Во мне смешалось желание познать больше о том, к чему был определённый интерес и всё тоже желание пошухарить.

Сказать, что наша комната была центром духовной культуры не могу, но то, что явно отличалась лояльным отношением к религии, как минимум — это точно. Иногда нам удавалось приобщить и других жильцов общаги, пусть не полностью к религиозным традициям, а культивированных из религии и адаптированных к нашим условиям.

И вот настало время «Х». Иначе его ещё называют временем «трындец». У нас по научному атеизму был экзаме́н. Евангелию я у бабушки не выклянчил на экзамен, но готовился к экзамену по современному изданию, не помню чьём, но называл книга «Библия для верующих и неверующих». Она меня привлекла тем, что там было и научное мнение ученых и часть тех церковных канонов, которые из-за «абсурдности» атеисты не рассматривали. У меня было редкое право выбора, верить или не верить.

Это было очень тяжело потому, что многие доводы с позиции церкви для меня повторным открытием Америки. У нас и в селе не было церкви и в районном центре в то время. Сейчас, благо, везде восстановили или восстанавливают и строят новые храмы.

Бабушка ездила пару раз в год молиться на Украину, в соседнюю Донецкую область. Благо, что электричка ходила, да до неё нужно было 25 км на попутках добраться. С собой она брала оклунок (наполовину или даже меньше наполненный мешок) отборных и просеянных подсолнечных и тыквенных (у нас их называли кабашных) семечек. Там на месте, гостя у своей старшей дочери, бабушка их жарила и продавала шахтёрам: утром спешащим в шахтный забой, а после смены домой. Это для того, чтобы оправдать стоимость проезда

туда и обратно и не быть никому обузой, в плане материальной.

Я имел наглость взять книгу на экзамен и не как шпаргалку, под полой или ещё как, а в открытую положив её на стол. Преподаватель, отобрав, конечно, сразу книгу (благо, что не выгнала вообще), решила устроить мне экзекуцию. Кроме того, что я ответил, как предполагал на «отлично» на вопросы билета, а это были только цветочку, на меня посыпался град вопросов.

Отбивался достойно. Сказать, что на все ответил — не скажу, а на некоторые ответил не так, как хотела она, преподаватель. Анализируя прошлое и сопоставляя то время с настоящим, а себя ставя на её место, «зуб последний даю», что без «пятерки» за такие «истязания» студент бы с экзамена не ушёл. Но, что было, то прошло. Прошло время, когда я уже обучался на заочном отделении, то даже институтские преподаватели помоложе и особенно работники учебной части удивлялись:

— У вас, что даже экзамен по атеизму был? — смотря на меня, как на прокажённого.

— Был! Да, ещё какой..., — вспоминая «экзекуцию» вспоминал я.

Конечно подробности «экзекуции» я им не рассказывал, а лишь одаривал довольной улыбкой, при воспоминании тех давних «баталий» в борьбе за «государственную оценку», которой называли часто «три» балла, удовлетворяющую всех, кроме моего гордого юного самолюбия, которое очень сильно при этом пострадало.

Ещё об одном «поединке» хотелось мне поведать из-за того, что он имел, если не роковое значение в моей судьбе, но много изменившей обстановке и ставившей «крест» на Дяде Саше, в качестве героя повествования. Жизнь на этом, конечно же, не закончилась, а лишь эпопея Дяди Саши, который остался лишь в воспоминаниях одноклассников, однокурсников и не только, а также

всех тех, кто меня знал таковым и при встрече называл именно так и не иначе.

Вот, если бы, через полвека кто-то остановил где-то меня и с небольшим сомнением, предположительно больше, чем утвердительно, спросил:

— Дядя Саша! Это ты?! Мама родная, сколько лет прошло. Жив ещё, старина! — я бы был бесконечно рад и счастлив встретить старого, доброго знакомого. Мы бы ещё долго сидели где-нибудь в теплом уютном кафе и вспоминали годы юности, прекрасней которых жизнь не придумала.

Третий курс — пик обучения в институте. Бытует много поговорок на этот счёт, приведу некоторые из них. Говорят: «Закончил третий курс — можно жениться». И многие студенты этим спешили воспользоваться, хотя не обязательно, могли это торжественное мероприятие и один из самых серьёзных шагов в новую, пока неизведанную жизнь, мог сделать на 4-м или выпускном курсе. А кто-то терпел вовсю до защиты дипломного проекта.

Вторая немного изменённая, но с тем же смыслом: «Сдаю сопромат и сразу женюсь».

Есть много расшифровок, которые бытуют в студенческой среде. Вот, например, слово студент, расшифровывается, как, Сонное Теоретически Умное Дитя Естественно Нежелающее Трудиться. Ещё задолго до 3-го курса слышал выражение для дисциплины «Теория механизмов машин», сокращенно ТММ, как «Тут моя могила». И как многие смеялся, а зря. Это выражение было предвестником неприятностей.

Дисциплины, подобно «Технической механике», одной из составляющих которой являлась ТММ, «Сопротивление металлов» и «Детали машин», были теми, которые были очень трудны в изучении из-за множества

формул и расчётов при решении задач, выполнении курсового или дипломного проектирования, но необходимы для будущего инженера-механика, и я это понимал, мало того, они мне нравились, как всё, что связано с механикой, начиная с физики, да и с математикой я тоже дружил, чего не могу сказать тоже о высшей математике, где дело обстояло несколько иначе.

Третий курс был ещё интересен по-своему и тем, что начинались занятия один день в неделю по курсу дисциплин под кодовым названием «Р-2», а если рассекретить, то это занятия по военной подготовке. В этот день мы с утра и пока не закончатся занятия ходили в солдатской роде старого образца, в гимнастёрках и галифе, в кирзовых сапогах и, конечно подпоясанные армейским ремнём, не считая брючного.

Кто-то скажет: «С чем боролся — на то и напоролся», имея ввиду, что от военного училища сам себя освободил, а поносить сапоги-то, всё равно пришлось. Первый день «военки», как кратко называли занятия, запомнился особо.

Думаю, что об этом стоит рассказать чуть подробнее. Нам всем объявили, что на занятия, которые проводились в новом корпусе института, на третьем этаже. Учебные классы занимали не весь этаж, а только половину и, которая была отделена металлическая решёткой с проходом на котором было организован пост дневального у тумбочки, как и положено в армии в казармах. Нужно было приходиться без опозданий, одетым по уставу в выданную накануне форму и главное, было требование к внешнему виду — коротко постриженным... Вот это обстоятельство, когда большая часть студентов за два года успели отрастить патлы, прошла «как серпом по...», но доскажу поговорку поддержкой из другой «... по тому, что плохому танцору мешает».

Надо, значит надо и почти все дружно заняли очередь к Вове «цирюльнику». А вот о Вове хочется рассказать поподробней, ему и главы будет мало, так как таких «уникумов» земля рождает не часто.

Глава XIV. Хиромант

Вова был уникам не только в умении хорошо подстригать, но он был еще «ворожеем», ворожим, умеющим гадать не только на картах, а по руке. Вспоминаю его часто, хоть я и не верил тогда, но он мне точно предсказал судьбу на 10 лет вперед, указал даже имя будущей жены и имена двух детей, которые должны были родиться и всё в «десяточку». Но это же я мог вспомнить потом, когда всё произошло так, как он предсказал.

Ещё одно хобби у него было, которое чуть не закончилось для него, если и не трагически, но неприятностью, после чего, он решил с этим наглухо завязать. А хобби было вот в чём. Хотя, прежде, чем начать вас знакомить с новым хобби, я хочу вспомнить его же рассказ о случае, который произошел с ним, ещё будучи дома, до институтских лет.

— Была у меня собака, Тузик (кличку его четвероного друга я не помню, но пусть будет Тузик). Пока был щенком, таким лохматым колобком, виляющим хвостом, было всем забавно, мы все его ласкали и кормили, как в деревне принято, отходами после еды и случалось костями, подсобное хозяйство-то держали, было чем кормить. Да, деревня — не город. Отпустишь на ночь, он побегает, где у него желание только есть, а утром выходишь — он или в будке, или возле неё виляет хвостом.

Когда вырос, стал псом средних размеров. Но мы не знали, умеет ли он лаять вообще на кого-то, только

хвостом вилял и скулил иногда. «Зачем такая псина нам на дворе нужна? — постоянно сетовала мать, — только через неё спотыкаться, да убирать то, чем нагадит...».

А я слышал от кого-то, что для того, чтобы собака стала злой, нужно ей хвост укоротить или уши подрезать. Подумал, дай-ка я сделаю из тебя настоящую сторожевую собаку. Уши не стал трогать, а поймал и отхватил ему кусочек хвоста. Пока хвост заживал, Тузик из будки глаз не казал. Потом, проголодался и стал выходить, когда меня во дворе нет.

— Ну, чего ты тянешь? Стал твой Тузик «цеповым» псом или нет? — с нетерпением спросил я Вову, уж хотелось побыстрее услышать результат, а вдруг и самому в жизни когда-то пригодиться.

— Нет, одного раза не хватило.

— А, чего ты ему сразу «по самое не балуй» не отхватил, а, казацюра? — домогался с вопросами к Вове.

— Да, что я, садист какой-то, что ли?!

От этих слов мы все закатились покатом от смеха, а Вова безмятежно продолжал:

— Брехня, думаю, сделаю я из тебя злющего пса и на калитке повешу табличку...

— Осторожно! Злой хозяин! — со смехом опередил я Вову, но тот, не обращая внимание на смех, продолжал:

— Я ему ещё отхватил немного, ну так, сантиметров пять, наверное...

Мы уже захлёбывались хохотом со слезами, с таким чувством, что ты слушаешь или смотришь пародию на фильм ужасов, когда страха, как такового нет, из-за осознания того, что это несерьёзно и нереально. Но до конца было непонятно, шутит ли Вова или говорит серьёзно, так как он выражением мимики лица это никак не высказывал.

— Прошла неделя, а результата нет. Во, гад, думаю, что партизан, его пытаются, а он молчит. Ладно, отхвачу

на сей раз сразу полхвоста — куда ты денешься, залаешь, ещё как. Он сильно упирался, я его за цепь вытянул, заранее подтянул колоду, на которой мать курам бошки отсекала, топорик заточил, что с одного маху, а-то прошлый раз раза три пришлось кромсать. Надёжно зажал его ногами, левой рукой натянул хвост и вжик — полхвоста в руке.

Мы не знали, что нам делать и куда деваться. Смеяться не было сил. Даже страх начал вкрадываться в сознание, похоже, что он не врёт-то.

— Ой, погодь, Вован, дать отдышаться, — закатываясь со смеху и катаясь по кровати, еле произнёс, срываясь на новый приступ смеха «ЗАЗ».

— А, что, я уже всё рассказал, — сказал Вова и притих.

— Как, всё? — удивился Коваль, — и, что стала собака злочей? — уже серьёзно спросил он рассказчика.

Всё затаили дыхание, как в цирке, когда наступает тишина перед кульминацией, при исполнении опасного трюка и слышна нервная барабанная дробь. У нас барабанной дроби не было, но нервы были на пределе.

— Да! — спокойно ответил, Вова, — эффект был и ещё какой. Не то, что лаять, Тузик даже покусал...

— Кого? — хором в догадках спросили мы.

— Ну, как кого? Меня, конечно.

Что творилось дальше передать невозможно. Истерики, запалу и продолжительности хохота мог позавидовать сам великий Карандаш, выступление которого мне посчастливилось увидеть 10-летним мальцом.

— А за какое место? Ты же его между ног зажимал, когда экзекуцию устраивал? Он тебя за то, что в промежности и хапнул, да, Вова? — спросил, хихикая, Коваль.

— Не-а, за ноги покусал, собака, — серьёзно ответил Вова.

Вот, что другое, а погнало «живодёр» не хотелось ярлыком навешивать на его грудь, изрядно отмеченную заслугами и теми редкостными способностями, что у других, как и у меня и зачатков не было. А вдруг, он нас просто разыгрывал и всё, что он рассказал — чистой воды вымысел. Не знаю, он «разоблачаться» не стал и через время и истинная правда об этой, можно сказать страшной и одновременно смешной истории.

Ну, а теперь продолжу рассказ о новом хобби Вовы или неизвестных способностей доселе, которые открывались прямо перед нашими глазами. Мы были свидетелями и тут не может быть домыслов, считать это правдой или вымыслом. Уверю вас — абсолютная правда.

Кто помнит и не только по фильмам автоматы для газированной воды — это, как бы сейчас сказали бренд той эпохи, о которой я рассказываю. Какое было удовольствие, в жару испить стаканчик охлажденной сладкой, с сиропом или чистой без сиропа газированной воды. Они стояли через каждые триста метров и, как правило, не одиночными автоматами, а спаренные и даже по три, а где-то и по четыре в ряду. Иногда к ним собиралась очередь. Каждый аппарат был укомплектован единственным гранённым стаканом, и никто тогда не думал о том, что можно чем-то, от кого заразиться. Простого ополаскивания стакана под струйками моечного устройства было достаточно, перед тем как наполнить его шипящей живительной жидкостью.

Вова, как будущий механик, внимательно изучил устройство автомата изнутри, в то время, когда обслуживающий оператор настраивал аппарат перед запуском, подключал баллон с углекислотой или самым ценным, сиропом, который устанавливался внутрь в трёхлитровой банке и периодически заменялся. Вова проследил путь монеты от монетоприёмника до клапана или того устройства, которое срабатывало, при ударе в него

монеты весом 3 грамма, что соответствовало массе 3 копейки или 1 грамма — вес копейки.

Своими мыслями ни с кем не поделился, но как-то вечером пригласил нас:

— Пацаны, пошли газировочки попьём, — предложил он нам, просунув свой курносый нос с внушительного размера, совсем не детским лицом в приоткрытую в нашу комнату дверь.

— Вова, не пошёл бы ты... сам куда знаешь со своей газировочкой, не время газировку в 10 вечера хлестать. Ладно там, если в жару. Да и деньги на ветер, без пива, — «отсандалил» его мой дружбан Саня Котов, — а, что твои с 18-той не хотят уже с тобой водиться.

— Да, ну их, этих гиревиков, штангистов, баптистов и трезвенников, — с недовольством высказался «хиромант» о своих «сокамерникам», соседям по комнате, конечно, — «с ними каши не сваришь», так, что нет желающих? Угощаю! — добавил Вова.

И эти слова были самыми главными в определении того, стоит идти или не стоит, из-за лени и вообще.

— Я иду! — живо отозвался я, — а с сиропом газировкой угощаешь?

После кивка Вовы, все спешно засуетились.

— Можно и прогуляться перед сном грядущим, — согласился «ЗАЗ», — Коваль, идёшь? Если не идёшь, дашь свои «колокола»?

— Час, разогнался, — ответил Вова и стал натягивать спешно свои моднючие брюки в стиле «колокола».

— Я вас на улице жду. Покурю пока, — сказал «цирюльник», «хиромант» и еще, чем сможет сегодня удивить нас Вова, мы не догадывались.

Дружно в приподнятом настроении, из-за того, что нам предстояло, как говорится «упасть на хвоста», дружной компанией двинулись, мимо кинотеатра «Комсомолец» (переименованный впоследствии на кинотеатр

«Зерноград», чем кому-то наша комсомольская юность помешала не знаю), третьего общежития студентов, пункта ДНД, обогнули здание клуба им М. Горького, не выходя на ул. Ленина, а пройдя метров 20 по тенистому тротуару, мы оказались у бойкой точки трёх автоматов для газированной воды.

В это время сеанс в кинотеатре уже шел с полчаса, а по улице Ленина то и дело прогуливались небольшие компании молодежи. Видя скомкивавшуюся компанию из пятерых, неизвестно в каком состоянии и с какими намерениями компанию, чтобы миновать возможные неприятности, переходили по поперечным, асфальтированным переходам с тротуара на широкую и хорошо освещенную улицу.

— Ну, угощай, богатый «Буратино», — засмеялся ставропольский Санёк, держа уже успевший побывать под струями стакан. На одном из автоматов стакана уже не было. Такое иногда случалось, чаще всего из-за того, что выпивохи взяли «взаймы», чтобы «раздуть поллитруху» портвейна и неумышленно, а от того, что им было уже очень хорошо, просто забыли там, где распивали.

— Я за Саней занял, — присоединился в очередь с ожиданием пиршества Коваль.

— Стоп! — сказал Вова, банкующий на пирушке, — так дело не пойдёт! Так, ты, — он указал на «ЗАЗ»ика идешь на угол клуба и следишь за пунктом ДНД, если что — кричи «шухер» или «атас». Саня, — обратился к моему лучшему другу Котову, — ты самый длинный, просматривай «горизонт» вниз, в сторону института. Вова, ты и Дядя Саша остаётесь со мной, пока, а потом поменяете тех, кто на «атасе». Пацаны, прикрывайте меня с боков.

Мы, как под гипнозом выполняли приказы, не иначе, «хироманта». Вова достал откуда-то, как факир «из ниче-

го» еле заметный реквизит. Если бы он не блеснул на слабом свете, пробивавшемся через густую листву деревьев, то мы и вообще ничего не увидели, а когда поднёс к светящемуся автомату, мы увидели чётко уже стальную проволоку толщиной около 2 миллиметров, длиной около полуметра, изогнутую «полумесяцем».

Вова вставил проволоку в разрез приёмника монет и стал погружать её в «чрево» автомата, медленно и уверенно, как будто он делает это не первый, а сотый раз. При этом у него было выражение лица, как у опытного «медвежатника», который на слух определяет, в какую сторону продвинуть или повернуть отмычку. Когда, как мы догадались, проволока во что-то упёрлась, он сделал резкое движение и автомат сработал и полилась порция сиропа, затем разбавляя её газировкой. Мы выпили по стаканчику с удовольствием.

Прошла смена караула. Вова проделал такую же махинацию ещё несколько раз. Если была угроза «спалиться», звучал условный сигнал и мы, делая безмятежное выражение лица, сполоснув стаканчик, просто отходили в сторону — вдруг кто-то сильно хочет попить, бывает душа горит, её тушить нужно.

После очередного перерыва, Вова, стоявший задумчивым, видимо что-то прокручивая у себя в голове, заявил:

— Так дело не пойдёт.

— Что, что случилось, казак, — накинулись все на нашего щедрого гостителя. Мы только в кураж вошли.

— Так дело не пойдёт, мы же не лошади, много воды не выпьем. Будем менять тактику, — выдал Вова, видимо уже зная, что будет делать.

Подозвал меня и дал краткий инструктаж. Почему меня? Это вполне объяснимо. Во-первых, мы с ним не раз ездили на футбольные матчи в Ростов-на-Дону,

на стадион СКА, где хозяйин, команда СКА кого-то принимала в гостях.

Во-вторых, Вова, единственный, кто составил мне компанию, когда у меня еще не было в Новочеркасске девушки по имени Наташка, ещё около года назад съездить в город Донского казачества, где училась моя двоюродная сестра, её проведать и просто развеяться.

В-третьих, будучи в г. Харькове на практике, он согласился со мной прокатиться по местам «боевой славы» и не только отдать почести памяти местам, где проходили ожесточённые сражения на «Курской дуге», поездкой на электричке в г. Курск, но и дань памяти менее славному моему поступку, когда я провожал девушку Галю в Прохоровку, при том не купив билет, видимо в кармане было пусто или «на авось», а Галя за меня оплатила проезд.

Мы провели в Курске почти сутки, ужинали, как белые люди в ресторане, ночевали в гостинице «Курск» в номере «люкс». И всё для того, чтобы знали наших, чтобы доказать, что мы можем не только краснеть, признаваясь проводнику, что «я студент, денег нет» и показывая вместо документа пропуск на завод ХТЗ. А всё потому, что мы перед этим получили зарплату на заводе и решили прогулять денек-второй, и чтобы практика запомнилась. И она, бесспорно, заполнилась, раз я до сих пор мог бы в подробностях рассказать те события, но сейчас не об этом.

Я должен был вовремя убирать с места под трубкой, из которой изливался сироп в момент переключения автомата на подачу газировки. Вова, в процессе «выкачки» или как мы потом называли «доения» автомата, на ходу пришёл к тому, что стакан можно не убирать для слива газированной воды в канализацию. И в очередной раз, когда я пытался убрать с наполненным наполовину стаканом с сиропом, остановил мою руку движением и же-

стом руки и сделал расчётливый повторный запуск автомата.

— Ну, ты, Вова, в натуре маг! — только и смог произнести я с удивлением.

Процесс «доения» автомата пошел быстрее. Напившись до слипания губ сиропа, что после пришлось пить чистую газировку, чтобы убрать эту, ставшую приторной сладость. Возвращались в общагу «навеселе», как будто процесс превращения глюкозы сиропа в этиловый спирт, происходил с применением неизвестного катализатора. Что другое, но все студенты из химии точно вынесли формулу спирта, а если ещё подумать, то и формулу брожения можно было вспомнить:

Кто ещё не забыл химию понимает, что одна молекула глюкозы образует две молекулы спирта и понятно почему, если просчитать атомарный состав. Спирта, по традиции бьют в голову, а углекислый газ, удаляется из организма, вызывая некое ворчание.

Мы были в этот вечер просто шокированы новыми способностями Вовы Усикова, он, оказывается, ко всем своим способностям добавил и подтвердил высокий разряд «дояра», «дояра» автоматов газированной воды, а точнее сказать, сиропа из автоматов.

На другой день уже из нашей компании никого уговаривать не пришлось, добавился ещё Паша комсорг, тоже, человек с потрясаемым юмором, весельчак и часто, организатор различных, совсем не по комсомольской линии, мероприятий. И ещё кто-то или из комнаты Вовы-«дояра», или из «пятиместной» двадцать пятой комнаты, где и проживал сам Паша.

На этот раз мы «губу раскатали» широко, взяли с собой трехлитровый баллон, опустив её в сумку, для маскировки. И была выработана стратегия, по которой мы долго не «светились» на одном месте, а перемещались

по всей центральной улице Ленина, от вокзала до гостиницы «Юбилейная», где было наибольшее количество точек с автоматами.

На этот раз «трофейная» банка была доставлена в общагу, не столько для угощения ленивых «собратьев», а в качестве доказательства и упрёка — «а вам, слабо?» Но всему, и хорошему тоже когда-то приходит край.

Вова вошёл в кураж, а мы уже обпились, что на сироп смотреть не хотелось. И тогда он привлек в качестве «подельников» кого-то новеньких. И не знаю, как всё же получилось, чей в том был косяк, но это уже не важно. Главное, что Вова «спалился» с поличным.

А дело было, как рассказали, примерно так. Подошли к тем же автоматам в тенистой аллее у клуба им. М. Горького. Видимо, никто и подумать не мог, что опасность их поджидает не от гуляющих по тротуару в этот вечерний час, а оттуда, откуда никто не ожидал. Словно Джин из кувшина, после нескольких удачных воздействий на «соски дойной коровы», из-за автоматов бесшумно вышел с разводным газовым или, как его ещё называют «бобковым» ключом оператор, который уже с ног сбился заправляя аппараты сиропом.

Он ловко схватил Вову, который так увлёкся своей работой, что и не заметил, что «подельников», как ветром сдуло, при первом дуновении шухера и, конечно, никто из них не смог даже крикнуть Вове, все спасали свои ничтожные душонки, а лучше сказать то, откуда ноги начинают расти.

Мужичок, хоть и не громило, но крепкий и, главное цепкий, надёжно удерживал одной рукой за трещавшую уже от упорства Вовы, рубашку, а другую занес над его головой со словами угрозы и ликования:

— Попался, ворюга?!

Хоть и трудно заподозрить нашего супермена Вову в трусости, он таким не был, но от неожиданности, все-

гда прагматичный или, как мы говорили, «прошаренный» чувак, и представить не мог такой свой косяк, ответил дрожащим голосом:

— Га-га-газирочка хо-хочу!

Мужик даже оторопел от таких слов и ослабил хват, чем и воспользовался наш удалой казак из Мартыновского района. Вова свернул за клуб, а там в полутора сотне метров и наша общага.

Смеялись мы долго, но с сочувствием, потому, что наш товарищ пострадал не из-за своей преступных планов, которым рано или поздно всё равно пришёл бы конец, а в основном из-нас, его товарищей и, в первую очередь тех, кто не обеспечил ему надежный тыл.

А теперь возвращаюсь к тому, с чего начал знакомство с занятиями по военной подготовке. Комната, в которой жил Вова-«цирюльник» была попросторней нашей, как и другие угловые, она была шире, прямоугольная и посередине комнаты было больше свободного от коек и тумбочек места. Здесь Вова и организовал поголовную стрижку, подобно тому, как стригут новобранцев.

И мне только сейчас пришла в голову мысль, что его способность к стрижке могла быть следствием того, что он из того восточного района области, где, как и в Кашарском, Зимовниковском, Орловском районах, было развито в те годы овцеводство. Возможно, что кто-то из родственников или знакомых показал парню, как стригут овец, а ему понравилось.

Вот примерно так о нас с моим неизменным другом Саней думал подполковник в первый день занятий по «военке» выведя нас к доске по тому поводу, что мы единственные, кто не подчинился требованию подстричься. Он тыкал в нас пальцем и обзывал почему-то

«обезьянами», лучше бы «овцами», было бы немного правдивее. А обезьянами обычно называют тех, кто кривляется. Но мы такого не делали. А как хотелось ответить, ох как хотелось ответить этому отставному подполковнику, но... Мы были советскими студентами и наше воспитание, насколько бы мы разбалованы не были, не позволяло это сделать.

Вердикт был таков — к следующему занятию в таком виде нас не допустят.

Ура! Такой клич чуть не вырвался из нашей груди. Мы еще неделю могли «красоваться» со своей шевелюрой и, главное, целых три раза сходить на танцы такими, как нас привыкли видеть. Крайний раз был среда, когда были танцы, а в 8—00 четверга мы должны были быть, как стриженные овцы. И как меня после этого будут узнавать, как Дядю Сашу на тех же танцах, я не представлял. Но об этом думал меньше всего. Главное — неделя впереди наслаждения и приколами над исполнительными товарищами.

Отрывались мы с Саней, как перед смертью. Можно подумать, что в ночь со среды на четверг мы не добровольно пойдём в Вовину цирюльню, а нас поведут, как на расстрел.

Вова уже неделю ходивший без удовлетворения своих духовных потребностей наслаждением от лишения своих товарищей возможности принадлежать в той группе молодежи, для которых мода была желанием не отстать от жизни и не быть тем, на которого тыкали пальцами, лишь потому, что он отличался и одеянием и прической от общей пёстрой толпы.

А выделяться можно было дозволенными, а иногда и не совсем дозволенными способами и методами, поставить себя чем-то отличным и в плане неповторимости, и в плане созвучия с оценкой «отлично». Быть лучшим — это не совсем то, что и носить суперскую обувь

на неимоверно «крутой» платформе и не «самопалок», а заводскую. И даже не красивой, кудрявой, как у меня причёской, не бигудям благодаря, а подарку Создателя, а то, что он вложил в мою душу, в моё создание, в мои умения общаться, принимать решения и другого, что замечают во вторую очередь, но что становится во главу угла потом.

Вова всю неделю нас доставал, не давая прохода, даже угрожал, что, если не успеем до 22 часов, он ложится спать и подстригать не станет ночью. Нужно было знать Вову хорошо, чтобы понять, что он блефует. В жизни не упустит возможность обкарнать нас, даже если среди ночи его разбудим.

Когда нас с Вовой вместе напёрли ночью, из-за того, что его «домочадцы» уже отдыхали, а мы только заявились после танцев и провожаний девушек после их, пришлось идти в нашу более тесную комнату. Одна просьба была Вове высказана — «не шинкуй волос, срезай, по возможности подлиннее».

Для цирюльника, просьба клиента — закон. Все волосы собрали в пакеты аккуратно и мечтали заказать себе парики. По 19 лет уже было, а мы, как дети наивные, Боже мой. Но смотреть в зеркало было не только непривычно, смешно. Один только человек торжествовал по-настоящему и от души. Это был «хиромант», «ворожей», «дояр» и конечно, классный цирюльник. Возможно, тогда я уже подумал, а чем я хуже. И последние, почти 40 лет подстригаюсь сам. При том, мне и зеркало практически не нужно, стригусь на ощупь. Да и не только это ремесло освоил, не считая своей основной и главной специальности.

Не беря вообще себя во внимание, скажу, что поговорка «талантливый человек талантлив во всём» права. Я этим неоднократно сталкивался. Видимо, так Богу угодно, а кому-то даже обидно, что одному всё, а другому,

к сожалению «дырочка от бублика». Вот так и герой поведи, а по сути, простой парень, которых тысячи и тысячи, а вот повезёт ли их в жизни встретить или нет, вот в чём вопрос.

Глава XV. «Тут моя могила»

Я уже говорил, что так на студенческом жаргоне расшифровывается раздел технической механики, изучаемый в институте. Не хочу вспоминать, кто и как вел у нас лекции по ТММ, а что касается практических занятий, то их вела красивая женщина средних лет, по поведению, насколько я в те годы мог разбираться в женщинах, знающая себе цену, даже можно сказать, что гордячка.

У нас был негласный закон: лекции можешь проспать, а практические, кровь из носу, а ходить нужно. Честно сказать, пропустил я несколько занятий, не помню, по каким причинам. И это как-бы не смертельно, если бы не ещё один факт.

По этой дисциплине, кроме решения практических задач, у нас по программе было курсовое проектирование. За прошедшие 46 лет я многое забыл и это естественно, но как вчера помню задание курсового проекта. В нём необходимо было выполнить расчет распределения сил в механизме, схема которого давалась вместе с данными для расчёта. Мне нужно было рассчитать кривошипно-шатунный механизм двигателя и выполнить графическую часть, в которой, кроме схемы самого механизма строился силовой многоугольник из условия равновесия сил.

Честно скажу, что курсовой проект интересный, да и все курсовые проекты у меня вызывали интерес, а их сложность чаще всего раззадоривала только. Но на этот

раз, толи много времени я посвящал общению с представительницами прекрасной половины нашего общества, но изначально запустил работу, думая еще рано, нагоню. Вообще «штурмовщина» — это моё. И после жизнь не раз доказывала предпочтительный стиль моей работы уже после учёбы в институте.

А, что касаясь подготовки к экзаменам или зачётам в институте, то многие подтвердят, что тот, кто хоть раз не «штурмовал» курс дисциплины за двое-трое суток, тот не студент вовсе. Большинство, как минимум советских студентов именно так поступала. Ещё у меня было «золотое правило» — в последний день перед экзаменом, отдыхать, гулять, ходить на танцы, свидание, но ни в коем случае не учить. Из предыдущей практики хочу сказать, что тот последний материал, который зубрился, забивал весь остальной до того изученный. И большое счастье, если попадались вопросы с этими «свеже» -изученными вопросами. Зато, приходишь на экзамен со свежей головой, где все уложилось на полочки и нет в ней хаоса, как при зубрении в последний день.

Преподаватель ТМТ, мало того, что не имела даже к студентам «из кожи лезущих» определённых симпатий, даже была, на мой взгляд, излишне строгой, что ей явно не шло к лицу. С большой долей уверенности можно было сказать, что у неё не всё было в порядке в личной жизни. Но не будем лезть в личную жизнь других. Тут бы со своей разобраться.

Время летело быстро и мои одноклассники, выполнив расчёт в пояснительной записке, брались за графическую часть. Я этого времени, как счастливые не замечал.

По этому поводу вспомнился анекдот про Василия Ивановича и его верного помощника, Петьку:

«Летят они на самолёте. Белые обстреляли и сбили самолёт. Падают. Одевают парашюты и выпрыгивают из горящего самолёта.

— Василий Иванович, за кольцо пора дёргать, — беспокоится Петька.

— Рано ещё, Петька.

Падают вниз. До земли метров 200:

— Василий Иванович, теперь пора!

— Нет, Петька, рано ещё.

Земля рядом, два метра остается:

Василий Иванович, пора! Два метра до земли!

— Петька, ты что со второго этажа через окно никогда не прыгал...

Шлёп и в лепёшку».

И вот эта граница между «рано» и «пора», она определяется не только твоими способностями умственными и физическими, реакцией, прозорливостью, но и от других факторов, независящих от тебя, на которые ты повлиять никак не сможешь. Вот, к примеру закрылся магазин или аптека и больше уже негде взять то, что ставит на весы даже жизнь в одну чашу, а смерть в другую и не факт, что тебе пойдут навстречу, откроют и отпустят. Всё зависит от того человека, кто окажется по ту сторону, в данном случае двери.

С одной стороны, я видел еще на первом курсе, когда сдавал работы по инженерной графике или машиностроительному черчению преподавателю Мироновичу на кафедре, которая была расположена в «голубятне» на самой высокой отметке над уровнем моря постройке института в те годы, какие специалисты работают главными специалистами крупных предприятий.

Видимо тогда проходила сессия у заочников. Представительный мужчина, хорошо, даже очень по тем годам одетый, лет сорока сдаёт зачет или графические работы. На поставленные вопросы, он смотрит на преподавателя так, как будто тот говорит что-то неприличное и молчит. Пытаясь добиться хоть какого-то ответа, тем более что этому затянувшемуся процессу имеется

случайный свидетель в моем лице, он задает совсем детские вопросы:

— Назовите, что это за фигура? — достав из кармана и показав ему, вращая в руке спичечный коробок.

— Квадрат! — отвечает тот.

— Подумайте ещё.

— Прямоугольник....

Человек не понимал разницы между проекцией и фигурой объёмной, которой являлся спичечный коробок. Разве он знал когда-нибудь такое название, как прямоугольный параллелепипед? А как он будет на третьем курсе изучать сопромат, ТММ, выполнять курсовые проекты. Сомневаюсь, что он это сможет когда-нибудь выполнить сам.

— Не добившись ни одного более или менее верного вопроса, преподаватель задаёт тот вопрос, на который тот должен уверенно ответить:

— Кем вы работаете и где?

— Главным инженером зверосовхоза в Краснодарском крае.

— А каких зверей вы выращиваете?

— Чернобурку...

— Можно мне позже прийти? — обратился я к преподавателю, для которого такие студенты, в отличие от меня, были привычны и не в первой.

— Хорошо. Идите, — ответил преподаватель, видимо даже забывший до этого, что я стал невинным свидетелем диалога.

Оставалась неделя до защиты курсового проекта. Включился таймер, отсчитывающий минуты и часы до времени «X». Одновременно с включением таймера, шелкнуло реле, переключив весь мой потенциал на решение уже не учебной задачи, а проблемы, требующей незамедлительного решения.

— Пора! — приказал я себе, и работа закипела.

Определенную помощь, при испытании затруднений мне оказывали товарищи. Три-четыре дня и три-четыре ночи и курсовой проект у меня в руках, а я счастливый, что успел на подножку уходящего поезда, как говорят, бегу на практические занятия. Представлял, как преподаватель удивится моей прыти. Ох, как я ошибался.

Небрежно посмотрев на развернутый чертежный лист, не открывая пояснительную записку, равнодушно и спокойно говорит мне:

— Где вы были все эти дни, когда нужно было принести и показывать весь ход вашей разработки на всех этапах. Вам его кто сделал, а вы теперь пытаетесь его представить, как свой труд. Я не верю, что это ваша работа.

— Так в том и состоит защита, чтобы проверить студента и понять при этом не составит особого труда, сам он делал или кто-то. Разве не так?

— Вы дерзите, молодой человек?! Учите, как следует поступать преподавателю. Не много ли вы на себя берёте? Я у вас не приму работу ни-ког-да! — с этими словами указала мне, где находится дверь.

Что я в тот момент подумал о ней, нужно просить у Господа прощение, Он-то точно меня услышал. А старая дева лишь могла догадываться по выражению глаз, что там внутри меня творится.

Своими думами я загнал себя до состояния истерии, которая отразилась так, что за несколько дней у меня сформировалось стойкое желание послать всё и всех, бросить это учёбу, не сошелся же на ней клин. Какие-то силы мне помогали в этом. Может быть таким вот нестандартным способом вырывала меня «с корнями» из той почвы, в которой я прочно укоренился. Но судьба или сила, что в данное время мной управляла и я ей безропотно подчинялся, не обращала на это внимание, рвала уже довольно мощные корни живьём, они кровоточили соками непонимания, что же, чёрт побери, про-

исходит. А она отвечала уверенным голосом — «так надо!»

Сейчас, работая много лет в колледже, где из «биологического материала» мы «куём» специалистов, техников-механиков, т.е. на ступень ниже, чем готовили нас в институте. И тоже по моим дисциплинам, которые, в отличие от тех времен, называются профессиональными модулями, в разделе «Ремонт машин» студенты выполняют курсовые проекты и конструируют приспособление, разрабатывают графическую часть, т.е. сборочный и рабочие чертежи. Я подумал просто, вспомнив подход госпожи Ведищевой, если бы я указывал на дверь так же моим студентам, то к защите дипломного проекта не дошла бы и половина студентов. Другие времена, другие подходы, мы другие, система образования другая, но главное, видимо в другом — в человечности.

К началу сессии, я был морально сломлен. Еще пара попыток добиться того, чтобы непрístupная преподавательница изменила мнение и приняла у меня курсовой проект, ударялись в стену безразличия.

Был десяток самых разных вариантов решения этой проблемной ситуации, это я прекрасно понимаю сейчас. Но тогда я был глух к уговорам товарищей и нем в пробивании этого вопроса и, как минимум доведения информации о данном конфликте до сведения деканата. Сейчас эта проблема кажется смешной, а тогда, раздутая моим внутренним я до размеров катастрофы, казалась неразрешимой.

Мне было тяжело морально здесь находиться. Я, просто собрал вещи и уехал домой. По какому-то родительскому предвидению, иначе не назовёшь, в тот же день, отец, почувствовал неладное ехал из дому ко мне в Зерноград. И мы, конечно, разминулись.

Приехав, он не пошёл в деканат, а пришёл в общежитие и просто поговорил с моими товарищами и дру-

зьями, с которыми я учился два с половиной года. Он слишком хорошо меня знал, знал моё упорство, даже упертостью и сопоставив факты, не стал даже «хвастать» своим офицерским галифе и «хромами», как он называл свои сапоги на выход. Кто-то скажет, вот деревня, кто же так одевается. Да, были у отца в то время и одежда с обувкой посовременней, но это он делал не для тех, кто видел его, а для себя. Он привык, с послевоенных лет, различать обыденные дела и важные и исходя из этого и даже настроя должна быть соответственная амуниция. Эта одна из традиций, которой он не изменил на протяжении четверти века и, возможно он так одевался крайний раз, больше я его в таком наряде не видел.

На ужин жильцы комнаты 21 не пошли, нельзя было отказать гостю в гостеприимстве, тем более что в полной сумке гостя было много домашних вкусностей, которые студенты, в лучшем случае, смогут отведать уже дома на новогодние праздники или каникулы.

Переночевать отцу довелось на моей кровати в общезжитии, не смог отказать добродушным друзьям в гостеприимстве, хоть и в нарушение порядков, но к этому им не привыкать. Да и какой это мог быть сон, можно было, конечно, догадаться. Наверняка, только ноги отдохнули от дальней дороги с двумя пересадками, а голова, передумавшая столько за ночь, что и мне должно быть в это время сильно икалось.

Долго разговаривали о жизни, сам затронув эту тему, так как молодые люди, из-за стеснения не могли этого сделать. Это не были нравоучения, он просто рассказал несколько занятных и в какой-то степени нравоучительных случаев из своей жизни или пересказов историй товарищ. Утром, для полноты картины студенческой жизни, посетил студенческую столовую, позавтракал и отправился в обратный путь.

Мне вспомнился трогательный, простой, без прикрас фильм «Отец солдата». И этот эпизод в моей жизненной ситуации отличается лишь тем, что там сын, к которому отец шел через тяготы, препятствия и саму войну, успев повоевать, встречается с сыном, чтобы проститься навсегда. А у меня эпизод с отцом отличается тем, что происходит моё прощание с Дядей Сашей, как героем романа, хоть он сам по себе никуда не делся, просто будет уже представлен в другом амплуа, а отец просто стал свидетелем этого ключевого момента.

Но приехав домой, конечно же, серьезно, по-мужски поговорил со мной и понял, что насилие бесполезно.

— Время рассудит: кто был прав, а кто неправ; верным ли был совершённый поступок или необдуманый и глупый; сломался ты, как человек идущий к цели или, наоборот, твой жизненный стержень становится негибким от закалки, которую тебе только предстоит пройти. Твой выбор, хоть и не скрываю, что я не одобряю его, дерзай, только не потони в дерьме, голова на плечах есть и не глупая, не руби с плеча, можешь судьбу на корню загубить. Завтра иди раньше утром в правление, чтобы на планерку попасть и проси у председателя работу. Не на нашей же шее до весны сидеть думаешь?!

— Пойду, па. Только съезжу в институт, заберу документы.

— Добро! А теперь, как в анекдоте, ты должен помнить, «бери вибус, грузи навозус и вези на огородус...», коли сделал такой выбор.

— Па! Я не говорил, сейчас скажу. В прошлом году, когда был дома на практике, работал на «Алтайце». Мне дали задание распахать бурьяны на бывшей немецкой колонне.

— Ты, что трактор в подвал провалил? Там же в бурьянах не видно.

— Нет, я их обходил. Случилось другое. Я-то устройство двигателя знаю хорошо, а вот выявить неисправность не смог. Заглушил на обед трактор, а при запуске у меня двигатель заклинил, как я подумал. Сколько потом усмешек от трактористов и механика, дяди Вани, у которого до войны всего 4 класса было и больше не учился. От стыда готов был провалиться. Я как представил, что завтра получу диплом и приеду в колхоз работать главным инженером — стыдно-то как.

Отец рассмеялся от души и успокоил:

— Ты, что ли первый или последний. Все через это когда-то проходят. Потом опыта наберешься, а теории же тебе не занимать и «заткнёшь всех за пояс». Нашёл от чего горевать. Дурь из головы выгонишь, ума наберёшься, а там..., от армии, конечно, не уйти, но после заочно будешь «добивать» свои университеты. «Наломать дров» сумел, теперь берись и исправляй. Алексея вот летом женили, шофёром работает, твой братушка-двойня через год из армии придёт, а ты весной ему «на подмогу» пойдёшь. Где наша не пропадала?! — подвёл чёрту разговору батя, чуть помолчав, что-то обдумывая и добавил, — ты и из-за этого ещё упорно не хочешь продолжать учёбу?! — догадался отец, но больше ничего не сказал.

У меня в душе было такое ощущение, что лучше он меня обматерил, как он умеет делать, хорошо так, «с переборами» или ещё лучше, если бы ударил в лоб, чтоб выбить то, что мне мешало, что завоёвывало господство над позитивным, разумным и единственно верным. Видимо мне нужно было время. «Наломать дров», как отец назвал то, что я сделал, легко, а вот разобрать хлам и в первую очередь в своей голове не так и просто.

Приехав в Зерноград, изначально, конечно, встретился со своими друзьями-товарищами. Много было высказано предложений, как решить вопрос и действительно, хоть сессия была в разгаре, но нет безвыходных ситуаций.

— Нет, пацаны. Спасибо вам за дружеские советы, я уже всё для себя решил. Забираю документы. Отучился, видать, Дядя Саша.

— Дядя Саша, да брось ты ересь нести, — подключился комсорг Паша, — давай я сам пойду и поговорю о тебе в деканате, а?

— Спасибо, Паша! Не стоит.

Получив «бегунок» в отделе кадров, сдал книги, рассчитался в общежитии, сделал необходимые подписи, описав некий «круг почёта», пришёл за документами.

Опытный кадровик, выслушав меня, улыбнулся и сказал:

— Хорошо. Заберут тебя в армию. Нужен там будет тебе аттестат о среднем образовании?

— Ну, нет, наверное, не очень.

— Вот, не нужен. Здесь у нас документы не пропадают. Надумаешь после службы где-то учиться, приедешь и заберёшь. Но поверь моему многолетнему опыту, будешь ты учиться ещё у нас, будешь. Я в этом уверен. А ещё лучше, если ты сейчас напишешь заявление с просьбой перевести тебя на заочное отделение, то лучшего варианта в данном случае я не вижу

Доводы этого немолодого специалиста были убедительны и я, согласившись с ними, написал заявление, поблагодарил его за совет и с каким-то облегчением и ощущением того, что «душевный лёд» тронулся, отправился прощаться с одногруппниками.

Вот так, не на самой веселой и позитивной ноте закончилась эпопея Дяди Саши, свидетелями некоторых отрывков из его жизни вы стали свидетелями. В институте, в общежитии и в городе постепенно забудут о Дяде Саше, только друзья, при встрече в воспоминаниях вспомнят

каким-нибудь словом, а тот, кто носил это прозвище останется ещё долго в списках студентов из-за жизненных перипетий и прочих обстоятельств, повлиявших на то, что диплом я конечно получил, а с ним уже у меня был большой багаж жизненного и профессионального опыта, которого мне так не хватало в той студенческой жизни дяди Саши.

В колхозе меня определили напарником к моему соседу, человеку предпенсионного возраста, участнику войны, прошедшего ад плена и гонений после освобождения, деду Павлу на трактор ДТ-75. И первые два зимних месяца, январь и февраль мы с ним провели в «М-Курганской райсельхозтехнике», в мастерской по ремонту тракторов.

Говорят, что было застойное время. Сейчас бы нам этого «застоя» побольше. Вы выполняли капитальный ремонт трактора, повторюсь, именно капитальный ремонт. Сейчас во всем районе не найдется ни одной мастерской, где можно техническое обслуживание трактора произвести, не говоря о текущем или капитальном ремонте. Вот где пригодились полученные мной знания, и я приобрёл неопенимые умения, и практический опыт в выполнении технологических процессов на производстве и само производство.

Значение этого опыта скажется намного позже, при работе на различных инженерных должностях, от инженера по сельскохозяйственным машинам, инженера-комплектовщика, инженера-контролёра до заведующего центральными мастерскими совхоза. И тем более, без него я не смог бы давать высокого уровня знания и, в отличие от педагогов со студенческой скамьи, делиться ценным практическим опытом, который накапливался годами, учащимся профессионального училища и студентам колледжа, будущим техникам-механикам.

Прожив длинную жизнь, каждый человек старается подвести, хотя бы промежуточные итоги. Я не хочу де-

лить все поступки на «правильные и «неправильные», складывая на чаши весов, чтобы понять, каких в жизни было больше. Да и где те критерии оценок, по которым это можно сделать? У каждого своя шкала, свой шаблон, да и то, с годами эти шаблоны могут претерпевать определённые изменения в ту или иную сторону.

Но, как говорится «свято место пусто не бывает» история, даже можно сказать, эпопея сюжета «Отец солдата» вновь повторилась, с незначительной разницей. Мой студент, не дядя Саша, а сын Сан Саныч, учился в педагогическом, который я и посоветовал ему, из-за того, что уже в те годы с производствами стало совсем туго, а вернее их не стало. С 1994 года, я уже, с большим опытом работы инженер, нашёл себя в педагогической деятельности и не жалею.

Так вот, чувствует родительское сердце, что-то неладное с сыном происходит. Не одевал я офицерские сапоги и галифе, но свою морскую тельняшку непременно одел и поехал в институт, а вернее, сначала на квартиру, где мы его определили сразу с первого курса. Поздняя осень, заканчивается осенне-зимний семестр на физмате, где учился Сан Саныч. И, естественно, чутьё моё не подвело.

— Студент-то уже второй месяц спит до обеда, а потом куда-то уходит допоздна, — чуть не плача, объясняет мне хозяйка, — Я бы позвонила или написала, но он мне даже адреса не давал. Ох, выгонят же, — переживала сердобольная хозяйка.

— Жалко, — помолчав немного и вытерев суетливо платочком заплаканные глаза, продолжила хозяйка, — Саша-то парень хороший, добрый, а дружки-то его, упаси, Господи...

Что дальше? Понятно, что. До весны работал на тракторе МТЗ-80. Весной призыв, последним призывом на 2 года, после которого был переход на одногодичную

службу. Повезло, служил в Кисловодске, в ССО, обеспечивал правительственную связь.

Вот сейчас проанализировав всё пришёл к одному главному выводу: начиная с моего дяди, маминого родного брата, погибшего в конце февраля 1945 года в Германии, когда было так обидно погибать в самом конце войны, обеспечивавший связь между подразделениями; мой старший брат служил в войсках связи; я поступал в военное училище связи и поступив, бросил, поняв — не моё; сын на службе обеспечивал правительственную связь. Три поколения связаны в цепочку одним общим, что есть между нами — связь, и родственная связь и связь, как средство доставки информации.

Вторую закономерную линию можно провести от другого моего дяди, брата отца, в канун войны окончившим тот же институт, который через более чем через четверть века довелось «штурмовать» мне. Сын после службы окончил мой колледж. Нас объединяет одно, то, что мы все механики, с той ли разницей, что я и дядя — инженеры, а сын — техник. Но его еще всё впереди. А самое интересное, что мой внук, которому всего 4 года, просто «нашпигован» техническими знаниями, он знает названия не просто автомобилей тракторов, но иногда меня поправляет: «Дедушка, это не трактор — это экскаватор», «Нет, не машина, а грузовой автомобиль-тягач».

С таким профи спорить бесполезно, не нужно ему мультяшек обычных, подай познавательные, развивающие. Не хочу сглазить внука Вову, но должен быть механиком от Бога. Видимо ВладиМира Господь в темя поцеловал. Дай-то Бог!

Вот не хочется мне прощаться с Дядей Сашей, а придётся. Сами видите, поджимают младшие поколения. Мне с ними не с руки уже соревноваться, стар уже дед Саша, стар.

Дядя Саша ушёл в историю, лишь может посмотреть на то, как его изменило время, через десятки лет с любительских фотографий тех лет. Но высказать своих эмоций, как раньше не может. Но скажу по секрету, он нет-нет, да и показывает свой былой нрав, только в другой телесной оболочке, в изрядно постаревшем теле седого человека, в душе которого, хоть и не бьются черти, но иногда бесёнок ущипнёт за чувствительный нейрон, а тот, возьми, да и выдай такое, что хоть стой, хоть падай, но всё реже и реже.

В ком это происходит? А, вы, что разве не догадались? В Иваныче, конечно, в ком же ещё. Ох, уж эти читатели, так и норовят «ума попытать». Да не выжил ещё пока, слава Богу. Но не зарекаюсь, как и от сумы и от..., упаси, Господи, даже думать не хочется. Но времена-то какие настали?! Как же тут Господа не вспомнить и за упоминание нечистой силы, прости, Господи!

Глава XVI. Брат

Имея повестку на руках, дней за десять до даты призыва, пришёл в правление, обождал окончания планёрки в приемной, удобно примостившись на стульчике, приставленном к стене рядом со входной дверью в кабинет председателя правления колхоза. Часто я слышал обращение «председатель колхоза», что не совсем правильно или совсем не правильно. Он же не руководит всем в колхозе: техникой, фермами, коровами, свиньями, деревьями в колхозном саду... Жаль, когда черешни поспеют, я буду уже в армии — думал я. И ещё хорошо, что маршировать за четыре месяца научился в институте.

Теперь я неправ, не все четыре месяца я маршировал и изучал и устав и военную технику, и другие военные дисциплины всего один день в неделю, то выходит примерно 18 дней, а это меньше, чем курс молодого бойца в армии, говорят целый месяц гоняют. Но я-то не пацан уже, через полтора месяца 20 лет стукнет, морально устойчив и буду достойно переносить тяготы и лишения воинской службы.

О чём я думал? Ах, да. Так вот, председатель правления колхоза — так будет юридически правильно и так я напишу в заявлении. Он руководит главными специалистами, а те уже бригадными. Бригадиры дат указания звеньевым, заведующим ферм, бригадным работникам. Что-то меня не в ту степь повело. Нужно было дома написать заявление спокойно. Так всё некогда и некогда.

Мой читатель скажет: «Стоило немного по коридорам институтским мел пообтереть рукавами, как уже себя умным возомнил. Видать, за то и попросили, чтоб не умничал, а слушал, что старшие говорят».

Вот так всегда, даже в мои мысли кто-то пытается пробраться, только стоит чуток расслабиться. Так, что мне ходить, как клапанная пружина механизма газораспределения, постоянно в сжатом, т.е. напряжённом состоянии. Но меня же тогда на долго не хватает, размышлял я от нечего делать.

А, если не отпустит председатель меня, что в армию не ходить, скажет по телефону военкому «в связи с производственной необходимостью, прошу вас, дать отсрочку до конца уборочной страды...». Это, что же получается, продолжал размышлять я, придётся идти в армию осенью, в зиму? Нет, мы так не договаривались. Раньше пойду — раньше приду. Вот так и скажу, если что.

Открылась дверь кабинета и дружно начали выходить специалисты. Я старался со всеми поздороваться, а главный инженер, один из немногих, кто пожал мне руку. Я

подумал, Николай Федорович, не переживайте, как минимум в ближайшие пять лет вам не грозит конкуренция лично от моей персоны: два года службы, да еще закончить учёбу нужно. А заочники, кажется, шесть лет учатся. Ого! Тогда и того больше.

Движение закончилось, и я решил пойти. Сунул нос, чтоб убедиться, что Борис Тихонович один в кабинете и увидев, что он обсуждает вопросы сева с главным агрономом, собрался присесть на стул.

— Саша, заходи! Мы заканчиваем уже, — громко позвал меня, увидев меня через открытую дверь.

Здравствуйте, Борис Тихонович! Здравствуйте, — поздоровался я и с, собирающим со стола бумаги агрономом отдельно. Тот, не поднимая головы, кивнул мне в ответ.

— Ты не новый трактор, случайно, пришёл просить? Хотя, какой трактор, у тебе же почти незаконченное высшее, я так понимаю. Или ты слинять хочешь в город? — не унимался председатель, не давая мне сосредоточиться ни на одном ответе.

— Я, это... Ну, в общем, у нас с дедом Павкой трактор из ремонта, только обкатку прошли, «зверь», одним словом, не нужен мне новый. Я, это...

— Ну, не тяни, говори. А-то мне сейчас в район бежать на совещание. Вот и Анатолий подъехал, — выглянув в окно и увидев подъезжающую «Волгу» сказал председатель.

Видимо он сильно торопился, что, не дожидаясь моего ответа, продолжил свою мысль:

— Учти, если в город собрался бежать из села, зная, что мы на тебя за учёбу потратились, придётся вернуть.

— Борис Тихонович, я в армию ухожу. Повестка уже на руках. Мне расчёт нужен, хоть чем-то родителям на проводы помогу расчётными.

— Напишешь заявление, я распоряжусь, проводим. Трактор сдашь, короче напарнику передашь, чтоб без на-

реканий там. Не ты первый, не ты последний. Только, как отслужишь, сразу в колхоз. Мы сейчас всем, кто возвращается из армии на новые машины и трактора садим.

Председатель поднялся. Разговор окончен, я кивнул согласиём и одновременно, как бы откланялся и пошел к секретарше, которая к этому времени уже готовила себя к новому трудовому дню: красила губы, тени, карандашом подводила ресницы, короче, красоту наводила. Попросил у неё лист бумаги и ручку. Она, не отрываясь от зеркальца, слыша разговор с шефом, молча протянула, на ощупь взятый лист из стопки и ручку, выбрав из подставки также не глядя.

Я написал заявление, указав дату сегодняшнего дня, отдал секретарю и вышел на крыльцо правления. Весна была в разгаре. Первомай отпраздновали кто как, кто в рядах демонстрантов с флагами и растяжками, а кто в поле, на посевах пропашных.

Дом в 80—100 метрах от правления, практически по соседству. Идти домой не хотелось в такую-то погоду. Весна! Самый её лучший месяц, когда всё цветёт, когда сады цветут, сирень, тюльпаны, запахи весны такие, что ноздри рвёшь, ляпота. А уже через неделю с небольшим, 14 мая нужно явиться, как у нас модно было говорить в те годы «чисто выбритым и слегка выпившим».

Чем заняться? Там у меня, хоть и не постоянные, но постоянно были девчонки, с кем можно весело провести время. Ну, осталась Наташка в Новочеркасске, которой вечерами продолжаю писать длинные письма и получать коротенькие весточки типа: «Здравствуй, Сашенька! Получила твоё письмо. Спасибо! Где ты только слова берешь такие? Учиться в техникуме не охота, весна виной. Скоро экзамены. Буду писать тебе письма в армию и ждать. Приехать проводить ты просил. Мама не отпускает. Попробую ещё, как-нибудь, но вряд ли

отпустит. Погода хорошая. Пиши. Жду ответа. Целую!
Твоя Крошка Натаха.»

Сердце болело ещё и от того, что тосковал по Наташке. Но странно, я как хапуга, мне хотелось сразу и много. Казалось, что есть любимая девушка, с которой переписываюсь уже с ней почти два года, всего дважды смог навестить её. Играть роль Евгения Онегина было почётно и трогательно, щекотало сердце влюбленное, но хотелось общения с девушками постоянного, мне-то ещё предстояло длительное воздержание от этого в течение двух лет, как минимум. Я сделал оговорку потому, что с детства меня называли «морячок».

И я переключился на воспоминания детства. Ещё и потому нахлынули эти воспоминания, сто мой брат-близнец уже полтора года служил в г. Томске, а мне только предстояло испытать то, что он, уже, практически «дед» давно прошёл. Хоть он об этом и не писал, но я так подумал. Он вообще о службе мало писал, может потому, что служил во внутренних войсках, не знаю.

Мы росли со своим братом-двойней, как сказать, в общем не так, как подобало бы родным братьям, да ещё и близнецам. Постоянные ссоры доходили до драк, точнее сказать до схватки. Вот что-что, а бить друг друга, тем более в лицо не позволяли никогда.

Из-за любой всячины мы сразу переходили на спор и выяснение того, кто кого должен слушать и подчиняться. Если наш брат, старший на 4 года от нас был, тут и вопросов не было, он для нас уже авторитет. А между нами, 15 минут или полчаса разницы — это то важное, что нужно было всё время утверждать и доказывать. Хотя все прекрасно знали, что я старше на эти минуты, но есть «жаба, которая из-за этого душил». Ладно на год-два или четыре, как брат Лёша, а тут?

— А я выше тебя, коротышка! — обзывал меня Витя.

— А я старше и «двойки» в портфеле не таскаю. Лучше «колы» носи, батя забор сделает, частоколом обнесет межу с соседкой, бабой Федорой, чтобы не светили в наш двор задом, когда в нужник без дверей и крыши ходят.

— Сантёр-монтёр, щас, как дам тебе...

— Держись, вражеский Петлюра. Я же всё равно тебя завалю.

И мы катались по траве, по полу, если в комнате. Благо, что у нас в отличие от соседей, была черепичная крыша и деревянные, качественные полы, а у них крыша камышом крытая и полы-«мазанки», помазанные глиной с добавлением конского помёта.

Второй серьёзный повод для схваток был из-за того, что брат, в отличие от меня, был менее способен в учёбе, ему знания давались с большим трудом. Видимо я тоже в этом был виновен, находясь бок о бок с ним в утробе матери, что как-то смог ещё там «обокрасть» его тем, что мне больше досталось.

Родились мы, хоть и доношенные, но не богатырями, конечно, но вполне здоровыми «пацюками». Хоть и грубое, но обиходное сравнение в деревне детей с поросятами и не чахлыми, а именно ухоженными и упитанными. Иначе говоря, это больше комплимент, чем обидное слово.

В комнате просторной по тем временам хаты, имеющей три комнаты: прихожей, кухни и зала, в который была отделена ещё спальня на две кровати легкой, не капитальной перегородкой. В зале, пока не было у нас в селе электричества до 1964 года, в «святом углу» стояло громадное ламповое радио «Родина», которая питалась большими и мощными по тому времени сухими аккумуляторами, набранными в батарею, как я понимаю, для создания, как минимум 110 В напряжения постоянного тока. Здесь же стоял диван и буфет. В проёмах между ок-

нами стояли высоченные цветы фикусы, доставляющие мне и моему брату Вите, поочередно, по субботам хлопоты — их нужно было осторожно мыть тряпочкой и вытирать широкие листья, чтобы не было разводов.

В прихожую был вход через летнюю кухню, пристроенную к впереди расположенной хате вместе с сараем, который был разбит пополам на стойло на две головы, коровы и тёлки, если такова была. Если рождался бычок, его, подкормив к зиме или продавали или, чаще даже, сдавали в колхоз — так было менее хлопотно. Зарплаты в колхозе были мизерные, а до того, так и вообще «трудодни», палочки в табеле выходов на работу, за которые в конце года давали «натуроплату» в виде зерна, соломы для подсобного хозяйства и прочего.

В прихожей тоже стояла кровать, где изначально спала бабушка, а потом мы с ней поменялись на более теплое место на кухне. Не знаю, как мы жили, когда семья состояла из семи человек. Даже никогда не интересовался. Видимо, дедушка, пока был жив, я его не запомнил, мне было и трёх лет, как его не стало, спал с бабушкой в спальне на одной кровати, а родители там же на другой. Но это не столь важно.

Планировка в хате периодически менялась и при моей памяти. Я удивлялся, как живут наши соседи, в семье которых не было ни одного мужика: бабушка, её дочь, трое детей дочери. А хата была со стенами, высотой и двух метров не было, она как бы была немного в землю углублена, чтобы головой не цепляться за низкий потолок. О полах я уже говорил, они у них были мазаны. Но она была тёплой, конечно, стены из самана, крыша камышовая, но и невыносимо душно было, да ещё зимой, когда дверь мало была открытой.

Самое главное, что помню не одну такую хатку в нашем селе. Большинство их ещё довоенной постройки. Наша хата ровесница отца, была построена в 1927 году.

И в ней до войны проживало 8 человек, у бабушки с дедушкой было шестеро детей. После войны, старший сын пропал без вести на войне, второй сын, выучившийся ещё до войны на инженера, уехал «на вольные хлеба», уехал «на вольные хлеба», а вернее по «броню» во время войны был назначен главным инженером эвакуированного в Среднюю Азию завода, три дочки вышли замуж. Остался, как и водилось в семьях со стариками меньший сын, мой отец.

Разрушенную при обстреле, от упавшей авиабомбы стену прихожей подлатали, хоть она после этого постоянно давала усадку. Видимо уже после войны крышу перекрали не тяжёлой толстой черепицей, а легкой, представляющей собой ровные, без выступов, как у обычной пластины. Но у нас в селе больше такого покрытия крыши точно не было.

В кухне, в правом углу, при входе в неё, располагалась печь, отапливаемая дымоходными щитами все комнаты. Здесь же стояла у противоположной стены кровать, где мы с детства спали с братом Витей. Спали, как правило «валетом». И при этом, естественно перед тем, как заснуть, то одеяло делили, то ещё что-то.

Над кроватью неизменно висела карта мира, которую мы любили изучать и играли, задавая вопросы с содержанием типа: «Покажи, где находится река Ориноко?», «Какая столица Индии?», «А, где находится Куба?». Но это чаще было занятие в зимние вечера. Летом до самого отбоя дел невпроворот, делай-не переделаешь. Любимым моим занятием была ловля мышей на удочку. Да, я не оговорился, на удочку. На кухне, возле печи, из-за высокой температуры половые доски сильно пересыхали и появлялась именно зимой, когда топилась печь приличная щель.

От нечего делать, долгими зимними вечерами, я наблюдал, как мыши шуршали под полом, собирая, про-

сыпанные туда хлебные крошки. Идея пришла незамедлительно. Выбрал один из самых меньших крючков, которые были у меня. Что другое, а это было всегда, хоть и для того, чтобы купить рыбацкие снасти, нужно было ехать в район. Нанизав на крючок мякиш хлеба, как на рыбалке на тех же пескарей, да и сазан брался по сезону, я опускал в щель и ждал «поклёвки». Поклёвки как таковой не было, мыши стремглав снимали приманку с крючка. И признаюсь, что за всё время «рыбалки» ни одной мышки я не поймал, на пару крючков «на память» мышам под полом оставил.

Вот чего нельзя сказать о курах, которые часто «вешались» на крючки удочек, свисавших с заборов, к которым уды были прислонены. Бабушка часто ругала меня: «Снимай, внучок, червей с крючков! Опять курица поймалась, еле отцепила». Она сильно меня не ругала по двум причинам: во-первых, я был самый любимый внук, всегда из-за уважения старался её слушать и, немаловажное, был очень сильно похож на её сыночка, не вернувшегося с фронта: «Ты так на сыночка моего, Алёшеньку, похож, — плача, гладила мне голову и причитала; во-вторых, я был самым заядлый из всех троих братьев рыболовом, днями всё лето пропадал на пруду и редко приходил без улова, а она очень любила жаренную рыбку, возможно из-за того, что старалась кушать скоромную пищу, особенно в посты.

Когда мы с братом стали школьниками, вся работа внутри дома легла на нас с моим меньшим братом. Старший, Алексей, был от этого освобождён и ему, при необходимости, поручали посильную работу по двору или хозяйству, покормить коров, налить свиньям или курам воды. Хотя, наша непоседа-бабушка Настя, успевала везде, суетясь и у плиты, пока родители на работе

и по хозяйству. Как суббота, это, как в армии банно-прачечный день, так и у нас. В этот день выполнялась генеральная уборка в комнатах. Лет с 10 мы выполняли эту обязанность по очереди, через неделю.

Если подходил какой-то праздник или намечались редкие гости или другой повод блеснуть убранством, мама просила:

— Саша, убери, пожалуйста, в комнатах хорошенько.

Что значит «хорошенько», даже обижался я, я всегда убираю, как могу, а плохо я ничего не делаю, лучше не делаю, чем делаю плохо. Это принцип у меня сохранился с детства и до сих пор.

— Сейчас не моя очередь, Витя пусть убирает, его черёд, — с обидой говорил маме, сам краснея за некую дерзость в словах.

— Понимаю, но я тебя прошу потому, что ты сделаешь это лучше и аккуратнее. Выручай, сынок! А в другой раз, Витя будет убирать.

Как я мог послушаться маму, она устанавливала порядки в доме, а мы их только исполняли, кто как мог или, насколько добросовестно просто относился к поручениям. Брат, с ухмылкой, умышленно пройдясь мимо меня, когда я с мокрой тряпкой, лазаю по полу на коленях, подкалывал:

— Шо, Богу молишься? Ты лучше, лучше мой. Я гулять на балку. Приду — проверю.

И так доставать мог меня до тех пор, пока, не выхватив мокрой тряпкой, которая хорошо прилипала к телу, выскакивал во двор. Обида, конечно, душила меня за горло, держался только на том, что осознавал — надо. У меня всегда в таких случаях в голову приходили слова отца: «Нет слов „не хочу“ или „не могу“, а есть слово „надо“!». Думаю, что они только для меня и были предназначены. Отцу всегда благодарен за его жизненные принципы и тому, что я смог от него перенять, чему на-

учить и привить и не столько только в умениях что-то делать, а в формировании духовного стержня.

Мы были с Витей очень разные и внешне и внутренним содержанием, духовным и мышлением. К сожалению, то общее, что непременно было у нас с ним, в первую очередь сердечность, доброта, простота, душевность, которые с фотографической точностью отразились в нас обоих, я рассмотрел, к сожалению, намного позже, о чем, конечно, очень жалею.

Многого того, что пришлось в жизни брату можно было избежать, если бы я смог понять его ещё тогда в детстве. От высказывал протест, который выражал так, как мог. Он приспособлялся к разным жизненным ситуациям, замечая, что нас, хоть и двое родных сердец, но бьются они не в унисон, я отделил, оттолкнул как бы от себя, вместо того чтобы приближать и дружить, быть одной непреступной крепости, при отражении житейских невзгод. Как жаль. Я каюсь и осознаю свой грех, а исправить-то уже давно ничего нельзя.

Я запрещал брату списывать школьные письменные домашние задания, но он ухитрялся это делать, когда я гулял. Просто попытаться объяснить ход решения задачи или ещё что-либо, я или не мог, или просто не хотел, не понимал, что это лучше, чем «шугать» его за списывание. У нас были разные характеры и раз мы «воевали» за старшинство, то мы с годами отдалялись друг от друга. У нас было очень мало в детстве игрушек, сказать точнее, их почти не было. Нам покупали одинаковые одежды долго, пока брать значительно не обогнал меня в росте. Тогда, наша одежда могла отличаться неким разнообразием.

Как можно было мириться, когда одна юла на двоих и, если один запускает её, а та начинает издавать какую-то музыку, как и та же музыкальная шкатулка, то другому, «кровь из носу», именно сейчас нужна тоже и именно

эта игрушка. Я, конечно, не детский психолог, да и откуда было родителям, порой, даже знать все нюансы отношений, между близняшками, когда они с раннего утра до позднего вечера горбатятся на ферме или поле в колхозе. Не хочу и не оправдывать, и не обвинять в этом родителей.

У старшего брата были свои интересы и компания, он к нам практически не касался. Единственно что мы делали вместе, это ходили часто вместе в школу, когда также вместе позавтракали. Да и то дорога в школу занимала две минуты. Таких событий, когда кто-то одного из нас кто-то обидел в школе или на улице, тоже не припомню. Обычно, после чего меньшие жалуются старшему брату, чтобы тот разобрался в ситуации. Такого, к счастью, не припомню. Хотя в детстве было всё, но выходили сами из передряг.

У нас даже были разные друзья, хотя из одного края, как мы называли свою улицу. Играли конечно и совместно, но чаще, если в войну и один, как говорили «за белых», то другой «за красных». Мы не могли уступить ни в чём и вот, теперь мой дорогой брат уступил мне, он просто ушёл, навсегда ушёл в мир иной.

Нет его специфичного юмора, нет постоянного желания помочь, взять самую тяжёлую ношу на себя. Брат подорвался, его нет, нет уже скоро 15 лет. А как мне его не хватает, не передать словами. Пословица гласит — «что имеем — не храним, потерявши — плачем». Верно, ведь.

Даже, когда проводили брата в армию, я особо не осознал ту близость, которая между нами существует и которую мы постоянно обрываем, не дав укрепиться родственным связям. Это трагично, но это так. И, забегая наперёд, описываемым событиям, хочу сказать, а когда я оказался не в институте с возможностью раз в месяц приезжать домой, а на службе и осознавая то, что уже

полтора года не видел брата, который служил и ещё неизвестно сколько ещё пройдёт, пока свидимся, я сильно затосковал за братом, за своим по-настоящему кровным, одноутробным братом, Витей.

Сейчас я ещё не знаю, как сложится его судьба, но верил, что он придёт через полгода в родное село, где его все знали, а многие с рождения, как и меня, его ещё знали и уважали, как продавца магазина. Когда я уехал в районный центр, после сельской «восьмилетки», продолжать учёбу, Виктора из-за слабых результатов, решили не отправлять «на муки», да и желания у него особого не было. Мама, используя то обстоятельство, что сама была заведующей магазином, под свою ответственность добилась разрешения, чтобы его приняли на такую работу, где имеются значительные материальные ценности.

Единственно, что мама хотела, чтобы он до армии был у неё на глазах. Местная шпана была в восторге. Брат, добрая душа, щедро угощал их сигаретами, взятыми, конечно в магазине без ведома мамы. Но это просто можно расценить, как шалость. Он сам рано начал курить, когда я узнал, внушения мои не помогли. Пацаны тогда начинали курить, буквально с семи лет. Старшие его уважали, когда видели его, высокого и опрятного молодого человека, в белом халате за стойкой сельмага с неизменным юмором, то старались, чтобы их обслужил именно он.

Самое главное отличие наше я забыл сказать. Брат-то мой родился левшой. До этого никого в роду с такой особенностью, не было. Вот теперь я, сопоставляя, сходство и различия и ища причины, вспоминаю, что нас после рождения, кроме люльки, которую в любом доме ещё и в те годы подвешивали на крюк, вбитый в сволок, т.е. поперечную балку, которыми подпирался потолок и, как правило в прихожей комнате, улаживали ещё в обыкновенное оцинкованное корыто, предназначенное для

стирки белья и купания, и в обеих случаях, чтобы мы не повыковыривали друг другу глаза, улаживали «валетом», ноги к ногам.

И всё годы, а спали мы вместе до 12 лет, пока старший брат не уехал после «восьмилетки» в Матвеев Курган учиться, именно «валетами» и спали. Кто знает игральные карты, они разделены пополам линией, границей. Вот такая линия постоянно пролегалла, между нами, с братом. Кто больше всего в этом виновен, не знаю. Но во всём или во многом чувствую и свою вину. Ведь был не глупым малым, а простых вещей понять в те годы не мог.

Видимо, всё-таки дремучими мы тогда были, когда парни после армии, а их забирали в 19 лет и служили они ещё три года, выходили весной на молодую траву на лужайке и вместе с великовозрастными девами и нами, шантрапой играли в такие игры, как лапта, «в выбивного» и другие допоздна. А потом мы шли домой, а они на свидание или в открывшийся клуб, где 2—3 раза в неделю крутили кино и организовывали танцы под радиолю.

Дремучими мы были, точно. И вина в том не наша была. Время было такое. Мы два года, а старший брат 6 лет учил уроки при керосиновой лампе. А мама, занимающаяся кройкой и шитьём, кроме работы в колхозе, где ни было не выходных, ни проходных, ночами обшивала чуть-ли не всех женщин села. Купить хорошие платья и негде было и дорого. Денег практически в колхозе не платили, но зато у каждой в сундуке лежали отрезы материала, часто ещё их приданного на свадьбу.

Но на первое сентября, когда мы шли с братом в первый раз в новую школу, купила новенькие школьные костюмы. Такие я только видел в довоенных или сразу послевоенных фильмах. Костюм форменного образца из сукна, очень жаркий в сентябре, но тёплый в боле

поздний период времени осени и зимы, под такой же форменный с эмблемой ремень, что солдатский и фуражки с «крабами». Естественно, что с первого дня нас стали называть не как иначе, как офицеры. Слава Богу, что мы росли быстро и на второй год уже практически в них не влезали. Но, прозвище офицеры осталось.

Когда нужно было на новогоднюю ёлку в школе готовить костюмы, второе мнение даже не рассматривалось. Мама, как я уже сказал, была, кроме того, что киномеханик, лаборант молочной продукции — эти все специальности она получила ещё до замужества на курсах в Ростове. А вот классным и востребованным специалистом кройки и шитья, став, как у нас говорили модисткой — это лично её заслуга, не забавы или развлечения ради, а из-за лишений, невозможности что-то купить себе и детям и, в конце концов, желания хоть немного заработать для семьи.

Мама сшила два костюма: Вите солдатскую форму, взяв за основу материал солдатской гимнастёрки и галифе. Со мной дело обстояло сложнее, в селе были те мужики, кто в Морфлоте служил, но, чтобы дать на растерзание память — никто бы не решился, а бескозырку одолжили. И эту проблему мама разрешила. На ёлку я нарядился моряком, естественно, а Витя солдатом.

Вот после этого еще одно прозвище нет-нет да и мог я услышать — морячок. Что это, путеводная нить или просто случайность? Я, прожив жизнь, считаю, что случайность вообще нет, любой момент или жизненная ситуация, есть запланированное действие, записанное в книге жизни или как мы ещё говорим, судьбой определено.

Отец, скручивая самокрутку из махорки, предлагал всегда:

— Будешь? Закуришь? Тебе свернуть или сам уже умеешь?

Брат, обычно, пробубнив что-то под нос уходил, делав вид, что противен сам разговор об этом. Я, наоборот, отказывался, но знал, что во время перекура отец обязательно мне что-нибудь расскажет интересное.

Если бы мне батя не говорил такие вещи, уверен, что я закурил бы ещё в детстве, а не в день своего совершеннолетия. Я любил слушать отца, его, часто поучительные, а иногда просто смешные истории или серьезные рассказы о военных событиях. Вот один из таких:

— До войны я успел 6 классов окончить. Когда немцы пришли уже второй раз, прорвав «Миус-фронт» и опять заняв Ростов, мне было побольше, чем тебе, шестнадцатый год шёл. Немецкий в школе учили, кое-какие слова и выражения запомнил, хотя за полтора года после школы и позабыть успел, хоть и память неплохая. Вот настали холода. Немцы всё больше в хату лезут, погреться. Обсели печку. Мама, бабушка твоя, хлопочет, жрать им готовит. Тянулась с тяжелым казаном и плеснула кипящим варевом фрицу за шиворот. Он вскочил, завопил, схватил автомат и наставил ей в грудь:

— Матка... партизан, матка-партизан!

Да и застрелил бы, но все остальные, покато́м по полу катались и кричали:

— Ганс, русиш партизан капут! Блох капут! Клоп капут! — при этом жеста́ми показывая, как паразиты гибнут на Гансе от кипятка.

Немец, постепенно успокоился и отпустил маму. Мамаша пошла и принесла ему из подвала гусяного жира, у нас от ожогов считалось лучшим средством.

— Па, так что там с твоим немецким? — мне хотелось услышать что-то подобное о героизме самого отца, который в принципе ещё был пацаном, хотя менее, чем через два года уже был призван в ряды Красной Армии, но участвовать в боевых действиях не пришлось. Видимо, не судьба. Отца и маму, как и бабушек мы назвали только

на «Вы». Он даже как-то сказал: «Пошлѐшь мена «на», если на «Вы» — не обижусь. А на «ты» не смей!

— Ну, вот думаю, придется ли мне ещё когда применить свои знания немецкого языка или нет. Разобьѐт наша славная армия немцев и поговорить не придѐтся. И вот, когда немец начал мне что-то «горкатать», я понял-не понял, но что-то ответил.

Гут! Гут, зер гут! — хлопал по плечу немец и, стараясь говорить медленнее, протяжней, чтобы я лучше понял, опять что-то сказал. Я, уже осмелев, уверенный, что мои знания на высоком уровне, «ляпнул» что-то в ответ.

— Киндер швапйн! Киндер зер шлехт! — что-то в этом смысле завопил немец, так швырнул меня в сторону, что я упал на пол и даже ударился головой.

Немец метнулся ко мне, схватил меня за шею и начал душить. Я задыхался и начинал терять сознание, видя его озверелые выпученные глаза. Помню, что в дверном косяке появился папаша с побагровевшим лицом и крепко сжатыми кулаками. Хватка немца сразу ослабла, я начал жадно хватать воздух. Папаша подошѐл и помог мне встать на ноги. Немец зверем проводил нас обеих в ту половину, где нам было разрешено находиться. Больше я не рискнул говорить с немцами на их языке. Пусть, гады, если нужно наш учат.

— Па, а дед бросился бы на немца, если бы тот не отпустил?

— Конечно! И я бы бросился, если бы, не дай Бог, конечно, — без раздумий ответил отец и добавил, — папаша был крепким мужиком, кость крестьянская, сила не столь в мышцах, сколь в духе у него была. Ему уже пятьдесят было с гаком було, а я с армии только пришел — молодой и крепкий: он ложил на плечо 60-ти килограммовый мешок с пшеницей и пошѐл по дробине (дробина — приставная или непереносная лестница) на гарище (гарище — чердак дома или хаты). Тогда почти

всё зерно хранилось на гарище. Расстилали нетолсто, чтоб не прело, если влажное, досыхало и хранилось. Поэтому и сволока в хате, видел, какие крепкие — брёвна. А в кадушках (кадушки — бочки, объёмом куба на полтора, обтянутые обручами) хранили сухое зерно и то, которое быстро расходилось скотине на корм, курам, та свиным.

— Фу, ты, «чужак попался», — произнёс батя поговорку, означающую то, что сбился с мысли, и продолжил, — так вот, я «сдыхал» быстро, а папаша, подсмеивался и продолжал носить. А, вот видишь, рак в 58 «сожрал». Крепкий папаша был, крепкий, я против него не учнул бы ни в чём с ним тягаться. Старые люди закалённые были и нищетой, и голодом. Хотя, дед трудяга был, своим горбом все прибывал в семью добро. Сколь десятин было на едоков отмерено, все были ухожены и урожай, почитай, лучше, чем у многих — хозяин, дед Фёдка был.

— А бабушка Настя говорила, что с десяти лет таскала воду на панские огороды, капусты поливала, да?

— Да, мамаша же родом из «Милости Куракина», князь управлял лет 150 назад имением, а уже когда бабушка твоя окончила 2 класса и пошла работать, имением, которое переименовали в с. Шабельское, управляли потомки того Шабельского, кому подарил, толи в качестве карточного долга передал князь Куракин. Так Политодельск звался раньше, это при советской власти стали из-за располагавшегося в нём политическом отделе так называли. Трудились все, от мала до велика.

Брата Витю в меньшей степени интересовали серьёзные вещи. Он был артистичным, юморным. Когда работал в магазине, не знаю с чьей подачи, но его стали звать часто прозвищем, как и принято было в деревне, Никулиным. Это было признание его артистических способностей. Меня с детства тянуло к книгам и технике, а его, как бабушка выразилась, «к финтикам» или «финти-

флюшкам». Жаль, что учился слабовато, с него актёр юмористического жанра получился бы точно...

А вот, если быть объективным, я был менее исполнительен, вернее обязательным в выполнении такой, необходимой в селе задачи, как встречи стада коров сельчан. Кто жил непосредственно по пути следования основного стада, пока оно постепенно не таяло из-за того, что коровы, телки и бычки, если были таковыми, сворачивали в свои дворы, где им было уготовлено сдобренное фуражом пойло или другое лакомство, что заставляло именно спешить домой.

Наша корова часто придерживалась такого мнения, «это от меня и так не убудет, пройдуся-ка я по огородам соседей. Смотришь где-то кукурузных початков или молодых кабачков разживусь». Из-за того, что я, в отличие от брата не был таким домоседом, часто заигрывался до поздна, а когда вспоминал, а Марта, так звали нашу кормилицу, было уже поздно. Тогда нужно было ориентироваться по лаю собак — верный «компас», указывающий, где сейчас бурёнка промышляет.

За я что получал заслуженный нагоняй от родителей, «перепасованный» ими от недовольным таким делом хозяев огородов виновнику, то бишь мне. Брат с этим был более аккуратен и исполнительен. Я, к тому же отличался упорством. Если меня заставляли кушать борщ, а я не хотел, то мог высыпать незаметно или на глазах половину сахарницы сахара и, пока родительские челюсти не сомкнулись в злости на мою выходку, объявлял:

— Попробуйте. Его есть невозможно, — поднимался и уходил из-за стола.

Но было ещё одно, что нас отличало с братом. Что греха таить, в детстве шалили все, это грех, который списывался на малолетство. Грешил больше я, конечно, активно бомбил сады, которых можно было назвать таковыми было в те годы в селе аж три, включая наш, хоть

и старый сад, но с шикарными яблоками, большим количеством слив. Второй сад ещё с большим выбором яблок был у деда моего соседа через дом, погодка, но чуть моложе и учившемся на класс ниже. Дед был перс или серб, а попал к нам, будучи военнопленным с Первой Мировой войны. Женился и пустил корни. Замечательный дед, куривший трубку и травивший байки, которые мы любили слушать. Звали его дед Духан. Третий сад славился виноградником.

Вот можно представить, как я, зная все подходы через кустарники на меже с соседкой или с конца огорода, с другой стороны, проводил, как «Иван Сусанин» ватагу пацанов, чтобы воровать яблоки в своём собственном саду. Скажите, ну какой интерес был бы, если бы я им вынес на улицу корзинку с теми же яблоками. Да никто бы на них не посмотрел, считая это, как обида и предательство. Это поступок, явно, не пацана, которого они другом раньше называли. Брат в таких авантюрах не участвовал. Выкинуть где-то «выкаблучину» — это моё. Когда вечером устраивался допрос, то братец, особенно, если я не дал ему спить письменное задание, мог конечно «слить информацию» или проще говоря, «стукануть».

Да это обычное дело спихивать на кого-то в большой семье. Был грешен и я, чего таить правду, её в авоське не утаишь. Возможно, что в конце концов, родители, не добившись того, что хотели узнать, махали рукой, лишь пригрозив:

— Чтoб в последний раз! Услышу ещё раз — накажу!

Сколько было этих последних «китайских» предупреждений, не счесть. Но, когда мне было уже лет 10 и начал отчётливо понимать, что нехорошо врать старшим, резко изменился.

А начало, хоть и было трудным испытанием, но произошло так. Я был очень рассеянный или торопливый,

как егоза. Часто, вставая из-за обеденного стола, мог зацепить, перевернуть недоеденный суп в миске, летали и кружки и всё подряд. Огонь, а не ребёнок, короче так могли сказать обо мне.

На этот раз, не знаю почему, но пил я молоко, не как обычно из металлической кружки, поллитровой, а часто и из литровой, а из чашки, чайной фарфоровой. Зацепил её, она хрясь и на куски. Убрал, выбросил и забыл. Вечером мама спросила:

— Кто же чашку новую с сервиза сумел расхекать?

— Я! — без раздумий ответил маме, посмотрев даже ей в глаза, что раньше не практиковалось, при попытке обмануть.

— Ну, зачем-ты наговариваешь. Наверное, Витя разбил и боится сознаться?

— Не бил я, — вскипел брат.

— Ма, я разбил, говорю же! — поднялся и пошел по своим, как всегда, ну очень серьёзным, не требующим отлагательств делам.

Мама, недоуменно смотрела мне в след. Чего другого, но такого она точно не ожидала. В дальнейшем, я никогда не врал. Если был секрет или не хотел расстроить родителей, то не говорил правды, но и не врал. Чаще, просто молчал, признавая тем вину, не объясняя подробности.

— На проводы, Саня, не забудь прийти! — крикнул мне Леха из проезжая мимо с кем-то из не наших, не местных парней, мотоцикле одиночке с народным названием «козёл».

— Хорошо, Лёха! Когда?

— Послезавтра! — уже проехав и поворачиваясь назад, крикнул под «стрекот» «Минск»ача парнишка из соседнего села, на два года моложе от меня.

Я забыл на время, что вспоминал о брате и подумал, как он там в далёком сибирском городе Томске. Да не в городе вовсе, а где-то в лесу, где стоят бараки с заключёнными, и он со своим самым верным другом на поводке, охраняет преступников, воров, грабителей и даже убийц.

У нас с братом один отец, мама носила нас у себя под сердцем и родила в один день. Нас назвали Александром и Виктором, из-за того, что один завоеватель, а другой победитель. То, что мне пришлось в жизни многое завоевывать — это правда, а-то, что ты, мой брат Виктор — победитель, этого до сих пор не могу понять. Что-то в судьбе не срослось. Что? Это, наверное, останется тайной навек. Мы были братьями с одной группой крови и такие разные.

Не по партийной принадлежности, а по жизни, я был «правым», а он «левым», я имел счастье быть женатым и иметь детей, а он нет и от этого страдал. Очень любил детей, всю любовь и тепло отдавал своим племянникам, моим детям и детям старшего брата.

Жаль мне брата, ох как жаль. Прожить 50 лет жизни и не оставить, кроме памяти о себе в сердцах родных и близких, ничего. Я буду помнить тебя, братишка, пока бьётся в моей груди моё больное сердце. Я живу и буду жить, сколько Богом отмерено, мой дорогой и любимый брат. Прости меня, брат, за всё, прости!

Глава XVII. «Кіна не буде. Кінщик спився»

Все дни в подготовке к собственным проводам прошли одним днём, в желании догнать упущенное за многие годы. Больше всего переживали родители. Я с утра,

проснувшись, брал мотоцикл «Восход-2», который мне купили ещё весной, когда я заканчивал десятый класс и сдал экзамен, получил права на право управления мотоциклом и гонял, гонял и гонял. Как-то долихачился и вечером переезжая по брусчатому настилу, проложенному через траншею, по которой прокладывали водопровод, свалился в канаву, не я, а мотоцикл из-за того, что не все брусья были прибиты к лагам и я близко взял к краю, они сработали, как качели, а я полетел дальше через канаву.

Вечер по обыкновению начинался с того, что у клуба производился сбор «пожертвований», кто сколько может и потом я ехал в село, расположенное километров за 8—10, где магазин был на дому и продавал спиртное круглосуточно, с небольшой «наценкой» за беспокойство. Близко сдружился я с Саней киномехаником, который был даже чуть старше меня, ему было 23—24 года, но он не служил до сих пор из-за ограничений по здоровью.

Вечерами я часто засиживался у него в кинобудке, освоил техминимум перезарядки кинопроекторов бобинами с плёнкой. Короче, крутили кино весело, балуясь винишком понемножку и ведя душевные разговоры. Из молодёжи, кто посещал клуб были в основном школьники до восьмого класса, а на выходные приезжали те, кто учился дальше или в соседнем селе Политодельское или в Матвеевом Кургане. Но что-то они не приходились мне по душе, тем более, что мне постоянно напоминала надпись на косогоре через балку от села с буквой «Н», посвященная моей однокласснице бывшей, к которой я прикипел ещё позапрошлым летом, будучи на практике дома в колхозе и работая на гусеничной тракторе, которым с помощью плуга и пропахал на целине букву в честь Нины, так звали мою многострадную любовь. Воспоминания о том времени и того письма из далёкого города Свердловской области, после полуго-

довой переписки: «Саша, извини меня! Я тебе сразу не сказала. У меня есть парень, которого я люблю, провела его в армию и скоро, когда вернется, мы сыграем свадьбу...».

Нет, ну а что, неплохо. Какой след, рубец целый на сердце остался, что-там эта пахота, пусть даже на 30 сантиметров глубины, мелочь. Если, будучи студентом, там можно было забыться и встречаться с девушками без проблем. Здесь же всё напоминало о ней, о той, которая не могла сразу раскрыть карты, видимо ей нравилось ухаживания, страдания и длинные письма влюблённого «Ромео». Бог с ней. Поговорка гласит — «пей вино и всё пройдёт».

Конечно, я забывался, но легче на душе от этого не становилось. Наташка прислала ещё одно письмо, в котором уже утвердительно сказала, что не приедет провожать меня, родители наотрез запретили. Ну и хорошо, думал я. Вот уйду на два года и всё забудется. Приду и начну жизнь с нового листа. Эх, парень, парень, как всё сложнее в жизни, ты это скоро поймёшь. А пока, гуляй казак.

Пару раз съездил в соседнее глухое, в отличие от нашего в плане досуга, познакомился с девчужкой-простушкой, даже не ради серьёзных отношений, чтобы не потерять практические навыки в поцелуях. Всё ж какое-то разнообразие жизни. К вечеру, как правило бак в мотоцикле опустошался, и я старался застать водителей в гараже после рейса.

— Дядя Саша, — просил у шофера, который меня ещё 12-13-летним пацаном учил на «ГАЗ-51А» по стерне убираемого поля езде и потом доверял самостоятельно подвезать под комбайн для разгрузки в кузов, — бензинчику дашь?

— Ведро на раме, шланг за сиденьем. Не забудь на муть положить, — не спрашивая сколько и зачем мне бензин.

Это было то время, когда, чего греха таить, были «приписки», водители «рисовали» товарно-транспортные накладные, их им подписывали, зная, что там половина приписано. Но везде так было. Все районные организации, в конечном счёте «доили» колхозы. Потому, 99% колхозов были «миллионерами», не по прибыли, а по убыткам. Но существовали дотации и прочие денежные поступления, направленные на сохранения шаткого равновесия, баланса между бездонной пропастью и прочной под ногами почвой благополучия.

Помню, как на одной из медицинских комиссий меня спросили:

— В танковых войсках есть желание служить?

Я ответил уклончиво, по большому счёту мне было всё равно, хоть о том, что мне с детства предрекали службу на флоте, не забыл. Бытовало мнение, что трактористы, в большинстве своем шли в танкисты, меньше хлопот по овладению техники, имеющей гусеничный ход. Но тут ещё одно «но», которое я мало учитывал — учёба в институте. На последней медкомиссии мне карандашом пометили «ПЛ», на что я не обратил никакого внимания. Только после службы, листая документы, увидел в призывном свидетельстве эту запись. Это была судьба.

Призывали этим призывом уже 1957 год, я шел, естественно не со своим призывом, из-за учебы в институте. Вечером зашёл в Сане Ганшину, нашему киномеханику со своей, заранее прикупленной бутылкой портвейна, был серьёзный разговор. Тезка готовил бобины к очередному сеансу и когда резко распахнулась дверь в его аппаратную, что не всем позволялось делать, он повернулся и с улыбкой заговорил:

— О, привет, Санёк! Кино крутить или как? — спросил меня, не отрываясь от перемотки бобины на начало.

— И кино можно покрутить и или как, — улыбнулся я, — а что ты сегодня представляешь провинциальной публике, кинщик?

— Добре, кино! — живо ответил Саня, картавых говором.

Он с детства и до недавних пор жил на Украине, в соседней Донецкой области, в селе, как он говорил Дмитрівка, что рядом со знаменитой Саур-могилой. Он мне немного рассказывал о своем прошлом, когда я спросил:

— Саша, а ты не русский? У тебя и нос орлиный, как у джигита и говор интересный, даже в украинских словах есть какой-то непонятный акцент.

— Який я не русский — русский хохол.

Мы, проживающие в 30—50 км от границы с Луганской и Донецкой областями, здесь все практически разговаривали на русско-украинском суржики, говоре уже не русском, но и не украинском, только временами проскакивали чисто украинские слова. И, что интересно, что у нас на территории колхозе располагалось пять сел, но в каждом селе был свой говор. Если ты не видишь человека, а слышишь голос, можно было безошибочно определить из какого он села.

В одном из них, проживали в основном переселенцы из средней полосы России, Пермской губернии и других, переехали к нам семьями и обосновались на нашей богатой чернозёмами земле. Мы их кликали не иначе, как кацапы. Их фамилии отличались чисто русским звучание, такие, как Кустов, Овчиников и др., и не было, как у нас в селе, наполовину с намеком на хохлов, кроме моей, Нищенко, Кравченко и затрудняюсь сказать, каких было больше. Часто встречались Пужалины, Лаврухины, Лапшичевы.

Чтобы долго не рассказывать, благодаря смешению людей и из Украины, тех же запорожских казаков и с исконно русских людей, пришедших в поисках лучшей

сытной жизни в южные районы приезжали, приходили и оседали различные этнические группы людей. Затем сроднившись с местным населением образовали, как я понимаю свои этнические группы, отличающиеся, как говором, так и особенностями внесенных в местную культуру изменений. В зависимости от того, кто доминировал, придавался этому сообществу или селению определённый этнический окрас.

Что касается моего собеседника, то его лицо ещё лет пять назад отличалось от нынешнего вида, как рассказал мне Саня. И нос не был с горбинкой и густых усов не носил и то, что они скрывали, вместе с густой шевелюрой на голове не было. У него была девушка в селе Степановка, с которой он встречался. Его предупредили местные, чтобы он забыл к ихней красавице дорогу. Мы же знаем, что любовь запретить нельзя.

В одно из следующих свиданий, его подкараулили, когда он будет ночью возвращаться домой и жестоко избили, можно сказать изуверски. Голова была проломлена в нескольких местах, переносица перебита и повреждены обе челюсти, не говоря о потерянных зубах. Бессознательное состояние, сотрясение мозга и кровотечения, могли стать для парня трагическим концом молодой жизни. Его бросили погибать на месте «вынесения приговора».

Но, если не судьба, то на его счастье, он был обнаружен, и вовремя оказанная медицинская помощь в больнице г. Снежного дала возможность ему жить, а мне возможность познакомиться и дружить в течение полугода до этого дня. Но, по секрету мне тезка сказал:

— Саня, тебе доверяю, но ты же смотри, чтоб «могила»?! — пристально посмотрев мне в глаза, серьёзно спросил у меня.

— Тезка, железно! Что я пацан, что ли?! — ответил ему даже с некой обидой за недоверие.

— У меня есть даже справка, если я кого-то прирежу, меня не посадят, — произнёс друг новость, вызвавшую у меня не страх за своё здоровье, а сожаление и соболезнование тезке, — я хочу эту проблему перекрыть. Я хочу в армию. Знаешь, как смотрят на тех, кто не служил? Хотя я частично дебил и есть, вернее меня может «накрыть» в любой момент, и я буду неконтролируемый. Это последствия тех травм. Я и уехал оттуда, чтобы здесь, на новом месте мою тайну никто не знал. Надеюсь на тебя.

— Давай этот договор скрепим, — предложил я, доставая из-за пояса бутылку портвейна объёмом 0,7 литра.

— Годиться! — потирая руки, бросив перематывать плёнку, глянув на часы, добавил, — успеем, разливай, — сам занялся поиском закуски в своем монтажном столике.

Выпили, закусили чем-то. Я начал находить слова, для успокоения парня, но он не дал мне продолжать, оборвав:

— Саня, всё нормально! Я иду с тобой служить в армию. Уже договорился. Ну, не с тобой прям, а 16 мая, тебя провожу и сам пойду. Проводжати мене почти никому буде, брат меньший с Дмитрівки прибуде, та тут с кем обшався, людин шесть буде.

— И ты молчал? Даже мне не говорил, — удивился я скрытности друга.

— Я вчера за фильмом в кинофикацию їздив и в военкомат зашел. Ультиматум им поставил: или шось с собой зроблю и их обвиню.

— И они тебе «белый билет» не дали?

— Не! Майор успокоил, сказал, что є у них редкая разнарядка, моя профессия пыдхожа.

Саня говорил на суржике, как говорили у нас многие и труда понимать его никакого не было. Вот так удивил, Санёк, подумал я. Начался фильм «Свой среди чужих,

чужой среди своих». Через маленькую «бойницу», отверстие в стене для установки аппаратуры и направления проектирования на экран не позволяли получать от фильма удовольствие. Хорошо, если фильм уже видел, просто слушать и представлять действия.

— Да тебе теперь некогда может будет. Я думал, что что бы «усилком» с проектора мне музон организуешь на провода.

— А чё, организую. Колокол повесим, всё село до утра спать не будет.

— Ну, ты, Сань..., — закатился я смехом.

— Чуго? Хай запомнят, каким он парнем был...

— Я же не в космос, как Гагарин отправляюсь? Надо поскромнее.

— Ладно! Ны хочишь колокол, придётся ящик тянуть, звук лучше буде.

— Добре! — пожав тезке руку, спросил, — «насыпать»?

— Давно пора! Уже всё попырысыхало внутри. Насыпай!

Я разлил остатки из бутылки и прежде, чем выпить, произнёс тост:

— За кинематограф! И за лучшего киномеханика всех времён и народов! За тебя, Санёк!

И, пока ещё он не успел выпить, резко остановил его:

— Стой!

— Шо, таке? — чуть не поперхнулся хозяин «бунгало».

— Скажи, а почему, когда кино у нас в какие дни не показываешь, уже прям укоренилась поговорка «Кина не буде. Кинщик спывся».

— Фу, думал ты о чём. Хиба с вами не сопьешься. Бывай! — высоко подняв гранённый стакан на половину, наполненный розовым вином и затем резко опрокинув, задержал дыхание и следом с протяжкой произнес, — о-о-х, как хо-о-рошо-о пошла, а-а!

Послышался «хоровой» свист в кинозале. Мы с Саней увлеклись разговорами за бутылочкой и не успели переключиться с одного проектора на другой. Бывает и хуже, когда плёнка рвётся, особенно, если она видела виды, и вся на кусках. Включив свет в зале и заглянув в «бойницу», увидел десятки лиц, устремлённых взглядом в нашу сторону, кто облизывал пальцы во рту, чтоб создать самый внушительный и «доходчивый» до кино-механика звук свистом, кто кулаком махал, а на задних рядах просто обнималась молодёжь.

— Сапожник!...

— Кинщика «на мыло»! — доносилось из зала.

Тёзка, отстранив меня, пытающегося запустить второй аппарат, в сторону и быстро запустил следующую часть. Свет в зале погас, шум умолк, все предались просмотру интересного по-настоящему, фильма.

Мы закурили и продолжили разговор.

— Как дядя Ваня? — спросил Саня.

— Батя? Да, нормально. Пока ещё не начал меня провозжать. А чё ты спросил?

— Я вспомнил, как в прошлом году мы после кино бахчу бомбили.

Я заулыбался. Ещё бы, не помнить. Ладно, что в детстве пацанов в свой сад за яблоками наваживал, а тут дюжину великовозрастных уже парней проводил по заранее намеченным, невидимым ночью тропам и проходкам на бахчу, где в этом году первый и последний за свою жизнь раз охранял мой отец на пару с дядькой Павлом.

Дело было так. Закончился фильм. Лето, конец августа, тепло. Полночь уже, клуб тётя Маша, завклуб закрыла на замок, где мы немного после фильма ещё шары бильярдные погоняли. Домой идти неохота. Сели на длинной скамье у клуба, кто на спинку взгромоздился, кто на не успевшие ещё остыть, раскалившиеся ступени к входной двери, а кто просто стоял. Курили. Кто-

то вращал трескучий транзисторный приёмник. Каждый в голове вынашивал план, чтобы такое ещё можно сегодня сотворить, чтобы с чистой совестью и сознанием не зря прожитых суток плюхнуться дома в кровать, для просмотра индивидуального канала кино — счастливых снов.

И тут я вспомнил, что вечером мать ругала батю за то, что ему сторожить идти в ночную, а он «принял на грудь». Ну, думаю, если батя «затравился», а дядька Пашка тоже не дурак пропустить, чтоб ночь нескучно коротать, то идя на бахчу, не считая домашнего Шарика, небольшой, но зявкучей собачки, опасаться некого.

— Чуваки! Идея! — воскликнул я так, что кто-то чуть голову не расшиб, свалившись со спинки скамьи.

— Слава, ты как? — помогли подняться парнишке, окончившему «восемилетку» и не знающему куда дальше идти со своими «государственными оценками». Обычно таким у нас в селе говорили: «Пойдёшь быкам хвосты крутить». Иначе говоря, кроме работы скотником на ферме больше нигде не возьмут ни на учёбу, ни на работу.

Но, что я хочу сказать — «золотое время» всё-таки было у нас. Найти работу на раз-два. Требовались везде рабочие и не просто сезонные, а на постоянной основе, и рабочих специальностей и специалисты. В колхозах и совхозах семейным давали сразу квартиры. Если с армии пришёл, чтобы остался в колхозе — на тебе новый трактор или автомобиль. Живи, работай и радуйся жизни. Но было же! Конечно, со шмотьём там разным, продуктами, с нашим временем не сравнить, но попробуйте сейчас работу интересную по душе найти — жизни не хватит. Тогда счастливым себя чувствовал человек, доставшим где-то джинсы за 100 рублей (заплата месячная такая была), а сейчас счастливым считаешь, если работу нашёл и пусть даже с низкой зарплатой, зато постоянную

и с рабочим днём 10—12 часов. За что рабочие выходили на демонстрации с требованиями 8-ми часового рабочего дня? Всё, кончилось. Капитализм у нас, братцы. Простите, отвлекся.

Я изложил свой план. Все возбуждённо и единогласно его одобрили.

— По мосткам через Каменку у колодца не пойдём, — командовал уже я, раз план одобрен, — темно, можно в воду свалиться и искупаться. Пойдём через мост и Турскую гору, хоть и дальше, но вернее.

Турской гора называлась так, может и неправильно грамматически, но, как я уже говорил, у нас можно было услышать ещё не такие слова. Нужно было понимать, что она исторически имела какое-то отношение к туркам. А то, что турки в своё время побывали у нас и, тем более, степные кочевники сарматы, никто не сомневался. К этой горе дорога вела от села через узкий мостик через речку на ту сторону балки, где я ещё два года назад отставил «тату» с буквой «Н», которая выделяется теперь более зелёной и высокой разнообразной растительностью, как на клумбе, по отношению к целинной скудной и низкой траве.

Поднявшись на гору, перед нами расстилалось обширное плато, засеянное арбузами, которые издавали определённый отблеск от двух четвертной или половинной от полнолуния Луны.

— Голос подаю, если потребуется, «спалимся» или ещё что, только я. Вы все «ниже травы, тише воды», — предупредил на правах главаря, всех из созданной для разовой акции банды.

— Договорились! — ответил самый старший из нас, но сейчас мой «первый заместитель», Саня киномеханик, заодно прищипнул на малолеток, — иначе в кино больше бесплатно не пушу.

Пробирались по дороге, накатанной по целине горы, расположенной в 2—3 метрах от поля. Эта стёжка незасе-

янной, но вспаханной и обработанной земли, из-за того, что корни сорняков получили благоприятные условия для развития, заросли бурьяном по пояс. За ним, пригнувшись мы и пробирались.

— Тут дыни, они еще могут быть зелёными, арбузы дальше за дорогой к шалашу, — комментировал я, хорошо знавший расположение, так как носил отцу обед, рядом идущему тёзке.

И тут Шарик, почуяв шорохи, подал голос. Все залегли за бурьяны, притаились. Я, зная, что собака слышит лучше, чем человек, тем более, спящий, вполголоса обозвался:

— Шарик, Шарик!

Шарик узнал мой голос и слабо заскулил.

— Пошли, без резких движений и шума. Я отвлекаю собачку, а вы, не мешкая выбирайте по парочке арбузов и «линяем».

Я начал тихонько просто разговаривать со своей собакой. Как было заметно по катающемуся возле шалаша «колобку», которым и был Шарик, он меня слышал и был рад моему, хоть и ночному визиту.

— Всё, уходим, — подтолкнул меня в бок локтем кинщик, так как руки были заняты арбузами.

Остановились мы у мостика через речку, отдышались, осмотрелись — никого не потеряли. Вроде, без потерь, не считая побитых арбузов, которые чаще бились у тех, кто из-за жадности хватал ещё сверху третий арбуз, придерживая его подбородком.

Измазались, как поросята, в липкий арбузный сок, пустив остатки «роскоши» вниз по течению воды, умыв лицо и руки, побрели по дороге, поднимаясь к сельской улице, где нас начали встречать, разбуженные шумной ватагой, услышавшие наше шаги и теперь более оживлённую речь, неленивые сторожа подворий.

Проводил Лёху из Петровки в армию. Гуляло все небольшое село и частично, мои земляки, марьевцы. В оставшиеся два дня все крутились и всё крутилось во-круг приготовлений к столу и организации проводов.

На проводах у меня гуляло полсела, то родственники, то сваты, то кумовья родителей, много молодежи, чаще или уже отслужившие, или те, которым отдать долг Родине только предстояло сделать. На душе было гадко и обидно, что всех парней провожали девушки, а меня, хоть и были таковые до того, как, а в тот момент, когда — ни-ко-го.

Мне было так паскудно, особенно до первой рюмки водки, которая обожгла, как казалось, даже душу. Давненько я водочки не пробовал. Как в поговорке говорится — «за стаканом вина даже некогда рюмку водки пропустить». Вот таков он, чёрный юмор.

Спасибо двоюродной сестричке Анюте, которая всё понимая, сама предложили сыграть роль моей невесты. Конечно, я согласился. Все подумали, что Анюта и есть та невеста из казачьей столицы, которой я писал и мне почтальон приносила письма. А в селе утаить такие вещи просто невозможно.

Саня Ганшин не подвёл, организовал музыку через «усилок» и мощные динамики так, что даже ярые сторожевые псы, сначала прикрывали уши лапами, а потом начали подвывать в такт музыки. Бедные соседи, дядька Павка точно не спал и может быть, ворочаясь от бессонницы и ему опять явились те страшные сны: он опять на войне, гул артиллерийской канонады, рёв танков и бомбардировщиков, свист пуль и осколков; ранение, плен, похлёбка из брюквы и зубы, выпадающие от цинги.

По обычаю, напутствия тех, кто отдал Родине свой гражданский долг и особенно тех, кто прошёл войну. Дядя Толя, мой дорогой дядечка, тот который на танке

Т-34 брал Берлин и оставил свою роспись на рейхстаге, а затем столько оставивший о себе памяти в родном колхозе, работая бесценно кузнецом до самой пенсии, заработал там силикоз легких, не умеющий, как молодые говорить красиво, кашлявший, как заядлый курильщик из-за болезни, хоть и не курил вообще, коротко, но от души сказал: «Не посрами нас, ветеранов, служи по совести, а не ради наград!»

Сам он был награждён орденом Красной Звезды за то, что, оставшись единственным живым из экипажа, смог вывести боевую машину из-под вражеского обстрела. Ветераны войны, истинные участники боевых действий, на плечах которых было тяжелое бремя войны, прошли все тяготы и победили сильного и коварного врага, наши седые и скромные труженики войны.

Я вспомнил 9 Мая 1965 года, празднование 20-й годовщины Великой Победы. Праздничная демонстрация рядом с нашей сельской школой, где было расположено захоронение воинов-освободителей села и памятник в честь воинов. Тогда участников войны собиралось на праздник десятки, в простых пиджаках, на лацканах которых были ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны и ордена Славы различных степеней, медали за Отвагу, за взятие Берлина и пр., и только начиная с этой даты «покатились», как снежный ком с горы юбилейные медами, которые только сильнее сутулили стареющих ветеранов. Они так быстро уходили, что даже на 30-летие, которое состоялось буквально 5 дней назад уже и половины тех не было, кто не писарчуком или сапожником, где-то «во втором эшелоне», а на фронте, на самых тяжелых передовых позициях воевал, проливал кровь и оставил там здоровье своё. Утром рано, как обычно, подъезжала грузовая автомашина, «ГАЗ-51А», оборудованный для перевозки людей лавками, на которых размещались до 30 человек провожающих.

Перед зданием военкомата состоялось слёзное прощание призывников с провожающими, здесь же, как на свадьбе угощали выпивкой, предлагая за добрую дорожку тосты. Нас завели внутрь, проверили содержимое рюкзаков, дали инструктаж, погрузили во дворе в автобус и под крики провожающихся, ворота распахнулись, из него вырुлил автобус с нами, прильнувшими к окнам и махающим руками родным, друзьям и любимым.

Прощай гражданка! Пошёл отсчёт времени службы, правда у всех разная, у кого на 2 года, а у кого и на 3 в ВМФ. Что означала «команда 1080» я пока не знал, да и это было не важно. Я к этому шёл умышленно или нет, написано так мне судьбой было при рождении или я собственной рукой перечеркнул всё то, что было и своим почерком, как вот сейчас, начал новый этап в свой жизни, который можно назвать, как служение Родине.

Часть вторая. Камбала

Глава I. Учебка

Всех призывников уже тогда, как и сейчас свозили в областной призывной пункт в г. Батайске, откуда и производилось распределение по родам вооруженных сил и частям всего великого Союза. Здесь призывники проходили контрольную, самую строгую медицинскую комиссию. Иногда было, что она браковала по здоровью призывников и их отправляли домой или до того, как результаты осмотра будут в пределах нормативов и призывник мог быть призван уже в следующем призыве, через полгода. Как смог Саня Ганшин обмануть эту комиссию через 2—3 дня после меня, не знаю, но прошёл как-то.

Первый день, как правило доедали припасы из дома, которые разрешили с собой взять, при условии того, что будут в течение кратчайшего срока «уничтожены» по назначению. Давились домашними курочками и копчёностями от души. Кто-то разнюхал и передал через забор деньги, что ему принесли спиртного. Кого ловили, кому удавалось и здесь «догнаться». Большую часть первого дня провели на лавках, расположенных в ряд в виде аллеи. Вызывали периодически то одну, то другую команду, кроме медкомиссии, в баню, где также и подвергали «зверской» дезинфекции всей одежды. Тогда ещё не переодевали в солдатскую робу, как сейчас и до места назначения мы ехали в гражданской одежде.

Одну ночь переночевали на нарах в казарме, второй день пошёл. За кем-то приезжали «покупатели», т.е. представители тех войск и частей, куда требовалось пополнение и постоянно происходила переключка и сбор призывников по командам. Одни не задерживались и суток, другие «куковали» по два-три дня, ждали своей части. Наш состав поезда сформировали к концу второго дня пребывания. И, когда мы уже собрались в ка-

зарме приземляться на нары, прозвучала команда строиться.

Строем повели на вокзал и распределили по вагонам. В каждом вагоне был старший по вагону, военнослужащий. Переходы между вагонами замыкались и всякое движение было запрещено. Поезд шёл в сторону Краснодара. Утром в Краснодаре к нам присоединили еще несколько вагонов и состав направился в сторону Крыма. Переправа через Керченский пролив на пароме была интересным событием, возможно ещё и потому, что на пароме я переправлялся первый раз в жизни. Ещё много чего мне придётся делать впервые и не всё то, что придётся мне делать впервые будет нравиться.

Нас уже везли по живописным местам Крыма, Керчь, Симферополь. Я ещё не знал, что мой земляк, которого я провожал на два дня раньше до моих проводов, попал в войска химзащиты именно в Симферополь. А мы направлялись в славный город Севастополь, город морской славы и доблести.

Правда, первый же отзыв передаваемого матросского фольклора гласил — «Севастополь — город камней, бля..й и бескозырок», хоть и грубовато, но правильно. И раз я уже затронул эту тему, то первое знакомство с городом было при выходе строем за территорию 11 Учебного отряда подводного плавания, куда я был определён в качестве курсанта в 7-ю учебную роту мотористов, мы выходили на ул. Героев Севастополя, которая направо поднималась мимо памятника матросу Кошки и учебного отряда надводного плавания в сторону мемориального комплекса Малахов Курган, мы сворачивали налево и шли по булыжной мостовой вниз к Южной бухте.

Здесь, кроме причаленных к пирсам подводных лодок были установлены учебные суда и другие сооружения для отработки учебных задач по отработке умений использования спасательным изолирующим снаряжением под-

водников ИСП-60 и испытания в барокамере на различную величину избыточного давления от одной до 10 атм.

Что я смог отличительного заметить при первых же переходах, так это было то, что я с удивлением отметил, что такого количества женщин-водителей такси я до этого нигде не видел. Это меня удивило даже больше, чем то, что видел в г. Новочеркасске — несметное количество автомобилей уходящей эпохи «Москвич-401».

Но это я далекоовато скакнул по времени. С чего же всё начиналось? Старшина учебной роты выдал нам обмундирование. Помещение, где располагалась рота, располагалось на втором этаже здания. При входе, слева располагалась баталерка, где хранились личные вещи, т.е. одежда и обувь, предусмотренная для различных времен года по формам от №1 до №6 и оружейная комната. Справа расположены были умывальное и туалетное помещения. Дальше было спальное помещение, где стояли в два ряда и в два яруса кровати. Я выбрал себе кровать на нижнем ярусе слева, напротив окон, выходящих на север, с видом на плац и строения, которые для меня пока были загадкой.

Конечно, режим, распорядок напрягали, хотя я, в отличие от этих «желторотых» пацанов, на пару лет был старше и жизнь чуток больше меня закалила, чем их, «закалкой в нескольких средах». «Чем она лучше от закалки в воде?» — спросит читатель. То, что подвергается закалке имеет предпочтительнее внутреннюю структуру, чем после закалки в одной среде или в воде, «оно» становится хрупким и от нагрузки может лопнуть, «не прогнётся» ни на микрон.

Первые дни казарма запахами походила на парфюмерную фабрику, выпускающую самые дешевые одеколоны, зубную пасту и ваксу для обуви. Почему? Так, без проблем, «как два пальца об асфальт» на раскаленном от жары плацу, так и тут в то время, когда ближе к отбою наступало «личное время», начинала работать пивнушка

под названием «У парфюмера». Это ещё что, вот лето будет к июлю склоняться, тогда посмотрим, как будут пальцы эти драить палубу. Да, пора привыкать к терминологии морской. Обрез, «машку» в руки и гальюн драить. Обрез — тазик, «машка» — швабра, гальюн — на корабле гальюн и в казарме гальюн. «Привыкай, салага!» — это я сам себе, чтобы хорошо «дошло через руки то, что через голову не доходило».

Но всё по порядку. Почему парфюмерную фабрику напоминала казарма? Как бы вам объяснить не просто, чтобы вы не обиделись, что я вам разжёвываю, как непонятливым, не говоря уже об эрудиции, Боже упаси. А если замудрённо, запудрено, с выпендрежом говорить, то найдутся те, кто осудит словами: «Ну и нафиг «выёживаться? Шо, такой умный, чи шо?»

Попробую найти «золотую середину». Вы знаете способности варки яиц, особенно свежих, чтобы они хорошо потом чистились? В холодную воду? Чушь. Вот как-то моя бабушка, услышала такое, что яйца нужно окунать в холодную воду, чтобы они хорошо чистились и, видимо, что-то упустила. Короче, захожу я в кухню, когда находился «в свободном полёте» между институтом и службой, вижу бабулечка моя берёт куриные яйца, опускает в миску с водой, перелаживает затем в столовую ложку и опускает яйцо аккуратно в кипящую в кастрюльке воду. Я постоял и понаблюдал. Процесс повторялся до тех пор, пока, все, приготовленные в варке яйца не оказались в кипятке, но предварительно окунались в холодную воду.

— Ба, а Вы «закаляете» яйца, только как-то не так, как я по металловедению учил, — удивился я.

— Мне умни люды подсказали. Вот попробую. А-то яйца куры не успевают нести, та и хтось их в магазин, наверно сдае, там же за десяток 67 копеек дают, если два десятка, то и на бутылку хватит, да?

— Да, бабуль! И на закусь останется.

— Ну я и смотрю, шо це, в сидалах яйца не задерживаются. Чую, закудахтала курыца, иду — снимаю, ише тёпле яйцо.

— Може, крысы, ба, тягают?

— Та и крысы, токи на двух ногах, «крысятники».

Да, Бог с ней, бабушка уже девятый десяток шёл. А вот другой метод я вам подскажу. Когда вода закипела, перед тем как покласть яйца, капаєте 3—5 капель одеколона, лучше «Тройного» или «Кармена», но после «Тройного» яйца в три раза лучше чистятся. Ну, как вам мой рецепт? Я и же об этом. Супер! Да, чуть не забыл, с дозировкой осторожно, а-то и вовсе скорлупки могут раствориться, потом удовольствия не получаешь от процесса очистки яйца. Отец мой говорил: «Яйцо съест — нужно умом снести». Во, как! Учитесь у человека с незаконченным, но всё же высшим образованием. А это, я вам скажу, много значит. И вы потом сами убедитесь, если с одного раза не убедил.

Так, вот. Как только время ближе к отбою, бегут вчерашние пацаны, а сегодняшние курсанты в бытовые комнаты, туалет и умывально-обмывальные процедуры принимать и, как обросшие за день кругом щетиной, станок с собой, одеколон, лосьон иногда или ещё что из косметических средств в полотенце завернутые прут. «Красота требует жертв» — не я первый сказал.

— Бушь? — спрашивает меня сосед по койке с верху, Саня из Одессы.

— Не, спасибо, я не брился ещё, да и у меня есть «Ландыш».

— Ты, чё?! Это же вещь! Огуречный лосьон, лучше не придумаешь, — не унимался Саня.

— Да, не нужно, вдруг аллергия, я им никогда не пользовался.

— Какая аллергия, тетка? Я тебе, чё, мазать предлагаю? Вмазать! Будешь? Пока предлагаю, а то любителей хватает.

— Ты, чё? — мне дошло, что братуха предлагал мне бухнуть.

— Всё ж лучше, чем вон, смотри, сколько флаконов из-под «тройчатки» и «Шипра» в кандейке наставлено. А тут и догонишься и закусь сразу и не придерешься, огурцом пахнет.

Поясню сразу, что кандейка, это ёмкость повыше обреза, т.е. не укороченная обрезанием — ведро, высокая банка, небольшой бачок и пр.

И мне только сейчас дошло, что это «пёстрое» ароматное зловоние было даже не столько от, как правило пустых и часто закрытых на пробки флаконов, а «перегар» от тех, кто уже успел «принять на грудь». Что было после того, как любители парфюма начали ходить в туалет. Утром можно было проводить учения по ГО, без применения слабо действующих отравляющих веществ. Когда мы и «сильнодействующие» уже на себе испытали и ничего, не берёт.

Вы спросите, что и ничего не было? Ну, как так ничего? А учения по «отбою-подъёму» — это разве ничего? А драить палубу и всё подряд, чтобы блистало, «как у кота» то, что между ног. На флоте должен быть флотский порядок. Правильно? И я говорю — правильно.

Вот только тут не принято сдавать своих товарищей для того, чтобы тебя не трогали, и чтобы наказание понёс только провинившийся. Так ни-зя! Хотя, вшивость, она проявляется и в здоровом стаде, если одна из овец заразилась этой гадостью где-то в той «овчарне», где её не обрабатывал нужным способом овчар.

Вот и пришло время познакомить вас с командованием, которые стали на несколько месяцев, в зависимости от воинской специальности, от 5 до 8-ми нашими и отцами, и матерями. Если кто-то спросит, а почему сейчас на подводных лодках срочники не служат, то ответ сам-

собой напросился — а, когда же они будут служить, если срок определен одним годом?

Командиром 11 учебного отряда подводного плавания был у нас капитан 1-го ранга Иванов. Командир части, в которую и входила наша рота курсантов, обучающимся по специальностям электромеханической боевой части БЧ-5: мотористы, электрики, трюмные был капитан 3-го ранга Бронштейн, заместитель командира части по политической части являлся капитан-лейтенант Осипов О. А. Далее, чтобы не заниматься излишней тавтологией, просто назову тех еще командиров, которые с нами «нянчились» больше всех, мичман Копылов, старшины 1-й статьи Шульга, «второстатейный» старшина Коломиец — непосредственно мой комвзвода и третий старшина, которого я к сожалению, а может и к счастью не запомнил. Видимо ничем ни хорошим, ни плохим не отметился, в отличие от названных.

Больше всех, как мы говорили «зверствовал» Шульга. Этот «первостатейник» был, пожалуй, чуть ниже меня ростом или так, мне казалось, и это, скорее всего было вот из-за чего. Когда он кричал на нас до хрипоты осипшим голосом, голосовые связки дрожали, и он так вкладывался в команды, что плечи значительно выпирались вперед, что было даже «антиподом» строевого командира и голова как-то одновременно опускалась ниже из-за того, что втягивалась, «привязанная» как будто к плечам, как японская игрушка с качающейся головой.

Он при этом становился еще ниже, но от того не был менее грозным. Даже казалось, что он, как удав сейчас выбросит голову и проглотит всех, кто ему попадётся в тот момент на пути. По имени его, конечно не звали, не положено, даже в разговоре между собой звучало только Шульга, Шульга. Справедливости ради, то часто даже было за что и, если не было за что, всё равно, «чтобы служба мёдом не казалась», однозначно, нужно было.

И он, я вам скажу справлялся с этой задачей на 120%. Строгость, чистота в кубрике (я начинаю понемногу добавлять термины из морского лексикона, в большинстве своем общепринятые на флоте), опрятность заправки коек, порядок в тумбочках — это в основном его заслуга. И, опять же, как не наказать всю роту, не взирая на то, кто виновен, за открытие «цирюльни» с применением избыточного количества парфюма не по назначению.

Наказание последовало незамедлительно — «под ноль» всем. Кто-то засмеётся, ведь, итак, все лысые были, полмесяца, максимум, как призваны. «Ого! — скажу я вам, — вы заросли, братцы».

— Побрить всем головы! — звучал приказ.

Вот теперь, когда мы друг другу резали головы, уже изрядно подтупленными лезвиями, дезинфицировать порезы нечем было, всё выпили, практически. У кого не успели «спионерить» флаконы, мы прятали, где только возможно.

Старшина 2-й статьи Коломиец был моим земляком, судя по тем меркам, сколько от Севастополя до Боковского района моей области и между моим селом и его родиной — разов в пять ближе, чем сюда в южный крымский город, где расположена главная военно-морская база Черноморского флота. Он был родом из донских казачьих районов области. Возможно, и потому поставил командиром отделения в моем отделении Лёху, который был тоже казаком и примерно из тех же мест, что и Николай Коломиец. Старшина был, в отличие от Шульги спокойнее, сдержаннее, высокий, стройный, с хорошей выправкой и мягким, хоть и командным голосом. Когда узнал, что у меня незаконченное высшее образование, немного на военной кафедре даже пришлось промаршировать, он как-то в редкой открытой беседе предложил мне стать командиром отделения.

— Не моё это, товарищ старшина 2-й статьи, — по уставу ответил я, — не получится у меня командира, — добавил, вспомнив неудачную попытку стать военным офицером.

А вот Леха, просто рвал, как молодой жеребец из-под себя почву. Он был моего года, как и старшина Коломиец, успел окончить какой-то техникум сельскохозяйственный, то ли в г. Шахтах, то ли в Новочеркасске, жениться на последнем курсе и, как признался, они с женой ждали ребёнка. Был он, в отличие от меня, выше ростом, но незначительно, поплотней комплекцией, носил рыжие усы и свою цель вовсе не скрывал, он хотел после окончания учебки, проявив себя, остаться служить здесь, чтобы не попасть на действующие корабли флота. Возможно, что это был своеобразный инстинкт самосохранения. Вдруг чего, а с как жена с ребенком и без кормильца. Это уже мои, конечно домыслы.

Что касается общения с теми, с кем пришлось делить «тяготы и лишения», то могу с чистой совестью сказать, сходилась легко и непринуждённо. У меня душа была открыта для всех, не было на ней тёмный от грязи пятен и скрывать что-то я не собирался, был общителен и, при необходимости мог разговорить даже «затворников».

Мою неординарность и большие успехи в изучении специальных дисциплин и особенно на политзанятиях не могли остаться не заметными, в первую очередь замполитом Осиповым. Как-то после занятий, он попросил меня остаться, приказав командиру взвода:

— Ведите курсантов в казарму, курсант Иванченко останется со мной. Затем прибудет в распоряжение самостоятельно.

— Есть, тов кап... лей! — глотая буквы слов, отрапортовал старшина Коломиец и дал команду строиться «в колону по три».

— Я вот по какому вопросу попросил тебя, Саша, остаться, — как-то не по уставу, тепло и по-домашнему начал Олег Алексеевич.

Посмотрев в мои глаза пристально, в ожидании того, будто из них, как из объектива фотокамеры «птичка должна вылететь». Но этого, естественно, не произошло. Я выдержал испытывающий взгляд, у меня, пока перед замполитом «косяков» не числилось, успевал на «отлично», нарушений дисциплины и устава не было.

— Мне нужен помощник, мой заместитель по взводу, согласен быть заместителем замполита?

— Так точно, товарищ капитан-лейтенант! — почти без раздумий и пытаюсь, как требовал устав, прижать руки «по швам», принял стойку, как при команде «смирно» и чётко ответил, подумав «забавно, зам зама».

Замполит, одобрительно похлопал по плечу, улыбнулся и пригласил присесть в учебном классе на стул, придвинутый к первому, сразу за преподавательским, столу, за которым, как правило сидели те курсанты, которые желали выслуживаться, «намозолив» глаза командованию и в первую очередь преподавателям. Сам занял привычное место за столом напротив.

— Твои обязанности будут заключаться в том, что ты будешь частично освобождён от уборочно-хозяйственных работ в казарме и на территории, но при этом тебе вменяется в обязанность подготовка учебного класса к политическим занятиям. Ты будешь обязан перед началом занятий развешивать политическую карту мира на доску, разлаживать первоисточники классиков марксизма-ленинизма или материалов съездов, речи генсека, но об этом я подробнее потом расскажу и дам план занятий, а ты определишься, с первоисточниками для конспектирования, в первую очередь. Ты же изучал историю КПСС и философию в институте?

— Конечно! — довольный тому, что меня окунают в привычный некогда учебный процесс, как рыбу в воду, опомнившись, добавил, — виноват, товарищ капитан! Так точно! Изучал. У нас лекции читал по истории КПСС доцент Леонтьев, участник войны, слух на войне из-за контузий и ранений потерял. Мы могли на лекциях шуметь, как угодно — он не слышал. А цитаты без конспекта давал и указывал даже из какого тома В. И. Ленина или другого классика, с указанием страницы. Вот память была у него... Простите! Виноват!

— Ничего страшного. Расслабься, — улыбаясь моим воспоминаниям, замполит спросил, — согласен? Справишься?

— Так точно! Будьте уверены, справлюсь.

— Вот и договорились. Я дам команду, чтобы тебя в нужное время, за полчаса до занятий будут отпускать. И, если будешь готовить политинформацию для сообщения насущных тем и событий в мире, то и в другое время можешь воспользоваться учебным классом для подготовки. Только не злоупотреблять моим доверием.

— Нет, не буду, — уже по-простому, по-человечески ответил Олегу Алексеевичу, — я согласен. Разрешите идти?!

— Идите, курсант! — улыбаясь мне вдогонку с пониманием того, что я не подведу.

Мы обживались в учебном отряде. Кроме изучения уставов, политзанятий, занимались строевой подготовкой, изучали устройство подводной лодки, проводили занятия и тренировки по БЗЖ (борьба за живучесть) и конечно, дизели. Из всего, что я перечислил, только устройство ПЛ и знания с практическими навыками по борьбе за живучесть мне приходилось узнавать что-то новое, досель неизвестное, а остальное никакого труда не представляло.

Знакомясь ближе с теми, с кем связала судьба, начал понимать, что дураков, в прямом смысле, на флот не берут. Этот вывод я сделал из того, что более трети из состава взвода тех же курсантов-мотористов были призваны или после окончания техникума, или мореходного училища, а также каких-либо курсов при военкоматах. Остальные имели полное среднее образование.

Только двоих я знал тех, кто не имел 10-летки: первый после 8-ми классов окончил курсы трактористов и успел поработать, как и я, но не в колхозы, а в леспромхозе, а Михаил Вартамян, армянин из краснодарского края, окончив курсы поваров, поработать успел даже в кафе и неплохо зарабатывал, по его рассказам, но не признался здесь, иначе бы он сейчас был в другой роте и учился готовить не суп харчо и шашлыки для гражданских любителей армянской кухни, а для всего учебного отряда №11 в г. Севастополе макарона по-флотски. Он не хотел париться в прямом смысле.

— Приду со службы, меня дядя обещал в хороший ресторан устроить на работу по знакомству. Готовить «мамалыгу» в 200-литровых котлах — это не моё, никакой фантазии и творчества не нужно, а все три года стоять в душной кухне камбуза — увольте, не хочу. Лучше буду мотористом.

— Миша, а может передумаешь, станешь через годик начальником камбуза вместо мичмана Кушмира, он уже всех достал своей посудомойкой. Прошлый раз, когда на кухню взвод заступал, ты картошку чистил? Повезло, а я на посудомойку попал. Так он, гад, трижды нас с одеситом миски заставлял перемывать — «жирные, — говорит, пробуя своей толстой волосатой рукой „задницы“ мисок, пытаясь их поднять за эти самые „задницы“, — жирные, перемывайте, караси поганые!» Это не мы караси поганые, а он морской ёж тогда, нет, лучше пусть будет ядовитым иглобрюхом — вот его истинное лицо.

После этих моих характеристик начальника камбуза, вотчина которого, по злому стечению обстоятельств находилась как раз под нашей ротой, на первом этаже, с входом с тыльной стороны, ему точно икнуться должно было. Но больше всего Мишу рассмешили не названия диковинных морских рыб шаровидной формы, которой они достигали, для придания себе пугающего вида перед противниками, раздувая свои внутренние полости газами или специфическими жидкостями, а то, как я изобразил его, раздув до вылупа очей щеки и прислонив к груди растопыренные пальцы, изображающие одновременно и морского ежа и пальцы мичмана, при проверке алюминиевых мисок на чистоту. По его мнению, обезжиренная, тщательно вымытая миска сама должна прилипать к его пальцам и пальцы не должны скользить по ней. Но скольжение же зависело от силы прижатия его пальцев, увеличивающих силу трения. Мы же в институтах учились, не в кулинарном техникуме, которые для него были, что для Марса Плутон.

А потом посмотрев на закатывающего от смеха Мишу и серьёзно сказал:

— А из тебя мичману хорошая замена получится: и рука также пухлая и волосатая, и есть явные признаки процесса «вздутия», одного только не хватает...

Я резко умолк, а Миша, перестал смеяться и настороженно спросил:

— Чего не хватает?

— Обрезания! — не задумываясь, как отрезал, ответил я и при этом движением показал, как бы я ему это делал.

Ой, братцы, я чуть не пожалел, что это сказал. Он бросился за мной, но догнать не сумел, а почему, я попробую объяснить. Всё это происходило не в казарме, не в курилке и не столом для приёма пищи на камбузе, а в потаённом месте, выдавать которое, в случае крика

и преследования меня, с целью проучить «за язык» принесло бы обоим большие неприятности.

Мы уже знали все окрестности и расположения объектов на территории. Лучше всего, конечно, знали то, что было почти под носом. За нашей казармой в 20 метрах, чуть наискось от входа в зал для приема пищи камбуза, находился объект «Х», о котором я чуть позже расскажу подробно. Еще глубже, если уходить от камбуза и одновременно от объекта «Х» находился учебный корпус, где мы проходили практические занятия по устройству судовых дизелей и затем, позже отрабатывали запуск, обслуживание и остановку дизеля. Когда там работали дизели, было, конечно, очень шумно.

Еще дальше, в самом конце территории учебного отряда, если смотреть по отношению к въездным воротам и КПП, объект — огороженный колючей проволокой и со сторожевой вышкой внутри склад ГСМ, где хранились в больших наземных емкостях топлива и масла, в первую очередь для работы учебных двигателей, а может быть и наоборот, во вторую, а в первую очередь для заправки автомобилей, расположенных в боксах гаражей также по периметру территории, если двигаться по часовой стрелке. Но между складом ГСМ и гаражами, незаметный со стороны был бассейн с 25-метровой водной дорожкой, обнесенный высокой металлической сеткой. Туда попасть было даже трудней, чем на тот же склад ГСМ.

Но кому-то посчастливилось служить здесь, обслуживая оборудование бассейна. В июньскую или июльскую жару лучше даже заниматься уборкой у воды, чем стирать подошвы «гамнодавов» на раскалённом плацу. Пришло время объяснить, что я имел ввиду назвал как-то не совсем прилично. Но из песни слов не утаишь, так мы называли «гады», хорошо скажу еще по-другому — «прогары» — теперь понятно? Это все названия одной и той же

обуви — ботинок матросских, юфтовых или хромовых, выдаваемых в качестве обуви для рабочих форм одежды.

Что слева от казармы располагался большой строевой плац, я уже говорил. За ним, по диагонали от расположения нашей роты, был учебный корпус. Параллельно нашей казарме, но за плацем и ниже еще были казармы других рот, и санчасть.

А теперь хочу возвратиться к таинственному объекту «Х». С ним мы познакомились еще тогда, когда нас переодевали в форменную одежду и все, кто не отправлял гражданскую одежду домой, а таких было большинство, так как старались одеваться так дома, чтобы не жалко было с ней расстаться, мы её сбрасывали здесь. Дело в том, что весь город Севастополь расположен большей частью на возвышенности, по отношению к морской акватории и трудно было найти каких-нибудь площадок с идеально ровной в горизонтальной плоскости поверхностью, если она не выполнена с применением технических средств, планированием. Здесь также, сразу за нашей казармой с камбузом начиналось возвышение, в которое как бы врезалось сооружение, длиной не менее 30 метров и шириной около 12—15. От основания стены возвышались метров на шесть. Сверху этот «бункер» был укрыт пологой крышей, с уклоном от нашей казармы в сторону учебного корпуса и других зданий, включая и штабное здание. Входом в этот «бункер», представляющий собой полуподвальное помещение, были большие металлические двухстворчатые ворота. От поверхности кручи до крыши со стороны нашей казармы можно было дотянуться рукой.

Если подняться на эту кручу под самую вершину, открывался замечательный вид, было видно практически всё. Это была, пожалуй, самая высокая точка на территории учебного отряда, не считая верхних этажей нашей казармы, которая также располагалась на возвышенно-

сти. А, если присесть или того лучше прилечь на теплой, прогретой южным жарким солнцем каменистую почву, долго остывающей даже ночью, то увидеть тебя ни откуда будет невозможно. Идеальное место для игры в прятки. Но, если застукают здесь, то и убежать уже некуда.

Не знаю, кому первому пришла такая идея, скорее всего, Сане одесситу, с которым я кентовался и не только потому, что мы спали рядом, если судить по вертикали, но и потому, что он был приколистом, а оно заключалось в том, чтобы разведать несметные «сокровища» этого бункера. А то, что говорят, что все одесситы таковы, я могу не согласиться, потому что второй одессит, по национальности болгарин, Степан, был в противоположно Сане, больше молчуном и более серьёзным парнем.

Как-бы-то не было, но я оказался среди тех «морских пиратов», которые смогли пробраться внутрь. Для этого нам пришлось немного поработать физически, с применением подручных средств, типа куска металлической пластины, арматуры или ещё чего, которые мы использовали, как инструмент для разборки верхнего ряда камней, из которых были сложены стены. Нас интересовала та часть, на которую опиралась сама скатная крыша. Мы проделали небольшой лаз, чтобы было в него пролезть. Все немалое пространство бункера было завалено не сокровищами, о которых мы, хоть и в шутку, мечтали, а всяким хламьём: кроватями, старыми тумбочками, шкафами, сломанным инвентарём и исправным, который находился в близости от входных ворот. Там же вблизи ворот, но изнутри, конечно, была огромная куча ветоши, которая еще недавно была нашей одеждой, а теперь с помощью её мы моем в помещениях, чистим оружие и т. п.

Спуститься туда даже было проблемно, так как нужно было спрыгивать сверху с приличной высоты и не просто, а на этот хлам вниз. Но и здесь не нужно было при-

менять все инженерные знания, которые, хоть ещё в виде зачатков, но присутствовали в моей голове, один курсовой проект по ТММ чего стоил. Ни много ни мало, а вот к тому, что я сидел здесь на этом косогоре и планировал авантюрный план, ТММ имело самое прямое отношение. Ну, Бог с ним. Думать нужно.

Вот, ещё будучи студентом бытовал у нас такой поучительный анекдот, ну и раз я вспомнил о нём, то придётся рассказать или меня правильно не поймут в противном случае. И так, необитаемый остров. Бродят по нём двое, обезьяна и попавших туда, неведомо как студент. Обезьяна притомилась, кушать хочется, видит дерево и на нём бананы висят, но высоко. Прыгала, прыгала — не достать.

Села обезьяна под дерево, почесала бестолковку: «Думай, обезьяна, думай!» Вскочила сияющая, нашла палку, сбила бананы, наелась и пошла довольная.

Идет изнеможенный студент, видит бананы висят. Прыгал, прыгал — ни как. Сел и думает: «Думай, студент, думай...» Потом вскочил на ноги и произнёс:

— Чё там думать? Прыгать надо! Кушать очень хочется.

Вот и весь сказ.

А, если честно, ну что тут сложного: нужно туда опуститься, а оттуда подняться. Только, чтобы не получилось, как в другом анекдоте, когда мужик залез высоко на дерево, а слезть страшно. Просит помощи. Идут два колдыря:

— Во, гля, а мы третьего ищем, будешь?

— Буду, буду! Только снимите.

Мужики нашли верёвку, вспомнив, что недавно одного чудака пришлось из колодца вытягивать, закинули один конец тому, что на дереве был:

— Держи!

— Держу! — отозвался мужик с дерева.

— На раз-два и...

Сдёрнули мужика с дерева, только он пить не захотел.

Сделали вывод из рассказанных мной анекдотов и решили, что нужно подготовиться.

В другой раз, уже подготовленные, мы вдвоём спустили третьего. Тот соорудил баррикады, взгромоздившись на кои, можно было вернуться обратно. Потом спустились все и соорудили надежную конструкцию, одновременно забаррикадировав, как можно хаотично её со входа, создав естественный бардак. Благо, «строительного» материала было в избытке. Там скрутили, там связали, там перекрыли, подставили.

Вторым делом стало сооружение непосредственно «бункера», с таким условием, чтобы мы могли видеть всё в округе, через щели над створками ворот проход вдоль нашей казармы от самого входа до камбуза, из которого, даже здесь слышались запахи и можно было определить, что готовится. Лучше всех это умел делать Миша Варганиян и хуже всех у него получалось выбираться обратно. Потому, после второго спуска в бункер, ему было отказано, «закрыта виза» на очередное погружение в мир «кайфа». Он, если и кайфовал, то только «на атасе» сверху, прислонившись спиной к стене бункера.

Вот и замкнулся первый описательный круг, замкнувшийся своим началом от беседы с Мишей поваром и обсуждении начальника камбуза до того же Миши, который, если имел желание «шлангануть» от физзарядки или какого-то скучного мероприятия, оставшись незаметным для руководителей тех же мероприятий.

Человек ко всему привыкает. Привыкали и мы, обживались, находили методы, как увильнуть, при возможности. А порой в поте лица даже показывая пример самоотверженного труда. Как «масть ляжет». Ну, а к теме бункера я ещё возвращусь чуть позже, а сейчас, чтобы не набивать оскомину, отложу накопившиеся мысли,

в виде «полуфабриката», оставив, как вино «на отстой», чтобы осадок мути выпал, и можно было насладиться в большей степени, чем от сумбурности рассказа, несколько более или менее отшлифованным и стройным, по максимуму правдивым, и точным в хронометрической последовательности событий, рассказом о ничем не отличающейся от судеб многих тысяч и тысяч других курсантов жизни.

Глава II. Зам замполита

После того, как я стал человеком при должности, жизнь коренным образом поменялась к лучшему. Я не скажу, что я злоупотреблял привилегией, но пользовался в пределах разумного постоянно. Как минимум, у меня появилось, кроме выполнения должностных обязанностей и немного свободного времени. Я мог распорядиться так, как позволяли условия учебного класса.

В казарме, даже в то время, когда по расписанию курсанты должны были использовать по личным нуждам, кроме «тихого часа», который был де-юре, а де-факто — постоянные тренировки или в качестве наказания за чью-то провинность, или потому, что при осмотре казармы кто-то из высшего руководства сделал замечание, то кто-то откровенно «накосячил» и все за это расплачивались вплоть до сверхурочных тренировок строевой подготовкой на плацу.

У меня редко когда получалось письмо родителям или девушке написать за один присест, иногда начало датировал одним числом, а окончание дня на два позже. Теперь предоставилась возможность в тишине, в спокойной обстановке не только писать письма, но и от нечего делать, начал конспектировать работы классиков марк-

сизма-ленинизма, тем более что они еще не успели у меня выветриться после института. У меня получились шикарные конспекты, за это я должен был благодарить свою студенческую жизнь, давшую и знания и некоторые умения, хотя бы конспектировать первоисточники.

Я проводил часто политинформации, на которых, конечно, присутствовал замполит и по достоинству оценивал мой идейный рост, считая, что в этом есть и его заслуга, бесспорно. Он ещё не знал, что я при институте прошел курсы пропагандистов, чему было простое объяснение. В конце курсов, мы должны были прочесть несколько лекций для школьной аудитории или на производстве.

Я выбрал в качестве подшефной школы, где училась моя девушка Люда, а моя братва, с подачи Миши Карася кликала её в разговоре Жадницей. Время прошедшее, но вспоминаю то время с душевной теплотой. Когда ты выходишь перед старшеклассниками, не важно даже с какой целью, при чём по максимуму в приличной интеллигентной одежде, роль которой отводилось простому пиджаку, но модного покроя с крупными металлическими пуговицами, накладными карманами на боках и на груди и с пагонами, больше напоминающим офицерский френч, то все взгляды на тебе. Знали бы они, сколько он стоит, засмеяли бы. А к этому ещё прибавлялся блеск моей пышной волнистой шевелюры, ложившейся на погоны пиджака и уже полный отпад. Это вам не то, что выходить с немного мешковатой робе, как на вырост, с отражающимися солнечными бликами от собственной свежее обритой и без того лысой головы. Контраст типа, день — ночь.

— Как уже известно из официальных источников, освободительная война вьетнамского народа завершилась полным разгромом сайгонской или южновьетнамскую армии. Более 10 лет Северный Вьетнам вёл освобо-

дительную борьбу против американских интервентов и вот не прошло и вот всего полтора месяца тому назад блестящим завершением операции «Хо Ши Мин», названному в честь руководителя социалистического Вьетнама Сайгон был взят.

Таковыми громкими словами я начинал политинформацию, законспектировав основные моменты своей речи в виде плана, с указанием дат и цифр, требующих точности. Я был уверен, что никто из моих сослуживцев в руки не брал газет, как минимум, почти за месяц, пока мы проходили «курс молодого бойца». Я же, делая подшивки газетам «Правда», «Красная звезда» и «Комсомольская правда», набросал тезисные высказывания.

Ещё в институте я понял, если в высказываниях в реферате, докладе, устном или письменном ответе будет приведено 2—3 подобных «крылатых» изречений или цитат из речи генерального секретаря на Пленуме или съезде — «пять» баллов обеспечено. Сейчас мне оценки не ставят, но авторитет, бесспорно, зарабатывался.

— Мы также знаем, что серьёзным по-прежнему остаются события на Ближнем Востоке из-за агрессивной политики Израиля, поддерживаемой и подстрекаемой империалистами США. Тревожные события происходят в Анголе, где происходит настоящая гражданская война. Освободительному движению необходима помощь и революционно-настроенные посланцы с острова Свободы готовы им оказать всяческую помощь в борьбе против колонизаторов, — продолжал я умничать, «нахватавшись вершков» в заголовках газет.

И заканчивал политинформацию патриотическими высказываниями:

— Наша с вами задача состоит в том, чтобы высоко-профессионально овладеть воинской профессией и стать надежным оплотом нашей великой Родины, Союза Советских Социалистических республик.

После этого призыва наступила пауза, после которой, каплей показал мне жестом присесть и произнёс с известной иронией:

— Я так понимаю, курсант Иващенко, что нашему любимому и многоуважаемому Леониду Ильичу придётся поделиться с вами своими высшими наградами, однозначно. Так, да, курсанты, Осипов сделал лукавую улыбку и повернувшись к курсантам, ожидал их реакции.

— Героя рановато давать, товарищ капитан-лейтенант, а вот «медаль сутулого» не помешала бы, — съязвил Саня одессит и все заржали.

Замполит был удовлетворён чувством юмора курсанта:

— Я подумаю о представлении своего помощника к награде. А сейчас мы поговорим вот о чём.

Замполит говорил о силе духа наших воинов и о значительном вкладе Советского Союза в Победу, одержанную революционным движением Северного Вьетнама, и о славе нашего непревзойдённого оружия.

Я вспомнил несколько ходовых в то время анекдотов об этой помощи борющемуся с американскими агрессорами Северному Вьетнаму.

Сейчас вспомню парочку, что поприличней:

«Американцы окружили высоту в джунглях, где скрывались вьетнамские партизаны. Кричат:

— Вьетнамцы, сдавайтесь!

В ответ крик:

— Вьетнамцы не сдаются! Коноваленко, снаряд!

Ну и ещё один, пока политзанятия не закончились.

Вьетнамскому лётчику объясняют:

— Вот в кабине МиГа три кнопки. Первую нажмёшь, если в бою будет плохо. Вторую нажмешь — когда совсем плохо. А если совсем-совсем хреново будет — нажимай третью!

Идёт воздушный бой. Вьетнамца догоняют американские самолёты. Он нажал первую кнопку — МиГ резко

ускорился. Американцы выпустили ракеты. Он нажал вторую кнопку — МиГ сделал противоракетный маневр. Но тут раз! — сверху ещё звено американцев в атаку на него заходит. Он жмёт третью кнопку и слышит сзади:

— Ну-ка, узкоглазый, от штурвала отодвинься, ща мы их уделаем...».

Мои раздумья и попытка вспомнить ещё какой-нибудь анекдот про наших славных воинах, «не участвовавших» в вооруженных конфликтах продолжались до тех пор, пока замполит «грузил» курсантам политику партии и правительства. Примерно через 20 лет после этих событий я встретился с племянником моей невестки, жены брата, который, как не странно был на год старше от тётки, который являлся скоропостижной и в общем-то бесславной войны Египта и Сирии с Израилем в 1973 году и ему награду вручал лично президент Египта Анвар ас-Садат.

Вот так, если на меня посмотреть со стороны, то чем же я отличаюсь от того же Лёхи Дубровина? Да ничем, казалось, такой же служака. Для того, чтобы понять разницу стремления вверх, необходимо знать истинную причину этого поступка. Алексей его и не скрывал — карьера, именно здесь показать своё желание преданно служить, чтобы остаться в отряде, как тот же старшина 1-й статьи Шульга. Ну и похвально.

«А твоя в чём „печаль“, студент?» — как бы внутренний голос.

«Моя-то? Да моя в том, чтобы просто взлететь вверх стремительно и потом уже не важно, шлёпнуться при возвращении назад с ускорением гравитас, равным $9,8 \text{ м/с}^2$ или проболтаться там ещё какое-то время — это не столь важно, важен процесс взлёта, с перегрузками, превышающими это значение ускорения свободного падения в разы и лишь для того, чтобы испытать себя. Кто-то будет смеяться, но я часто с большими усилиями, тру-

дом и благодаря тех способностей, что были даны мне Богом при крещении и постоянной Его поддержки по жизни, добивался серьёзных высот и с лёгкостью с ними расставался, чтобы новый взлёт осуществить не с построенной космической станции для придания большей взлётной мощности, из-за того, что нет необходимости затрачивать её на преодоления притяжения Земли, а оторваться значительно с 3-й космической скоростью. Нет. Мне это не нужно. Я могу оставить, уступить кому-то завоеванные высоты на достигнутой высоте, чтобы попробовать взлететь вновь уже на новом, ещё мало изведанном поприще. Мой ответ удовлетворил твоё любопытство?» — спросил я свой внутренний голос.

Выждав немного и не дождавшись ответа, поняв это, как соглашение со мной, продолжил рассуждать на поднятую тему.

Не знаю, насколько я смог вам показать разницу стремлений. Но я ощущаю её именно так и не раз в жизни поступал именно так, даже путём самобичевания, но практически никогда не жалел о случившемся, в крайнем случае, желания что-то изменить не возникало или было уже поздно, да и не хотелось. Это желание вскорости вырастало в желание нового взлёта, который своими широкими крыльями затмевал бы совершенные косяки. А эти косяки останутся, конечно же в памяти, но не в назидание, а как пример глупости, ошибок молодости, как протест против серости жизни и желания сделать её разнообразней и интересней, пусть вот таким, нестандартным способом, отличительным от сотен других, которые совершали люди в твоём окружении. Во мне, в первую очередь, с рождения под созвездием Рака, жил тот же самый рак, а из рыбьих сородичей больше всего с моим, в какой-то степени скверным характером, могла входить в диалог и взаимопонимание только отличительная от всех рыба, камбала.

Я просто делал то, что умел хорошо делать, что получалось лучше, чем, если это делал кто-то другой и, главное, что оно приносило мне удовольствие от результатов этой работы. Она кому-то была нужна, но меня это в меньшей степени волновало и, если получу за это благодарность — хорошо, а не получу — не расстроюсь. Вот так и жил между начальством и своими сослуживцами. Многие знают, что сложно угодить всё и сразу. Но я не был командиром для однокурсников учебного отряда, как Леша, командиром отделения, не был и марионеткой, которую дергали за верёвочки, заставляя делать нужные жесты. Меня можно было назвать «политруком» самого низшего звена.

Июнь в разгаре. Приближался важный в жизни каждого воина день, день принятия Присяги. Мы по прежнему занимались по распорядку дня: занятия по расписанию в учебном корпусе сменяли редкие, но интересные практические занятия по борьбе за живучесть (БЗЖ) и упражнения по поведению в случаях необходимости использования спасательного снаряжения подводника для выхода из затонувшей лодки через торпедный аппарат или имитации выхода через люк рубки центрального отсека. Я не мог только понять, если всё это было у подводников, то почему во времена Великой Отечественной войны было так много жертв, именно подводников, на Балтике, из-за того, что были заминированы все выходы и проходы в мелководье Балтийского моря, его Рижского залива.

Помимо строевой подготовки, мы стали много времени тренироваться на плацу, готовясь к показательным выступлениям к Дню ВМФ в последнее воскресенье июля. Синхронное выполнение упражнений со спасательными кругами должно быть красивым и показано на стадионе г. Севастополя, но для этого должна быть исключительная синхронность.

От жары курсанты даже падали в обморок. Форма одежды была упрощена до минимума: трусы, ботинки, чехлы от бескозырок. Всё минимально: чехол белого цвета как-то защищал от палящих солнечных лучей; гады защищали ноги в первую очередь от ожогов, которые неминуемо можно было получить, находясь на асфальте, на котором можно было жарить и не только яичницу; ну, а трусы — они и в Африке даже трусы.

Занятия были утомительные до изнеможения. Штабной офицер, прячась в тень деревьев по периметру плаца, горланил в рупор и включая запись музыки, которую по понятным причинам стали мы ненавидеть, хотя в душе по-прежнему любили. Это был «Севастопольский вальс».

День принятия Присяги был отличительным тем, что мы в первый раз одели парадную форму «номер раз»: форменная белая голландка с гюйсом и с гюйсовыми полосами на обшлагах; брюки шерстяные, естественно, уставные — не «торпедированные» клеша; ботинки хромовые на кожаной подошве, еще неодёванные и издающие такой скрип подошв, что на пол города слышно. Существует байка, что после увольнения моряков в город, до утра в городе стоит эхом скрип кожаных подошв. Но, не менее важное, что сегодня будут праздничные столы на камбузе.

Что касаясь приема пищи на камбузе, так это такая история, что на нее необходимо отводить отдельную главу. Скажу вкратце. В первые дни, многие, пока «чухались» за столом, взяв только ложку в руки, уже звучала команда «Подъём! Выходить строиться!». В лучшем случае успевали на ходу компот выпить. Вот так отрабатывалась оперативность. Об удовольствии, при приеме пищи, речь вообще не шла.

Во всем чувствовался праздник. Знамена, растяжки по периметру плаца, обновленная раскраска на самом

плацу, трибуна под тенью тополей. Поговаривали, что на присягу прибудет сам командующий Краснознаменного Черноморского флота вице-адмирал Ховрин. А, главное, что сегодня, пройдя полный курс молодого бойца, мы примем Присягу и только сегодня мы уже будем зваться матросами, а не курсантами, просто.

А по большому счёту, пока мы не прибыли на постоянное место службы, получив воинскую специальность, там в течение месяца не пройдём практический минимум и не «сладим на самоуправление кораблём», мы, как бы есть и нас нет, мы никто. Салабоны — вот как можно нас назвать. Даже не «караси», которыми мы станем уже где-то через полгода. Но это будет потом. А пока.

Мичман Копылов, кстати, я даже не познакомил вас ближе с этим «сундуком», если говорить на морском сленге, а в принципе нормальным старшиной взвода. Когда он просмотрел личные дела, заговорил со мной:

— Земляк, значит, ты?

— Ваш, товарищ мичман? — даже обрадовавшись, улыбнулся я.

— Да, нет. У меня тёща из с. Ряженое, рядом с Матвеевым Курганом. Мы были с женой там 2—3 раза. А так служба мотала по флотам, пока уже не осел здесь. Думаю, как пойду в отставку, поедem на твою родину, тёщу проведем. Вишни у вас вкусные и персики мелкие, но сладкие, как их...

— Жердёлы?! Абрикосы, только как бы не колированные, дикие...

— Ага! Во-во, так. Я-то с более холодных краёв, у нас такие теплолюбивые культуры не приживаются. И речка, Миус, красивая. Теща на кособоре живёт, внизу Миус, мельница там ещё есть, мука знатная и хлеб вкусный, белый, не ржаной.

Мичман рассказывал, что запомнил, при визите на мою малую родину, а у меня начинали в душе «кошки

скрести» от воспоминаний. Буквально незадолго до проводов, мы с Саней Ганшиным крутили музыку на свадьбе у Толика, одноклассника моего старшего брата. Он брал в жены девушку, ровно с тех мест, о которых вспоминал мичман. Подворье располагалось на косогоре, огороды спускались вниз, к самой реке, а напротив, чуть наискосок виднелась мельница, здание которой нависало с обрыва над рекой. Этой мельнице было лет сто, когда-то она приводилась бурным потоком реки. Была плотина и сооружения для направления потока воды на водяное колесо. И конечно, такая конструкция была намного совершенней, чем ветряной привод.

Я был с отцом на этой мельнице. Когда получали пшеницу в качестве «натуроплаты», собирались 3—4 хозяина подворья, договаривались на какую дату, выписывали в колхозе машину или трактор с прицепом и ехали на мельницу, чтобы обеспечить себя мукой на весь год, до следующего урожая. Хлеб-то пекли свой, домашний в русских печах.

У нас русская печь стояла как раз у перегородки зимней кухни, теплом обогревала и саму эту кухню, в которой правда зимой мы не столовались, переходили в дом и кладовку с сараем со стойлами для коров. Свиной, из-за специфики запахов от них, держали отдельно, в построенном во дворе деревянном свинарнике, с одной стороны он утеплялся крытым сенником.

Топили русскую печь кирпичиками, который изготавливали из коровьего навоза вместе с подстилкой, отходами сена и соломы. Это всё накладывалось в специальные прямоугольные формы, имеющие ручки с двух сторон. Состав хорошо уплотнялся, просто по нем ходили в резиновых сапогах из-за специфики содержимого. Затем полученные кирпичики выпрессовывались и ставились нарубо на солнышке для просушки. При летней жаре этот процесс был не такой и длительный. Высушен-

ные до состояния «сухарей» плитки складировались в стопки и укрывались. Это было идеальное топливо для топки печи с большим «жерлом» и площадью жара, образующего, после прогорания до определенной кондиции кизяка, так называется готовое топливо.

— Курсант, оружие в «оружейку» получать, бегом, — подтолкнул, застывшего и разомлевшего в воспоминаниях о доме, мичман Копылов, — о чём мечтаешь? О ДМБ? Не скоро, через 35 месяцев.

Получив, приписанное и отмеченное даже в военном билете «калаш», модели АКМ, мы вышли на построение возле казармы. Затем строем проследовали на плац, где в соответствие с определённым для каждого подразделение места, выстроились в стройные строевые порядки. С трибуны прозвучали приветственные слова и распоряжение «К процедуре принятия воинской Присяги приступить!»

На против каждого подразделения был выставлен стол, застеленный кумачевой скатертью, на которой лежала книга учета принявших воинскую присягу, в которой, каждый оставлял свою подпись после процедуры принятия самой присяги.

Мичман Копылов вызывал всех по списку. Проще всех было выходить из строя тем, кто находился в первой шеренге. А кто выходил из второй или даже из третьей шеренги, то выходу предшествовало сложное перемещение, с задействовав одного или двух военнослужащих, не причастных непосредственно, но расталкивать товарищей плечами не принято, а потому приходилось, услышав хлопок по плечу, сделать нужное количество шагов (один или два) и шаг в сторону, освободив проход выходящему из глубины строя.

Я выходил из среднего ряда строя и всё было хорошо, пока не подошёл к товарищу мичману с докладом. Приняв стойку смиренно, прижимая левой рукой под-

ствольную коробку автомата, эффектно приставил пятку к пятке и одновременно поднеся руку к бескозырке с развевающимися на теплом ветру лентами, начал доклад:

— Товарищ матрос, мичман Иващенко для принятия присяги прибыл, — слыша прокатившийся по строю легкий смешок, понял, что я что-то накосячил, но от напряжения, даже не понял, в чём.

Получив добро, от улыбающегося и смущенного, после моего доклада мичмана, без значимых заминок, но с явным волнением, максимально громко прочёл текст Присяги. Услышав, «стать в строй», занял своё место в строю. И только теперь, кто-то мне почти на ухо прошептал: «Молодец, растёшь. Вот уже мичмана в матросы разжаловал». И только теперь я понял, отчего по строю прокатился смешок.

После присяги колонны прошли, как на параде мимо трибуны с начальником учебного отряда, контр-адмиралом, представителем командования флота и другими штабными офицерами.

Чтобы не уходить далеко от темы моих обязанностей заместителя замполита, то хочу сказать, что, когда капитан-лейтенант Осипов говорил о том, что уважаемый наш Леонид Ильич должен был поделиться со мной наградой не совсем и шутил. В его доле шутки присутствовала правда, как иногда говорят.

Протягивая связующую нить от июня месяца в конец сентября, когда наша курсантская эпопея постепенно шла на нет, подводя итоги учебной смены, Олег Алексеевич сдержал слово и на одном из торжественных построений был объявлен приказ командира части, одним из пунктов которого было следующее:

— ... за отличную службу и примерное исполнение должностных обязанностей, приказываю объявить в качестве поощрения кратковременный отпуск продолжи-

тельности 10 суток, не считая времени на проезд к месту отпуска и обратно курсантам:

Дубровину Алексею Владимировичу;
Ивашенко Александру Ивановичу...

По строю, естественно, прошёл шум и одобрения и некоего ревностно-завиднического характера. Алексею мы предполагали, что могут дать отпуск и не потому, что он просто хорошо исполнял обязанности командира отделения, а ещё и за то, что у него была не менее веская причина — буквально на днях пришла из дому телеграмма, что жена родила ему казака.

Когда строй распустили и все в курилке начали обсуждать в большой степени моё поощрение, на множество вопросов и упрёков, я ответил кратко и не кривя душой:

— Знаете, что, чуваки, — обратился к своим сослуживцам больше на гражданском сленге, чем на флотском, — я вам так скажу, вы же видели, как я «гнулся или не гнул», выслуживался или нет, стучал или не стучал, рвался покомандовать тем же отделением или нет, вспомните, было такое?

Все примолкли, толи согласившись, что не было, толи ища повод, чтобы привести контраргументы. А я, сделав выдержку и не услышав возражений, продолжил:

— Называйте меня, как хотите, дураком или чокнутым, но я, если поручено мне что-либо или выполняю какую-то работу по своей инициативе, то делаю её максимально добросовестно и с полной отдачей, вне зависимости от того, оплачиваемая она или нет, стимулируется ли она каким-либо поощрением или нет, за спасибо или без такового — для меня это не имеет никакого значения. Я или делаю, или не делаю. Но, если не могу делать хорошо, то вообще не берусь за это дело — вот моё кредо, надеюсь, что на всю жизнь.

На вечерней поверке даже старшина Шульга сегодня не стал, после переключки, вызывать, как обычно: «Имеющие наряды вне очереди выйти из строя». После отбоя не было слышно шуршащей по плиточке «машки» в умывальнике и гальюне.

Глава III. Бункер, «иглы» и парад.

Говорят, что у людей, рождённых под созвездием Близнецов характер может быть от настроения, даже лучше сказать, человек может раздваиваться: быть одним и тут же резко меняться, как времена года за день в Прибалтике. Поверьте, я знаю о чём говорю. Но я, хоть и из близнецов, но не по гороскопу же. Хотя, если посмотреть, то близко к границе и астрологи утверждают, что к пограничным датам между Близнецами и Раком являются даты от 20 до 27 июня. Они утверждают, что смешивание может дать неплохой результат. Вот для меня, изначальная нерешительность Рака может впоследствии перекрыться авантюризмом Влизнецов, что в конечном итоге может быть импульсом к успешным делам. Такие люди не боятся всего нового, неизведанного.

Вот, если признаться честно, то обо всех этих гороскопах мне предстояло узнать только в середине 90-х годов, когда мне внутренний голос подсказал: «Смотри, вот твоя судьба. Непусти её.» И я своим друзьям, только однажды глянув на неё, воскликнул: «Это моя жена, мужики!» От судьбы не уйдёшь, это всем известно. Но не буду так далеко вас заводить в дебри бытия, до этого, как говорится, нужно ещё дожить.

Возможно, и в меня вселялся мой близнец, не тот, что сейчас уже дослуживал в Томске, а тот, что был всегда внутри меня и иногда просыпаясь, толкал меня на вся-

кие авантюрные дела, часто необдуманные, но иногда несмотря на это, не ставшие утопическими или вовсе преступными. Кто-то такие моменты может охарактеризовать просто — «он с головой перестал дружить». Постараюсь пока не давать оценку происходящему, а просто излагать факты и события, происходящие со мной, когда я поочерёдно представляюсь или перевоплощаюсь в разные ипостаси.

Мне казалось, что я такой, как есть всегда и не замечал внутреннее перевоплощение в Камбалу из обычного Карася. Хотя, раз мы заговорили о различных видах рыб, подразумевая, конечно, под ними людей, а данном случае одного человека, который был с детства такой стайной рыбкой, как салака или даже Тюлька, затем, взрослея, вырос в более крупную особь, но не величина здесь определяла его внутренний мир, его характер и определяла его поведение в социуме, в «жизненной акватории», то ли в студенческой среде, в среде земляков на гражданке и вот сейчас на службе, где отношение к воде уже проявляется отчётливее.

Я ничем не отличался от «особей» тех, которых, как я уже успел поведать, даже Карасями называть рановато, а лишь условно. Карасем может быть любой молодой моряк, от матроса до старшины даже 1 статьи, вне зависимости от количества лычек на погонах, а от срока службы. Карасями мы называли даже курсантов военноморских училищ, практиковавшихся у нас на подводной лодке, когда я был «карасём» и они вместе со мной, несмотря на то, что уже на 4-м курсе и через несколько месяцев получают офицерские погоны, они тоже «караси» и их место было тоже в трюме, рядом со мной.

Это правда морской иерархии. В крайнем случае я был этому свидетелем. Их даже наши «сундуки», т.е. мичманы недолюбливали. Видимо потому, что придет такой холёный офицерик и начнёт «воду мутить» своими устав-

ными отношениями. Хорошо, если будущий офицер, хотя бы год срочной службы «потянул» имеет понятия, как принято говорить в особых кругах общества и специфику флота. Его будут, конечно уважать за это.

Об этом попозже, мне до этого еще не менее 4—5 месяцев многое нужно узнать, понять и разобраться, в первую очередь в себе. Лучше всего, конечно, для этого подходит обстановка тишины и покоя. А, где её найти здесь, в учебке, где весь день, от подъёма до отбоя расписан по минутам?

Конечно, в учебном классе, где у меня было, хоть и ограниченное во временных рамках, но личное время. Всякими ухищрениями, ко мне в гости стали наведываться мои казарменные соседи.

— Зёма, вот ты где шхеришься! — широко улыбаясь, на всё зубы, что есть, заглянул в дверь тёзка-одессит.

— Санёк, заходи! Ты с приборки слинял?!

— Есть такой смелый поступок, — не переставая улыбаться, немного гундося, признался мой сосед по койке сверху.

Саня, прикрыл за собой дверь и войдя в класс, присел за первый курсантский стол, что сразу за преподавательским. Я же восседал серьёзно, как бывалый препад за столом преподавателя, только очков для солидности не хватало.

— Ты не хочешь испортить моё воспитание? — задал Саня вопрос на своем одесском сленге.

— Шо вы имели мне сказать? — пытался поддержать я, начатый тёзкой разговор.

— Я бачив, шо ты своей Наталке, када письмо малявил, шось там намалявил, шо як Пикассо... Магёшь али как?

— Али, как! — усмехнулся я и серьёзно спросил, — что ты хочешь, не альбом дембельский готовить, художеством оформлять?!

— Та, не! Якорь можешь забачать?!

— Могу. Ты в письме пошлѐшь зазнобе?

— Та, не! Мне на руке, я наколку зробию. Шо ж я за мореман без якоря?

— А на лентах бески, на бляхе ремня? — поняв просьбу одессита и пытаясь его отговорить от затеи, продолжил, — Саня, подумай. Потом не сотрешь.

— Я решил уже. Сможешь? Рисуи. Пацаны мне вечером наколят.

— Ладно, только потом без обид.

— Тѣзка, зуб даю. Оставь меня жить так, как мне интересно.

— Ладно. Где делать, на ягодице? — сказал и самому стало смешно, как представил.

— Не-а, — серьёзно ответил тѣзка, — вот тут, — положив левую руку и засучив рукав робы повыше, указав на кисть.

— Я где-то читал или слышал, что якорь имеет почти тоже значение, как и распятие на кресте.

— Во, тем более, давай, рисуи.

Я рисовал не шикарно, сносно, скажем так, на оценку «хорошо». Но такую специфическую символику рисовали почти все, начиная от писем домой, на конвертах, до от нечего делать в конспектах по устройству ПЛ.

Я быстро изобразил якорь от запястья до среднего пальца. Рука одессита была не сухожильной — пухленькой, потому рисовать на коже было, что на полотне, просто. Покрутив руку перед своими глазами так и иначе, Саня улыбнулся.

— Класс! Нехай теперь все завидуют. Одесса-мама!

— Ростов-папа! — поддержал я тѣзку.

— Шо? Ну, да, Ростов-папа.

Мой первый клиент подошёл к окну и посмотрел в сторону плаца. Учебный класс располагался на втором этаже и отсюда было прекрасно виден весь плац.

— Ага! Собираются. Вылизали «голяками» весь плац, вылизали, как кот свои фаберже.

Я рассмеялся:

— Ты видел яйца Феберже, Сань?

— Не-а, как кот лижет, — и любясь рисунком на руке, — ты меня устал уже? Я пошёл.

— Вместе пойдём, я тоже свой лимит времени выбрал. Пошли, — как-бы приглашая к выходу, придерживая за плечо, пошел на выход.

Одессит, выпускник одесской мореходки, Александр Крамарец тем же вечером, зашхерясь за тумбочками, выставив на шухер пару своих товарищей, сделал себе красиво, рекламировал всем со словами:

— Если вы хорошо хотите, то обращайтесь в зам замполиту, а мне сигаретку за «наводку».

И правда, за неделю я нарисовал более десятка рисунков, в основном «якорь», изображение девушки на плече и банальное «ВМФ 75—78» или «ДМБ 78». Мишка и Толик уже «пытели» над более кропотливой работой — самим процессом колки.

Я же был и остаюсь противником того, чтобы добровольно становиться «меченым». Но, когда немного этот модный бум прошёл, кто-то, возможно, пожалевший уже о своей глупости, поддел меня вопросом:

— Слышь, художник, от слова худо, а сам-то «наколочку» имеешь или как?

— Во-первых, я вам не навязываю то, что вы меня сами просите. А, во-вторых, могу и себе сделать, без проблем.

Я слёту парировал язвительный укор, но потом немного пожалел о слове, которое дал. И, как говорится, «заяц трепаться не будет» или, как призывали коммунистические лозунги рабочий класс — «дал слово — сдержи его».

Долго не размышляя, я взял иглу, будучи в учебном классе, тушь тоже под рукой и наколол между большим

и указательным пальцем левой руки шрифтом 10 мм букву «С». И этого было достаточно, чтобы ко мне больше не приставали с подкольными вопросами. Я терпеть ненавидел мужиков с крупной тату на руке «Таня» или «Люда» и мысль, типа той, чтобы написать «Наташа» или «Нина», отбросил сразу, как глупую затею. Просто я был чуть взрослее и, чтоб не обидеть своих товарищей, скажу — не умнее, а немного практичней, опытнее от них.

День рождения прошёл как-то почти незаметно, только вспомнил, что ровно 2 года тому назад в этот день, меня «нагнул» товарищ, Вова Усиков, чтобы я, как взрослый уже мужик, попробовал кайф сигареты. И вот теперь это обходилось тем, что сигареты почему-то быстро заканчивались и часто приходилось собирать «остатки роскоши, т. е. БРС — «бычки разного сорта». А, из-за того, что курить такую гадость в таком виде было не безопасно, хотя и об этом никто не думал тогда, выкуривая одну сигарету на пятерых, по одному-два «пыха на рыло», пуская сигарету по кругу, собранный цимусный остаток никотина мы тыкали сразу в рот.

Мы делали иначе, когда и этот вариант, одна сигарета на пятерых уже не работал, выдыхались буквально все. Собрав БРС, коль «японских — сюзих» уже не получалось «стрельнуть», небольшими группами, по три-четыре человека, а иногда вдвоём, что менее приметно, мы скрывались в «бункере», где устраивали перекур с расслабухой.

Это могло быть даже во время утренней физзарядки, когда взвод пробегал по асфальтированному участку вдоль казармы и, как только начинала группа сворачивать налево вокруг плаца, мы резко рвали вправо и вверх к входу в «бункер». Там у нас были уже оборудованы и лежаки из кроватей и старых матрасов, были и определенные запасы самых важных припасов: табака, чаще в виде тех же БРС и бумаги, для свёртывания, нет, не самокру-

ток, из нас никто не умел сворачивать, а «козых ножек», что напоминало небольшой конусный кулёк из газет.

Как я жалел, что не научился у отца этому мастерству. Вот не знаю почему, делал так же, но, когда доходило дело до склеивания бумаги, внутри которой был заложен табак, моя «склейка» слюной не держала, разваливались скрутки. Что присутствовало в слюне отца я не знаю. Он проводил край свертка вдоль губы в одну сторону и обратно, прижимал пальцами и всё, самокрутка не распалась.

Кто курил табак из бычков, да ещё сворачивая в козью ножку из газет, где свинца, как на грузике донки, тот знает, что до рвот бывает противен тот ядовитый дым, а курить всё равно хочется. И кашлять нельзя — «спалиться» можно было легко. Дым же из остатков, бычков сигарет, пропитан тем никотином, что задержался именно благодаря накоплению и отложению в них, потому и говорят, что в недокуренных сигаретах весь «цимус» остается, а попросту говоря — яд никотиновый. Один только был пляс от «козых ножек», что после выкуривания такого зелья потом долго не хотелось курить.

Самым регулярным моим «подельником» был, конечно, Саша Крамарец, возможно потому, что мы оба были друг для друга взаимовыгодными «донорами», но не в плане крови, а в плане «презентации излишков». А в качестве этих «излишков» мог быть и неповторимый и юмор одессита и упрощенная до восприятия средне статусным мышлением философских размышлений, с умением терпеливо слушать и интересно рассказывать.

Потом же ещё, что мы были не просто годки, но и «членистоногие» братья по гороскопу, хотя в то время мы этого не осознавали, но была какая-то внутренняя сила, притягивающая, как магнит. Он получил профессию моториста и имел небольшой опыт учебных практик в море. Мы всегда находили общий язык.

И были схожи даже внешне, только одессит был комплекцией немного посправнее моей. Я своё растерял на последние пол месяца до призыва. Много мотался на мотоцикле, с друзьями проводили вечера до полуночи, мало отдыхал, не вовремя принимал пищу и даже значительно потерял в весе. При призыве во мне было всего 64 кг.

Но даже не это было причиной исхудания, а то, что у меня было хроническое заболевание, тонзиллит, иначе говоря — ангина с детства, перешедшая в хроническую форму. Я уходил на службу с температурой в пределах 38° и практически уже гнойным абсцессом гланд. Боясь, что меня могут вернуть на итоговой комиссии, на вопрос «Жалобы есть?», везде бодро отвечал — «Никак нет!» Единственно, что по прибытию в учебный отряд, смог на камбузе захватить с солонки горсть соли и делая соляные растворы, полоскал горло. И после того, как воспалительный процесс был остановлен, я медленно пошел на поправку и появился аппетит даже на пищу, на которую бы на гражданке и не посмотрел.

Но ничего не проходит бесследно. Я стал замечать сильные боли в правом тазобедренном суставе. Боль простреливали от позвоночника и тянуло ногу. Это не могло долго быть незаметным. Я начал во время физзарядки тянуться в хвосте взвода и переходя на затруднённый шаг получал нагоняй от старшин. Чтобы этого не было, физзарядку я чаще проводил в «бункере». Вторая трудность была в ежедневных тренировках на плацу, для отработки синхронного выступления со спасательными кругами к Дню ВМФ.

Там «откосить» нельзя было. У каждого было определенное место в строю и роли расписаны для групп курсантов по виду движений, чтобы получалась красивая композиция. На занятиях по строевой подготовке я уже не мог уже, просто стиснув зубы преодолевать боль, ко-

гда не смог «тянуть носок» и поднимая её до образования прямого угла со спиной. И всё закончилось тем, что после очередного прострела, я просто с криком от боли рухнул на плац.

На службе болеть не принято. И любую жалобу на здоровье воспринимают, не как должное, а как желание «шлангануть». Слыть не просто «шлангом», а «гофрированным» никто не хотел, потому и терпел до последнего.

Меня отвели в санчасть, где определили не одну, а несколько болезней, кроме невралгия бедренного нерва, воспалении чего-то, проблемами с лёгкими и сильные головные боли от гайморита. Как потом выяснилось, это всё были осложнения от той болячки, которую я запустил и рассчитывал, что пройдёт сама по себе. Но само по себе мало что проходит бесследно, чаще бывают последствия и серьёзные.

Вот никогда бы не подумал, что первая экскурсия в город у меня будет не в театр или в музейный комплекс Мамаев Курган, а в центральный госпиталь для обследования, рентгена и пр. Когда были определены диагнозы и назначено лечение, вот тогда я узнал, где и как обучаются военные медбратья. И, в связи с тем, что они должны не только знать, но и уметь делать, а также приобрести навыки тех возможных процедур, которые будут встречаться на службе. Военный врач на подводной лодке хорошо, но без помощника, с медицинским образованием, опытного и умелого не обойтись.

Даже, если бы не было у меня проблемных признаков с легкими, мне бы всё равно поставили банки. Это та процедура, как и применение касторки земским доктором каких-нибудь 100—150 лет до этого. Что нам кололи, чем нас лечили, нам знать было совсем не обязательно.

Кто не испытал себя в процедуре, когда тебе впервые пробивает перегородки гайморовых полостей медбрата-

практикант, ты держишь перед собой большую металлическую эмалированную чашу, у медбрата дрожат руки, а опытный военврач со стальными нервами, подбадривает практиканта:

— Смелее! Резче! Держи ему голову! Не убирать голову. Не выколи только глаз матросу. Он, хоть и моторист, но глаза лишними не бывают...

Вот, если бы такие ролики показывали тем, кто хочет «пошланговать» в санчасти — враз бы охоту отбили. Скажу честно, что я по натуре в какой-то степени мазохист, мог терпеть боль и совершенно не боялся крови. Еще обучаясь в институте, несколько раз сдавал кровь в дни донора для того, чтобы получить законных пару дней освобождения от занятий и приурочить их к Ноябрьским или другим праздникам, чтобы дольше побыть дома.

Я вспомнил, как много раз доставал из босых пяток занозы. Детство, не ради красивого словца, а действительно было босоногим. Родители покупали сандалии не для того, чтобы в них каждый день носиться по пустырям, прудам, садам и огородам. А, если и были, то до того сношенные, что в кожаной подошве, начиная от большого пальца, появлялись дыры. Точно так и с кедами. Их нужно было беречь для игры в футбол. Потому и пятки были бронебойными.

Как-то, уже вечером, играли в «латки» на машинном дворе у кузни. Я не заметил в траве косу с жатки, сегментом которой и раскроил ногу от большого пальца. В те годы все пацаны были народными целителями. Лекарства было три, вернее антисептика: это, в первую очередь, земля; моча было также исключительным средством, но не всегда в зависимости от места оказания «первой» доврачебной и врачебной заодно помощи, это было эстетично; пепел от сигарет применялся реже, курили не все ещё тогда и быстро собрать нужно количество такого рода «антисептика» было сложно.

Кровь из побелевшего разреза появлялась, как мне показалось медленно, как-бы наполняя плотину и набирая силу для прорыва. Она была густая, поднималась, как хлеб на дрожжах и хлынула потоком. Когда я свалился на траву, рядом с лопухами, под которыми меня и подстерегала опасность, застонал и взявшись за ногу в области чуть выше колена, стараясь её задрать повыше, ко мне уже со всех сторон бежали «медбратья» с горстями земли. Обильно осыпав землей, кто-то заботливо обернул ногу, сорванным рядом листом лопуха и с кого-то сняли сандалии, размера на два-три больше моего. Ногу втиснули в сандалии, и поручив кому-то сопроводить меня, прыгающего на одной ноге домой, остальная ватага с азартом принялась продолжать увлекательную игру, пока ещё темнота сумерек не перешла в непроглядную ночь.

Последствием того же заболевания и случившаяся во время практических занятий на пирсе Южной бухты, где нас испытывали и объясняли правила поведения в барокамере, казусная ситуация. Из-за воспаления, я не мог нормально «продуваться», т.е. сравнивать внутри ушное давление с тем, что было в барокамере. Самое трудное — это пройти рубеж избыточного давления в одну атмосферу, дальше повышение давления переносится легче.

Я не хотел показаться нытиком и терпел сильную боль в ухе. Другие кричали и просили остановить подъём давления. Попытки мои, всё же успеть «продуться» во время этих остановок результата не дали и барабанная перепонка, не выдержав давления, лопнула. Тогда только находившийся с нами за старшего мичман, увидев у меня кровь из уха, остановил повышение давления, но узнав самочувствие, на что я ответил:

— Замечательно! Слышу шум моря, — и заулыбался.

Мне действительно стало легче, перепонка, устав сопротивляться «законам физики», сдалась таким образом.

Да и акустиком, с исключительным слухом мне всё равно уже не быть и радиотелеграфистом тоже. В самом начале, когда мы попали в учебный отряд, нас проверили изначально, для отбора по параметрам профессиональной принадлежности к этим профессиям. Мы должны были на «ключе» повторить композиции точек и тире, заданных проверяющим. Я и без того знал, что это не моё. Ещё в институте мой друган Саня Котов пытался меня научить на гитаре играть — бесполезно. Еще отбирали водолазов, но там, кроме легких, еще нужны были другие параметры важны. Но и не сильно-то хотелось. Я подводник, не водолаз.

Через пару недель или даже позже меня выписали «меченым» под леопарда банками со значимым улучшением самочувствия здоровья. Больше всех обрадовался моему появлению Саня одессит:

— Шоб меня покрасили в зелёный цвет. Оставь меня жить дальше! Кого я вижу. Ущипни меня.

Мы крепко пожали друг другу руки и по-братски обнялись.

— «Машкой» не смыл ещё? — спросил, желая ответить на юмор одессита, указал в сторону якоря на левой руке Сани.

— Та, шо с ним станется. Ты мне на плече нарисуй, как Серому и Лехе, ток покрасивше шоб.

— Сделаем, тэзка. Вот после праздника уже и сделаем, коли надумал серьёзно, — ответил я одесситу.

— Я ж, всё равно после службы хочу в загранку ходить. А шо за мореман без «галереи»? Ни шо. — Саня задумался, видимо представил себя где-то на торговом судне, штурмующем Атлантике.

И мне в первую очередь нужно было догонять всех в тренировках, чтоб не подвести весь учебный отряд на показательных выступлениях. И теперь у меня получилось все без заминок, а сообразительности занимать

не приходилось, схватывал слёта. Приближался праздник моряков. Конец июля, плац раскалялся до невыносимости, занятия проводили сразу после завтрака, изменив расписание занятий и после ужина. До этого было несколько случаев, когда матросы падали на плацу в обморок от теплового удара.

Праздник получился шикарным. У нас было запланировано два мероприятия, одно то, что так долго готовились, а второй, тот к которому особенно и не готовились, инструктаж получили непосредственно накануне. Нам предстояло на праздник обеспечивать оцепление, непосредственно сдерживая натиск любопытных гражданских, желающих увидеть красочное действо на воде.

Основной театр праздничных демонстрационных показов намечался в районе мыса между Артиллерийской и Южной бухтой, вторая известна тем, что на ней располагается Графская пристань и морской порт. Все военные корабли, участвующие в параде, были выстроены вдоль Северной Севастопольской бухты.

Нам не судьба было увидеть воочию флагман Черноморского флота ракетный крейсер «Москва», который из-за пожара в феврале этого же года, здесь же на рейде в Северной бухте горел из-за замыкания электропроводки и находился на ремонте. Но все корабли, выстроенные в парадном строю с флагами расцвечивания, создавали впечатляющее зрелище.

Мы стояли на спуске в районе Приморского бульвара, с видом на памятник Затопленным кораблям и наслаждались такими завораживающими действиями, театрализованными, конечно, но от этого не менее красочными. Имитация поиска подводных лодок вертолётами палубной авиации, всплытие подводной лодки «Буки» под восторженные возгласы празднующих зрителей, залпы с ракетных катеров в сторону акватории моря и работа скорострельной пушки. А затем

из воды перед нами на шлюпке подплывал медленно сам Нептун и следом из воды выходили 33 богатыря, в изолирующих дыхательных аппаратах, в которых можно было дышать и под водой.

Когда смотришь на такие зрелища, то чувство гордости за наш флот присутствует в каждом из патриотов своего Отечества, а если ты еще и в форме морской и у тебя сегодня праздник, ты его впервые отмечаешь на службе — это гордость вдвойне. Так и хочется крикнуть родным и землякам: «Смотрите! Это же я, матрос дважды Краснознаменного Черноморского флота».

И вместе с тем, особенно, когда бросаешь свой взгляд с того места, где я находился курсом на «Норд-Вест», где на воде установлен Памятник затонувшим кораблям, думаешь и о другом. Хотя этот Памятник, высотой в почти 17 метров был воздвигнут в память о событиях 1854—1855 годов — о первой обороне Севастополя, но я за два месяца нахождения в учебном отряде и особенно много из подшивок газет и журналов в учебном кабинете, «подшефном» мне, много узнал о другой, возможно, самой страшной трагедии за всю историю славного Черноморского флота.

По трагическому стечению обстоятельств, эта трагедия совершилась именно в этом практически месте, если быть более точным, то немного правее, если смотреть с той точки мыса, где я находился, 100 лет спустя, после первой обороны города в Крымской войне. Я хочу поделиться теми воспоминаниями, которые сменяли радость праздника и гордости за Отечественный флот с той горечью, которая не могла бесследно пройти, не оставив в душе следа, глубокой царапины.

Я вспомнил 1955 год. Нет не потому, что родился я ровно 20 лет, один месяц и один день тому назад. А потому, что через четыре месяца, два дня и 20 часов после моего рождения, на этом самом месте произошла такая тра-

гедия, которую почему-то очень редко вспоминают, а в то время тем более. И ещё одно очень важное обстоятельство, люди виновные в той трагедии, не понесли заслуженного наказания, а наоборот, даже в нынешней, не советской стране, когда гласность перешла через здравый смысл, захлестнув его, их именами названы флагманы наших славных флотов, я говорю об «Адмирале Кузнецове» и «Адмирале Горшкове» в кавычках, как о флагманских кораблях, авианосцев и если без кавычек — имена и фамилии главкомов ВМФ СССР, имеющими непосредственное личное отношение к тем трагическим событиям.

Я говорю о гибели флагманского линкора Черноморского флота «Новороссийск» и 609 членов экипажа, а также моряков аварийных команд с других кораблей. Вот порой начинает раздражать, когда годами по телевидению муссируют, разбирая десятки версий о трагической гибели экспедиции студентов на перевале Дятлова. Конечно, это трагедия, но не сравнима с той, что произошла в ту роковую октябрьскую ночь, 29 числа в 01 час 31 минуту, когда на линкоре прогремел мощный взрыв.

Линкор стоял рейде в Северной бухте на бочках в 100 метрах от берега. Версий, как обычно, выдвигаемых в таких случаях много, но основные следующие: взрыв глубинной мины времен ВОВ под днищем корабля; подрыв корабля диверсионной группой, наиболее вероятно даже, что итальянской, а почему, чуть позже скажу; третья версия — без участия КГБ не обошлось.

А теперь немного из истории. Подводя итоги Второй Мировой войны, страны Победительницы, делили «трофеи» и, в связи с тем, что «холодная война» уже набирала обороты, СССР пытались чуть ослабить в возможном потенциале вооружения, за счёт проигравших стран. Италия имела сильный военный флот, но желания приобрести по договорённости новые, по тем годам линко-

ры достались США и Англии и затем, с вступлением Италии в военный блок НАТО, были ей возвращены. СССР получили по решению Тройственной комиссии 1948 года линкор «Джулио Чезаре», легкий крейсер «Эммануэле Филиберто Дюка Д'Аоста», эсминцы «Артильери», «Фучильере», миноносцы «Анимозо», «Ардиментозо», «Фортунале» и две подводные лодки.

В феврале 1949 года на корабле был поднят военно-морской флаг СССР, а 5 марта линкор переименован в «Новороссийск». Линкор тогда уже был «почтенного возраста». Его история начинается с 1910 года с заложения корабля и вводом в эксплуатацию в 1915 году. «Джулио Чезаре» на русском языке означает «Юлий Цезарь». Мы знаем великого деятеля Гая Юлия Цезаря и как автора знаменитого высказывания «Veni, vidi, vici», что означает «Пришел, увидел, победил».

Было ли это проклятие великого римского полководца из тех далеких веков, когда он правил Римом в нашу историю? Не знаю, не уверен. Возможно, об этой трагедии, которая держится в секрете, как обычно 75 лет и будет рассекречена уже буквально в 2025 году. И все мы, кто будет жить, конечно, узнаем об этой трагедии всё.

Что хотелось мне поэтому сказать. Обидно, когда из-за, порой вшивых принципов, которыми прикрывают откровенную безграмотность и преступную халатность, гибнут сотни людей. Обидно до слёз.

Когда ночью прогремел взрыв и командование флотом было поставлено в известность, начались действия по спасению этой проклятой «рухляти». А как можно назвать старую развалюху, на которой за 5 лет было выполнено 8 плановых ремонтов, с заменой вооружения на отечественное и более современное и буквально только в год трагических событий с мая месяца линкор начал участвовать в отработке задач и учениях.

Как действовало командование? Все усилия были направлены на спасение корабля. Были задействованы спасательные службы, команды и партии и самого линкора и ещё двух кораблей флота. А на момент взрыва в носовой части, образовавшей пробоину около 150 м² и другие повреждения на площади более 300 м², уже погибло от 50 до 100 человек экипажа. Спасательная операция, занявшая более 20 часов, не дала ожидаемых результатов и когда наступали критические моменты, командующий эскадрой, контр-адмирал Никольский Н. И. обращался не однажды к командующему флотом, вице-адмиралу Пархоменко В. А. с просьбой о спасении экипажа и команд, не задействованных в операции по спасению корабля, на что получал однозначный отказ.

В результате, получив крен 20⁰, лёг на бок и затем, в 22:00 29 октября затонул, мачтами вниз. Это привело к ещё большим жертвам, около полутысячи человек. Многие моряки, оставаясь в помещениях затопленного линкора, ещё трое суток подавали сигналы, с призывами о спасении. Водолазы, опускающиеся к корпусу корабля могли отчётливо слышать мужественный гимн моряков с песней «Врагу не сдаётся наш гордый „Варяг“...» Слов просто нет, ком в горле. Ну, как так? Почему, зачем, ради чего?

Что в итоге? Наказали «стрелочников», даже командира линкора, который в то время находился в отпуске. А ещё задолго до трагедии опытные специалисты видели не перспективность приобретения линкора, как минимум.

Еще за долго до трагедии и приобретения такого «подарка» с «миной замедленного действия», в 1946 году, ознакомившись с чертежами «Джулио Чезаре», опытный военный инженер Малышев рекомендовал отказаться от этого приобретения. Но Сталина переубедить он, конечно, не сумел. Да и кто бы сумел и каким смелым нужно было быть.

Для подведения итоговой линии, приведу выдержку информации по этому вопросу целиком:

«...На основании доклада правительственной комиссии командованием Черноморского флота в ноябре 1955 года исполняющему обязанности главкома ВМФ СССР адмиралу Горшкову были отправлены представления о награждении орденами и медалями всех погибших вместе с линкором моряков. К наградам были представлены также 117 человек из числа тех, кто уцелел при взрыве, моряков с других кораблей, пришедших на помощь «Новороссийску», а также водолазы и врачи, отличившиеся в ходе спасательных работ. В Севастополь, в штаб флота, доставили необходимое количество наград. Но награждение так и не состоялось. Лишь через сорок лет выяснилось, что на представлении рукой начальника управления кадров ВМФ той поры была сделана пометка: «Адмирал т. Горшков не считает возможным выходить с таким предложением».

«...Только в 1996 году после неоднократных обращений ветеранов корабля правительство РФ дало соответствующие поручения Министерству обороны, ФСБ, Генпрокуратуре, Российскому государственному морскому историко-культурному центру и другим ведомствам. Главная военная прокуратура занялась проверкой материалов расследования, проводившегося в 1955 году. Засекреченные наградные листы на «новороссийцев» все это время хранились в Центральном военно-морском архиве. Выяснилось, что 6 моряков посмертно были представлены к высшей награде СССР — ордену Ленина, 64 (53 из них посмертно) — к ордену Красного Знамени, 10 (9 посмертно) — к орденам Отечественной войны 1-й и 2-й степени, 191 (143 посмертно) — к ордену Красной Звезды, 448 моряков (391 посмертно) — к медалям «За отвагу», «За боевые заслуги», Ушакова и Нахимова.

Поскольку к тому времени уже не было ни государства, под военно-морским флагом которого погиб «Новороссийск», ни советских орденов, все «новороссийцы» были награждены орденами Мужества...»

«Эх, Рассея, ты моя Рассея...» — поёт Николай Расторгуев. Хотя мы и говорим о событиях, происходивших в СССР, но где она этот наш Великий и Нерушимый Союз. Великий флот, основанный ещё Петром Первым, одержавший много славных Побед и трагических событий с уничтожения всего флота или эскадр, как было во время Цусимского сражения, и во время Крымской войны.

И, вот из-за своей привычки примечать, замечаю опять совпадения. Возьмём хотя бы 1905 год — Цусимское сражение и сооружение монумента к 50-летию первой обороны Севастополя, а через ещё 50 лет, в 1955 году очередная трагедия на флоте. Случайность? Я так не думаю.

В истории, как и в моде, есть закономерные повторения, которые можно заметить, только на определённом, более длительном периоде времени. В жизни человека, из-за не большой продолжительности его века, эти повторения могут быть и с меньшей частотой, например, через 20 лет, а в мировом масштабе, наоборот, через сотни и тысячи лет.

Время всё расставит по своим местам, только людей, к сожалению не вернуть, тех, кто героически сражался до последнего и стал жертвой или мишенью не вражеской пули, а преступным отношением командования, думающих, не как генерал Шапошников, не допустивший массовых жертв в Новочеркасске, а о своей карьере и «адмиральской шкуре» сверху трусливой душонки. Бог им судья, конечно. Есть преступления, не имеющие «срока давности», хоть я и не отличаюсь коварным желанием мести, но, если вы мне вменяете для моих ни-

чтожных проступков такой термин, как «аморальное поведение», то предполагаю по значимости и весомости совершенного вами преступления, вам, как минимум, по «суду чести» пуля в висок полагается, объявление истинных причин и признание виновных в них.

Глава IV. Караул

Прошло три месяца службы и учёбы в учебном отряде, основное всё же для нас была учёба, на то и название учебка. Хотя учебки учебкам рознь. Есть учебки, в которых готовят старшинский состав, а в армии сержантский. Вот не был и не знаю как там, хотя говорят, что гоняют. Я скажу так, молодых гоняют везде и правильно делают, «чтобы служба мёдом не казалась».

Положа руку на сердце, скажу, что старшина 1-й статьи Коломиец меня уважал и, если распределял в наряд, на грязные работы не ставил, в худшем случае, на чистку картошки. Там весело, толпой чистим и под байки, и анекдоты, время весело проходит. Работа в самой столовой тоже устаивала, а вот посудомойки, упаси, Господи, туда попадать. Оно бы и ничего, если бы не этот маленький и одновременно толстенький «сундук» по фамилии Кушнир, о котором я имел возможность вкратце уже познакомиться.

Видимо, пришло время познакомиться больше и с самим мичманом, и с нарядами, и с караулом, в который, после принятия присяги мы тоже стали заступать. Ну об этом чуть позже, а сейчас, пусть бывшему начальнику камбуза икнется, немного о нём.

Любил он унижать курсантов, если быть откровенным и говорить о кошенном, как о кошенном. Вспоминая его, почему-то в голову пришел отрывок из фильма

«Джентльмены удачи», где директор детского садика в роли артиста Леонова учит, как должен звучать монолог волка.

Вот, для сравнения, рассказ начальника камбуза нам, во время инструктажа, при заступлении в наряд на камбуз:

— Тихая звездная ночь. Все спят, мирно посапывая на казенных кроватях, посапывают и видят себя, где-то в стогу с Манькой. Стонут от удовольствия, обнимая в экстазе подушку. Все спят, только «Волк» не спит, он пробрался на камбуз, спёр из бульона в котле самый большой мосол, спрятал его под бушлат...

— Товарищ мичман, вы шлифуете нам уши?! Какой бушлат летом? — не выдержав, чтоб не спросить, заметив нестыковку в рассказе, одессит Саня.

— Я же не про тебя сейчас рассказываю, ты его прям на кухне «заточишь». Будешь пререкаться — на посудомойке сгною! — обратился он к Сане Крамарец, недовольный, что какой-то «карась» его перебивает.

— «Волку» не спится, голод заставляет его встать, как лунатику с постели ... — не дали опять закончить Кушмиру.

— ...одел бушлат и на «цырлах» пробрался на камбуз... — проговорил Миша Новиков, штатный кольщик татушек во взводе, спрятавшись за широкими плечами Вовы Шевченко, тихого деревенского парня, родом из Полтавской области, большой физической силы, но медлительный и в действиях, и в мышлении.

— Кто? Кто сказал? — начинал заметно нервничать мичман, — на посудомойку пойдёт, кто сказал?

Все засмеялись, естественно, а когда чуть стихли, я очень серьёзно спросил:

— Товарищ мичман, так чем же всё закончилось? Поймали «Волка»?

— Поймал! Я сам лично поймал. Он далеко не ушёл, упал «на четыре кости» вот тут под тополем у плаца и жрёт, жрёт. А, что я завтра дам в котелки на столы кур-сантам?

— Яйца Фаберже! — не переставая закатываться, предложил Крамарец.

— Не! Яйца на ужин будут, — серьёзно ответил мичман.

Неизвестно чем мог закончиться этот номер, «оставших» от Шапито клоунов, но обстановку вовремя разрядил старшина Коломиец:

— Товарищ мичман, вы закончили? Сколько вам нужно за зал и на посудомойку? Остальных я на картошку забираю.

На этот раз на посудомойку оставили Вову Шевченко, потому что ему, как татарину — «шо водка, шо пулемёт, абы с ног валило», он никогда не огрызался, но все делал до предела медленно. С ним ещё Прозоров Александр, Вася «Горячий», был родом из Горячего Ключа. Определились рабочие зала и «чистильщики».

У чистильщиков, кроме плюса был ещё и минус. Мичман закатывал форменную рубашку и окунал её в эмалированную ванну с очищенной картошкой, брал где-то на дне пробы, осматривал и бросал назад и так раза три. Если находил хоть один неочищенный «глазок», заставлял перебирать и дочищать до идеального состояния картошку. И порой мы приходили в казарму после всех. Зато у нас было весело.

А однажды нам рассказали байку уже про самого начальника камбуза. А дело было так. Мичман, был любитель принять на грудь для настроения. Но спиртного на камбузе не держал, из-за того, что частенько на камбуз наведывались проверки, особенно в жаркий период, чтобы не допустить антисанитарии и нарушений правил хранения скоропортящихся продуктов и прочего.

Спиртное он шхерил на складах, от которых у него была целая связка ключей. И, когда, приспичит, ходил и там, с понтом за чем-то, лаврового листа или две пачки соли прихватит для вида и примет там же на грудь стаканчик. В один из осенних вечеров, когда на камбузе работы были распределены между курсантами того взвода, какой-то учебной рота, которая заступила на суточный наряд, как положено на службе, на вечернем разводе.

«Караси» зашуршали с «машками» в руках, драя, как «кот свои фаберже», по выражению одессита Крамарца, а на посудомойке, как обычно, те, кто успел нахвататься нарядов и не успел ещё освоиться на службе «по понятиям»: что, когда и где можно, а чего, где и когда нельзя. Хотя, как говорится, нужно, сказав такое или склевывать через то плечо, где Ангел не сидит, или по дереву постучать, вместо дерева, если рядом нет, можно воспользоваться лбом «дубового» братишки из твоего ближайшего окружения и, обязательно, после этого, быстро «делать ноги».

История умалчивает об имени того, которого можно будет, без зазрения совести по-настоящему назвать «краснофлотцем» из-за того, что предан воинским уставам больше, чем самому себе и, при случае, если такая возможность бы ему представилась, то глазом не моргнув, стрелял бы в своего отца. Вы понимаете, что я приуявил, для «красного словца», а насколько судите сами. Короче, этот «краснофлотец», а ещё потому я его так звал, потому что по сезону он был одет по форме «четыре», под которой понимается, кроме суконной голландки ещё и бушлат, а в качестве головного убора бескозырка.

Братцы, время прошедшее, но как я любил, да нет — не осень, а эту форму одежды и даже из-за этого, жалел, что буду увольняться по теплу, в лучшем случае в форме «три», т.е. без бушлата. Мы и по фильмам часто видели краснофлотцев в бушлатах, со времен «выстрела „авро-

ры“ в сторону Зимнего дворца» и во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., конечно. Вот сейчас, не удивлюсь, что из-за того, что наше образование путём инноваций, завели в темную катакомбу, где нет света и даже тех светильников из гильз снарядов, как во время войны, школьники могут и не ответить на вопрос «Сколько Отечественных войн знает история России», если не брать во внимание то, что Россия терялась в статусе на десятки лет, но русский народ-то точно принимал в них участие.

Смотрится, конечно, матрос в бушлате, бескозырке и с автоматом на посту. Если бы ещё и с «трёхлинейной» — это был бы высший класс. Мне нравится карабин Симонова — серьёзная вещь. Довелось из него однажды выстрелить целых 8 патронов при сдаче нормативов ГТО по НВП (начальной военной подготовке), которая у нас была по программе в школе.

И пока вы не начали смеяться, я добавлю, что и здесь, будучи уже в учебке, нас возили, где-то в карьер за город, где мы из своих, вписанных в военный билет автоматов АКМ «кромсали» мишени и «сдували пенку» на их «молоке» теми же восемью патронами, с указаниями «стрелять, сделав 3 одиночных выстрела и пять «очередями». Самое смешное было — выстрелить пять патронов двумя очередями. Не у всех это получилось, конечно.

Но сказ сейчас о другом. Кто служил, знает «Устав караульной службы» или просто понаслышке, что войти на склад или другой охраняемый объект, если он закрыт, опечатан и сдан под охрану даже начальник склада, командир части, да и сам Министр Обороны СССР не имеет права, без сопровождения начальника караула или разводящего, того старшину, как правило, который его на этот пост поставил, сменив предыдущего с процедурой передачи поста по тому же Уставу.

Но, кто такой мичман Кушнир?! Если на камбузе, то там он, что Бог на небе. Его, хоть многие и не уважают, но все, однозначно боятся. Кому интересно связываться с ним, и даже, если кто-то получал в качестве наказания наряды на работу вне очереди, то, если был выбор, то просились в гальюн, считая, что из двух бед, выбирали меньшую. Не знаю, как там насчёт Командования флота, возможно, что там его и не знали, как «мини вице адмирала», но у нас здесь он был тем, о котором больше всего ходило рассказов, случаев и даже легенд.

В двух словах, если — личность он легендарная. Бегал он часто налегке, в засаленном кителе и, когда в шапке-колпаке, а когда в такой же просаленной пилотке. Из кителя он давно, как говорят «вырос», но «сундук» ты или «карась» последний, «годок» или капитан 1-го ранга — для всех существуют нормы на обмундирование и сроки ношения. Можешь, конечно, купить за свои деньги, но кому оно надо. Потому, ровно напротив «сгустка нервов», образовавшегося из-за нервной работы и постоянных стараний пресечь «расхитителей казённого имущества и продуктов питания», у него никогда китель не сходиллся и пуговицы, как их не застёгивай, открывали всем возможность заглянуть на не менее просаленную тельняшку или майку и понять, что человек служит, не щадя живота своего.

Ходил он быстрыми короткими шажками, как будто по скользкому льду, боясь поскользнуться, тем более что его голова была как-то слишком заброшена назад вместе с плечами, из-за чего не мудрено, что он не мог видеть, что там под ногами. При ходьбе он энергично двигал руками, широко расставленными в стороны.

Вот и сейчас, как обычно, свернув к провизионным складам, попав в зону видимости караульного, издали ещё прокричал:

— Мичман Кушмин, в склад №3 за провиантом, — ожидая, как обычно, в нарушение инструкции одобрительный ответ.

— Стой! Стоять на месте! — крикнул караульный, тренированным движением, сбросив с плеча автомат и приняв стойку на изготовке.

— Ты, что, «карась»? Да, я тебя на камбузе сгною, — пыжась и пытаясь двигаться нахрапом на матроса, мичман побагровел, — как ты смеешь? Забыл, кто я?

— Стоять! Я буду вынужден применить оружие, — сняв с предохранителя и передернув затвор, приказал караульный.

— Звони по «вертушке» начальнику, что мичман Кушмир, по твоей вине назавтра не успеет приготовить завтрак. А тебе за это объявят три наряда вне очереди и пришлют ко мне в посудомойку. Понял, «карась»? — продолжая двигаться дальше неспеша и обходя, образовавшуюся в низине лужу.

— Стой, стрелять буду! Лежать, где стоишь! Стреляю без предупреждения! — заорал на мичмана озлобленный караульный и эти слова быстро протрезвили «замутненный» своей значимостью разум «сундука».

Мичман плюхнулся на живот в неглубокую лужу, по которой пробежала рябь волнения, как будто в омуте шевелился старый, обросший мхом сом, а на поверхности воды эта вибрация создавала рябь. А в нашем случае это была дрожь, не от холода и мерзкой сырости — от страха, обычного человеческого страха, страха из-за того, что в руках этого «психа», как думал мичман сейчас, как не странно его судьба, зависящая от того, насколько он благоразумен и как сильно я ему «насолил», что он держит меня на мушке. Да и разве запомнишь всех в лицо, кто прошел через его камбуз и посудомойку. Он один, а их вон сколько.

— Лежать! — предупредил, караульный, заметив движение, напоминающее барахтанья в луже.

Держать долго спину в напряжении, чтобы голова была приподнята над водой, нетренированный физзарядкой «сундук» долго не смог, она постоянно опускалась и потому, он максимально запрокинул голову назад и от этого она сама из-за толчка опустилась подбородком в воду, дав дополнительную точку опоры. Только сейчас он пожалел, что, когда падал, не успел выставить руки не на уровне груди, если это можно было так назвать, а немного вперёд. Теперь же любая «передислокация» могла обернуться неприятностью.

Матрос неспешно подошёл к установленному на посту армейскому телефону и, не своя взгляда с лежавшего нарушителя в луже, накрутил рукояткой динамо-генератор, вызвал начальника караула, представился, как полагалось и доложил:

— ... Мной задержан неизвестный нарушитель, при попытке проникнуть на территорию охраняемого объекта... Есть удерживать нарушителя до прибытия тревожной группы! — положил трубку телефона и наверняка сейчас думал: «Ну, вот, товарищ мичман Кушнир, сошлись наши стёжки-дорожки. Будешь теперь знать, как измываться своими придирами. Помнишь меня? Нет?! Запомнишь, надолго запомнишь!...»

Через пару минут, раздался топот кожаной скрипучей обуви. Двое караульных, окружив «нарушителя», взяли его «на мушку», двое других помогли грузному, несмотря не небольшой вес мичману подняться.

— Товарищ..., — начал удивлённый караульный матрос, узнал в нарушителе начальника камбуза, но его резко прервал лейтенант, начальник караула словами:

— Отставить, курсант! Сопровождать задержанного в караульное помещение.

— Подойдя ближе к постовому, который начал вытя-

гиваться в стойку «смирно», лейтенант произнес без пафоса, но чётко, по-военному:

— Благодарю за службу!

— Служу Советскому Союзу! — неуверенно из-за непривычного отзыва, ответил матрос, не получающий ещё ни разу поощрений.

На лице лейтенанта проявилась улыбка, которая была адресована даже не матросу, а по поводу изумления, кого пришлось задерживать в качестве нарушителя и это не могло не вызвать, как минимум улыбку.

Я упросил и на этот раз земляка, старшину 2-й статьи Коломийца, а тот в свою очередь, будучи разводящим, произвёл расстановку личного состава караула по постам и в письменном виде подал старшему лейтенанту Благодарову, начальнику караула. Как я понимаю, это примерно так должно было быть. Мне посчастливилось заступать на пост склада ГСМ во вторую смену.

Был месяц август, утром жара и особенно ощущалась вблизи раскалённых стен зданий и плаца, который весь день был под лучами жаркого крымского солнца. Но к вечеру жара спадала, и температура вне помещений была комфортной.

Я вкратце рассказывал, где находится этот склад, а сейчас чуть подробнее о его расположении. Огороженный с трех сторон, с севера, запада и юга сеткой-рабицей, с восточной стороны, из-за того, что заканчивалась территория учебного отряда и там был уже город, то было ограждение из высоких железобетонных плит, метров по шесть в длину и где-то в три метра высотой. Имелся на эту территорию вход в виде калитки и рядов въездные ворота, через которые была возможность въезда топливозаправщикам.

Емкости под топливо и смазочные материалы располагались слева от ворот. Прямо от ворот, на расстоянии

от них метров 20, была выстроена сторожевая вышка и, из-за того, что она сама была высотой метров шесть до настила, с ограждением и крышей, как в беседке, ещё и установлена на возвышенном месте. Вышка имела очень удобное расположение. Кроме того, что были видны все подступы со стороны прилегающих территорий самого учебного отряда, даже разводящего со сменой можно было заметить метров за сто, при подходе к воротам, они шли по прямой дороге, упирающейся в ворота склада ГСМ.

Моя смена была с 22—00 до 02—00, после полуночи. Ближе к 23 часам мимо моего поста по дороге от штаба, мимо камбуза и мимо склада ГСМ, явно с проверкой, прошёл дежурный по штабу, капитан 2-го ранга, с повязкой дежурного на рукаве. Лицо хорошо я рассмотреть не мог, так как у него на голове была неуставная фуражка-«аэродром» с большими полями, создающими от фонарей тень на лицо.

Я всем своим видом показал, что я в движении и бдителен на посту. Он мельком, повернув голову, глянул в мою сторону и свернув направо, пошёл от ворот охраняемого мной склада в сторону караульного помещения и гаражей.

Известно, что на посту нельзя кушать, справлять естественные надобности и курить. Но, если с первыми тут вопросов нет и четыре часа — не повод для беспокойства по этому случаю, а вот курить-то хочется. И несмотря на то, что мой стаж курильщика исчислялся всего двумя годами, всё же, через час-два сильно хотелось курить. В учебке, перед заступлением на пост, проводя инструктаж, начальник караула или разводящий предлагают оставить сигареты в караульном помещении и даже проверяли, ощупыванием иногда карманы.

Но только дурак будет совать себе пачку «Примы» Ростовской табачной фабрики или, что чаще было, это

сигареты Феодосийской табачной фабрики «Черноморские». У них и цена была 10—12 копеек и такие же дерюжные были, как «странник в горах», т.е. «Памир». А «Черноморские» мы называли «смерть подводника». Пару сигарет зашхерить в одежде или даже под носками у шиколоток ног, «как два пальца обос...» можно было. И коробок спичек не нужен, отломаешь от коробки кусочек серы и несколько спичинок и все дела.

Когда дежурный по штабу прошёл, был повод покурить. Курить не обязательно нужно было всю сигарету. Тут мы уже знали цену куреву. Можно было «растянуть удовольствие» на два перекура одной сигаретой. И выбрасывали бычок, когда от сигареты без фильтра оставалось ровно столько, сколько терпят губы, чтобы на оставить на них волдыри от ожога.

Курил я на вышке, присев за ограждением, которое было около метра высотой, присев за ним и периодически, приподнимал голову для обзора подходов. Отсюда открывался изумительный вид «на гражданку», не в смысле женщины, а жизнь гражданскую, которая начиналась сразу за забором. Параллельно ограждению шла дорога второстепенного значения, а перпендикулярно ей более широкая с высотными зданиями и огнями из них, там кипела другая жизнь, которой мы жили месяца три тому назад.

Вечер был тихий. Где-то в траве оживились сверчки. Откуда-то с парка, с открытой площадки, по всей видимости, так как это было повсеместно, с танцплощадки доносилась мелодия за мелодией тех, до боли знакомых мне отечественных ВИА и переделанные, с переводом, часто кустарным композиции модных зарубежных групп хиты, под которые я выплясывал тоже, но в основном, будучи студентом. В своём же родном селе, самое излюбленное занятие в те годы были не танцы, а «литробол».

Но, как они брали за душу эти звуки, которые, как будто от порыва ветра, то чуть притихали, то плавно усиливались и заставляли моё сердце биться сильнее и сильнее, а в голову лезли воспоминания. Я вспомнил и казачку Наташу русско-молдавского происхождения, Кроху, как я называл, что соответствовало и маленькому росту её и возрасту. На момент, когда мы только познакомились ещё не было и шестнадцати лет. Сейчас шёл семнадцатый год. Может быть уже и подросла, подумал я, видел-то последний раз около полугода назад.

Вспомнил и Любашу из соседнего села, познакомиться с которой мне, как ни странно, помог мой верный друг, мотоцикл «Восход-2М», с помощью которого я не оставлял, в отличие от верного Ромео, поиски своего счастья, а если правдивее сказать, то человека, с кем будет просто нескучно. Любаша тоже писала мне, узнав по каким-то каналам мой адрес.

Каждая из танцевальных мелодий, доносившаяся с танцплощадки, напоминала эпизоды самого счастливого времени в жизни, в крайнем случае из той, что уже можно отнести к истории. Я вспоминал свидания в парке, как мы прижимались друг к другу в танце, как я ощущал через тонкие одежды юного создания, её трепет, пробегающий по нежной девичьей коже, как смотрели на меня эти доверительные карие или зелёные глаза, затуманенные поволокой от длительных нежных поцелуев и как часто билось влюблённое сердечко, импульсом передаваясь мне через возбуждённую от ласки и бесконечных лобзаний, грудь, как подкашивались ноги от головокружений и мы готовы были даже упасть здесь же и сейчас, но я всегда включал тормоз.

Не знаю, правильно ли я делал или меня кто-то тьюфяком назовёт, но я был «старовер» в отношениях и меня больше интересовал процесс завоевания девичьего сердца, а поступки, подлежащие обсуждению такими слова-

ми, как «поматросил и бросил», я осуждал. Не зря пару лет тому назад, ко мне прилипло погоняло — Дядя Саша учитель классической любви. Какой из меня был «классик» — это нужно было спросить или у моих «боевых» товарищей из «5-й гвардейской группы», а ещё лучше у жильцов комнаты №21 и, конечно у тех, на ком я «практиковался», обкатывая свои теории. Одно, пожалуй, скажу за себя, думаю, что им со мной скучно, точно не было.

Ностальгия захлестнула меня с ног до головы. Ближе к полуночи, я слышал, как влюбленные пары расходились с танцев. Уверен, что у всех было где-то в городе их излюбленное место, где они могли ещё долго предаваться любовным утехам. Идти в такую чудную ночь по душным квартирам и частным домам было бы просто преступление, её Богу.

Затихло всякое движение на территории учебного отряда, давно уже даже «штрафники» вернулись с камбуза, а наши, кто не заступил в караул, вернулись с картошки, наполнив полную ванную до краев. Мичман Кушмир, скорее всего уже успел расслабиться, приняв на грудь для снятия стресса «антиозверина». Город тоже постепенно погружался в ночь, увольняемые в город моряки, лежа на своих койках на базе или лежаках на кораблях, делились с товарищами своими похождениями. Город затихал, только скрип кожаных подошв новеньких хромовых ботинок моряков ещё долго будет «висеть» в воздухе.

После очередного перекура на вышке, я расслабился и немного пристав обходить территорию склада ГСМ, решив, что, если что-то не так, отсюда я замечу в первую очередь. Присев на корточки в угол ограждения беседки, так было удобней, прижимаясь обеими плечами в стенки, укрывающие меня от посторонних взглядов, да и где их сейчас взять, ночью глухой, расслабился. Автомат опустил на пол прикладом и держа его за цевьё, не заме-

тил, как сон забрал меня полностью. Мне что-то снилось приятное, домашнее.

— Курсант, что с тобой?! — я сначала ощутил, что кто-то пытается отобрать у меня автомат и от этого кисть ещё с большей силой сжимала цевьё, а потом только услышал голос разводящего, старшины Коломойца.

Я резко вскочил на ноги, как заяц с «лёжки», заметившего приближающегося охотника, при этом без малого, не сбив самого старшину, ударив лбом своей «бестолковки» в его подбородок.

— Ну, ты, бл..., — только и произнёс разводящий.

Матросы, которых разводил старшина по постам для смены караула, стояли за калиткой и держали автоматы наготове.

— Товарищ старшина, а если я ..., — не успел закончить то, что хотел, как меня перебил старшина.

— Я тебе вот сейчас дам, если! А, если тебя на «губу», а? А, если это был не я, а преступник и, благодари Бога, что не выпустил автомат, иначе бы..., — теперь уже моя очередь была перебить, хоть и не следовала, наверное.

— Виноват, товарищ старшина 1-й статьи! — преднамеренно полностью назвал звание, да ещё и повысив на одну ступень старшину 2-й статьи.

— Спускайся первым, — скомандовал разводящий.

Когда мы оба оказались внизу, скомандовал моему сменщику:

— Матрос, Добринов, принять пост под охрану.

— Есть, принять пост под охрану! — ответил Степа одессит и проследовал через калитку.

— Караульный поста номер «шесть», матрос Добринов, прибыл для принятия поста под охрану.

Я сдал пост с докладом, а Степа принял, проверив до этого все пломбы на охраняемых объектах.

Мы двинусь дальше. Первым шёл разводящий, за ним тот матрос, который будет сменять караульного

на следующем посту по схеме движения караула, я же, только сменившийся, замыкал группу.

«Что сейчас будет?» — эта мысль сверлила мой рыхлый мозг доставляя мне дискомфорт, если вообще ничего не сказать. Придя в караульное отделение, Николай Коломиец вместо того, чтобы доложить о случившемся начальнику караула, тем самым, из-за меня сделав ещё одно должностное преступление. Но в его лице не видел преступника, а скорее всего спасителя, моего спасителя.

Отозвал подальше в конец курилки, где в это время никого не было, бодрствующая смена находилась в помещении, отдыхающая смена уже мирно храпела и спросил сразу в лоб:

— Ну, рассказывай, зёма, что тебе снилось?

Не знаю, от куда у меня появилась такая борзость, но я вместо того, чтобы оправдываться и пытаться заглядеть как-то вину, ответил, так, что старшина сначала оторопел, а потом, а потом закатился смехом. А ответил я следующее:

— Кошки не давали мне покоя и лезли, и лезли через ограду, спасу не было...

— Ты сейчас о чём? — еле сдерживая смех, спросил старшина, — Кошки то красивые были, ножки от бедра, да?

— Да я же сон рассказываю, а там обыкновенные четвероногие кошки мне снились...

Старшина смеялся от души, забыв даже о том, что может всю караулку разбудить, затем, успокоившись, сказал:

— А ты бы по ним очередью, очередью. Попал бы?

— За кошек не знаю, а по зайцам приходилось на гражданке, точно попал бы, товарищ старшина... первой статьи.

— Ну и хитрец, — уже серьёзно сказал Николай, — беру грех на душу, только, между нами, твои друзья не «растрезвонят»?

Я подтвердил кивком головы, что друзьям доверяю.

— Тогда будем считать, что и то, что было дальше тебе приснилось. Идёт? А, если бы я отобрал у тебя автомат, то не посмотрел бы на то, что ты земляк, сдал бы, как положено по Уставу.

— Спасибо, товарищ старшина!

Два совершенно разных случая из караульной службы я не забуду никогда, а вот случая получить краткосрочный отпуск домой за задержание нарушителя или другого какого-нибудь криминального элемента за всю службу не довелось, но есть и другие способы зарабатывания отпусков. У меня ещё всё впереди, думал я, с жадностью докуривая вторую подряд сигарету, оставшись один в курилке на территории караулки.

Глава V. «Погружение»

Видимо кульминацию своего падения по синусоидальной траектории в отрицательную четверть я уже прошёл, теперь требовался резкий подъём, даже лучше, если это будет взлёт. Где его можно было добиться? Я же не на российско-китайской границе, где можно было бы легко поймать лазутчика. Да и мичману Кушмиру на складе ГСМ делать нечего, чтобы на нём отыграться. Остаётся что? Остаётся отличаться там, где у меня лучше всего получается.

И я с большим усердием начал готовиться к политическим занятиям, у меня уже практически не оставалось места в 96-листовой тетради. Ну, если и вырвал из неё для письма пару листиков, не больше. Всё значимые работы Ильича были кратко, по существу, законспектированы. Кто этого раньше не делал, даже не знает, что в них является важным, а что можно опустить. Это я так

рассуждаю потому, что выполняю эту работу уже повторно.

Но, а кому это интересно, главное — результат. А результат был «на лицо».

Мы побывали экскурсиями в Военно-историческом музее Черноморского флота, на Графской пристани, посетили Мемориальный комплекс Малахов Курган. Посчастливилось не только побывать на фестивале конкурса патриотической песни, проводимом на Сапун-горе, но и посмотреть знаменитую диораму. После принятия присяги, были попытки давать увольнения в город, но и сразу же запрещены.

Просто первые же увольняемые, так «хорошо» отдохнули, что их пришлось забирать из комендатуры. На том, не успев, как положено начаться, эта привилегия «накрылась медным тазом».

В строевой подготовке, в физической и в учёбе у меня результаты были примерные. Во многом из-за того, что за время госпитализации меня хорошенько привели в себя. Теперь я понимаю, что наша военная медицина всегда на высоте.

Неожиданный приезд мамы, как бы «проездом» из мест отдыха в Анапе, через Керченский пролив и Симферополь в Севастополь для того, чтобы доставить мне приятных несколько часов общения — это очень дорогого стоит и это нужно ценить. Такое могла сделать только мама. И она сделала. Вот только сейчас я пожалел, что всю учебку лишили увольнений из-за проступка 2—3 наших курсантов. Ну, да Бог с ним, с этим увольнением. Мама увидела сына, а я её.

Мы сидели в беседке возле КПП и в отведенное по разрешению командования время, могли общаться. Потом я возвращался к тем делам, которые пропускать не разрешалось, а мама в это время «била свои ноги», знакомясь с достопримечательностями Севастополя. Я

вспомнил, как мы с ней навещали старшего брата в армии и, хоть я мало что из того помню, но в увольнение его с нами отпускали.

Мама угощала меня персиками и другими покупными продуктами, потому что из дому специально, конечно, привести и сохранить где-то на квартире частного сектора не могла. Да и не это важно. Главное, увидеть дорогого, самое родного человека, какой только есть — маму. Единственное, что осталось на память — фото о её пребывании у меня в учебке, в Севастополе.

Мама уехала, и дикая тоска начала преследовать меня. Душа была растравлена, после трёх месяцев службы, когда уже привыкаешь к службе и не тоскуешь, как в начале по дому. И тут опять. Но не мать же в том виновата, а человеческая сущность. Главное, что мама уехала с уверенностью, что видела сына здорового, у него всё как бы хорошо и даже замполит отзывался лестно. Её материнское сердце успокоилось на время, как минимум.

Я как-то не вытерпел и похвастал уже заранее, что за примерную службу и, в основном за большой вклад в помощи организации и проведении занятий по политической подготовке и оформлении учебного класса, мне был объявлен краткосрочный отпуск домой. Это было сделано заранее, до окончания учебки, видимо, из-за того, чтобы можно было мне и второму счастливчику до экзаменов и распределения по флотам, успеть вернуться из отпуска.

Ох, если бы меня отправили в отпуск сразу же на следующий день. Но нет же, это требовало оформления документов и из-за этого задержался мой отъезд. А тем временем, жизнь в учебке текла своим чередом. Я уже мечтал, что я буду делать на гражданке, как покажусь перед теми, к кому рвался всем сердцем.

Начался сезон сбора винограда, где-то на виноградниках за Херсонесом. Что-то я так расслабился, что

не изъявил особого желания в этом участвовать. Высказал своё нежелание, ну конечно, кому же ещё, как не своему дружбану, Сане одесситу. Тот, как всегда, стоял «за любой шухер» и на этот раз, тоже поддержал меня в моей авантюре.

— Погодка прекрасная, солнечная и уже не так жарко, можно позагорать. Ты, как, чтобы на крыше нашего бункера пол дня поваляться?

— Шанец есть позагорать, нужно использовать, раз сильно хорошо хотите, — спокойно ответил Санёк.

Решено, после завтрака, сразу «линяем». Обычно в таких случаях, в отличие от культпоходов по «парадке», переключки не делали. Кто-то был на вахте, кто-то в лазарете. Короче, я сейчас раскрыл «пробел» существовавший в вооруженных силах СССР. Мог бы стать ценным «агентом ЦРУ», если бы не был по-настоящему патриотом своей Родины, хоть и порядочным разгильдяем одновременно.

Поступила команда, при выходе из камбуза, перекур 5 минут и построение на плацу, где должна была ставиться задача для личного состава, отбывающих на оборудованных для перевозки личного состава ЗИЛ-131. Что другое, а «линять» нас учить не нужно было, движения отработаны и на подъем мы были легки — шесть секунд, все шесть до взрыва гранаты, после того, как вырвана чека и сработал спусковой механизм и столько же нужно было нам, чтобы нас уже не достали не только осколки разорвавшейся гранаты, но и зоркие глаза командиров.

Прислонившись к остывшему камню бункера, неспеша достав сигареты, прикурили и столь же медленно, расслабленно выпуская струйки дыма, наслаждались хорошим утром. С плаца доносились команды о погрузке личного состава то одной, то другой роты. Взревели моторы и колона автомобилей двинулась в сторону КПП.

Когда гул стих, я предложил Сане:

— Может на крышу, позагораем, пока не жарко и «шарик» не такой раскалённый?

— Ко мне вопросов быть не надо, — как всегда, жаргоном одессита ответил дружбан и прыжком опёршись на край крыши, уже вскарабкался наверх.

Из-за того, что уклон был с юга на север, потому и солнечные лучи сильно не жалили, а лишь нежно ласкали наши оголенные торсы. Подстелив под себя снятые голландки, устремив взор в чистое крымское небо, мы предались не по возрасту наивными мечтами, иногда схожими с юношескими грёзами.

Саня высказал мнение, что, как отслужит, вернётся в свою любимую Одессу, устроится в Ильичёвский морской торговый порт в Черноморске на какой-нибудь сухогруз и будет бороздить моря и океаны. Как он будет иметь хорошие «бабосы», боны и классное шмотьё из-за «бугра», девахи табунами за ним будут убиваться — не жизнь, «малинка».

— А ты, Санчо, не думал после службы «в загранку» походить? А-то ко мне приедешь, я из тебя настоящего одессита сделаю. Ты ел когда-нибудь камбалу черноморскую, запечённую до золотистой корочки? А форшмаком водочку приходилось закусывать? Нет, вот видишь. А бычки по-одесски не ел?

— Вот что-что, а бычки я по домашнему приготовлению очень часто ел. Мне бабушка готовила, я, как наловлю ей «черпаком» из гардины, с привязанной для приманки свежей макухой, бубырей и пескарей ведрами ловил. У нас в пруду, пока окунь не расплодился, столько было. А на удочку, на вареную кукурузу или молодую картошку карпов или дикого сазана когда-нибудь ловил? Вот это удовольствие. Крючки и леску рвёт, удилица ломает, сила — не сазан.

— Я ж на море вырос, не на пруду, вот барабульку ловил с дедом, он меня брал часто на рыбалку. В море, да

ещё дилетантам выход закрыт, опасно. У нас сколько детворы пропало. Никому ничего не говоря, брали лодки и глаза загорались, что они «робинзоны», а когда опомнятся, то уже и не понять, в какую сторону грести.

— А я тебе скажу, Одесса, что вкуснее вяленного донского, цимлянского леща, да ещё и с пивом, вот сейчас бы, ох, лучше я не знаю. Вкуснятина. Мой дружбан, когда я в институте учился, чемоданами возил из дому, а мы её без хлеба жрали. Даже окуни вяленные такие вкусные, а жирные, не передать. До полусотни за раз ловил, посолю и на просушку, вещь деликатесная.

— Шо, ты мне аппетит всё нагоняешь? Мы так до приезда наших, без «ДП» не протянем и «раскрываться» нельзя, «спалимся». Давай менять тему разговора.

Я рассказывал ему свои истории из счастливого детства и занятные, лирические из студенческой юности, Саня отвечал тем же. Время летело быстро. Лишь изредка, мы поднимали головы, чтобы осмотреться, но больше надеялись на слух. Да и кто нас тут будет искать, думали мы, когда все уехали на виноградники, а начальство, воспользовавшись этим затишьем делало свои личные дела. Ох, как мы в этом ошибались.

Потеряв бдительность, даже вздремнув на солнышке, мы не видели и не слышали, как по дороге от штаба в сторону камбуза, по каким-то своим делам шел штабник, капитан 3-го ранга и, видимо совсем не был озабочен какими-то глубокими раздумьями, с обычным в таких случаях, потупленным в землю тусклым взглядом, а совсем наоборот. Он видимо прогуливался и радовался теплоте и пока не жаркому августовскому деньку, рассматривая с любопытством всё вокруг до тех пор, пока его взгляд не привлекли два светлых пятна, контрастно выделяющиеся на крыше склада утиля, который мы прозвали «бункером» — это были наши с Саней, размякшие в неге тела на чёрном фоне рубероида.

Когда мы услышали оклик, сразу и не поняли, что попались. Офицер стоял на расстоянии метров в 50-ти от строения, врытого в косогор, иначе, с более близкого расстояния он или мы, как лучше сказать находился, или находились в «мёртвой зоне», вне досягаемости не только «для обстрела», но и для обзора.

— Матросы, ко мне! — скомандовал капитан 3-го ранга, не сводя с нас взгляда, как бы желая нас поджечь, подобно великому греческому инженеру и учёному Архимеду, который время Второй Пунической войны, сжёг целый флот римлян с помощью луча, сфокусированного мощными зеркалами, при попытке захватить греческие Сиракузы, где тогда и жил Архимед.

Мы могли бы, конечно, спрыгнув со стороны камбуза «сделать ноги» и где-то «перешхериться» до приезда наших с уборки виноградников Херсонеса. И вспомнив это, сопоставил два события, в которых отличились греки: сожгли римский флот и построили крепость и целое государство. Но как это давно было, ещё до нашей эры. Но я бы не удивился, если бы оказалось, что этот штабной офицер по национальности грек. Так часто бывает, стечение, казалось, изначально несовместимых событий в одном месте и в одно время.

Я к тому же вспомнил, что сам мог являться потомком скифов, проживающих в Приазовье, и то, что их попытка завоевать Херсонес ими была неудачной. Князь Владимир намного позже не только смог взять это византийский форпост, но и дочь императора Анну, заодно и распространив заодно и христианство на всю Киевскую Русь.

О чём я думал, мне о другом нужно было думать, а не высоких материях. Я даже не почувствовал, как обычно, что мое «движение по синусоиде» успехов и неудач, устоявшись некоторое время, как поршень «двигателя прогресса» в «верхней мёртвой точке», стре-

мительно движется вниз, с ускорением, превышающем ускорение, при «разгоне» до третьей космической скорости, равной 16,6 км/с. Столь стремительного падения, даже не с ускорением свободного падения, а значительно большим я обрывался в пропасть, даже не с высоты крыши бункера, а с высоты тех успехов, достигнутых честным трудом и стараниями, без подхалимажа и «прогиба шестёркой».

Если бы и «сделали ноги» сейчас, то нас на раз-два вычислили, устроив переключку прибывающего с работ личного состава. И тогда бы нашему начальству влетело, а не только нам. Нужно быть мужчиной, принявшим присягу и по уставу отвечать за проступок. И мы ответим, правда немного по-разному, имею в виду Саню и меня.

Я не мог врать капитану 3-го ранга, к которому я подошел первым, на ходу заправляя голландку в брюки под ремень и представился, как полагается по уставу:

— Курсант 7-й учебной роты, матрос Иващенко.

— Курсант 7-й учебной роты, матрос Крамарец, — доложил Саня, став рядом со мной плечо в плечо.

И ростом мы были с ним одинаковы и даже чем-то схожи внешне, как в сказке, вернее в мультфильме — «два брата из ларца одинаковых с лица».

— Доложите командиру роты, что вы наказаны. Я вынужден буду на вас написать рапорт на имя начальника училища. Сейчас бегом в расположение роты, а я проверю.

— Есть! — в один голос ответив, сделав поворот «кругом» побежали в свою казарму.

Наши сослуживцы приехали вместе с облепившими их, не дававшими даже прохода, осами, обожающие просто виноградный сироп. Гальюн, по понятным причинам стал, после приезда роты, самым посещаемым местом, как музей виноградарства и доказательство того, что

немые фрукты могут быть причиной непредсказуемых обстоятельств. И от этого мне было бы смешно, если бы не было грустно.

На следующий день, при построении роты, был зачитан приказ командира части:

— ...За нарушение воинского распорядка, неподчинение приказа командира роты и нахождение на территории части с нарушением установленной формы одежды, приказываю:

1. матросам, Крамарец Александру Викторовичу и Иващенко Александру Ивановичу, объявить по трое суток дисциплинарного ареста с отбыванием на гауптвахте;

2. матроса Иващенко Александра Ивановича, лишить, объявленного ранее, краткосрочного отпуска домой, сроком 10 суток.

Командир воинской части 34204, капитан 3-го ранга, инженер, Бронштейн... Дата. Подпись. Печать.»

Зачитан был перед строем приказ и воцарилось такое молчание, что бесшумный обычно хронометр, размещенный на стене у поста дневального по роте, каждую секунду отбивал ударами корабельного колокола и секунды были неизмеримо длинными и мучительными. В крайнем случае, так мне, казалось, и продолжалось это до тех пор, пока не послышалась команда — «разойдись!»

Есть поговорка, что «не бывает огня без дыма», а другая гласит «это только цветочки, будут ещё и ягодки». Тем более, что осень — пора сбора урожая. По своему внутреннему ощущению, я в движении по синусоиде вниз, не достиг «абсолютного нуля», скажу лучше языком механика — «не достиг нижней мёртвой точки».

В один из дней к нашему общему другу с Саней Крамарцем, а для него он ещё и зёма, к Степану Добрину приехали родители из Одессы. Как и в моём

случае, его не отпустили в увольнение, и он также довольствовался тем, что встречался с родителями у КПП.

— Пацаны, сегодня на ужин не идём. Я банку! — объявил нам Степан.

Ну, банкуешь — банкуи, какие вопросы у матросов? У матросов нет вопросов.

В нужный час, по кивку головой Степана, мы сорвались одновременно со своих мест и как в полёте звена истребителей, ведущим в котором был Степка, а мы, справа и слева — ведомые, «полетели» туда, «куда не ходят одесские поезда», ещё точнее, если сказать — «место встречи изменить нельзя» — в бункер.

Когда мы проворно и привычно опустились в это «злачное» и до тошноты знакомое и привычное место, как по трапу в рубку подводной лодки, Стёпа с улыбкой, взяв в руки край какой-то ветоши, возможно, что раньше это были форменные брюки рабочей формы м с магическими словами:

— А теперь, брюки превращаются..., превращаются брюки..., в пузыри чачи! — и одновременно поднимает тряпку в руках.

Мы не поверили глазам, но перед нами, на перевёрнутой боком тумбочке лежали три бутылки, закрытые пробками и рядом какие-то свёртки.

— Падайте! Не светитесь, — произнёс уже тише Стёпа, сам занимая место за «банкетным столом».

Братцы мои, «кролики», я пробовал чачу впервые в жизни, да и как бы не впервые вообще спиртное за четыре с лишним месяца службы. В свёртке была колбаса и что-то запечённое из домашней дичи, а также несколько персиков. Виновник торжества банковал, как и обещал. Благо, что мы к концу пиршества не запели, потому что крепкий спиртной напиток домашнего приготовления серьёзно тупил наши мозги.

Благо, что вечерело уже раньше, чем наступал отбой, иначе налива не избежать было бы. Закуску под такую-то выпивку грех было не скушать. Одна бутылка оставалась нетронутая.

— Назавтра, — сказал Стёпа, — опохмелимся с утра.

— Завтра же экзамен по устройству ПЛ, — вспомнил Саня.

— Одесса-мама, Ростов-папа! Прорвёмся! — утвердительно сказал Степан, явно навеселе, как и мы все, поднялись и «пошли на всплытие».

На вечерней поверке всё прошло штатно. Спали, как младенцы, так думаю и за своих товарищей, как и за себя. Утром присутствовал ощутимый «сушняк», хоть голова и не болела, но состояние было угнетающее.

На первом же круге мы со Стёпой привычно «сошли с дистанции» и направляясь на тропу, ведущую вверх к входу в бункер, оглянулись на третьего нашего товарища, но Саня покачал головой и как-то без задора «замкнул» собой колонну удаляющейся роты.

Первые глотки и внутри всё обожгло 60-градусным напитком, заодно вспомнилась поговорка: «Водку, в жару, гранёнными стаканами? Давай, наливай!» А тут и гранённого стакана не было. Да и на гражданке, когда приходилось выпивать где-нибудь за клубом или на тенистой скамье в парке, то не такой же «огненный напиток». На первый случай закусить ещё оставался один персик.

Потом уже пришлось, занюхивая рукавом и закусывая сигаретой. Как-то быстро время пролетело. Выглядывая, привычно, в щели, видели, как строились роты и проходили мимо на завтрак.

— Не пойдём? — спросил я, уже чуть изменившимся голосом.

— Не пойдём! — ответил Степан.

Допили бутылку, меня серьёзно повело. Стёпа, с материнским молоком, как истинный болгарин, приучен-

ный к вину, а с годами, наверное, и к чаче, держался как-то уверенней. Заметив, что у казармы снова началось движение, поняли, что это построение на экзамен, раз все были одеты в парадную форму. Праздник же. У нас тоже — вчера к Стёпе родители приезжали, однако.

— Где вас носит? — прикрикнул старшина Коломиец, — живо одеваться и на построение!

Старшина привёл нас без строя чуть позже остальных. Экзамен уже начался. Меня замутило, я подошёл к умывальнику, расположенному в углу коридора и начал жадно пить воду, от чего мне лучше не становилось.

Проходивший офицер, увидев меня сторбленным над умывальником, подозвал старшину и сказал:

— Старшина, ваш матрос? Смотрите, ему плохо. Может быть в санчасть отвести.

— Хорошо, товарищ капитан 3-го ранга, я разберусь.

Принимали экзамен, каплей, который вёл у нас занятия, незнакомый старлей и ассистентом был наш старшина. Коломиец, давно поняв, что со мной, цепко держа меня выше локтя, провел в учебный класс и остановив перед столом, сказал:

— Тяни билет. Садись готовься.

Какой там готовиться. Умереть бы сейчас или от стыда провалиться, но стыда, почему-то я не ощущал. Офицеры переглянулись, но ничего не сказали. Когда я сидел без признаков обдумывая вопросов билета уже приличное время, каплей подозвал старшину и что-то сказал.

Николай Коломиец, пододвинул ко мне стул и сказал:

— Рассказывай по билету.

Я, осознавая, что прекрасно знал вопросы билета, но мозги заклинили и я никак не мог найти другой клин, которым можно было вышибить первый. Что-то отрывками всё же сказал, а старшина заполнял «пробелы» в речи и таким образом, «дуэтом» мы ответили.

Старшина вывел меня на улицу, проследив, как я буду спускаться по трапу и потом, внизу спросил: «Дойдёшь сам?» На что я ответил: «Так точно!»

— И спать, ложись спать! — добавил старшина, проводил меня немного взглядом и возвратился туда, где продолжался экзамен.

Больше всего был расстроен капитан-лейтенант Осипов, а ведь я подавал такие надежды. Конечно, он не знал, что я подвержен колебаниям волн, волн правильной синусоидальной формы, давшей, как на кардиограмме сбой: в тот момент, когда линия должна была плавно ползти вверх, «самописец» наткнулся на некачественный материал моего сознания, сделав скачок и «слетел», как игла патефона, попав на глубокую риску поперёк музыкальной дорожки, резко съехав с характерным звуком. Каким?

Это был очередной приказ, в котором и к счастью, что называлась всего одна фамилия, и к моему же несчастью, мне было объявлено «пять суток дисциплинарного ареста»

Учёба подошла к концу, а служба только начиналась. Леша Дубровин вернулся из отпуска счастливый, как и положено отцу будущего казака. Я начинал службу вновь «с нуля», как секретарь, исписав лист на печатной машине, прокручивает барабан, убирает лист в папку или отлаживает на подпись, если работа завершённая, а новый лист заправляет. Так и я, писал-писал историю, вынул исписанный лист, смял и выбросил в урну. Зарядил новый лист и жду, обдумывая, с чего начать. Всё нужно начинать сначала и на новом месте. Я готов. Я строил себя на подъём, я обязательно поднимусь, я добьюсь, я всем докажу...

Глава VI. «Псковский комсомолец»

Рюкзаки давно «навьючены», личные вещи собраны, родные и невесты оповещены, что сюда больше не писать, приеду на место, сообщу адрес нового места службы. Жаль, что личное дело на руки не отдали. Вот прикольно было бы почитать, какую мне характеристику написали. Ну комсомольскую-то ладно, а вот служебную, хоть одно доброе слово сказали. Мне бы одним глазком увидеть это слово, выдохнуть с облегчением, что хоть толику доброго дела сделал, внося свой посильный вклад в укрепление морального..., нет, не пойдёт, какой из меня матрос с устойчивым моральным обликом советского защитника Родины — никакой. Аморальный тип, короче.

Ну, да ладно. Новое место службы, думаю, что «КГ-Биста» ко мне не приставят и дальше Союза не сошлют. Вот попал я в Севастополь вместе с ещё двумя земляками с одного района, одним военкоматом призывались, но я их за пять месяцев службы почти не видел, только мельком на камбузе. Вася их Рясного попал учиться на трюмного, Лёха их Латоново на торпедного электрика. Так получилось, что нас практически и на гражданке ничего не связывало, мы и не знали друг друга. В автобусе по дороге в Батайск познакомились и в Севастополь вместе ехали.

Другое дело, мои новые знакомые, с которыми свела судьба на пять месяцев, «хлебать из одного котелка», спать на соседних койках, знать о друг друге столько, сколько даже мать не знала, скрывали многое, потому что. Пришло время расставаться. Так уж получалось, что со мной в одну и ту же команду попадал Андрей, обучающийся в учебке на торпедного электрика, которого я здесь, естественно «ни духом, ни слухом не знал».

Одесситы, не то, чтобы со мной, да вместе без меня и то не попадали служить дальше. Стёпу направляли в Палдиски, что в Эстонии, Санёк в Кронштадт. Судьба нас разбрасывала по весям и городам. Кто-то, практически оставался на месте служить, с пропиской в Балаклаве, кого в г. Лиенае, в Калининград, а кому-то повезло увидеть белых медведей, служба их забросила на Северный флот, самый молодой, но и оттого самый могучий в Союзе.

Даже не знаю, повезло мне или нет, но я попал по распределению в г. Ригу, где, как позже выяснилось, в посёлке Усть-Двинск, что по левую сторону от реки Булльупе, а по правую посёлок Болдерая. Оба они являются окраиной Риги, Усть-Двинск при том расположенный на самом северо-западе, непосредственно имеет выход к Рижскому заливу, являясь форпостом на входе в крупную реку Даугаву и по ней в рижский порт и саму Ригу.

Вот, когда смотришь на карту местности, то удивляюсь, почему пролив, соединяющий реку Даугаву с Рижским заливом, как-бы отдельным рукавом, что-то схожее, как Ангара соединяет озеро Байкал с рекой Енисей. Но с той рекой мы ещё в школе разобрались, а вот тут я разобраться не могу. Если Рижский залив «впадает» в Даугаву, что является полным бредом, то и сразу же, но уже руслом Даугавы возвращается обратно в залив. Если посмотреть с другой стороны, то Даугава разветвляется и часть своих вод несет по реке Булльупе, что тоже как-то не серьёзно.

Ну, да Бог с ними. Я же служить прибыл сюда, а кроссворды потом будем разгадывать на гражданке, сейчас не до них. Скажу вам сразу, откровенно и без утайки, учебка — это были цветочки только напряга, а настоящий напряг, т.е. ягодки, был ещё впереди и намного более длительным сроком, чем обучение в учебке.

В учебке «львиная доля» времени уходила на занятия, а это своеобразная «лафа».

Вот теперь мы по праву стали называться «карасями», которые обязаны шуршать, шуршать и шуршать, в смысле работы. А работу «карасям» находили всегда, стоило только заметить, что кто-то расслабился где-то и всё, напрям всем. А самое обидное, я бы сказал даже паскудное, это то, что нас, «карасей» было не так уж и много в соотношении со старослужащими «подгодками» и «годками», прослужившими два и два с половиной года соответственно.

Даже представить не могу, чем руководствовалось военное руководство, когда определили меня, не как «декабриста» куда-нибудь к белым медведям, чтобы им там дули крутить, а как самого заслуженного выпускника учебного отряда подводного плавания, на единственную здесь «отличную» и именную подводную лодку проекта 613, С-191 «Псковский комсомолец». На этой «отличной» лодке, которую ставили всегда в пример, которая часто забирала первенство, то по одному показателю, то по другому, мне было доверено превратиться по «сдачи на самоуправление ПЛ» специалистом.

Ой, братьцы, честно не знаю. Может быть у них были такие критерии, которые мне и в голову не могли прийти, но у меня есть только одно более-менее подходящее объяснение — это то, что дисциплинарные проступки мои просто не осветили в характеристике, пожалели, как говорится — «за старые заслуги».

Но начну, от большого к малому. По сути дела, посёлок размещался на острове, образованным с севера Рижским заливом, с запада и юга той небольшой речкой, о которой я немного сказал, под названием Булльупе и Даугавой с востока. Усть-Двинск на латышском называется Даугавгрив, а на немецком Daugavgrīva и представляет собой, по сути, крепость, основанную в 1205 году. Эта

крепость непосредственно располагалась на территории военно-морской базы, на которой размещалась бригада ОВР, в которую входили: 107-й отдельный дивизион подводных лодок; дивизион торпедных катеров; дивизион пограничных катеров и другие воинские подразделения, и службы.

Вот что писал о создании военно-морской базы в Даугавгриве А. Сурков, приведу выдержку из описания:

«...Благодаря выходам из Рижского залива на север через Моонзунд

и на запад через Ирбенский пролив, Рижская ВМБ была выгодной в оперативном отношении. Правда, она имела свои минусы: залив зимой замерзает, выход на север мелководен. Никогда ранее в Риге не базировались крупные корабли. Для создания военно-морской базы в Даугавгрива в августе 1940 г. постановлением СНК за КБФ были закреплены гавань Мильгравис с причальной линией около 700 м, Зимняя гавань с судоремонтными мастерскими и крепость в Даугавгриве с минным складом. Зимой 1940—1941 гг. было начато строительство причалов, складов, топливных цистерн, мастерских и других объектов, необходимых для базирования кораблей. Устье Западной Двины было удобно для рассредоточения кораблей, вплоть до крейсеров...».

«...Фактически Рижская ВМБ начала формироваться с середины июня 1941 г. В состав Прибалтийской военно-морской базы должны были войти Либаувская ВМБ и Береговая оборона Рижского залива. Таким образом, Прибалтийская ВМБ включала порты Лиепая и Вентспилс, Рижский залив, южную часть Моонзунда и остров Сааремаа. Приказ о создании Прибалтийской ВМБ был подписан Народным комиссаром ВМФ адмиралом Кузнецовым Н. Г. 21 июня, т.е. за один день до начала войны. Поэтому с началом войны она оказалась не в состоянии обеспечить базирование на нее кораблей

передового отряда КБФ и управление авиацией и береговой артиллерией...».

Опустив длинную историю создания и развития военно-морской базы, скажу, что 1946 году организуется бригада подводных лодок, состоящая из германских трофейных и отечественных «М» — «малютки» и средние «С».

С 1971 года и всё время моей службы на территории ВМБ располагался вместо 156-й бригады, созданный 107-й отдельный дивизион в составе 78-й бригады ОВРа. ОВР — «Охрана водных районов».

История крепости очень древняя. Еще во времена царской России здесь бывали и Петр Первый, и Александр Второй, и Николай Второй.

Сама крепость располагалась, как матрёшка в матрёшке, на небольшом острове внутри большого острова, на котором размещался весь посёлок и не только. Я не топограф и тогда не мог описать или, тем более нарисовать конфигурацию каналов, которым был изрыт остров, на котором и был размещён сам замок. От замка сохранилось в целостности только одно строение и другие сооружения, перестроенные в современное уже время в артиллерийские погреба и помещения минно-торпедных складов.

На территорию крепости вход шёл через охраняемый проход, выполненный аркой из старинного кирпича. А какие там были помещения и что там делалось, нам, простым смертным знать не полагалось.

Но зато мы со временем извели заросшие лесом каналы, как говорили, что сам Петр I пользовался ими, чтобы спастись от шторма суда военного флота. Мы в них даже ловили небольшую рыбку, похожую на пираний больше, небольшую и всю колючую. Её поймать не представляло никакой трудности, она бралась на голый крючок, а снять её с крючка — вот это была проблема.

Так вот, когда я увидел на карте, эти каналы, они напоминали шестиконечную звезду Давида. Случайность это или нет — не знаю.

Вокруг крепости проходила по периметру дорога, начиная, если идти или ехать по часовой стрелке от КПП, проходит мимо учебного центра, где обучали в разное время подводников дружеских стран (я застал первых ливийцев, затем учились индусы и кубинцы), дальше две большие двухэтажные казармы для личного состава подводников, затем «матросский клуб», куда мы ходили на просмотр фильмом и где организовывали танцы по выходным дням, для увольняемых «на берег» и гражданских девушек, приезжающих сюда со всей Риги.

Дорога вела к пирсам, где были пришвартованы субмарины нашего дивизиона и надводные корабли: малые ракетные (МРК) и средние ракетные корабли. Влево в глубине бухты располагался судоремонтный завод. Правее, где были казармы моряков-надводников и у пирсов стояли малые пограничные катера. И уже отсюда завершая круг мы проходим вдоль реки Булльупе к штабу бригады и по прямой к КПП.

Между нашими казармами и крепостью на острове располагался большой плац, камбуз, спортивная площадка и склад обмундирования. За камбузом, на каком-то удалении было общежитие «мабуток», то есть девушек-матросок, служащих в основном в штабе в качестве связисток-телеграфистов. Вечерами там всегда было шумно до тех пор, пока дежурный по дивизиону не разгонял местных «Дон Жуанов» из числа желающих любви срочников.

По вот этой кольцевой дороге мы ежедневно пробежали, в качестве разминки около 3-х километров. Потом физзарядка на плацу. После физзарядки или после приёма пищи на камбузе, когда до входа в наше левое крыло казармы оставалось метров 30 по прямой, звучала команда «команда в кубрик бегом ма-а-а-рш!»

При этом не порядок строя был главенствующим, начиная с правой или левой колонны моряков, а по принципу — «кто моложе по сроку службы, тот „летит“ первым», за «карасями» бежали «молодые», отслужившие больше года, за ними «полторашники», а «подгодки», прослужившие 2 года шли вольготно перед «годками», которые могли ещё присесть в курилке у входа в казарму и покурить спокойно.

Точно так распределялась иерархия при выполнении различных работ, будь то «шмоночно» -уборочные работы на лодке, уборке территории и самого кубрика. Кубриком на флоте называется не только помещение на корабле, но и место размещения личного состава в казарме.

Некоторые думают, что личный состав, особенно на подводной лодке днюет и ночует на корабле. Это не так. Когда лодка пришвартована к пирсу, со времени вечернего развода личного состава дивизиона на вахты — нижнюю на лодках и верхнюю, дежурных по командам и дневальных в казармах, вахтенные посты на КПП, в штаб, на хозяйственные работы камбузу, в гарнизонный караул, если подошла очередь и прочие.

Верхняя вахта на лодке состоит из трех вахтенных на верхней палубе у сходного трапа корабля, сменяющиеся через каждые 4 часа и подчиняющиеся вахтенному дежурному офицеру, а также вся нижняя вахта в центральном и крайних отсеках, в которую, как правило входят специалисты БЧ-5 (электро-механическая боевая часть: мотористы, электрики, трюмные), штурманский, торпедный электрик.

Но это только мне снилось. А по началу давался один месяц для «сдачи на самоуправление ПЛ». Иначе говоря, мы, вновь прибывшие, считались, заштатными, пока не сдадим, как его можно назвать, практический экзамен. И сразу вспомнил тот, теоретический экзамен и са-

мому стало как-то не по себе. Но то прошлое. И как звучит поговорка, «кто старое помянет, тому...».

Раз я попал на именную дизель-электрическую подводную лодку, то нужно и соответствовать, хоть я и не был призван, как, например, Андрей Гудков, торпедный электрик из Пскова, по комсомольской путёвке. Сейчас это трудно представить, а тогда было почётно. Мы были воспитаны на патриотизме и, даже самый последний разгильдяй, случись что, грудью могли стать на защиты интересов нашей советской многонациональной Родины.

В экипаже легко уживались и грузин Паниава Резо и молдаванин Роман Рожару, большое количество ребят из Украины, белорусов, литовцев, латышей, казахов, армян, малых народностей: мордвин, чуваш, татарин — никто их так не различал. Мы все были граждане могучего Советского Союза и понятия какой-то дискриминации по национальному признаку для нас было неведомо.

Нам выдали «бегунки», в которых был перечень боевых частей и служб, заведование которых нужно было изучить по расположению на корабле, а это не одно и то же, чем на плакатах и альбомах с «ноликами», обозначающими степень секретности документов, и, как минимум принцип работы. Это связано с тем, что любой подводник, сдавший на самоуправление ПЛ, мог, в случае чего подменить товарища на его посту, даже не профилю военной специальности.

Вот и поэтому на нижнюю вахту заступали не все основные специалисты, а тот состав из 5—6 человек, которые могли, в случае тревоги выполнить действия практически всего экипажа, каждый действуя при этом, без прикрас, за десятерых. И, если по штатному расписанию на лодке 50—60 человек, то так оно и есть.

По распорядку дня, кроме понедельника, когда с утра проводились политзанятия и четверга — дня занятий

по специальности, весь не занятый на работах и вахте личный состав строем отправлялся на корабли, в нашем случае, на подводные лодки. Если в море военно-морской флаг и гюйс поднимается на кораблях с рассветом, в зависимости от места расположения корабля, то во время стоянки на пирсе, у причала подъём осуществляется в 8 часов утра.

Вся команда выстаивалась на пирсе, непосредственно у трапа, командир приветствуется экипажем командой «Смирно», затем вахтенный офицер даёт команду «На флаг и гюйс. Смирно!». После подъёма флага и гюйса, по команде личный состав, который на флоте также называется «команда» или «экипаж» заходит по трапу, приставленного в районе рубки ПЛ и спускается внутрь согласно штатному расписанию по боевым постам.

У нас этого пока ничего не было и в зависимости от того, куда будет приписан новый специалист, ему определяется должность и «боевой номер». Боевой номер для моряка, что паспорт для гражданского человека, им во многом определяются все действия, как ежедневные на своем «боевом посту», так и в случае команд, все действия расписаны по «книжке боевой номер». Это действительно книжка, форматом, может быть чуть меньше паспорта, с расписанными действиями специалиста на данном боевом посту.

По началу, много шишек и пинков приходилось получать, при спуске через люк рубки в «центральный отсек». Опытные подводники спускались «пулей», при этом не «считая» ногами перемычек трапа, а, практически с ускорением свободного падения «срывались» вниз, лишь придерживаясь руками о боковины трапа и ногами контролируя направление «свободного падения». И беда тому, кто оказался в этот момент нерасторопным ниже на трапе. В лучшем случае, ему садились на шею, а в худ-

шем, не удержавшись, тот сваливался вниз, получая ушибы, под хохот наблюдающим за этим действием.

Что касается переборки лодки, то они между отсеками не являющимися «отсеками живучести», между 4-м и 5-м, между 5-м и 6-м отсеками выполнены в виде прочной двери с устройством для запираения и герметизации, а вот между остальными отсеками, из-за того, что 1-й, 3-й и 7-й являются «отсеками живучести», то между ними и соседними отсеками переборки выпуклые в одну сторону и имеют проходной люк диаметром 700 мм и устройство для замыкания и герметизации отсека, называемое кремальерой.

Она представляет собой зубчатый реечный механизм, преобразующий вращательное движение ведущей шестерни во вращательное люка, имеющего клиновидные упоры, которые заклинивают с такими же неподвижными упорами по периметру окружности входного отверстия.

Сколько тут шишек было набито, не сосчитать. Если чуть замешкался, тебя «досылали» как патрон в патронник того же карабина и зачастую, растягиваясь на металлических пайолах, т.е. съемных настилов, через проём которых, при необходимости, можно было добраться до трюмного хозяйства. Бывало, что у тебя случилась такая оказия и нужно за э\то как-то оправдаться, начинаешь обращаться в «пространство» отсека, иногда, даже не успев поднять голову:

— Можно войти?!

На что после оглушительного смеха тех, лица которых ты уже видишь, подняв голову и вскочив на ноги, как правило, кто-то из «годков» отвечает:

— Отставить! У тебя есть ещё одна попытка.

Возвращаешься в тот отсек, откуда тебя только что «забросили», иначе не скажешь. И прежде, чем повторить попытку, вспоминаешь, как тебя учили пока ещё

«молодые» или «полторашники». Если влетаешь, а делать это нужно быстро, двумя руками вперёд, «щучкой», то из-за того, что центр тяжести тела смещается в тот отсек, куда ты следуешь, то приходится вползать на четвереньках. Входить ногами вперёд, опять же не принято и при этом будут проблемы, только сваливаешься в отсек, из которого пытаешься выйти.

Самое верное, если одновременно вперёд идёт нога и рука, как это делают балерины, только ещё и в прыжке. Конечно же сразу это не получится, нужна тренировка. Хвататься руками за детали люка и запорного устройства не допустимо. И вот с улыбкой на лице, из-за удачной попытки, просишь разрешения словами:

— Можно войти?

— Можно козу на возу и Машку за ляжку. Отставить матрос. Ну-ка сделай ещё одну попытку, хотя ты тут и так успел наследить. Придётся прибрататься.

— Разрешите войти?! — с третьей попытки, вспомнив наставления старших по сроку службы товарищей, как правильно обратиться.

— Ну и чё молчим? Ты кто?

— Матрос Иващенко. Прибыл для изучения материальной части и сдачи зачёта на «самоуправление ПЛ».

— Знаешь, что нужно делать? Нет?! — затем годок обращается, как правило опять или к «полторашникам» или к «молодым», — дайте ему кандейку и ветошь и объясните задачу. Да и когда на поверхность «всплывёшь» не забудь здесь, коль наследил, убрать.

— Вымакиваешь воду, где имеется, масла и прочие жидкости, потом сухой ветошью каждую трубку, каждую детальку. Не сломай ничего. И если застрянешь где-то между трубопроводами, не трубы будут разрезать, а тебя, — давал инструктаж уже тот, кому было поручено, и кто это проходил уже полгода и год назад.

Поначалу, не понимая, насколько по времени нужно драить в секторе круга, образованного радиусом чуть меньше 3 метров в виде дуги снизу, пайолов сверху и на всю длину отсека, в среднем 10—12 метров. И первые попытки приподнять пайол, чтобы, высунув нос, сказать, что уборка закончена, но чья-то нога, наступала на пайол и слышалось:

— Лучше, лучше шурши, на обед (или на ужин, если «изучение» происходило после обеда) позовём, не забудем. Видел, как у кота блестят коки-наки? Вот так и у тебя там всё должно блистать.

Хоть было не до смеха, но я вспомнил друга Саню одессита, который любил говорить «как у кота фоберже». Где он сейчас, дружан? Наверняка, тоже где-то в трюмах «парится». Думаю, что порядки на кораблях военно-морского флота, придуманные не нами, мало где чем отличаются. Традиции складывались годами и десятилетиями.

На сдачу по всем специальностям по всей лодке нам отводился месяц. Так, если подумать, то не мало и в тоже время, нужно было всю лодку вылизать. Хорошо, если до тебя, например, вчера кто-то из таких же «карасей» уже прошёлся по тем трюмам, в которых тебе сегодня повезло изучать устройство и затем вспомнить и понять, как оно всё работает.

Конечно же, в учебке мы поверхностно изучали и заведование торпедистов, и штурманское заведование, трюмное хозяйство, электрические машины и пр. Важно было теперь на месте всё свести в одну ёмкость, нет, не в кандейку — в голову и потом без запинок, чтобы не сказали — «учи лучше», выдать тому, кто будет принимать зачёт.

Как-бы это должны делать старшины команд специалистов, но по факту это были опытные специалисты, «годки», прослужившие уже непосредственно на лодке 2 года, не считая учебки. Я ещё раз сделаю ударение

на том, что те полгода (5—8 месяцев) не в счёт, которые курсант обучался в учебном отряде не в счёт здесь, как будто и не служил ещё.

Внутри отсеков подводной лодки экипаж должен был находиться в специальной обуви, это кожаные, шитые тапочки на кожаной подошве. В теплый и даже жаркий период лета, да ещё и находясь у работающих дизелей или электрических машин приводящих гребные винты в действие, где температура доходит до 40—50⁰ С эта обувь, как нельзя кстати, а в зимний период и в холодных крайних отсеках, порой не превышает и 5⁰ С, тогда хочешь-не хочешь, а без «прогар» или «гадов», как я уже говорил ранее, не обойтись. Только не допустимы набойки.

«Почему же это?» — может поинтересоваться читатель. Дело в том, что 2-й и 4-й отсеки являются аккумуляторными, в трюмах, называемых «ямами», находится более 200 мощных аккумуляторов, соединенных в две или четыре группы. Даже ничего не знающих о флоте, но имеющие личный автомобиль, знают, что при зарядке свинцово-кислотных АКБ выделяется водород и кислород, из-за расщепления воды под действием зарядного тока. Водород опасен не только в Африке, не только в дирижаблях, после трагедии с ними, крушение германского дирижабля «Гинденбурга», хоть и не самого крупного за всю историю, поставило крест на перевозке пассажиров данным видом воздушного транспорта.

А виной трагедий стал самый легкий газ и взрывоопасный заодно, водород. Емкость аккумуляторов подводных лодок велика и выделяется большое количество водорода. Несмотря на вентилирование отсеков, когда это возможно, концентрация водорода не может быть критической. За историю подводного плавания случилось около десятка трагических случаев со взрывом водорода.

Если мы немного царапнём металлические пайолы той же «безобидной» набойкой, создав искру, может произойти непоправимое.

Что касается рабочей формы одежды, то это была роба и головной убор — пилотка. Голландка носилась, в отличие от учебки навывпуск, не под ремень с бляхой. Я так думаю, что во многом потому же, что и набойки запрещались. К тому же, такое ношение одежды позволяло легче, без стеснения движений двигаться.

С переходом на осеннюю форму одежды «три», когда добавлялся бушлат, нам выдавали еще и рабочую верхнюю одежду, ватники. Вот в ней мы сильно на осуждённых смахивали с «боевым номером», выводимым на ватнике на левой стороне, «выжиганием» хлоркой.

Дело прошлое, но даже переоценивая то, что происходило тогда с применением современных критериев оценки, я хочу сказать, что вот такой метод обучения на ПЛ устройству и работе оборудования и материальной части был очень оправдан. Может быть и не совсем к месту будет поговорка «Не доходит через голову — дойдёт через руки», был этот метод очень эффективным. Конечно, случалось всякое. Чаще всего, если были такие, которые никак не врубались в службу на ПЛ, переводились на «береговую базу». Если подробно не рассказывать, чем занимались те, которые там служили — это было подразделение, среднее между армейским стройбатом и морфлотом. Они обслуживали все процессы подготовки действующим подразделениям дивизиона и бригады в целом к выполнению учебных и, если потребуется, боевых задач.

Я сдал на «самоуправление» в числе первых из вновь прибывших, «карасей» в канун празднования Великого Октября. А вот эта дата мне памятна и запала на долгие годы в моей голове и с годами, события, происходившие, как раз в канун праздника, подвергалась переоценке и переосмыслению.

Глава VII. «Декабрист» 1975 года

Казарма, в которой размещалась наша команда подводной лодки С 191 «Псковский комсомолец» и команда подводной лодки Б-75 на втором этаже, имела конфигурацию буквы «П». Поднимаясь по трапу на второй этаж и войдя через дверь в коридор, справа по ходу располагались командирские каюты, следующие старпомовские, командиров БЧ-5, замполитов и затем у входа в помещение, где располагался личный состав двух подводных лодок, тумбочка и пост дневального. В кубрике личного состава, размером примерно 15х18 м, были расставлены четыре ряда двухъярусных кроватей.

В конце кубрика располагалась баталерка, комната, где хранились на стеллажах вещи личного состава, одежда, обувь и прочее. Это место после того, как офицерский состав уходил домой, превращался в очень оживлённое место. Там собирались в основном «годки» и иногда «подгодки», чтобы решать какие-то секретные или не очень, дела; занимались перешивкой форменной одежды к ДМБ, иногда происходило распитие спиртных напитков, там хранились и периодически просматривались, и пополнялись фотографиями и рисунками дембельские альбомы.

Слева по коридору размещались каюты младших офицеров и мичманская, а за ней уже просторная каюта, называемая «красный уголок», где проводились комсомольские собрания и политзанятия. Конечно здесь было очень много агитационного материала, патриотической направленности в духе воспитания в личном составе стойкого коммунистического мировоззрения строителей коммунизма и в данном моменте более актуальное — защите её неприкосновенности, воспитания защитников и патриотов нашей великой Родины, СССР.

За «красным уголком» располагалось бытовое помещение, где производили глажку, мелкий ремонт одежды и прочее.

За проемом в конце коридора располагалась курилка с местом для чистки обуви и налево умывальник с сушилкой одежды и крайнее помещение — галлюн.

В курилке всегда что-нибудь происходило. А в вечерние часы годки, узнав, что среди новеньких, прибывших для пополнения личного состава «карасей» есть парнишка, которого звали Максим, он родом или из Одесской, или из Херсонской области, трюмный по специальности и, главное, он очень неплохо играл на гитаре. Не знаю о качестве самой игры на гитаре, у меня с этим туго, не буду и оценивать его вокальные данные, но то, что в исполнении дворовых и модных в ту пору песен, ставших хитами на танцплощадках на гражданке он вкладывал всю свою энергетику, порой на грани разрыва аорты — это было не отнять, очень эмоционально, вызывало восторг и восхищение у многих. К тому же, даже брынчание гитары напоминало всем нам «гражданку», где мы были максимально расслаблены и могли располагать значительно в большей степени своим временем и родами занятий, чем здесь, где жить нужно было по жёсткому распорядку и не только.

А «не только» начиналось после вечерней поверки. Личное время, что по распорядку — это не для всех. «Караси» до отбоя ещё должны были прошуршать и навести порядок и чистоту везде и всюду. А штрафники были всегда. После того, как при первом вопросе дежурного по команде «годка» в конце вечерней поверки — «нарядчики есть?», не было лиц, вышедших из строя, он безошибочно определял нарушителей, с одновременным объявлением «наряда вне очереди».

Повод мог быть самый разный, например, если вчера ты получал наряд вне очереди за то, что «зарос», а крите-

рием к этому была еле заметная щетинка на лысой башке, то сегодня ты мог получить «наряд вне очереди за то, что лысый». И когда что-то пытаешься оспорить, количество нарядов увеличивалось очень быстро. В итоге, выхватив 2—3 наряда «вне очереди» вы могли получить такое задание — «к завтрашней поверке вырастить волосы размером 10 мм», к примеру. Понятно, что и назавтра ты уже потенциальный «нарядчик».

Убирать умывальник, коридор с курилкой и галльон нужно было приступать, после отбоя, когда весь личный состав справил естественные потребности, умылся и, те, кому это позволялось, отходили ко сну, «годки» устраивались все в «святом углу», где стол телевизор. И, если на наших телевизионных каналах уже светилась «проверочная рамка» и звук, больше похожий на писк, для настройки тембра звука, здесь латвийское телевидение, а иногда даже, при помощи самодельных усиливающих устройств и финское транслировало далеко за полночь.

Одна из самых смешных историй, если больше ничего не сказать, произошла как раз после вечерней поверки. Мы, все «караси», по вопросу, который нужно было расценивать, как команду, с содержанием «есть ли нарядчики?», все дружно вышли из строя, что вызвало естественную улыбку.

— Так, вы двое идете на уборку галльона, вы двое в умывальник и краники отдраить, чтоб блестели, как..., — давал наряд первостатейный старшина, заступивший дежурным по команде, поворачиваясь к дневальному по команде, на посту у входа, где во вторую смену, как правило заступали «подгодки» или полторашники, добавляет, — проверишь, чтобы всё было убрано как нужно и до того, никаких спать.

Остаёмся мы вдвоём, со мной ещё Саня Гущин, трюмный, родом из Днепропетровской области. И с замиранием сердца ждем своей участи.

— Значит, теперь вы, орёлики! Вам будет «комсомольское задание». Вы телевизор смотрите? — это был провокационный вопрос, с подколом. Какие там ещё телевизоры, кто нас к нему подпустит, когда хоть бы получалось дня за два успеть написать письмо домой.

— Короче, что-то случилось с антенной. Нужна новая.

— ???

— Что не поняли? Когда идём мы строим к лодке, замечали справа бараки? Там живут в общаге вольнонаёмные. У них антенны хорошие, только аккуратно, не повредите и кабель, чтоб целым остался, мы её повыше поднимем, чтобы и Швецию брала. Без антенны можете не приходить, а сразу там и повеситься. Мы утром на лодку будем идти, снимем. А родители, как и положено получают похоронки, мол «пали смертью храбрых, при выполнении задания Родины...». Вы ещё здесь?!

Приказы не обсуждаются. Вот один всё-таки, не тогда, а сейчас, вопрос меня волнует. В уставе сказано, что, если не согласен с приказом, должен его выполнить, а потом писать рапорт, с указанием причин несогласия. А, если старший по званию, хотя и не обязательно так, на флоте признаётся в большей степени срок службы, а не количество лычек на погонах, прикажет вот так прямо так — «Вешайся!» Сначала должен вздёрнуться, а потом обжаловать неправомочность данного приказа?!

Этой же осенью, был случай, серьёзный случай. Даже по внешнему виду можно было определить, что этот «карась» очень «мягкотелый», не то, чтобы была сила духа, скорее всего у него и душа живёт с постоянной «пропиской» в пятках. Вот бывает так, что смотришь на внешность, а видишь внутреннюю составляющую, «без иммунного» отражения в душе его всех обид, несогласий и безмолвного протеста, человека разумного, но никак не приспособленного к той действительности и тем труд-

ностям, которые нужно было преодолевать. Короче в одну из ночей, когда он получил наряд вне очереди, он выбрал момент и вздёрнулся прям в сушилке.

Благо, что вахтенный, настороженный тем, что перестал слышать «шуршание» наказанного, пошел посмотреть и потому спас парню жизнь. После того, как его проверили, с вердиктом «жить будет» и по решению командования, чтобы не выносить «сор из избы» матроса просто списали в не элитное подразделение, на «береговую базу» где важнее руки, чем голова. Почти уверен, что об этом ЧП, произошедшей не в «стройбате», а отличной ПЛ «Псковский комсомолец» информация дальше дивизиона или бригады никуда не пошла. Иначе мы бы это ощутили на своей шкуре все мы, муштрой и проверками.

Прихватив кое-какой инструмент, который был в баталерке, мы с Саней отправились на «задание», остерегаясь, чтобы не попасться в поле зрения дежурного по дивизиону, он мог запросто в это время идти или на пирс, где устраивал проверки на пришвартованных там лодках, задавая вахтенной команде «вводные» и проверяя быстроту и слаженность действий по выполнению данного задания, или уже возвращаться оттуда, чтоб проедаться неге в штабе у телефонов и пульта управления внутренней связи с подразделениями.

Решение принималось непосредственно на месте, когда осмотрелись и поняли, как и где закреплена антенна. Она была закреплена на крыше хомутом к коньку и с помощью растяжек. Окна светились не от света ламп накаливания или холодного освещения, а от голубого экрана телевизора. Ждать, когда хозяева этой квартиры заснут, было не лучшим вариантом и мы сделали ставку на дерзость, внезапность и быстроту.

— Помоги, — я призвал Саню побыть для меня «живым трапом» на крышу. Благо, что бараки были не слыш-

ком высокие. Тезка слегка наклонился вперёд и упёрся в стену здания. Я, разувшись, не только, чтобы не ободрать «подельнику» уши, но и чтобы не создавать шум движением по шиферной крыше, взгромоздился ему на плечи, при этом край шифера оказался ровно напротив груди.

— Упрись, — шепотом предупредил Саня, — я буду отталкиваться.

Саня, по всей видимости напрягся и я, слегка оттолкнувшись от его плеч, повис на краю. Дальше, налег животом на край шифера, при чём не напрягая пресс, чтобы край крыши поддерживал меня за нижние ребра. Налёг по максимуму на крышу, начал выворачивать локоть вперёд и при этом перенёс массу тела на эту руку, дал возможность перехватиться другой рукой. Взобравшись, прошелся, как «мартовский кот» к коньку крыши. Перекусив кусачками плоскогубцев проволоку растяжек и внимательно рассмотрев крепление трубы антенны, понял, что хомут можно не трогать, так как труба легко в нём проворачивалась и мне стоило просто приподнять её вместе с антенной вверх и всё.

Я так и сделал. Затем, из-за того, что спускаться было трудней, чем подниматься, осторожно спустился до тех пор, пока не увидел протянутые вверх руки «подельника». Передав антенну, осмотрев внизу, насколько было видно от освещения кинескопа опорной поверхности, прыгнул. Быстро обул прогары, предупредил Саню:

— Как только я выдерну кабель, надеюсь, что без рамы и телевизора, сразу «делаем ноги».

Саня одобрительно кивнул в ответ. Я, присев подобрался поближе к окну, чтобы не засветиться и не бросить тень и потом резко дернув за кабель, не выпуская его, держа в двух руках побежал от окна, пока не почувствовал рывок. Это штекер антенны, упёршись в рану окна сделал попытку сопротивляться мне. Но не тут-то

было. Он не смог устоять перед моим рвением и в прямом и в переносном смысле — «сдался». Комната, раньше освещаемая мерцающим светом, теперь освещалась ровным светом потухшего экрана.

Тёзка рванул вперёд, я следом, на ходу пытаюсь не упасть, запутавшись в кабель, наматывал его на кисть левой руки и локоть. Отбежав на безопасное расстояние, перевели дух и осмотрелись, как по команде «осмотреться в отсеках». Было тихо, небе звёздное, только луна где-то загуляла, не хотела нам освещать обратный путь. Но может быть это и к лучшему. «Тёмные дела» делаются в основном тёмной и глухой ночью.

На другой день, но уже не ночью, а в свободное от занятий и работ время, нас, как опытных альпинистов, уже попросили без напоминания о нарядах, закрепить «трофей» на крыше нашей двухэтажной казармы. Здесь нам пригодился «бросательный конец» — это тонкая веревка, которую бросают при причаливании, когда подать тяжёлый швартовый канат из рук в руки невозможно. Тогда к канату привязывают этот бросательный конец с набалдашником на конце, который и бросают. Привязав себя в качестве страховки за пояс, можно было работать смелее, доверяясь своему товарищу на страховке.

Наступили ноябрьские праздники, и наша отличная именная лодка не участвовала в параде в праздничной строю на Даугаве всего лишь из-за того, что буквально 2 месяца тому назад доставлена к нам в Усть-Двигский 107 дивизион подводных лодок более новая ПЛ проекта 641, в качестве учебной, для обучения иностранных подводников. Нашей «эСке» уже был 21 год, а этой лодке Б 49 ещё 9 лет не исполнилось. Но, как говорится «баба с возу — кобыле легче».

7 Ноября, праздничное построение на плацу, праздничные столы на камбузе, праздничный распорядок дня несмотря на то, что была пятница. 8 Ноября праздни-

ный день, но кто может отменить банно-прачечный день, суббота, она и в праздник суббота. В баню мы ходили в посёлок Болдерая, что уже стоящее дело, хоть и в строю, не в увольнении, но пройтись, «себя показать и других посмотреть» — маленькое, но разнообразие.

Уборка в кубрике стоит того, чтобы её увидеть. Делалось это так. Первостепенная задача ставилась даже не «карасям», а «полторашникам» и состояла в том, чтобы доставить с лодки банку с регенеративными пластинами, напоминающую большую консервную банку. Эти пластины, при необходимости, когда воздух внутри субмарины не позволяет дышать свободно из-за нехватки кислорода и всплыть по каким-то условиям нельзя, для вентиляции отсеков, тогда заряжают регенеративные установки, в которые, с помощью специальных кассет, куда и помещаются пластины из открытой банки, устанавливаются пакетами эти пластины, что напоминает пчелиный улей. А задаче этого «улья» поглощать путем химической реакции углекислый газ и вырабатывать кислород.

Задача по доставке сложна до тех пор, пока банка ещё не покинула пределы борта ПЛ. А вторая задача состояла в том, чтобы не «спалиться» во время их применения. Это занятие очень опасное.

Всё происходит по следующему сценарию. Все кровати сдвигаются в одну сторону вместе с тумбочками. «Карасей» с «молодыми» заставляют заливать палубу из кандеек и обрезков, пока по всей палубе вода не будет полностью прикрывать паркет. Затем на воду бросают пластины. Происходит сильное шипение с выделением кислорода, и кислород, как окислитель, не просто вымывает, а «выедает» загрязнения из трещин и даже царапин палубы. В кубрике становится непривычно легко дышать, как будто на весь кубрик одели громадную кислородную маску.

Хорошо, если эти пластины будут управляться мойщиками с помощью щеток, которые направлялись по нужной траектории и одновременно прижимались ближе к палубе, обеспечивая прекрасный результат.

Была и возможность другой неприятности, связанной с тем, что мы-то на втором этаже, а под нами же тоже люди, хоть и военные проживают. Потолки, если промокнут могли обвалиться. Потому, сразу же после «протравливания» полов, приступали к уборке воды в те же кандейки.

После отбоя в казарме, в качестве дежурного освещения горит только расположенный выше входной двери лампа тёмно-синего цвета. В коридоре свет, как и обычно, не тушится, как и в умывальнике и гальюне.

Обычно команда подъём звучала в 6 часов утра словами «командам вставать». При этом сердце не колотилось от испуга даже, если заорать просто «Подъём!» Этим флот выгодно отличается от армии. А в этот раз команда прозвучала не как обычно, а практически на час раньше и слова не были столь приятны, а звучали так «Боевая тревога! Командам подъём! Боевая тревога». Они повторились несколько раз, сопровождаясь мигающими сигнальными огнями и после этого, вскочивший на ноги дежурный по команде включил основное освещение в кубрике.

Пока дежурный пытался будить личный состав, кроме «карасей», мы-то и учебной тревоги еще ни разу не знали, не то, что боевую. Мы были одеты и ждали команду. По радио передали: «Командам оповещения прибить в штаб бригады». Кто участвовал в оповещении командования на дому, побежали в штаб.

На койках, продолжали валяться «годки» недовольные, что их так бесцеремонно разбудили. Но подниматься не хотели и высказывали свои предположения по этому поводу. Одно из них: «Видимо дежурный

по дивизиону нажрался до полусмерти и что-то приснилось, вот с перепугу и нажал не ту кнопку».

Следующая команда была уже ещё серьезней: «Командам построиться у „береговой базы“ для получения оружия».

Когда прибыли, собранные с помощью службы оповещения командный состав, мы уже стояли на плацу, выстроенные в привычном порядке, под руководством дежурного по дивизиону. Дальше команды менялись с такой быстротой, что личный состав не успевал на них реагировать.

И одной из крайних, была информация: «Ожидать особого распоряжения». Но, слухами, как говорится, полнится земля. Хоть слухи были противоречивые, но из них всё же путем анализа и отсеивания неподтвержденной информации, вырисовывалась такая картина.

Сегодня ночью, без соответствующего на то приказа или распоряжения снялся с бочки, установленный на время празднований в морском парадном строю БПК (большой противолодочный корабль) «Сторожевой» и вышел в открытое море через, почему-то не прикрытыми защитными боновыми заграждениями. И, опять-таки, по недосмотру вахтенной службы, БПК беспрепятственно смог пройти все возможные заслоны.

Информация стала достоянием гласности, лишь благодаря, младшему офицеру, по другой версии от мичмана и матроса, которые прыгнув на бочки, а затем вплавь добравшись до стоявшей рядом подводной лодки, где и была передана информация о бунте на корабле. Этой лодкой оказалась лодка нашего дивизиона Б-49.

Возможно, что «детонатором» к этому событию была демонстрация на БПК накануне вечером фильма «Броненосец «Потемкин». И несмотря на то, что личному составу было, наверняка приказано не разглашать информацию, всем известно, что «шило в мешке не утаишь».

Когда в середине дня нам было приказано сдать оружие и мы всё больше узнавали о причинах такого «кипеша»: первый вариант, который хотели применить — это погоня за «нарушителями» покоя и стабильности в стране, которую собирались сделать с применением быстроходных катеров пограничной охраны или ракетных катеров; второй вариант, который мы узнали, но официально он не подтверждён и сейчас, после рассекречивания официальной информации по этому явно неординарному случаю. Мы слышали следующее, что БПК не отзывался на приказы остановить ход и потому был остановлен силами 668-й бомбардировочной авиационной полка. Бомбардировщики выполнили бомбометание.

Как мы слышали тогда, что корпус БПК получил в результате значительные повреждения и пробоину в машинное отделение. Даже была информация, что несколько моряков было убито и ранено. Сейчас говорят, что повреждений вообще не было. А БПК возвратил, открытый из запертой каюты командир корабля, запертый возглавившим мятеж политруком Саблиным Валерием Михайловичем.

По современной версии освобожденный моряками экп, вошел в рубку и ранил из табельного пистолета мятежного замполита. И после отправил радиограмму, что БПК возвращается в Ригу. Принять или опровергнуть одну из версий я не могу, так как не был свидетелем того, в каком состоянии БПК пришёл своим ходом или был отбуксировать в Ригу с повреждениями. Возможно, что он был оставлен на рейде.

А вот то, что БПК потом оказался снова в Риге — это точно, так как был личным свидетелем того, как личный состав, погруженный в военные автобусы КАВЗ колонной вывозили личный состав с территории нашей ВМБ через КПП в Рижскую гарнизонную гауптвахту. Там они

были допрошены и все, кто не принимал активного участия в мятеже, личный состав срочной службы был расформирован. Что их там несколько дней держали — это достоверная информация.

Представляю, в каком положении оказались моряки, ставшими заложниками ситуации. Я видел лица наших братишек, сидевших в бушлатах и бескозырках, в большинстве своем, с опущенными лицами, а в тех глазах, лица которых были направлены через прозрачные стёкла автобусов, читалось разочарование и непонимание того, что всё же случилось и как оно вообще могло случиться.

Офицерский состав был раздроблен и разослан на корабли по всем флотам. Надо отдать должное КГБ, работало в те годы очень оперативно и чётко.

Валерий Саблин и матрос срочной службы были арестованы и их ждал военный трибунал.

Хочу немного подытожить сухие факты личным отношением и восприятием этого неординарного события на флоте, свидетелем которых я стал по случаю службы и оно, хоть «по касательной», но задело наши души и разум и осталось навсегда и не с момента официального извещения, состоявшегося на два десятилетия позже. У нас, тех, кто видел, слышал и воспринимал так, насколько позволяло образование, воспитание, моральные устои, эти события оставили значимый след в памяти и заставили, как минимум задуматься, серьёзно задуматься.

Валерий Михайлович Саблин кем он был для нас тогда, кем его представляли тогда СМИ, и я не исключение, и кем его представляют сейчас? Он был человеком высокоморальных устоев, убежденным коммунистом и до последнего момента искренне верившим в идеалы нашего славного общества, в светлое будущее коммуни-

стических идей. Но, разве за это расстреливают? Саблин, в отличие от тех миллионов карьеристов, державших партбилет в кармане ради обретения теплого и сытого местечка, желал лучшей жизни для всех советских граждан, а не ради личной выгоды.

С этим я тоже солидарен с замполитом Саблиным. Когда меня молодого специалиста «сватали» в коммунисты, я уже видел, что позволялось тем, кто вступил в ряды КПСС, только с видами на явные выгоды: нельзя было уверенно строить свою профессиональную карьеру, без партбилета в кармане, коммунистам многое даже сходило с рук, как сейчас «слугам народа» и тем кто, совсем не по заслугам занимает высокие посты, а из-за череды явных преступных махинаций, коррупционных сделок и часто криминала.

Один только пример из тех времён. Я работаю инженером технологом в службе СТО тракторов при районной «Сельхозтехнике». После работы, что случалось, правды ради скажу, довольно часто, собрались с небольшим, но дружным коллективом, в котором было то всего, кроме меня, исполняющего обязанности начальника СТО, человек 10: два мастера-наладчика, два водителя, два слесаря-ремонтника, два газо-электросварщика, один из которых никогда не участвовал в наших посиделках, а спешил на мотоцикле «ЯВА» к любимой девушке на свидание.

Наше отделение располагалось на территории обособленно, даже выезд на этот двор отдельный от главного на территорию, с воротами и пунктом пропуска с вахтой. Рядом располагалась пилорама, склады запасных частей и площадка для проведения ТО тракторов.

Был среди нас один коммунист и в отличие от подобного, но главного специалиста колхоза, который часто выпивал с избранными небольшими коллективами, даже

людей рангом пониже, при поднятии стаканов у него был один тост: «Как её коммунисты только пьют?!» и моментально переворачивал даже полный стакан водки, этот поступал иначе.

Он работал водителем, но был уважаемым человеком, правда не во всех кругах. А уважали его больше простые работяги и те специалисты среднего звена, для которых общение с начальством не сулила ничего хорошего, так как карьеристами не были, нам лучше было общение с простыми работягами.

Владимир был средних лет, с прямыми взглядами и отличался прямолинейностью, он был коммунистом. И был для меня в этом каким-то даже примером, не в смысле, конечно, выпивки, а в умении и желании высказывать свои убеждения, не боясь о последствиях.

— Так, мужики, наливаем, — когда «посиделки» только начинали доходить до анекдотов, глядя на часы, продолжал, — мне на партсобрание бежать нужно. Ох и врежу сейчас «матку-правду»!

И на полном серьёзе, мужики, когда даже у молчунов языки «развязывались» начинали заваливать коммуниста из нашего коллектива вопросами, которыми он мог «озадачить», как минимум начальство, так как они все, как один были коммунистами и присутствовали на партсобраниях.

Выпив «на посошок», крякнув и закусив на скорую руку, убегая, обещал:

— Скажу! Всё, обязательно скажу!

Конечно, мы понимали, что даже, если один человек откроет глаза на недостатки и внесет даже дельные предложения, то их не пропустит большинство, как и сейчас, собственно говоря, если взять ту же думу. «Выпускайте пар» сколько хотите, а они будут улыбаться и творить то, что уже решили давно, осталось только утвердить покорным большинством.

Только по прошествии лет, имея приличный жизненный опыт, я начал понимать более отчётливо то, что капитан Саблин выступал не против советской власти, а против «ржавчины», которая ее разъедала. Он как большинство из нас в те даже годы, отлично видел циников с партбилетами, усевшихся на высоких государственных постах, тех самых, что всего через полтора десятилетия приведут Советский Союз к краху. Понимали, бесспорно, и мы, но сказать то осмеливались там, где нас слышали лишь те, кто, как и мы только роптал, но ничего не мог изменить и сказать открыто. Все знали, чем это заканчивалось.

Прошло 45 лет со времени тех событий, оставивших глубокий след в моём сознании. Считаю, что он виновен только в нарушении воинского устава в плане самовольства и устранения самоличного от командования командира БПК. А в дальнейшем, что произошло, считаю, что большую часть вины необходимо всё же возложить, распределив её по частям между «виновниками» того, что происходило и продолжается частично происходить и сейчас, хоть государства того нет, но есть номенклатура правящей власти, с огромными властными возможностями и практически бездушные к тому, что думают обо всё «низы». Вы скажите, что нет сейчас никаких «низов». Есть и «низы» и те, кто ниже «низов».

Декабрист «декабристу» — рознь. Всё зависит от чистоты помыслов, от глубины убеждений, на основе знания актуальности момента, необходимости спасти миллионы людей от трагедии или попытаться это сделать, от справедливости требований и много другого.

История поставила свою точку, расстреляв по приговору военного трибунала замполита Саблина и через годы, пересмотрев дело, снизив наказание до 10 лет лишения свободы. Сомневаюсь, что это будет утешением для сына «декабриста», которому он писал в прощальном письме:

«Верь, что история честно воздаст всем по их заслугам, и тогда ты никогда не усомнишься в том, что сделал ваш отец. Никогда не будь среди людей, которые критикуют не действуя. Эти лицемеры, слабые ничего не представляющие из себя люди не способны сочетать свою веру, со своими делами. Я хочу, чтобы ты был храбр. Будь уверен в том, что жизнь замечательна. Верь в то, что Революция всегда побеждает».

Валерий Саблин был потомственным военным моряком, как и отец его и дед — это целая династия доблестных защитников Родины. Вот. Что он писал родителям:

«Моими действиями руководит только одно желание — сделать, что в моих силах, чтобы народ наш, хороший, могучий народ Родины нашей, разбудить от политической спячки, ибо она сказывается губительно на всех сторонах жизни нашего общества...»

А это обращение было направленно радиogramмой с мятежного БПК Саблиным в 4 часа утра командующему ВМФ СССР адмиралу Горшкову:

«Прошу срочно доложить Политбюро ЦК КПСС и Советскому правительству, что на БПК „Сторожевой“ поднят флаг грядущей коммунистической революции. Мы требуем: первое — объявить территорию корабля „Сторожевой“ свободной и независимой от государственных и партийных органов в течение года. Второе — предоставить возможность одному из членов экипажа выступить по Центральному радио и телевидению в течение 30 минут... Наше выступление носит чисто политический характер и не имеет ничего общего с предательством Родины. Родину предадут те, кто будет против нас. В течение двух часов, начиная с объявленного нами времени, мы ждем положительного ответа на наши требования. В случае молчания или отказа выполнить вышеперечисленные требования или попытки применить силу против нас, вся ответственность за по-

следствия ляжет на Политбюро ЦК КПСС и Советское правительство».

Каждый в праве судить или оправдывать поступок «декабриста 1975 года», а я свое мнение уже высказал.

Глава VIII. «Птюха»

Первый месяц служба был в разы переносить труднее, чем весь срок обучения в учебке из-за колоссальной физической и моральной нагрузки, которые отражаются сильно на психике. Когда на гражданке делишься о том, на каком уровне была в годы службы «годовщина» на флоте или «дедовщина» в армии, а тебе говорят — «у нас тоже была, но сказал, что не буду стирать робу и выполнять приказы „годков“ или „дедов“, а когда меня пытались „нагнуть“ физически, я дал отпор и от меня отстали...» — это чушь и скорее всего он или откровенно врёт, или у них не было настоящей «годковщины» на флоте или «дедовщины» в армии.

Да, я согласен, что есть даже рода войск, где этого не было, хотя бы те же Пограничные войска, в авиации, насколько я знаю, в частях западных групп Советских войск, размещенных за границей в странах социалистического содружества. Стройбат был традиционно рассадником неуставных отношений. У нас тоже ходила поговорка «Там, где заканчивается порядок, начинается Морфлот».

Когда вам рассказывают, что их сержанты или старшины гоняли и это выдают за «годовщину» — какие же это за неуставные отношения, простите меня те, кто увидел себя в этом оскорблённым. Старшина или сержант может быть и командиром отделения, например и омерзительным «годком», чинящим беспредел в неуставных отношениях.

А теперь, не буду оговариваться в выражениях с применением «и» и «или», буду конкретно говорить только о флоте. Когда утром с камбуза «карась» несёт в кубрик годку или годкам «завтрак» в виде «птюхи», а она переводится с тюремного жаргона, как «пайка тюремного хлеба» — это «годковщина», но шадящая. Она не приносит физических страданий молодому матросу, а всего лишь небольшие духовные и слегка унизительно, зная, что он человек не больной, мог бы и сам сходить, чтобы позавтракать на камбузе — нет, он этого не желает делать, а желает позавтракает не строго во время завтрака, а когда проснётся.

Годок — это тот, кому разрешается кушать в любое время суток в кубрике. Тащить в кубрик миску с «макаронами по-флотски» или борщом в термосе никто не будет — это даже смешно. Хотя, «извращенцы» какие-либо может и это позволяют. А «птюха» — это четвертинка хлеба, не кусочками, а именно булка, разрезанная дважды пополам, вдоль и поперёк. Её обильно, как при заказе в ресторане, чтоб угодить «заказчику», намазывают сливочным маслом и сверху укладывают, опять же, сколько заказано кусочков сахара. В те годы разовых пакетиков не было и «птюхи» заворачивали в обычные газеты.

А вот, когда, как я уже говорил, что в казарму с того же камбуза вбегали первыми «караси», а у них за пазухой, если форма одежды №4 или №5, предусматривала собой бушлаты или шинели, а в теплое время года, тогда в руках, как всё равно, при встрече дорогих гостей с хлебом и солью. И вот, когда шумно открывалась дверь в коридор второго этажа, то за ней нас уже поджидал «кэп» или «командир» — мы не называли никогда при личном общении командира ПЛ, как положено по уставу «товарищ капитан 2-го ранга».

Он показывал на открытую дверь своей каюты, со словами:

— Разгружайтесь.

Когда из-за пазух были извлечены свёртки с «птюхами», он снова показывал на дверь со словами:

— Свободны! Пожелайте «годкам» приятного аппетита.

Конечно, он знал, что через минуту будет происходить в кубрике. Голодный «годок» — это зверь. Одни получали пинка под зад, другие, в назидание кулак в лоб, до ослепительно ярких звёзд, для освещения мрачной действительности, третьи пытались сложить «многоэтажки из матов», но они постоянно разваливались, от злости матерных слов даже не хватало.

«Спасибо, товарищ командир, за заботу о личном составе и за действенные методы борьбы с „годковщиной“! Спасибо!».

Сегодня в гальюне после отбоя будет порядок, как в финской бане или ещё лучше, так как есть очень значимый повод для наказания.

И даже в обращении к командованию просматривались неуставные отношение. Если на обращение «товарищ командир» не только кэп, но и механик, только улыбался, ведь он тоже командир, только боевой части №5, это было не уставное, но уважительное отношение к командирам. «Сундуки» особым авторитетом не пользовались, к ним обращались по обыкновению «товарищ мичман», но если он заслуживает по вашему мнению «поощрения» то можно было и не пожалеть на него «потратить» одно обращение «товарищ командир». По факту он тоже командир вашей команды мотористов, например.

На флоте было «западно» вообще, при перемещении по территории ВМБ, где-бы-то не было, отдавать честь ни только мичманам, но и младшим офицерам, включительно. Был каверзный случай, когда нам назначили нового «строевика», заместителя командира дивизиона

по строевой части в звании «каплей». А он, пока его ещё не представили на построении личному составу дивизиона, решил «разнюхать» что, где и как. Гуляя по всем возможным тропкам и дорожкам, стал замечать, что его совсем не замечают, как «невидимку».

Конечно, его хорошенько «жаба придушила» и он за час выдал столько «нарядов вне очереди», сколько служащие-срочники не получали все вместе взятые за целый год службы. Понятно, штабник, что с него взять. Естественно, что никто и не думал сообщать, как положено по уставу своему непосредственному начальнику, т.е. командиру отделения. А об их существовании, порой вспоминали только на корабле, при выполнении боевых задач, где требовалось неукоснительное исполнение, не столько уставов даже, а положений «книжки боевой номер» — это «отче наш моряка» и во время стоянки корабля у пирса и в море, тем более.

В море, если ты, к примеру, «годок», за тебя выполнить твои действия никто никогда не станет — это будет всё равно, что «выстрелить себе в ногу» и это в лучшем случае, и до — «упаси, Господи»... Что касается жизни в казарме, да ещё, когда дежурный по команде остаётся главным, он и царь, и бог. Да, собственно говоря, это и есть «золотое время» годков.

Кто-то скажет, а что разве нельзя пожаловаться, если творится беспредел? Конечно можно. И могу привести много примеров того, как это «помогает».

Одного «карася» попинали чуть-чуть за какой-то явный «косяк» и, как обычно сказали — «будешь наказан до тех пор, пока не скажем хватит или сам не одумаешься и не попросишь прощение за проступок». Надо сказать ещё, что как правило, годки бьют «прицельно», тщательно выбирая такие места на теле, чтобы были и ошутимо больно и не оставалось синяков: в туловище, в живот, в пах. Большинство-то избиваемых не боксёры там ка-

кие, даже элементарными приёмами защиты не обладают, да и в переделках никогда видимо не приходилось бывать.

Так вот, этот паренёк, даже не умеющий за себя попытаться постоять, понимая, что бесполезно и нельзя сказать, что он просто трусливый, воспитывался одной мамой и не видел улицы и дворовых потасовок никогда, тем более в них не участвовал. Может быть из той кагорки, которые в детстве, если что, бежали домой и кричали «я папе сейчас всё расскажу!», если папа ещё был в семье или старшему брату. Иногда это делали для острастки, а иногда и правда приводили папу для «разборок».

Постучав и войдя в каюту старпома, в звании капитан-лейтенанта, матрос обратился с рапортом:

— Товарищ капитан-лейтенант, разрешите доложить?! — и не дожидаясь даже ответа, продолжил, — меня вчера избили «годки». Прошу Вас разобраться и наказать...

Капитан-лейтенант с удивлением смотрел на это, невесть откуда свалившееся чудо. И не сдерживая улыбки, спросил:

— Ты кто есть, матрос?

— Матрос Голубков Василий Сергеевич!

Естественно, фамилия, имя и отчество этого матроса изменена, даже без намека на настоящую.

— Во, как! — продолжая улыбаться, отвечал старпом, — Извините, Василий Сергеевич, что я Вас на «ты» и не смог вспомнить по имени отчеству. Извините, пожалуйста!

Матрос отказывался понимать и даже представить не мог, что на такой неотлагательный сигнал, старпом отреагирует незамедлительно, а тут...

— Вы, уважаемый посчитали сколько нарушений сделали в своем рапорте? Или Устав внутренней службы и Дисциплинарный Устав не для Вас?

— ??? — матрос не знал, что ему ответить на это.

— Стоило бы мне Вас наказать за это матрос, ну да ладно. Я сегодня добрый. Идите!

Когда матрос ушёл, старпом открыл дверь и подозвав дневального у тумбочки к себе и сказал:

— Объяви в кубрике, чтобы «годки» ко мне зашли. Срочно!

Дневальный матрос также из «карасей», грешным делом, подумал: «Вот влипнет вам, «годки», сейчас. Молодец, Вася, не побоялся, видимо, за вчерашний инцидент рассказать старпому...

— «Годков» зовёт старпом в свой кубрик. Срочно! — объявил в кубрике дневальный.

— Чё, убогий?! Бегом к тумбочке! Ты, что место своё забыл? Подсказать. Наряд вне очереди! Что? Не слышу ответа.

— Есть наряд вне очереди, — ответил дневальный и опустив голову занял место у тумбочки.

— Ну, чё, «годки», пойдём на «экзекуцию»? — шутили годки, прикрепляя поглаженные, с наведёнными вчера «карасями» «стрелками» на гюйсах и по-домашнему, всунув ноги в тапочки, потянулись к выходу в коридор.

Когда все зашли в кабинет, один за всех спросил: «Вызывали?»

— Вызывал. Вызывал. Станьте полукругом, чтобы я всех сразу видел.

«Годки» растянулись по довольно тесной для таких разговоров каюте полукругом.

— Ну доложите, били молодого? За что?

— Нет, никак нет, товарищ капитан-лейтенант! Не били. Может где шлёпнулся, а на нас хочет отыгаться.

— Да били! Я по его глазам видел, что не врёт. Ну, кто так бьёт? Совсем разучились, да? Может быть сейчас на вас тут и продемонстрировать, как нужно? — внима-

тельно, изучающе глядя в глаза «годков», пытаюсь понять участие каждого во вчерашнем инциденте.

— Кто же так бьёт? Нужно бить так, чтобы после этого жаловаться не смели. Идите. Нет, подождите! — снова остановил старпом «годков» и продолжил, — Я вижу, что вы плохо с молодёжью работаете. Почему он не знает субординации и формы доклада? Нужно проводить занятия по уставам почаще, пусть зубрят и на ночь, вместо сказки вам рассказывают. А, теперь идите. Глаза бы мои на вас не смотрели.

Вот примерно так всё это выглядело. Кто думал раньше или сейчас думает, что весь командный состав корабля кровно заинтересован в пресечении неуставных отношений, тот очень сильно ошибается. Всё ровно наоборот. Если бы у меня ещё остались зубы, я бы «дал зуб» за это. А ведь на службе были все до одного. Эх, старость!

Ох, как мне уже начало надоедать быть «карасём», хочу быть, хотя-бы «камбалой». «Хочешь? Будешь!» — доносился откуда-то мой внутренний голос. Логично думать, что голос доносился изнутри, иначе зачем его называть внутренним.

Листья на территории уже давно выметены до листика и сожжены. Что вы говорите? Какая там ещё коммунальная служба, вы о чём? Мы где? Мы же не на коммунальной службе находимся, а на самой, что ни есть военной и не просто военной, а несем службу в ВМФ. Нет же, не «военные мужчины флота» это расшифровывается. Привыкли тоже мне, как ВДВ — «войска дяди Васи» расшифровывать.

Декабрь на Балтике является тем противным месяцем, когда может быть и снег, и дождь и ветра сильные штормовые. Часто объявлялись штормовые предупреждения и экипажам необходимо было соблюдать особую бдительность, особенно стоявших на нижней и верхней вахте на лодках.

Как-то пошёл слух, что пока отработка боевых задач прекращается на воде и мы давно уже занимаемся по совершенствованию знаний на занятиях в тёплых классах и политзанятия — дело святое. А раз святое, то и выглядеть «Красный уголок» должен был не хуже, чем Исаковский собор в Ленинграде или Домской в Риге.

На одном из построений, был вопрос ко всем, такого плана:

— До нового года осталось не так много времени. У нас стоит одна нерешенная задача — ремонт «красного уголка». Кто когда-нибудь имел дело с такой работой, как заделка трещин, побелка стен и потолка, покраска пола и стен до определенной высоты. Еще нужно было потом плакаты и стенды оформить.

— Я могу, — не раздумывая сказал я, как будто меня за язык тянули. Я почему-то был уверен, что это будет в разы лучше, чем выполнять уборочные работы на улице.

— А, что ты умеешь? — спросил для уверенности замполит, — не курятник у бабушки в деревне белил?

— Никак, нет! Я в институте с товарищами в общежитии кое-что делал и в учебном корпусе на учебной практике, да и в учебке занимался организацией проведения и оформлением класса для политзанятий, почти тоже, что и здесь.

— Хорошо! Посмотрим, как будешь работать. Рассчитать с мастеровых всегда успеется.

Я кивал Сане Гушину, мол выходи. Он мялся, но видимо, я был убедителен, хоть и без слов, но вышел и тоже признался, что приходилось дома маме помогать. Она у него одна, без отца рос.

— Еще нужно человека два, кто-то и старший должен быть, кто будет руководить всем на месте. Старшины, кто желает?

Вышел, вальяжно переваливаясь с ноги на ногу первостатейный «годок» Кудряшов Сергей, родом из Бело-

руссии, занимавшийся и на «гражданке» и здесь боксом и ежедневно, больше от скуки, «качал» мышцы.

Следом за ним дал согласие и его, можно даже сказать ученик, желающий сделать фигуру, если не идеальной, то хоть чуточку похожую на Серегину — это был Владимир Мартыненко, мой земляк, правда его малая родина было километрах 350 от моей, где в Песчанакопском районе, рядом с родиной знаменитой на всю страну женщиной-комбайнёром, организовавшей женское звено комбайнёров и, буквально 2 года тому назад получила наивысшую награду Родины, звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и Молот». Но разница в годах службы в 1,5 года не давала права признавать ему меня земляком. Но и не больно хотелось. Хотя, он был не зловредным старшиной, в отличии хотя бы от своего учителя.

Сергей был очень хитрым, чаще притворяясь таким старшим товарищем с желанием помочь, быть справедливым и пр. Отчасти это так и было. Он, практически единственный «годок» кто практически не пропускал возможности вывести команду на физзарядку, задать нам «жару», добавляя и добавляя темп бега, что для него, тренированного спортсмена было, что «семечки щелкать», а нам ох, как трудно доставалось. Но и в этом были также явные плюсы, наш экипаж в плане физподготовки был одним из лучших во всём дивизионе.

Да и провинившихся он наказывал по-своему. Если кто-то в тренировках это использовал, тот поймёт, что значит бежать 3 км, с гантелями по 3 кг в руках. Даже не знаю, как это назвать, заботой о здоровье или издевательство над «карасями» или «молодыми», да и «полторашникам» доставалось, если провинились в чём-то.

А самое, на мой взгляд непозволительное было то, что он подбирал «тренировочные груши» среди нас. И делал это опять же таки с хитрецей. Когда ещё задолго

до вечерней поверки предлагал, прослужившим чуть больше полгода или года, стать такой «грушей» вместе вечерней работы, как обычно на объектах казарменного хозяйства. При этом обещал, что бить будет слабее, чем в полсилы и тогда те, с кем он будет тренироваться, к концу службы станут и боксёрами, и «качками», что все девки будут их.

Это нас насторожило, но назад дороги уже не было. Мы точно знали, что сачковать нам точно не придётся. Сергея, как старшего по званию и активного не только в спорте старшину назначили старшим. И огласили некоторые льготы, которыми могли пользоваться члены бригады «шабаёв», именно так у нас дома называли наёмных специалистов.

Был только один, из моей же команды мотористов, хоть и обучался он в одном взводе со мной, но с ним в Севастополе я практически не пересекался — это был Виктор Туров, родом из г. Комрат, что в Молдавии, который принимал участие в двух из трёх тренировках, если были целы губы и нос. Но об этом моем коллеге по команде мотористе и, в последствии ещё и подчинённом, погорим позже. Он заслуживает, думаю, отдельного и неспешного знакомства.

Предположение того, что эти два товарища не будут с нами работать, оправдалось. Сергей спрашивал у нас, заглянув, на месте ли мы и не спим-ли за закрытой дверью и с дружеской, на первый взгляд улыбкой спрашивал, как-то подкупно и не по-военному:

— Ну, чево, пацаны? Что нам нужно на завтра заказать? Говорите. Пойдём на склад боцмана, что у пирса и возьмём, что надобно.

Мы, прикинув материал, говорили, что пока ничего не нужно, а если нуждались, то отправлялись со старшиной в кладовку боцмана. В этом случае нам предстояла полуторакилометровая прогулка в сторону нашей тихой

гавани с кораблями, где влево от аккумуляторной станции, где обслуживали и аккумуляторы с подводных лодок и рядом станция по зарядке кислородом и газами баллонов спасательного снаряжения подводников, располагались боцманские склады.

Как и предполагали, наш «бугор» в лице «годка» и его «зам» были простыми «дармоедами», от них помощи «с Гулькин нос», а нам напярк двойной, приходилось вторую рабочую норму «за того парня» тянуть. Их задача, поднять свой авторитет в глазах командования сводился к нескольким «рисовкам» в течение дня, когда командир и замы находятся в своих береговых каютах.

Для этой цели они использовали, однажды заляпанную известью и краской старую робу, которую прятали здесь же. Переодевшись в грязное, пробегутся по коридору с ведерком воды и для лучшего привлечения к себе внимания, можно крикнуть «Осторожно! Поберегись!» «Цирк уехал, а клоуны остались», так и у нас.

За это, придерживаясь принципа «ты мне — я тебе», нам было позволено ходить на камбуз не строем, а самостоятельно вместе с подменившимся на посту дневальным. Вот так мы ходили, когда шум, гам и грохот ложек стихал.

Это было в разы лучше, чем столоваться со всеми. У каждого было своё место за столом. Во главе стола, где стояли дюралевые бачки с первым и вторым блюдом, если в обед и чайником с компотом; утром не расфасованный кусок масла, из расчёта 50 г утром, из нормы 70 г в сутки; сыр твёрдый 30 г; банка сгущённого молока; когда в море, по дополнительному пайку была положена маленькая шоколадка 25—30 г, одна вяленая тарань и 100 сухого вина.

В армии, насколько я слышал, во главе стола стоит «разводящий», разливающий и наполняющий миски едой. Обычно это был, отслуживший год солдат, которо-

го и называли «черпак». У нас на флоте с таким сроком службы называли «борзый карась». Но у нас дележ припасов осуществлялся совсем иначе. Примерно, как в старину садилась большая семья и первый свою ложку в котёл опускал старший семьи и дальше по убывающей.

Во главу стола садилось обычно 2 «годка», следом 2—3 «подгодка», «полторашники», «борзые караси» и на самом краю уже «караси». «Карасям» обычно доставалось то, что вообще доставалось, если еда вкусная, включая масло, сыр, сахар, сгущенку, то могло и ничего не достаться. «Годки» выбирали чем их душа сегодня соизволила угодить желудку. Если бы смог, то любой годок мог просто без хлеба съесть полкило масла, или пробив баночку сгущенки, отпить из неё добрую половину. Годкам это позволялось.

«Подгодки» уже, как говорят «сливки не снимали», они были сняты, но также ни ч чём себе не отказывали. Если утром была «птюха» из четвертинки белого хлеба, то на обед на стол была булка чёрного ржаного и белого пшеничного хлеба. Даже в этой, казалось мелочи, «карасям» доставался, обычно, только чёрный. Ну, а если каша получалась неудачная, типа «керзухи», то «годки» подкалывали «карасей», типа ешьте, отъедайте «мамоны».

«Караси» постоянно не доедали, желудки всё время урчали, как двигатели, когда топливо заканчивалось. Выбывая свободное от работ время, бежали на камбуз, благо — он в двух минутах ходьбы от казармы. Старались улучшить момент и попросить у вестовых, работающих в офицерских столовых, чтобы вынесли чего-нибудь повкусней, чтоб набить основательно желудок. Самое страшное было, когда, как баклан налопаешься кильки в томатном соусе с чёрным хлебом. Я желудок успел испортить ещё в студенческие годы перекусами в сухомятку.

Изжога просто сжигала и единственным эффективным способом погасить «пожар» внутри себя, был си-

гаретный пепел. Скуриваешь сигарету, а пепел весь в ладошку собираешь. Заглотил и на время изжога отходит.

Если бы не вот такая «уравниловка» в питании личного состава, то в принципе, то нас, конечно, кормили получше, чем в солдатских столовых. А, если в море, то и того лучше. А к тому-же, часть моряков, плохо переносивших качку, отказывались от еды, а пищу приносили на всех. Чайкам и бакланам доставалась не самая вкусная из рациона подводника еда.

Мы тут вот болтаем, а в «красном уголке» работа кипит. Давайте прислушаемся, о чем там говорят.

— Саня, ты какую музыку любишь? — поинтересовался мой днепропетровский тезка.

— Знаешь, Саня, почти всю, если она душевная, даже классика есть бесподобная. Вот знаю, но не помню названия, что-то у Листа есть, а вот ещё у Вивальди «Времена года», потом «Лунную сонату» слушал не раз, кажется это Бетховена, а «Танец с саблями» Хачатуряна как заводит. Но больше люблю слушать ВИА «Весёлый ребята», «Самоцветы», у «Песняров» душевные песни, а группа «Цветы», на танцах, как врубят — класс.

— И всё? Ты вот это слушаешь?

— Ой, можно подумать, что ты чего-то другое слушаешь? — с недовольством ответил ему.

— Ты хоть слышал: «Битлз», Лед Зеппелин, «Дип Пёрпл»?

— Нет, Саня, я вчера с пальмы спустился, а сегодня у меня хвост отвалился, — съязвил я, — «можно подумать, что он из голубых кровей, английский лорд, ёмоё...» — подумал, но не стал говорить.

— Англия — «Старый Свет», центр культуры мира. Я обязательно попаду когда-нибудь в Британское королевство. Это очень клёво будет, поверь. Ты английский изучал в школе?

— Нет, с неким недовольством ответил я. Не спорю, что «Битлз» знает весь мир. Немецкий язык не такой певучий, как наш или французский, а итальянский замечательно звучит. Ты группу «Скальды» знаешь?

— Не-а, А, что?

— Мы с чуваками ездили в Ростов, они во Дворце спорта выступали. Столько у них инструментов, оборудования, хавайся. Какие композиции красивые. Вообще, вживую вся музыка красива, если сильно не фальшивить. Мы, как-то в 9-м классе сбежали всем классом с занятий и слушали, как наша одноклассница шпарила на пианино. Слушаешь и слушать хочется. А, если в зале с хорошей акустикой?

— Да и не только музыка, Запад — есть Запад. Там всё суперское. Тачки какие!? Куда нашим «Москвичам», да «Жигулям» тягаться. А шмотки какие? Ты джинсы настоящие носил?

— Нет, Саша, не мог позволить себе такого. Я год назад или чуть больше, учась в институте, носил хромовые офицерские сапоги, батины, им четверть века было, но сохранил их отец замечательно, только в праздники одевал. Я носил, ещё учась в школе, только не в школу, техасы. Это какое-то напоминание на джинсы, с более тонким материалом, лёгкие и прочные, и, главное, что они были не с прямыми штанинами, а расклешёнными. Мне очень нравились. Мультик «Бременские музыканты» видел? Вот похожи были на брюки Трубадура.

— А я сносил почти одни, в драке порвали, хоть и крепучими были. Я на них долго копил и подрабатывал. Мамка же одна у меня. Батю не помню. Мать говорила, что сидит за что-то, скоро выйдет. Видимо или «коньки двинул», или просто бросил нас. Я вот думаю, как мамка переживёт, если я за Запад «свалю»?

— Ты чё, серьёзно. Вот видишь, один только подумал и даже рта не дали открыть?

— А, ты, о ком? — не понял Гушин.

— Да об этом замполите, который, как ты, «за бугор» собирался.

— Он не так всё сделал, нужно было меньше говорить, а больше делать. Нафиг ему было что-то доказывать тут, у нас? Перебрался бы «за бугор», чтоб КГБ не достало и говори тогда всё что хочешь. Там всё можно говорить, рот не заткнут. Я дома «Свободу» часто слушал. Наши забивали, правда, но всё равно говорят всё о нас, что тут делается.

— Так и я отсюда могу сказать всё, что думаю о них и мне ничего не будет. Шо, не так? Может они о своих проблемах так же боятся говорить, ЦРУ боятся? — пытался я переубедить товарища.

Но, чем дальше мы зарывались в политические вопросы и я, как пропагандист с удостоверением, должен же был Саню убедить в неверности его восхваления всего западного и преклонения даже перед ними. У нас есть такие места, где мы обязаны преклоняться — это воинские захоронения, тысячи памятников и обелисков, посвященных павшим героям Великой Отечественной войны. Нет, Саша, с тобой нужно работать и работать в плане воспитательной, агитационной работы.

— Давай поднажмём, а-то «боксер» придет, а мы на месте топчемся.

— Давай подгоним работу, Саня. Потом поговорим, — согласился мой оппонент и мы стали готовить новый раствор для побелки.

Прошло месяцев пять после того, как мы вели с Сашей подобного рода беседы, и я уже служил тогда на соседней лодке, не в смысле в ряду на пирсе, а в соседний экипаж по кубрику в казарме. В принципе, мне и переезжать не пришлось, просто моя койка стала метрах в 8—10 от прежней.

На лодку Б-75 требовался старший моторист в штат, а на «Псковском комсомольце» я был простым мотористом. Мне так не хотелось, чтобы мне еще не присвоили звание старший матрос. Как и ефрейтор в армии, такие повышения считают, как «за стукачество» и говорят «лучше иметь дочь проститутку, чем сына ефрейтора». Пусть лучше будут красивые буквы БФ на погонах, чем по «одной сопле».

Не помню точно, в какое число мая, уже пробилась первая травка, было довольно тепло и радостно, что скоро мы перешагнем через следующий рубеж, станем «полторашиками», к нам должны будут салаги после учебок и мы передадим им «своё наследие». Ох, как тяжело ждать и догонять — с этим никто не спорит.

У меня появились те собратья, с которыми пришлось теперь плечом к плечу «тянуть ляжку» почетной обязанности, служить правдой и верой своей Родине на «большой океанской дизель-электрической подводной лодке 611 проекта». Она была, конечно, покрупнее немного «эски», в ней располагалось три «линия валов», а не два, как на предыдущей, а значит и три дизеля и три электрических машины, работающих и в режиме двигателей, и в режиме генераторов, для заряда аккумуляторных батарей. Три дизеля такой же серии, как и на «эске», и какие мы изучали в учебке.

А стало быть, мне нужно было привыкать к новому посту и учить «книжку боевой номер». А также привыкать к новым отношениям в другом экипаже, хоть практически знал всех, но не знал ещё как они меня воспримут. Хотя участь служивого не оценивалась его званием и должностью, не его ростом и весом, не его умственными способностями даже, а если они «выше средних», то это скорее минус, чем плюс.

Никому не хочется выглядеть дураком в глазах более умного человека. Я это не к тому, что я самый умный был

в новом коллективе, Боже, упаси! Просто не хотелось притворяться придурком, улыбающимся вечно и безропотно выполняющего приказание «годков». Флотские традиции — табу и я их, в большинстве своём готов выполнять, но «перегибов» не нужно.

С Саней Гушиным стал видеться редко, чаще вечером в курилке. Перебрасывались парой слов и всё. Он хорошо сдружился, когда я освободил для этого место, с Максимом одесситом, весельчаком-гитаристом и, как и он сам трюмным, а также с Андреем Гудковым, с кем я также поддерживал максимально, насколько возможно, товарищеские отношения.

В один из дней личный состав С 191 и нашей Б 75, построили с важным сообщением. Командиры предоставили слово представителю штаба дивизии в звании капитана 3-го ранга и капитана штаба Рижского гарнизона по вот какому поводу.

— Обращаемся ко всему личному составу с просьбой, если кто-нибудь что-то знает или о месте нахождения матроса ПЛ командира Ханина, Гудкова Александра Алексеевича или любую другую информация о нём, необходимо немедленно доложить об этом капитану Харитонову или по Уставу, «ступенчато», капитану 2-го ранга Ханину. Вопросы есть?

Все начали перешушничиваться, особенно матросы нашего экипажа. Мы понятия не имели, что случилось. А в команде Ханина вся вахтенная служба знала о пропаже матроса. Конечно, дежурный по кораблю получит хорошую взбучку, как минимум, за то, что не доложил о пропаже военнослужащего. Все надеялись на то, что ушёл матрос в «самоход» и не успел явиться к времени заступления на утреннюю вахту. Знали, что он передал вахту в 02 часа и должен был отдыхать. Но утром его нигде не обнаружили.

— Раз вопросов нет, старшего матроса Гудкова и мат-

роса Островного просьба остаться, для дачи показаний капитану Харитонову. Всем остальным заниматься по распорядку дня, — сделал указания «кап три».

— Разойдись! — скомандовал «кап два» Ханин, ему вторил кивком наш штабист, «кап три» Шохин.

В курилке началась дискуссия. Конечно, «ханинцы», особенно те, кто был с Саней в наряде «на нижней вахте» должны были что-то знать, слышать или видеть. Человек — не иголка, не мог бесследно исчезнуть. А раз капитан пригласил товарищей Александра, то, возможно, что-то и раскроется.

Вскорости мы узнали, что первым «раскололся» Максим Островский, одессит. Умеют же особицы «подход находить». А следом и Андрея Гудкова заставили говорить. И это без пыток, только умением сказать нужные слова, от которых волосы становятся дыбом даже на спине, если они там есть, а если нет, то вырастают быстро и тоже становятся дыбом.

Саша Гуцин в течение нескольких месяцев, в аккурат, начиная от нашего совместного с ним подрядного ремонта «Красного уголка», замыслил то, что проскакивало у него и при общении со мной — побег. И не просто побег со службы, а побег за границу. Обработать меня ему не удалось, я был до хруста костей парнем патриотичным. И он переключился на своих товарищей по команде Ханина, которым я уже не являлся после перевода в штат команды Рекста Давида Ивановича.

Не удивляйтесь, что не говорю в воинскую часть № такой-то или экипаж. Так было принято, не только внутри самого экипажа или команды, а больше вне их, когда представлялся, например, на построении или, когда на вахте именно так: «Вахтенный 2-й смены команды Рекста, матрос Ивашенко».

По этому поводу между личным составом срочной службы ходили шутки, типа: «кубрик команды Гав-Гав»,

«матросы команды Гав-Гав» и т. п. Мы такой «погонялой» были даже польщены. Пусть побаиваются, как «Волчий клык» или «Сорви голова», наша погоняла настораживала, как минимум.

План «беглеца» выглядел сравнительно просто, но от этого был не менее дерзким. Бежать Саша агитировал товарищей и до последнего они его как бы поддерживали, а скорее всего в серьёз не воспринимали.

В некоторых из своих задумок ему нужны были помощники. Когда, по его мнению, подходило время «Х», пора было раскрыть все карты. С Андреем проблем не было, он заступал на вахту вместе с Саней. То есть был с ним внутри лодки и мог помочь там в осуществлении плана. Максим оставался в кубрике на базе, так как на нижнюю вахту одновременно двоих трюмных не брали. Нужно было что-то придумать. И придумали, он попросится на верхнюю вахту, вне очереди, чему те, кто не заступал только рады будут. Только нужно решить со сменой, нужно стоять наверху во второй смене.

— Я заступаю на вахту во вторую смену. После полуночи, когда, как обычно все усыпают, мы с тобой, Андрей, в час ночи встречаемся во втором отсеке у артпогреба, «оружейки», короче. Вскрываем «оружейку»...

— Ты чё, Саня? Там же пломбы. Что потом? Сразу заметят, а ты говорил, что нас долго не кинутся, — недоверчиво отозвался Андрей, — может ну его это оружие?

— Не обсуждается. Без него нам не обойтись в дальнейшем. Мы пломбы не тронем, вдвоём снимем на весах, с помощью фомки, а пломбы останутся целыми. Берём только «волыны» и патроны, их спрятать легче. Выходя из рубки, запираем люк сверху. К нам присоединяется Максим.

— А, что мне с карабином делать, он не пистолет?

— Утопишь у пирса, он не пригодится. С одним заминка пока ещё есть. Я не знаю, как банки с регенеративными пластинами взорвать?

???

— Ты чё?! Хочешь лодку взорвать?

— Только взрыв и пожар надежно «заметают» следы. Вывод — сгорели заживо. И искать не станут.

— Не-е-е! Мы под этим не подписываемся. — Отвечал Андрей и ему был солидарен Максим.

Всё, что угодно, но погубить лодку ещё ладно, но людей?! На это товарищи зачинщика ни за что не соглашались.

— Ну, хорошо, хорошо! Просто закроем всех в лодке и связь нужно повредить. Провод чикнем на раз-два. Вешей с собой никаких не брать, не стоит лишние подозрения вызывать.

На том и порешили. План работал ровно до момента, когда нужно покидать, по сути свой вахтенный пост и не считая взлома оружейного склада — серьёзное преступление, подлежащее под статью «дезертирство».

Вот в этот переходной момент «подельники» «включили задний ход» и оба отказались от плана побега. Видимо уже осознав всю серьёзность происходящего момента. Но, при этом, конечно, продолжали играть в молчанку.

Потом уже на допросе Максим скажет, что на трапе ему Гушин сказал, что его послал дежурный по кораблю на базу с заданием. Но КГБешников не проведёшь. Всё тайное вскоре стало явным. Выяснилась пропажа трёх пистолетов ПМ с десятком запасных обойм и потихоньку, в ходе дознания стали всплывать новые и новые подробности.

Хорошо ещё, что Андрей и Максим проходили по делу, как свидетели. Был объявлен «Всесоюзный розыск дезертира, военного моряка с оружием в руках», а потому представляющего особую опасность.

Весь личный состав дивизиона был построен на плацу, где было объявлено о случившемся в дивизионе ЧП. Был организовано обследование всей территории ВМБ, с целью обнаружения оружия, в первую очередь и всех предметов, которые могли бы указывать и наводить на след дезертира.

Мы ходили цепью, плечом к плечу и переворачивали даже прошлогодние листья, где по определению не мог поместиться пистолет, разве, что патроны. Смешного ничего не было и, хоть все понимали, что Саша брал не для того оружие из «оружейки», чтобы потом оставить где-то на территории части и когда-нибудь за ним вернуться. Хотя, люди разные и что у них в голове — потёмки. Лично я, зная его бескомпромиссность, был уверен, что пистолеты с ним, а вот как он осуществит дальнейший план перехода границы — этого и я не мог знать, и со своими поделчиками видимо не делился тоже.

Срочно были организованы группы по три человека, во главе с офицерами и матросами срочной службы, для контроля и отслеживания на железнодорожном и автовокзалах, аэропорту и морском порту, переодетых по гражданке. Вот морской порт, если план беглеца состоял в достижении своей цели попасть на Запад, то он был очень даже вероятным. Были посланы не только радиогаммы в те места, где мог появиться Гуцин, дома или по адресам родственников, но и посланы люди, чтобы отслеживать процесс на месте.

Мы обшарили все кусты, все пирсы и под ними, задействованы были даже водолазы для обследования дна у пирсов — никаких результатов не было. Предстояло расширять круг поиска, в первую очередь окрестности посёлка Усть-Двинск с расположенным на острове лесонасаждением и посёлок Болдерая был на очереди.

Прошла практически неделя, не давшая результатов. Наступали очередные выходные дни. И в субботу посту-

пает тревожное сообщение: «В лесном массиве, на окраине посёлка Булли, на территории одного из дачных участков, неким молодым человеком был легко ранен хозяин дачи.

По тревоге мы были подняты, получили автоматы и в общей сложности 60 человек с младшими и старшими офицерами во главе, на трёх автомобилях ЗИЛ-131, под тентами, выдвинулись по месту поступления тревожного сигнала. Меня не покидала мысль, если случится такое, что мне придётся встретиться где-нибудь со своим товарищем лоб в лоб, будет ли он в меня стрелять. И, вдруг, если обстановка будет меня вынуждать, смогу ли я нажать на спусковой крючок? На этот непростой вопрос невозможно ответить заранее. Но хотелось бы верить, что у Саши найдётся и мужество, и здравости ума, чтобы не сделать непоправимую ошибку. Ведь нас инструктировали, при неподчинении приказа сдаться и сдать оружие, принимать решение на месте и стараться стрелять по ногам. У меня была большая надежда на мирный исход этой трагической истории потому ещё, что, когда он был обнаружен хозяином у себя на даче, мирно спящий молодой человек, тот попытался выпроводить незваного гостя, а тот спросонья, скорее всего, выстрелить, чтобы отпугнуть, а не убить. И как мы потом узнали, что пуля ранила хозяина, отрекаштив от какого-то предмета или даже не пуля, а отколотый пулей кусок древесины.

Прочёсывание местности ничего не дало. От этого легче никому не было. Это всё от того, что в то время, когда у милиции только «мобилы» были в виде раций. Кто знает, сколько времени прошло от того, как хозяин оказался глаза в глаза с дезертиром, хотя по одежде этого нельзя было распознать, так как он переоделся давно в гражданку. На дачах вообще могло не оказаться телефонов.

Командование решало вопрос о продолжении поисков и разрабатывало схему прочёсывания территорий.

Но пока этого сделано не было, руководство получило сообщение, что подозреваемый в преступлениях беглец задержан на железнодорожном вокзале у билетных касс. Кто-то из мичманов, дежуривший на вокзале, переодетый в гражданский костюм, узнал в парне с сумкой и темных солнцезащитных очках Александра, совместно с патрулём и нарядом милиции сумели умело задержать его, не дав воспользоваться оружием, которое всё было при нём в сумке.

После завершения следствия, на которое вызывали неоднократно и проходивших свидетелями его товарищей, и командование, была назначена дата трибуна, которая была организована, как показательная в стенах нашего матросского клуба. Вот такое оно, «бесплатное кино».

Личный состав находился уже весь в зале, когда приехал автозак и конвоиры ввели, одетого в ватник, в наручниках и улыбающегося, как мы привыкли его видеть, Сашу Гущина. Когда его усадили в стороне от сцены и рядом стали конвоиры, улыбка ушла с лица, подсудимый был серьёзен, но спокоен, в крайнем случае внешне не высказывал волнение. Мне показалось, что он скорее всего хотел показать, что он безразличен к тому, что здесь происходит и его это касается в самую последнюю очередь.

Военный прокурор зачитал весь состав вменяемого преступления по трём статьям: 1) «самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы...» (предусмотрен срок до 7 лет); 2) «хищение огнестрельного оружия и боеприпасов к нему...» (срок от трёх до семи лет); 3) «попытка применения оружия...» (срок от пяти до десяти лет).

С последним словом, подсудимый встал, раздвинул плечи, обвёл зал взглядом и присел не место. Но вот сейчас-то, как я думал не то время, чтобы геройство-

вать, повиниться бы не мешало. Благо, что угрозу взорвать корабль, посчитали просто шуткой и в деле не фигурировало.

Военный прокурор после совещания огласил приговор:

— «... учитывая молодость подсудимого и того, что ранее он не был судим, характеристики и отзывы командования, а также все факты, ставшие достоянием военной прокуратуры, в результате расследования, военный трибунал постановил: путем частичного сложения наказаний, подсудимый Гуцин Александр к 5 годам лишения свободы...»

«Да, брат, вкиснет тебе там. Это не робу «годкам» стирать, и не шуршать за троих на хозяйственных работах, тем более мог уже здесь перейти в другую касту «молодых». А в тюрьме придётся довольствоваться «птюхой» не белого хлеба, а чёрного, без масла и сахара. По любому жаль парня, 19 лет всего прожил, а пятно на всю жизнь. Храни тебя, Господь. Верится с трудом, но очень хочется, чтобы тебя мама не только дождалась, но, и чтобы ты стал потом, когда придёшь домой, опорой.

Глава IX. «Ломка»

Я любил построения дивизиона на плацу, всю торжественность момента, команды, ровно выстроенные коробки команд, в одной из которых и ты, наблюдаешь, как из штаба бригады и 107 дивизиона неспешно, но по военному чётко выходит и направляется мимо дежурной части слева и камбуза справа к плацу командир дивизиона, и по команде дежурного по дивизиону: «Равняйся! Смирно! Равнение на середину!», докладывает подошед-

шему комдиву, что личный состав дивизиона построен, наблюдать, как комдив останавливается и выслушав доклад, приветствует весь личный состав: «Здравствуйте товарищи!»

После глубокого вдоха многоголосый строй подводников приветствует своего любимого комдива: «Здравия желаем товарищ капитан первого ранга!» Сказав, что любимого — это не лицемерие. Дело в том, мне полтора года посчастливилось служить в дивизионе под руководством капитана первого ранга Камышана Вячеслава Юрьевича.

Лишь, собирая материал о своих сослуживцах, особенно интересно было узнать о судьбе командиров, старших командиров или как сложилась стезя у младших, потому что прошло столько времени. К сожалению, комдива не стало в 1913 году, но он прожил долгую и славную жизнь морского офицера до 97 лет, отдавшему 30 лет службы Тихоокеанскому флоту, где служил практически на всех имеющихся в то время на вооружении лодках и 10 лет был комдивом дивизиона, четыре года до ухода на пенсию командовал 1107 дивизионом подводных лодок.

Я узнал не только то, что он мой земляк, родился в столице Дона, Ростове-на-Дону, но и ещё один факт. Он так отозвался о замполите Саблине:

«Речь Саблина была направлена не против Советской власти и ее ценностей, а против, грубо говоря, задрожавшей тогдашней правящей верхушки. Скажу и о том, что весь, весь экипаж полностью поддержал Саблина. Почему? С самого начала он ясно объявил о том, что все несогласные могут сразу же воспользоваться услугами дежурного катера, спокойно отправиться на берег, остаться там — никто никаких препятствий чинить не собирается. Тем не менее, все остались на борту. Итак, не под „угрозой применения оружия“ взошёл Саб-

лин на ходовой мостик. Просто офицеры и мичманы (даже те, кто не был согласен с Саблиным во всем и до конца) разрешили Саблину захватить корабль. Разрешили своим непровинением, своим самоустранением из хода событий, своим самоарестом».

Я уверен, если бы судьба «декабриста» и экипажа БПК «Сторожевой» была в руках нашего комдива, он бы не допустил трагедии. Хотя, как обычно бывает в такие трагические для всей Родины, в принципе моменты нашёлся настоящий морской офицер, который и как генерал Матвей Кузьмич Шапошников, спасший своим приказом не стрелять из танков по мирным демонстрантам.

Через командующего войсками Краснознамённого Прибалтийского пограничного округа КГБ СССР генерал-лейтенанта Константина Федоровича Секретарёва капитан 1-го ранга Нейперт получил приказ: «Немедленно открыть огонь и уничтожить корабль». Пришёл час, когда командир бригады Нейперт должен сделать выбор. Нет закона на все случаи жизни, потому что их бесчисленное множество, нет и инструкции, которая могла бы перечислить все обязанности должностного лица. Поэтому перед комбригом встала сложнейшая проблема, а не может ли быть случая, когда невыполнение приказа будет единственно верным решением? Руководствуясь исключительно собственными соображениями и внутренним голосом, Нейперт принимает смелое решение.

Пограничные корабли шли параллельным курсом со «Сторожевым». Нейперт приказ «открыть огонь и потопить корабль» не выполнил. 16 ноября 1975 года он был отстранён от командования Лиепайской бригадой пограничных кораблей. Но что стоит эта должность, если человек с настоящей русской душой и горячим сердцем патриота спас около двух сотен тех, кто находился в то время на «Сторожевом», ценой отказа выполнить приказ и поплатиться карьерой. Да ничего не стоит и стоит

очень многого, доброй памяти и уважения потомков. Мы вспоминаем таких людей, как истинных героев. Камышан, я просто уверен, иначе бы не поступил, на месте Алексея Сергеевича Нейперта, кто предпочел гордую участь отставника, не запятнав свой красивый морской мундир кровью соотечественников.

Я горжусь Вами, мои соотечественниками. Я горжусь тем, что моя служба бала связана с Военно-морским флотом и что я был счастлив служить под началом таких комдивов и флотоводцев.

У меня служба налаживалась и не потому, что ослаб прессинг «годков», такого никогда не дождёшься, смотри, как-бы в опалу не попасть. Я по штату был старшим мотористом. Мой командир отделения старшина 1 статьи Ольшанский Андрей был из Беларуси, как и спортсмен, о котором я уже немного поведал, Сергей Кудряшов. Но, в противность земляку был добродушный по натуре человек. О таких говорят обычно, что «и мухи не обидит».

Но такого же я не мог сказать о другом годке, старшем специалисте по обслуживанию среднего дизеля, Вилкасе Жукаускасе. Так, если не задуматься, то как и пионер воздухоплавания, с фамилией Жуковский, если попытаться перевести. А вот имя я всё время ассоциировать с Виктором. Ой, братцы, как же я ошибался. Я рос с братом Виктором с самого рождения — это небо и земля, ни в какое сравнение нельзя ставить.

Уже намного позже, когда мы все практически стали обращаться к астрологам, хотя уже давно жили семьями и имели детей. И вот решили проверить, а правильно ли звёзды нас свели или нет? И сразу отвечу по поводу половинок — правильно. Рак со Скорпионом очень хорошо мирят, оба считаются водными.

А что мне выдавала расшифровка литовского имени? Оказывается — это волк. Так это я мог и без гороскопов и переводов понять, по поведению. Вот он и заменял мне командира, но не на лодке, при выполнении задач, а здесь на базе, в кубрике. И не только меня «прессовал», его «кровожадности» не было конца. То ему, видите-ли спать мешали, а спать он любил всегда, вне зависимости от распорядка. Даже иногда, когда командование было в казарме, при вопросе: «Старшина 2-й статьи, вы почему в неположенное время отдыхаете?»

Он на это спокойно отвечал: «Вахтенный 3-й смены, сменился, сейчас положен отдых». Он врал так нагло с характерным шипящим акцентом и ему верили или делали вид, что поверили. Не составляло большого труда, взять график дежурства, где всё отмечается, как в таблице розыгрыша Кубка страны по футболу.

Мичманский состав, являющееся в основном старшинами команд специалистов или служб, офицерский состав, включая замполита, старпома и сам кэп, все прекрасно знали и негласно поощряли «годковщину». По большому счёту, «годки» делали работу командиров БЧ, а «подгодки» уже и самих «сундуков». Кто может отказать от такой лафы? «Да я вас умоляю!» — сказал бы Саня Крамарец. Если они начнут бороться с этим устойчивым десятилетиями явлением, то им самим придётся пахать и пахать, «засучив рукава». Должна была в этом случае завертеться вся отлаженная система и будут непременно сбои и постоянно, везде и во всём.

Это сразу смогут ощутить на всех ступенях и рангах, вплоть до самых высоких. За счёт командования «годков», в казармах и на корабле, на прикрепленной территории и на пирсе всегда был образцовый порядок. Он будет и в том случае, если приказ поступит после отбоя, а утром отдавший их с изумлением заметит, что «...вот черти, когда успели, ночью, а как? Замечательно, но я же пошутил...».

Закрутится сразу и комитет комсомола и партячейка и в штаб дивизиона полетят рапорты, да что там, то и до комдива с комбригом дойдёт и очень быстро. Вся «грязь» всплывёт, как при продувке цистерны грязной воды со сборами из гальюна. Не красиво будет, ох как некрасиво.

Редкий «годок» будет выдавать команды «карасям», если это не личное задание. Обычно они действуют через «подгодков», а те ставят на любые работы, приборки и прочие мероприятия «полторашников». А оставшиеся две «касты» обиженных и оскорблённых только молча исполняют приказы, с той лишь разницей, что годичникам, т.е. «борзым карасям» хоть немного, но меньше достаётся, от того-то они и «борзые».

Вот через много лет, оценивая я вот эту систему и хочу сказать, что всё неплохо, если бы ещё набор по «кастам» был поравномернее. Если «годков» раза в два больше, чем «карасей», да ещё тех же «подгодков» где-то в полтора, то на каждого «карася» сваливается тот объём, которые должны выполнять трое или четверо.

Нас на «букахе» было всего четверо и столько же «борзых карасей». Напряг сумасшедший. Спать некогда, пока идем утром по темноте с трою и дремлем в строю, главное не свалиться, почувствовать плечо товарища. Нам «очень повезло», что мой земляк, штурманский электрик Сергей Раевский хорошо рисовал. Как только «годки» об этом узнали, его не стало на авральных работах. Он сидел в тепле, где-нибудь в каптёрке и рисовал альбомы «годкам». А это значит ещё Серегину норму на троих уже делить. В итоге, как сказке про попа и работника его Балду.

Я всё о «годках», да о «годках». Но они также и плохими враз не становятся, перейдя из касты в касту и, наоборот, хорошие по велению волшебной палочки не становятся. Вот хочу отметить, что мы чуточку только

застали тех, кто сменял «северян», лодка базировалась на Северном флоте в Гремихе. Они поведали, что те, кого они запомнили, как мы их, были настоящие мореманы.

А что мы хотели, если лодка была заложена в то время, как и я родителями. Факт — вещь упрямая. И если мы в этом возрасте молоды и полны сил, то субмарина становится уже старушкой. При проверке её погружением, комиссия уже установила предел погружения не 250, а всего 200 метров. Организм лодки тоже устаёт и начинает быть подвергнутым разного рода заболеваниям. Поэтому, ребята, которых мы застали и в ноябре, декабре проводили на «гражданку», полтора года восстанавливали её утраченные параметры, ремонтом, заменой и наладкой в Кронштадте.

Новоявленные же, «дорвавшись» до высшего «сословия» матросской олигархии, кто наслаждался, насытился властью и притих, кто особо и не рвались к ней, как Ольховский, но такие, как Вилкас или Дунаев Вася, подобно вампиру, всё жаждал нашей крови, хоть плач. Всё ему были чем-то обязаны. Ну, ладно Серёге из Зернограда, города моей юности, того и хлебом не корми, дай только в тепле отсидеться, малюя альбомы.

Нет же, тому же Васе нужно, чтобы на него шуршали все. Кто заступал дневальным во вторую или третью смену, должны были чистить наждачкой, а потом полировать суконкой и пастой ГОИ макет подводной лодки из толстого эбонитового прута.

— Ты же, «карась» без работы уснешь, накажут. Придётся тогда мне тебя воспитывать. Оно тебе нужно. Вот, смотри, что тебе нужно будет за смену сделать, — и показывал на макете.

Другого «загружал» бляхой к дембельскому ремню. Если солдаты любят бляху изгибать «в бараний рог», то у нас считалось престижней, если бляха опилена макси-

мально по высоте, выравнена до прямой плоскости и начищена до зайчиков солнечных и зеркального блеска. И этого мало. Он решил, что стоять на вахте нужно лишь для «галочки», чтобы можно было, случай чего тыкнуть начальству в график и сказать: «Я, как последний „карась“ ночные смены за них тяну, а мне бы и пора отдохнуть...».

На самом деле это были «рисовки», подобно тому, как Кудряшов ремонтировал «классный уголок» чужими руками.

Василий, судя по ехидству характера, не пользовался у девушек успехом и не представлял никакого интереса, как «серая мышь». В лице его были отталкивающие черты, начиная с прищуренного лицемерного взгляда до редких, как выщипанных усов, которые чтобы увидеть нужно было очень постараться. Взгляд, без прикрытия, хитрый с прищуром, да и телосложения был вовсе не спортивного. Но зато, возвращаясь из увольнения любил распространяться о своих похождениях. И кому-кому, а мне было абсолютно ясно — «гонит пургу» ловелас новоиспечённый. Такими вещами, которыми хвастал Дунаев никакой здравомыслящий человек делиться не будет, тем более девушки не такие уже и дуры, чтоб связываться чуть-ли не с извращенцем.

И несмотря ни на что, он всячески пытался поднять свой авторитет, но кроме пренебрежения к собственной персоне, даже среди своих одногодков не встречал. Из-за всего этого просто бесился. Даже кэп на построениях всегда делал ему замечания: «Дунаев, сбрей эту порнографическую пародию на усы. Не позорь флот». Вместо этого, он покрасил свои непонятного цвета усы в чёрный цвет, что ещё больше привлекало внимание, но не добавляло во внешности привлекательности.

Мой товарищ «по неволе», Виктор Туров, которого изначально считали молдаванином из-за сильно смуглой

кожи. И до тех пор, пока Сережа Кудряшов, использующий Витю в качестве «боксерской груши» не заметил, что это у него просто немывтая систематически шея. Когда он снимал тельняшку, такой контраст обнаруживался, «мама не горюй». «Годки», насильно скрутив, начали его купать. И больше всех куражился Вася Дунаев, взяв жёсткую обувную щётку и хозяйственное мыло, драл бедного моториста до крови.

С Витькой не соскучишься. Это мы «Великого шланга» даже на камбузе редко видели. Это так себя сам прозвал Серега Раевский, добавляя иногда «гофрированный». А под «шлангованием» у нас понималось отлынивание от всяких работ. А раз у него было особое «годковское» на то разрешение, он называл себя «Великим». Витя был «проще пареной репы». И удивительно, но стойко переносил тяготы и лишения. А их нам двоим выпало больше всех.

Лешку Николаева старались так не донимать, как нас, хоть он всегда выполнял практически ту же работу, что и мы, но был сам при себе, что настораживало даже нас и никто не знал, как он может среагировать на что-то, к чему его ещё не привлекали. А мы с Витьком «ковали и калили» свой дух, это было нелегко, характер вырабатывался не на срок службы, а на всю жизнь. Стисни зубы, когда невыносимо и тяни, упал — поднимайся и иди дальше, не получается — ползи. Вот такие жизненные принципы вырабатывались в нас.

Не хочется обижать сослуживца, но у него был слабый общеобразовательный уровень и многие понятия для него вообще были из мира фантастики, непостижимы. Мы вообще удивлялись, как он с восьмилеткой, которую он закончил только благодаря тому, что его тянули за уши, мог попасть на флот.

Туров почти всегда спал на спине. Это во многом определяло его упорство и настойчивость. Но и храпел

при этом так, что переборки в баталерку и даже в соседний кубрик содрогались. По каким-то законам, наши кровати располагались по принципу каст: мы ближе к входу в кубрик, а дальше по возрастающей. Почти каждую ночь, потому что мы ложились всегда за полночь, над моим, теперь одним из ближних товарищей, проводились воспитательные мероприятия.

Чаще всего, в довольно широко открытый при храпе рот, Вити, выдавливали приличное количество зубной пасты. «Годки» усаживались на соседние койки, в том числе и мою с краю, наблюдая, чтобы он не захлебнулся. Сначала, паста вызывала раздражением выделение слюны, в результате чего храп менял интонацию, становился «булькающим» с выделением пузырей. Даже хохот, на который собирались и старослужащие соседней С 191, чтобы посмотреть «прикольное кино» не мог его разбудить.

Потом всё-таки Турова будили, он сидел на кровати с недоуменным видом, размазывая выплывающий уже изо рта состав по щекам. Затем кто-то сопровождал его в умывальник и при этом ещё следил, чтобы тот хорошенько умылся, с мылом и шею не забыл.

«Велосипед» тоже применяли, но реже. Это, когда между пальцами вкладывались кусочки газеты и поджигались. Когда огонь начинал обжигать ноги, «воспитуемый» начинал брыкаться, напоминая движение ног, при езде на велосипеде. Ну, а «змейку» приготавливали заранее. Для этого, пока тот, кого намечалось проучить, находился вне кубрика, поднимали одеяло и простынь и под неё укладывали беспорядочно швейную нить, конец которой выводили к спинке у ног.

Когда храпящий крепко уснув, начинал издавать серенады, подходили к кровати и начинали медленно тянуть за нить. У спящего сквозь сон пробивалось осознание, что под ним на кровати что-то есть, движения нити напоминали извилистые движения змеи.

Но самое забавное было то, что однажды, стоя на посту у тумбочки дневальным, Витя, умудрился, заснув, хряпнуться на пол и после этого даже не проснуться. Когда на грохот к нему подбежали, он лежал плашмя на животе и только сопел.

Как я уже говорил, старослужащие, просто для «галочки» вписывали себя дневальными в кубрике, здесь тепло и спокойнее, чем на лодочной нижней вахте. Самых молодых ставили в первую смену — это самая тяжелая смена. Заступаешь в 6 часов вечера, когда в кубрике движения и нередки визиты офицеров и с утра нужно было с «подъёма» принимать прибывающих мичманов и офицеров, и с постоянным напрягом до конца смены, т.е 10 утра.

Но это ещё не всё. Старослужащие ставили себя во вторую или, реже в третью смену. При этом, не все, но многие рассчитывали на то, его ночную вахту отстоит молодой. Иногда это было продиктовано тем, что после 22 часов по телевидению были интересные передачи и все «годки» собирались в «святом углу» для просмотра и они «просили» чуток за них постоять, дабы досмотреть интересное, а иногда это было на всю смену и совсем беспроегрышный вариант — это «натывать» «карасей» нарядами вне очереди и приурочить их отработку в виде 4 часов дневальства «за того парня».

Сегодня мне «повезло», «господин» Дунаев соизволили заступить на вахту, потому что крайний раз был с полмесяца назад, тогда, как мы заступали по обыкновению, но не по факту через двое суток на третьи. Как несложно догадаться, что меня поставили в первую смену, Вася во вторую, и «борзый карась» Владимир Урсулов, старший матрос, радиометрист, родом из Молдавии в третью.

Урсулов сразу заявил, что в переводе с молдавского или венгерского его фамилия означает — Медведь. Ни внешне, ни «рыком» сходства никакого не было, конеч-

но, а вот в походке с интересной раскачкой что-то, пожалуй, в сходстве просматривалось. Голос был сипловатый, сам блондин, черты лица даже миловидные. Какой он Медведь? А вот хитринки у него было с избытком. Он ухитрялся даже отлынивать от аврала, когда его одногодки пахали.

Он, в отличие от меня, например, никогда не говорил то, что думал, а лишь то, что должно понравится представителям высшей касты или командованию. И, если его ловили на неправдивости информации, он ухитрялся всё равно выкрутиться, подкупая своей добродушной улыбкой.

Другой его одноклассик, для сравнения — это небо и земля. Он никогда не юлил, не изменял выбранной позиции, был максимально честен. Если видел, что «карасям», рвущими жилы, с таким темпом не управиться с заданием и тоже работал наравне на пределе сил. Он даже с Урсуловым особо не дружил, хотя иметь такого друга, и я был бы не против, так как во многом мы были с ним сильно похожи. Я не представил, я говорю о Андрее Антоненко, в то время он был старшим матросом и старшим специалистом команды трюмных.

А тем временем моя смена дневального подошла к концу. Провели вечернюю поверку и все, кому было положено, отправились на уборку. «Годки» улеглись и уселись удобно напротив голубого экрана. Я подошёл к Васе, который смотрел на меня такими глазами, как будто не понимал, что я от него хочу:

— Вася, время. Я уже полчаса перестоял.

— Ой, ну постой ещё немного, минут 20, кино закончится, я приду, — с недовольством, что оторвал его от просмотра ответил тот.

Прошло ещё полчаса, выключили основное освещение в кубрике, горела только синяя лампа дежурного освещения и светился голубой экран, заливая приятным

нежным цветом весь кубрик. Я снял с левой руки нарукавную повязку, пытаюсь передать её Дунаеву и собиравшись передать штык-нож.

Увидев то, что я его «принуждаю» заступить на смену, он взбесился, схватил снятый с ноги кожаный тапочек и запустил в меня со словами:

— «Карась», бегом к тумбочке! Ты почему пост оставил? — при этом ехидно улыбаясь через редкие усы.

Такого я стерпеть уже не смог. Импульс крови был таким мощным, что приподнял черепную коробку. Я без раздумий бросился на этого, в тот момент я представлял его каким-то зверем, он играл со мной, как кот с мышкой. Но я не мышшь. Я вцепился очень цепко и мне показалось, что мои пальцы проникли через его гнилое нутро в самую душу. Я даже почувствовал запах гнили, исходящей из него, а может быть эти запахи исходили и вовсе не от гнилой душонки, а отчего-то другого. Я оторвал его рывком от кровати и понёс на выход, там, где свет, чтобы он отчётливо мог глянуть в лицо своей смерти.

Он барахтался и вырывался, старался ухватиться за что-нибудь спасительное, развернул две пары двухъярусных кроватей вместе с отдыхающими моряками. Он шипел, что-то пытался кричать, хрипел. Но я и не думал его выпускать. В кубрике поднялся шум от грохота кроватей по паркету, а потом и загреми, затронутые почти у выхода, предназначенные для занятий по спецподготовке длинные столы. Один из которых завалился и вместе с ним завалился, и я на то, что держал в руках.

Отовсюду бежали к нам моряки. Когда я приземлился на крикнувшего от падения на пол Дунаева, у меня молнией пробежала мысль и я, отпустив правую руку, просунул её на левый бок, выше матросского ремня и крича прямо в мерзкую морду у меня перед глазами:

— Сука! Падла, завалю, как барана! Молись, гад! — и только сейчас отчётливо понял, что штык-нож, кто-то уже успел выдернуть у меня из ножен.

Десятки рук, вцепившиеся в меня теперь уже, отрывали меня от Дунаева, который просто хрипел и лицо начинало синеть.

— Оставьте меня! — кричал я, — убью, скотину!

Меня не вели, а несли практически плотным кольцом в галльон. Когда завели внутрь, то один остался стоять у дверей, да и за дверью, уверен кто-то для подстраховки и, заодно «на шухере» стояли. Из-за того, что «годки» стояли кучно вокруг меня, то это мешало им прицельно бить по мне. Хотя пару ударов по голове я пропустил через руки, удерживающие ещё меня, видимо, это Сергей Кудряшов отрабатывал на мне профессиональные удары через «защиту». Притеснив меня к стене, где располагался писсуар, удары уже сыпались вымеренные и руками и ногами.

Я боли почти не чувствовал, а вот зло переполняло мне грудь. Сложность была в том, что необходимо было одновременно устойчиво стоять, а для этого лучшего места, чем угол у входа не придумать. Там я мог плечами одновременно упираться в две стены и сбить меня было бы трудней, чем в середине стены, где любой сильный удар сбоку мог лишить меня равновесия.

Кудряшов и подошедший, отдышавшийся Дунаев, куражились больше всех. Виталис не упустил возможность передать мне пару «приветов» из Литвы. Что-то у них не получался изначально задуманный план, время шло, они начали уставать, а пока что безрезультатно. Все оставались. Я через руки, защищавшие лицо и голову, видел их возбужденные лица. Даже опытный боксёр, Сергей, не мог понять, что это на ринге, когда боксеры один на один сражаются, угол — место, где большая вероятность нокаутироваться противника. А в моем случае — это единственное спасение, и всё из-за того, что там,

на ринге нет стен за канатами, где можно при ударе разогнать кулаки, а тут всё иначе.

Из-за стен, боковые удары я практически не принимал, а больше прямые джебы и пинки ногами. Атакующие просто боялись бить с замаха, чтобы, в случае моего уклонения, не разбить кулаки о стены.

Первым повёл «базар» тот же Кудряшов:

— Ты кем себя возомнил «карась»? Когда такое было, чтобы «годки» подчинялись «карасям».

— А ты считаешь, что «карась» — не человек и его можно питать, как это пытался сделать этот ЧМО? — я кивнул в сторону Васьки.

— Да он завтра жаловаться пойдёт! — ехидно снова добавил Дунаев.

— Больно надо. Много чести, чтобы о тебе командование заговорило.

— Гля, как он оборзел! — не унимался мой оппонент, — в галюне тебя сгною!

— Заморишься!

В мою сторону после этого ответа снова посыпались удары. При очередном затишье, кто-то спросил:

— Что мы с ним будем делать? Видишь нас сколько? Целый десяток только тут. А вас всего три-четыре «карася», и никто за тебя не вступится.

— Потому-то вы все такие смелые. Мальчика для битья, боксёрскую грушу вам заменяю?! — пытался огрызнуться я на поток их угроз.

— Пусть просит прощения за борзость, — предложил Виталис.

— Не за что мне просить прощение. Пусть сам просит, — ответил, кивая опять в сторону Дунаева.

— Да, давайте его сейчас тут прям замочим и все дела, — опять не унимался Васька.

— Он же пожалуется кэпу, — ответили ему с издёвкой, — и нас больно накажут. Пожалей нас, не губи!

Понимая, что «воспитательно-наказывающая» миссия заходит в тупик Кудряшов опять взял ситуацию под свой контроль:

— Короче, у тебя есть только два варианта: ты сейчас просишь прощение перед Васей и всеми нами, и мы всё забываем или будешь в наказание стоять все ночи подряд на тумбочке. Посмотрим на сколько тебя ночей хватит, на одну, на две или три. Но тогда, если будешь проситься, мы еще подумаем, чем ты нам «недоимку» компенсируешь.

— Просить прощение не буду. Не за что. Дневальным — значит дневальным.

— Ну, ну! Умойся иди хорошо. Если, где синяки всплывут, скажешь, поскользнулся в умывальнике и об ванну для мытья ног стукнулся. Иди. Через пять часов заступать на смену.

«Надо же, а Дунаеву всего час осталось стоять... Кто же всё ж таки у меня нож выхватил?» — думал я, — «от верной тюрьмы спас», за такую прыть и «годка», а-то, что это годок выхватил у меня штык-нож, я не сомневался, можно было после всего поблагодарить.

Долго не спалось, мысли и возбуждение не давали спокойно уснуть. Казалось, что только глаза закрылись, как по трансляции прозвучало «Командам вставать». Так как я лежал на неразобранной кровати, поднялся, быстро продрал глаза и сменил Владимира Урсулова у тумбочки.

Голова гудела, всё болело. На ногах было много синяков и ссадин, и маленький «предатель» под левым глазом. До свадьбы заживёт — подумал я. Теперь нужно как-то доказать этим гавнюкам, что совсем не сломлен и буду стойко переносить, как и подобается советскому воину, тяготы и лишения. Я выдержу! Мой дух не сломлен, я выдержу!

«Годки» держали слово. На графике дневальными были одни, а по факту, с 22—00 до 06—00 у тумбочки еже-

дневно стоял я. Я замечал, что мой мозг начал давать сбой. Я сидел на занятиях и, если раньше был активен, то теперь, даже если глаза были открыты — мозг спал. Нервная система была на грани срыва. Я научился урывками по несколько секунд, в лучшем случае, минут, отключаться и даже с открытыми глазами. Благо, что у меня был отличный вестибулярный аппарат, как только я клонился, сразу приходил в себя и не допускал падения.

Переход с базы на лодку были для меня также 20-тью минутами дремоты в строю. На лодке страшно было закемарить в трюме, это автоматически грозило нарядом вне очереди. Мне ещё гальюна, для полного счастья не хватало. Две ночи отстоял, три, четыре... В ушах ощущал звон, голова кружилась, ноги были ватными и начали отекать. Пятые сутки мне не приходилось даже снимать робу с себя. Было такое ощущение, что она приросла у меня к коже.

Шла пятая ночь бессменного ночного дежурства. Я с трудом понял, что дверь с лестничной площадки в коридор легко и бесшумно отворилась. Зашёл дежурный по дивизиону. Дошёл до тумбочки и, остановившись напротив меня, ждал доклад.

Я, отдав ему честь, приложив руку к пилотке, смотрел туманными глазами на капитана 2-го ранга и даже забыл, что нужно говорить. Я с трудом осознавал, что происходит. Моё состояние можно сравнить с тем, что между небом и землей — уже не человек, но ещё не ангел.

— Матрос, позовите дежурного по команде! — приказал «кап два».

Я подошёл к лежащему сверху запроваленной кровати дежурному старшине и потряс за ногу.

— Чё? Кто? — вскочив, но не понимаю в чём дело.

Я, кивком головы показал на проём прохода из кубрика в коридор, где его ожидал дежурный по дивизиону.

— Старшина, что у вас неполный штат в команде? Почему я за неделю второй раз вижу одного и того же матроса, да ещё в таком состоянии. Я доложу об этом вашему командиру. Немедленно смените дневального. Ему спать. А завтра с утра в медчасть, пусть проверять. Загна-ли молодого, как лошадь.

— Есть! Товарищ капитан второго ранга! — отрапортовал дежурный по команде, — всё будет сделано!

«Кап два» козырнул и вышел.

Старшина 2-й статьи Пасечник, внимательно посмотрел мне в глаза, которые ни о чём ему не рассказали. В них было полное равнодушие ко всему происходящему.

И всё-таки я победил, я доказал, что не две-три, а практически все пять ночей я выдержал, не сдался, не стал просить пощады и прощения. Значит, будем жить!

Глава X. Учения «Океан-76»

Когда я «непокорным Варягом» стоял «на якор» у тумбочки дневального, а «годки» нет-нет, да и шоркали ночью плохо одетыми тапками мимо меня в галюнь, то обязательно «стреляли» меня глазами и пытаюсь прочесть в моих, как им, видимо хотелось увидеть, раскаивание, желание упасть на колени и просить пощады. Возвращаясь из галюня, осмотр повторялся. Думаю, что многие в глубине души понимали, что беспредел творится и в то же время не могли смириться с тем, что в их непоколебимом господстве кто-то осмелился усомниться и, как минимум высказать протест против произвола.

Да, он был задушен, как и безрезультативная попытка противостоять многолетним общественным устоям общества замполитом Саблиным. Видимо, общество в то

время ещё не созрело для перемен, как потом будет петь Виктор Цой и Игорь Тальков много песен посвятил России, видя созревшую необходимость в изменениях многих социальных аспектов жизни общества и политических, конечно.

Хоть мой разум со временем становился всё более затуманенным, я начинал понимать, что «годки» начинали всё больше и больше бояться, даже не того, что я могу просто загнуться, не выдержав нагрузки, а за себя. Их тельняшка была им ближе к телу. Но прекратить эксперимент тоже уже не могли. Что они, что я шли по грани лезвия, отступить нельзя было, никак.

Уверен, что моё состояние прекрасно видели и старшина команды мотористов, мичман Самарин Валерий Николаевич и «батя», командир БЧ-5, капитан 3-го ранга, инженер Ивлев Федор Федорович, да все, пожалуй. Такое «бельмо» в строю, при утренних построениях, построениях на развод дивизиона, в строю, когда мы выполняли переходы с казармы на лодку, при построении на подъём военно-морского флага, на работах и занятиях... Да, Боже мой, слепой и тот увидел бы.

Но никто этого не хотел замечать. Даже, если бы «собака лаяла», караван всё равно бы не остановился. Наверняка, командование думало, что, раз что-то было — по делу. Зато в кубрике, подсобных помещениях и на лодке порядок. А это мелочи — «перемелется, мука будет». Почти уверен, что так думало командование. Главное, чего они боялись — это ЧП в команде.

Кроме того, что произошло с молодым матросом в команде Ханина на С 191, в соседней казарме, где в кубриках, как и в нашей на втором этаже произошло ЧП, которое замаять, как попытку суицида матроса, замаять не удалось. Там служил бывший мой сослуживец по учебному отряду, Саша «Пухлый», а по настоящему его фамилия была Панасенко. Это был паренёк среднего

роста, действительно пухленький, с явным избытком веса, всегда улыбающийся, позитивный, несмотря ни на что.

Честно, не понимаю, как на такого «солнечного» человека могла вообще подняться рука. Видимо, отсутствие какого-либо противостояния против беспределов, чинимых там у одуревших от безделья «годков», и привели к той трагедии, которая случилась. И несмотря на то, что все обошлось без жертв, слава Богу, но чистый и безгрешный душевный мир этого «божьего» человека, который, как я думаю и муху, которая тонула, вылавливал и пытался реанимировать был затоптан грязными прогарами с запахом омерзительного пота, выделяемыми телами бездушными, безбожными, с какими-то нацистскими садистскими замашками тупорылых, даже «годками» их не хочется называть, потому что «годки» — люди годами сложившейся касты, с установленными не враз правилами — а тех, кроме, как тварями, омерзительными человекообразными приматами и назвать нельзя. Они вне закона, однозначно.

Когда Саша был в учебке, над ним смеялись, шутили, подкалывали, но унижать ни у кого даже язык не повернулся, не говоря о физическом воздействии. Его внешний вид не совсем говорил о мире внутреннем. Вот эта его внешняя простота, на грани того, какими бывают простаки и даже простофили и сыграла приманкой для удовлетворения безумных прихотей тех, кто должен был стать наставников, помощником в овладении воинской специальности, укрепления моральных и физических качеств.

Положа руку на сердце, скажу, пусть меня осудят то большинство, которые, как и положено в современном правовом обществе, являются противниками любого насилия, тем более самосуда, осудят даже мои мысли, моё желание, которое превалировало в моём помутнённом

разуме, только при воспоминании о тех событиях, которые стали достоянием гласности, за которые я бы на месте Саши, не моргнув глазом, убил своего обидчика, перед тем разбудив его в кровати, чтобы он видел от кого примет свою заслуженную кару. Вы уже меня осуждаете? Ну и правильно. Вы же знаете семь страшных грехов, за которые нет прощения. А вы знаете, что убийствам, как таковым в религии христианства не всё так однозначно.

Вопрос греховности убийства — один из самых сложных в богословии. Для его разрешения необходимо обратиться к главному авторитету — Священному Писанию. Я приведу несколько выдержек.

«Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Быт. 9:6).

Мы все знаем Закон Божий — «Не убий!» (Исх. 20:13, Вт. 5:17).

Существует огромная разница между злонамеренным убийством другого человека и актом правосудия со стороны государства. На древнем иврите (его еще иногда называют библейским), на котором был написан Ветхий Завет, слово «убить» имеет два значения:

«рецах» и «харига» («Раца» означает преднамеренное убийство с целью ограбления или из-за ненависти. «Хараг» означает лишение жизни в качестве наказания за преступление или во время войны). На скрижалях с Десятью заповедями «Не убивай» передавалось словом «раца», а не «хараг», т.е. подразумевалось убийство из корыстолюбивых побуждений.

Лишить жизни — не всегда то же самое, что совершить убийство. Я ни в коем случае не хочу оправдывать насилие, не говоря даже об убийстве любой «твари Божьей». А когда эта тварь является человеком? Или лучше сказать, когда человек перестаёт быть человеком и даже

«тварью Божьей», а становится просто тварью, тогда как? Пусть Господь всех судит, а я лишь высказываю своё мнение.

Над Сашей в той команде, не скажу даже какой, чтобы не бросать тень на тех, кто честно отдавал свой гражданский долг в этой части, на этой лодке, кто совсем не причастен к бесчинствам, прославивших весь наш дивизион, не то, что насмеивались, издевались, не воспринимая, как личность. Да, был он не такой, как все. Он даже представить себе не мог, как можно кому-то грубо ответить, не то, что послать куда-нибудь подальше.

Есть в арсенале «годков» самые разные, от совсем, как кажется, безобидных привлечений «карасей» к театрализованных представлений типа такого, как «изгнание нечистого духа» до изуверских. «Изгнание духов» происходило так. Перед отбоем, молодой матрос брал обрез, иначе говоря, тазик, наполнял его водой, одевал на себя белую простынь. Брал в руки «голяк», веник т.е. и шествуя по проходам между кроватями, макал голяк в обрез и, как это делает священник, разбрызгивал воду со словами «Уйди нечистая! Дай „годкам“ поспать».

Сашу заставляли ночами грызть углы колонн в кубрике, пиллерсы, в знак наказания. А, если сказать правдивее, то ради развлечения и унижения человеческого достоинства. Ему отмеряли размер, который необходимо было сгрызть зубами. Когда представляешь, мурашки по спине — грызть бетон зубами. Это равносильно тому, что включить наждак и подставить под вращающийся круг свои зубы, с единственной разницей, что в первом случае зубная эмаль стачивалась медленней и муки были более длительные и мучительные.

И всё бы сошло с рук извергу, если бы беднягу не застал за таким занятием дежурный по дивизиону. Я представляю, как должна была отвиснуть челюсть у командира какой-то ПЛ дивизиона, увидев это, а может

быть и подумал, а что же творится ночью в моей команде.

В результате этого инцидента, «годок» ростом «метр с бескозыркой», несмотря на свою хилость, по самое «не балуй» заполненный дерьмом, получил два года дисбата. Кто знает, что это такое, говорят, что лучше срок в тюрьме оттянуть, гоняют безбожно и после еще дослуживать придётся, пусть те же полгода. Сашу по этическим понятиям перевели служить на береговую базу, где он так же продолжал улыбаться всем своей искренней и добродушной улыбкой.

«Добро должно быть с кулаками» — это высказывание мы знаем. Но не вложил Господь в довольно крупные кулаки Саша злости и агрессивности, умения противостоять злу — это же не преступление. Часто добродушность человека определяется даже внешними параметрами: крупные люди, склонные к полноте имеют, как правило миролюбивый характер, а шкеты доходные очень часто проявляют невиданную агрессию.

Пришла весна и вместе с ней облегчение, связанное и с погодными условиями, и с тем, что скоро придёт пополнение и тогда по любому нам станет намного легче. Осень и зима запомнились, дождями, ветрами, штормовыми предупреждениями и необходимостью бегать по тревоге на корабли, на свои подводные корабли, чтобы послаблять или, наоборот, натягивать швартовые тросы на пирсе. А, из-за того, что лодки стояли борт к борту, это делать было сложнее потому, что ослабление и натяжка одних, изменяла положение других. Зимние снежные дни, хоть и приносили определённую радость, но больше всё же проблем с очисткой. Снег чистили в основном не лопатами, а специально приготовленными для этого случая отвалами. Хоть мы и не солдаты из стройбата, но экскаватор заменяли на раз.

Зимний период предполагал большую часть времени находиться не на лодках, а в казармах, где в понедельник политзанятия, в четверг занятия по специальности. Даже и повторяется не хочется, что это был мой «конёк» и весной я подал рапОрт с желанием повысить свою классность специалиста по воинской специальности. Мои знания, навыки и опыт были на высоком уровне и для меня не составляло особой трудности, сдать на «второй класс».

Даже на службе это давало право на небольшую прибавку в денежном довольствии. Хотя это были и «слёзы», но на десять пачек дешевых сигарет хватало. Всё вместе в совокупности к должностному окладу в 6 руб. 80 коп., то «морские», если были выходы, то за классность и в итоге рублей 11 получалось. К этому нужно ещё, справедливости ради сказать, что примерно один рад в квартал, мама присылала по «червонцу» и пару раз в год посылку, в которой в обязательном порядке блок сигарет «Наша Марка» и «Примы» ростовской фабрики, конечно.

Растратой в осенне-зимний период на службе могли представлять воротнички, которые нужно было подшивать к «сопливчику», при ношении бушлата или шинели. «Сопливчик» чем-то может и напоминает детский слюнявчик, которые в детстве нам никто никогда не одевал, так как их не было у нас вообще. Это своеобразный отстёгиваемый воротничок, закрывающий верхнюю часть грудной клетки и шею и изнутри на него, нашивались подворотнички. Белая материя продавалась в военторге. Но каждая лишняя копейка, потраченная необдуманно, вела к банкротству.

На эти цели изначально пошли белые кальсоны, которые моряки презирали носить, считалось позорным. В лучшем случае из дома присылали спортивное трико, которое не возбранялось в холода носить. Из них получа-

лись замечательные полоски белой ткани, которые мы подшивали к «сопливчикам». Когда приходил край этому сырью, в ход пускали простыни, просившиеся на списание.

Кто во время службы по счастливой случайности попадал на масштабные учения типа «Океан-70» или в армии на масштабных учениях «Днепр-67» или «Запад-81». Я, к сожалению, не попал на такие, но в учениях «Океан» всё же участвовал. Вы спросите, как это? А вот как.

Так как наша ВМБ находилась на территории Прибалтийского военного округа, а штаб и политуправление округа располагалось в г. Рига и там же была гарнизонная гауптвахта, то нам по разнарядке приходилось заступать в гарнизонный караул. Об одном из моих первых гарнизонных караулов я и хотел сейчас рассказать. Хотя их было несколько и каждый памятен мне по-своему, так как были в разные годы службы.

Мне с детства нравилось оружие. Отец был охотником. Я любил чистить ружьё, чуть повзрослев помогал ему снаряжать патроны. С отцом, а потом и со старшим братом ходил на охоту. Научился неплохо стрелять из ружья.

И не только то, что караульная служба подразумевает ношение оружия, вообще, мы, детвора 60-х годов, все практически свободное время проводившие в играх «в войну», знали цену оружию, пусть и не настоящему, на первых порах. А сколько я его переделал, выпиливая и вырезая из дерева, а сколько стволов от ППШ и от карабинов привинтил к самодельным ложам. А теперь всё серьезно: оружие боевое, патроны в подзумке настоящие, ответственность на самом высоком уровне.

Кто-то может мне припомнить караул в учебке. Да, было, грешен. Но я уже многому научился из того, что не умел или не осознавал ответственность. Много успел узнать, много событий произошло, которые или измени-

ли мои взгляды на жизнь, или укрепили. Тем более, что шёл к концу первый год мой службы, самый тяжелый год, который меня, бесспорно закалил, сделал более мужественным и стойким в преодолении трудностей.

Комендатура Прибалтийского военного округа располагалась, как и объекты, подлежащие охране в живописных местах «Старой Риги» — именно так назывался исторический центр Риги.

Почему я хочу вспомнить именно первый свой гарнизонный караул! Они были и потом, но первые впечатления самые запоминающиеся, не забываются даже за десятки лет. А остальные уже проходят, как по накатанной, ты идешь по знакомым улицам и не проявляешь того истинного интереса, как впервые.

На гарнизонную караульную службу от нашей команды заступали 25 человек и, главное, что рвались на неё, даже «годки», но в основном «подгодки» и те, кто прослужил поменьше. Обычно от старослужащих такого не дождешься. Но тому было два объяснения. Первое, вся остальная часть команды заступала на хозработы на камбуз и на другие вахты. Получалось, что полежать даже «годкам» не приходилось. И они «из двух зол выбрали меньшее».

А вторая причина — это та, о которой вы совсем скоро узнаете.

Мы въезжали в Старую Ригу через Каменный мост на реке Даугаве, что напротив площади Стрелков с памятником Латышским стрелкам. Свернули налево по набережной. Проехав мимо нынешней резиденции президента Латвии, в то время об этом и думать никто не мог, что Союз распадется скоро и всё изменится до неузнаваемости. Пересекли ул. Кришьяна Валдемара и проехав ещё немного мимо самого высокого в те годы здания в Риге, Дома печати, свернули направо на ул. Микеля. Здесь и располагалась комендатура

Рижского гарнизона с гарнизонной гауптвахтой во дворе.

Чуть в глубине располагалась церковь Святых Петра и Павла. И если бы не современное высотное здание из стекла и бетона, портившего весь вид Старой Риги, то глядя на старые узкие улицы, на вековые здания со своей историей, можешь ощутить себя в ту пору, когда булыжная мостовая гудела от подков рыцарей.

Состоялась передача караула. Начальником караула был командир радиотехнической связи лейтенант Протасов. Помощником начальника караула был назначен главный старшина Захарченко Алексей. Это один из тех, кто заслуживает особого внимания и уважения за свои твердые убеждения, часто не совпадающие с мнением касты «годков» обоснованные и неизменные ни под каким давлением личное мнение. Возможно, оттого он находился, как-то обособленно от других, но был прекрасным специалистом, командиром и просто человеком. И на этом я делаю ударение, чтобы не подумали, что все «годки» беспредельщики и по ним дисбат плачет. Совершенно не так, как и в любом коллективе или лучше даже сказать — «в семье не без урода», так и у нас, тут влияет и воспитание, и чисто человеческие качества, заложенные в тебя семьей и школой и то, насколько тебя внешние факторы сумели изменить, особенно на службе.

Двое старшин были разводящими: ожидающий присвоения в связи с демобилизацией звания главный старшина, Сергей Кудряшов и гидроакустик, старшина второй статьи Пасечник Виктор.

Были распределены девять караульных на три поста, четыре конвойных и один выводной, два дневальных на КПП у ворот и шесть человек на внешние посты, на охрану военную прокуратуру Рижского гарнизона и спецчасть Политодола гарнизона, находившихся в границах Старой Риги у Домского собора.

Мне так не хотелось оставаться на «губе» конвойным или караульным здесь на КПП. Во-первых, на виду у начальства, нужно было возиться с «губарями», а это явно не моё. Мне хотелось где-то просто уединиться и помечтать. Не знаю, толи Бог услышал мои пожелания, то ли моё славное и не очень прошлое, да и настоящее, в плане отличных успехов на политзанятиях, но как бы то не было, я был определен на пост внутренней охраны здания Политуправления во вторую смену.

Гауптвахта представляла собой двухэтажное здание и была, как утверждают некогда пересыльной тюрьмой при царском режиме. Первый этаж, имел широкий коридор с бетонированными полами, по обе стороны были расположены камеры для служащих срочной службы солдат, матросов, сержантов и старшин. Второй этаж, но который нужно было подниматься по сварной металлической лестницей с ограждением сбоку и сверху металлической сеткой был предназначен для содержания прапорщиков, мичманов и офицеров и имелась для них отдельная курилка.

Как только уехало начальство, и «губа» полностью перешла под нашу юрисдикцию, началось... «Кино и немцы» кто-то мог сказать, увидев то, что мне впервые пришлось увидеть. Я реально увидел, как нужно снимать кино, не просто кино, а комедию, в которой нет профессиональных актёров.

Не буду врать, не знаю куда делся начальник караула. По идее его смена должна была быть первой, до 22 часов, но он пропал из поля зрения раньше, видимо решив отдохнуть. Примерно, около 20 часов, все «губари» были выстроены в две шеренги рядом со своими камерами...

— Так, «губари», слышали об учениях «Океан»?

Кто-то кивнул в знак согласия, кто-то опустил голову, не желая попасть в неловкое положение.

— Но это не важно, — продолжал Сергей Кудряшов, — сегодня всё узнают и запомнят, что такое учения «Океан».

— Нестабильная политическая обстановка требует, чтобы вооруженные силы СССР всегда были готовы отразить внезапное нападения врага, от кого бы и откуда бы эта угроза не надвигалась, по суше, воздуху или по морю. Сейчас, вы, по очереди, называя чётко свою фамилию, срок и повод для наказания, и, главное, в каких частях, на какой должности служите.

— Поехали, — сказал организатор и указал рукой на первого солдата в строю справа.

— Рядовой Портнов, 10 суток «за самовольную отлучку» из расположения части. Водитель в/ч XXXXX войск противовоздушной обороны.

— Ефрейтор Брунов, 15 суток, «за рукоприкладство» в воспитании «салаг». Стройбат, г. Рига.

— Младший сержант Добровольский, 10 суток за употребление спиртных напитков в увольнении. Связист, г. Елгава.

— Рядовой Закваскин, 7 суток за оскорбление вышестоящего начальства... Послал, однако, «куска».

— Отставить отвечать не по уставу!

— Есть! Вертолётная эскадрилья, Алуксне, стрелок. — Закваскин закончил доклад.

Когда все о себе всё рассказали, стала серьёзная задача, нужно было объединить порой несовместимое, создав несколько боевых подразделений. Получилось пять групп: 1) летчики и вертолётчики, условно назовём их так; 2) артиллеристы; 3) мотострелки, пехоты; 4) воины химической защиты и стройбат; 5) связь и те, кого некуда было определить. Всех построили теперь «по родам войск».

— Есть желающие стать командирами славных подразделений, существующих в мире в единственном эк-

земляре? Вы сможете войти в историю Вооруженных сил, как принявшие непосредственное участие в учениях «Океан».

Все переглядывались с подозрением и недоразумением, как бы чего не вышло, как лучше поступить. Кто-то вышел из строя, приняв всё серьёзно и надеясь на поправки, как должностному лицу. Остальных пришлось выбирать в основном из сержантского состава.

Теперь инструктаж получали вновь избранные командиры сводных отрядов. Никто не мог представить, чем могут закончиться ученья «Океан», даже мы, кто с таким столкнулся впервые, всё было построено на чистой импровизации: кино и бесплатно.

Команды звучали уже из уст не только организатора мероприятия, а и других старшин, понявших уже смысл учений. Он дошёл и до нас, тем более что каждую субботу что-то подобное у нас и так проводилось. Разница была лишь в различных объёмах объектов и половых покрытий.

— «Летуны», подходим для получения «летательных аппаратов», — звучала команда и на этот голос потянулась горстка человек из 6—8.

«Летательные аппараты», которые на «губе» выдавались обитателям на ночь, чтобы можно было, как-то не стоя и не лежа на бетонном полу провести ночь. Это деревянный щит, сбитый из тонких досок, шириной 700—800 мм. Перед отбоем «губари» получали этот щит, получивший название «вертолёт», так как их переносили чаще не впереди себя, так как он заслонял видимость пути, а за спиной, как «Карлсоны». В камерах были забетонированы в стену два деревянных бруса, выступающих из неё на полметра. На эти брусья и устанавливался «вертолёт», но ничем не закреплялся. И, если ночью кто-то забывал на чём он спит, начинал поворачиваться на голых досках, часто случались падения и щита и того, оказывался под ним.

— Итак, слушайте «летуны» внимательно. Ваша задача состоит в том, чтобы подняться повыше в небо и затем, пикируя, атаковать противника бомбовыми ударами и поражением летательных объектов и живой силы противника обстрелом из пушки и пулемётов. Небом вам будет второй этаж. Одно главное условие — по трапу не ходить, а «летать», иначе не удержитесь на малой скорости и носом в землю. Ох, если бы в землю, тут-то бетон, — продолжали инструктировать «губарей» свежее испечённые «режиссеры-постановщики».

— У вас очень ответственное задание, вы в учениях создаёте «театр военных действий». Вам необходимо в кратчайший срок создать здесь море. Да, море, — инструктировалась другая группа недоумевающих обитателей мест заключения под арест.

При этом старшина подходит к одному пожарному гидранту и открывает его на всю, потом к другому и делает тоже самое. Затем опять обращается к группе химической защиты и стройбата:

— Вы не стойте, хватайте обрезы, кандейки и набрав воды таскайте её на верх, а оттуда заливайте верхнюю палубу и трап, чтобы было похоже на водопад. Больше, больше воды! Учения «Океан» всё же, а не «Суша».

— «Летуны», чего вы замерли? Какая ещё «нелётная погода»? Вперёд и с песнями, полетели! — отдавались чёткие и громкие команды.

— «Артиллерия», не слышно совсем залпов. Вы что там заснули? — с пинками в мягкие места взбадривались те, кто осуществлял «артподготовку».

«Артиллеристы» по сценарию учений залегли по точкам-«батареям» в камерах, а одна «прикрывала» отход главных сил на выходе. Орудием им служили сапоги, снятые с ног и направленные в сторону предполагаемого противника.

Начал доноситься грохот выстрелов, имитированный звеном артиллеристов и гул пикирующих бомбардировщиков, которые мастерски заходили сверху вниз по залитому водой трапу со второго этажа вниз, делая разворот над акваторией «моря» и обстреливая плавсредства.

— Время переучиваться пришло. Мотострелки, вы остались не у дел. Ваша задача виражировать от входа до конца коридора и обратно, но быстро, как это делают торпедные катера в поиске подводных лодок. Да побольше волн, побольше. Ничего, не утонете. Старайтесь не попасть под артралёт, при команде «воздух», быстро находите «шхеры» и переждав артралёт, снова в бой, — «лужёнными» глотками командовали режиссеры-постановщики фильма, соискателя премии «Оскар».

Когда вода поднялась выше порогов в камеры, гидранты закрыли. По предварительным итогам, один человек «спикировал» со своим «вертолётom» в глубины балтийских вод, двое других, поскользнувшись прилично выкупались не в летней воде. А кульминацией учений была большая приборка, ради которой и были организованы эти учения. Смотреть со стороны было и очень смешно и грустно. Теперь стояла задача убрать несколько кубометров воды и заодно вымыть палубу, трапы, камеры и верхнюю палубу второго этажа.

Когда основные учения были завершены, было подведение итогов, указаны недостатки и то, на что в следующий раз, если что, нужно обратить внимание. Самые активные вояки были награждены тем, что им разрешалось выкурить по одной сигарете и до завтра их обещали «не кантовать».

Счастливики, для них «учения» закончились. А для тех, кто был не очень оперативен, медлителен и т.п., для тех проводились индивидуальные занятия по гражданской обороне, по пожарной безопасности и там нормативы были строгими, исчислялись считанными секундами.

В этом случае открывается камера, «губарю» объясняется «вводная» и его действия. Даётся норматив, обычно не превышающий 3 секунды. Например, по команде «газы!», «губарь» должен быстро снять сапог, размотать портянку и ею же так же быстро обмотать лицо, «защитив» органы дыхания от мифических газов. Обычно, быстрее, чем за 5 сек никто с этим не справлялся.

Вторая «вводная»: «Горит третий гвоздь справа на левом сапоге!» Нужно было быстро снять сапог и плюнув на указательный палец, безошибочно потушить нужный гвоздь. Было опять-таки и смешно и очень грустно наблюдать за такой отработкой задач.

Но пришло время мне и второму караульному, который сменял на посту караульного первой смены на посту в военной прокуратуре. Нас вёл разводящий Кудряшов.

Он шёл впереди, за ним тот, кто по маршруту заступал на пост первым, я был замыкающим. Выйдя через КПП, мы свернули направо и дойдя до перекрёстка с бульваром Кронвальда, повернули вправо. Интересно было идти по вечерней Риге, по Старой Риге вдвойне. По середине улицы проходили трамвайные пути. По инструкции мы должны были идти строго по середине улицы, чтобы избежать столкновений и любого контакта с гражданскими лицами. Рига была удивительно тиха в это время суток, движение машин и людей не было интенсивным.

Дойдя до ул. Комьяунантес, что означало Комсомольская, опять свернули по ней направо. Если проследить маршрут, то он очерчивал полукруг по часовой стрелке. Это было связано с тем, что такой маршрут был разработан, как наиболее краткий и безопасный к охраняемым объектам.

Сменённый на первом посту караульный стал в строй теперь уже за мной, и мы двинулись через Домскую площадь и знаменитого Домского собора — визитной кар-

точки Старой Риги (на латышском это звучит, как Vestīga). Обойдя собор справа и пройдя небольшое расстояние, мы прибыли на пост, где я сменил своего предшественника.

В таких условиях можно бдиль, «тепло, светло и мухи не кусают». По-хорошему, если, то нужно было охранять входную дверь. Но это было неудобно: во-первых, внизу негде было даже присесть и было довольно свежо, от двери дуло; во-вторых, через массивную дверь со небольшими стеклами ты там был, как на витрине.

Второе место на втором этаже, было удобное для наблюдения через большой витраж, дающий прекрасный обзор улицы, старинного здания напротив и даже частично тротуара внизу. И там был установлен деревянный диван, который в случае необходимости, можно было приблизить к окну и вести скрытное наблюдение. Одно только я держал в голове постоянно — только не уснуть, согревшись.

Но мысли, не дававшие мне покоя, так заняли меня, что спать совершенно не хотелось. Такое вот состояние покоя в одиночестве давало возможность осмыслить, как новые впечатления от сегодняшней «учений» до тех событий, которые произошли уже давно, но не давали покоя и требовали, как каша, при её приготовлении, помешивания и доведения «до нужной кондиции».

Я смотрел в окно и передо мной представлялись памятники архитектуры средневековья. И ничего бы в этом бы не было особенного, если бы это не был комплекс трех домов, который так и назывался «Три брата». Нас в семье тоже три сына, три брата, которые так же разные, как и эти дома.

Самый старший брат — это дом под номером 17, имеющий белый цвет, был построен в 1490 году. Является самым старым каменным домом в Риге.

До него в городе строились деревянные дома. Позднее из-за опасности возникновения пожаров деревянные дома в центре Риги строить запретили. В одной из комнат имелся очаг, на котором готовилась еда. В другой комнате жил хозяин дома, пекарь — на гербе можно видеть колосья. Его подчиненные жили и работали в сенях. В этом доме в XVII веке открылась первая в Риге кондитерская.

Средний брат — это дом №19, имеет желтый цвет и представляет собой самую роскошную архитектуру. Дата постройки 1646 год указана на фасаде строения. В отличие от самого старшего «брата», в этом доме был отдельный просторный зал с большими окнами. Жилые помещения находились со стороны двора.

Дом №21 — это младший брат, имеет зеленую окраску, он был построен во второй половине 17 века. Фасад здания украшен маской, которая, по замыслу автора, должна была служить защитой дома от злых духов.

В средние времена стекло стоило очень дорого и чем больше площадь окон, тем богаче был хозяин постройки.

Моя смена подходила к концу, я вспомнил своих братьев, которые там далеко. Меньший месяца четыре, как демобилизовался, но нам не судьба с ним видеться уже более двух лет.

Попрощался с «Тремя братьями», я опустил к входной двери. Скоро смена придёт и хорошо будет, если я их встречу у входной двери.

Глава XI. Док

Весна принесла не только тепло, оживление природы. Весна принесла такое значимое облегчение в службе в прямом физическом смысле и духовном, конечно. Го-

ворят, что Господь даёт человеку ровно столько испытаний, сколько тот может выдержать. Видимо мы тройка неказистых «богатырей», выполнявших такие объёмы работ, что техника могла не справиться, выдержали испытание достойно.

Кто-то скажет, ну теперь будет не служба — «малина». Да цветочков малины еще целый год службы, а до ягодок и того больше, полтора. С Севастополя и Кронштадта слеталась смена нашим годкам и очень хочется надеяться, что держать заведование команды в образцовом состоянии нам теперь придётся уже не по математической формуле $3(4) + 3 + 4$, что означало: три «карася» (один, четвёртый — «великий шланг», которого мы и не считали и, наверняка следующие полгода он будет занят альбомами уже новых «годков») + три «борзых карася», которым тоже доставалось, хоть и по полной программе, как нам, но серьёзно + четыре «полторашника», которые, как правило были старшими на работах и выполняли работы полегче, если не авральные.

Мы, если бы был на территории ВМБ храм, точно бы собрали одну получку и на все купили свечи и поставили в храме с только одной просьбой: «Господи, дай нам сил и помощь в лице рабов Божьих!» Говорят, что мысли материализуются, видимо и наши дошли до самых верхов. Хотя тому есть и другое, простое объяснение: демобилизовалось, если восемь человек, то и прийти им на смену должно было примерно столько же.

С каждым прибытием бывших курсантов, душа наполнялась и наполнялась радостью. Кто-то будет смеяться, а что нам для полного счастья нужно ещё — побольше покоя, поменьше напряжения и тогда:

...

И тогда вода нам как земля.

И тогда нам экипаж семья.

И тогда любой из нас не против-

Хоть всю жизнь служить в военном флоте.

...

Первые «ласточки» прилетели из Севастополя, это были два трюмных, два родных брата черкеса из горного селения Карачаевского района. Их отец месяцами гонял овец по живописным склонам Большого Кавказа.

Парни были низкорослыми, ниже меня ростом, хоть я тоже не отличался богатырским ростом. Выглядели они старше своих 18 с лишним лет из-за приличных залысин на голове. Пока оставлю братьев, пусть обживаются, а я расскажу о Сергее Раевском. Хоть он и говорил, что у него польские корни, думаю, что еврейские преобладают и значительно.

Сергей был ростом около 1м 90 см и при этом очень худой и гибкой. Потому в прозвище, которое он сам себе дал было много правды. Он действительно, мог стоя на одной ноге, вторую закинуть себе за голову. Выглядело это очень смешно.

У него были светлые очень редкие волосы, а из-за того, что мы носили очень короткий волос, если не были подстрижены налысо, то волосы практически не были заметны. Он был мой земляк, я уже говорил, из города моей студенческой юности, Зернограда. Если бы не его увлечение живописью, он в основном рисовал гуашью, то я даже не могу представить, как бы он перенес то, что пришлось нам переносить.

Не скажу, что он совершенно полностью был освобождён от физического труда — нет, этого не было, но его загружали в разы меньше, чтобы руки не дрожали, при изображении шедевров в альбом. Почему я вспомнил сейчас именно о нём, когда знакомил вас с братьями Хакимовыми, которых звали, старшего Хусин, а младшего на полчаса Хасин. Ну и по традиции мы сразу их «перекрестили», хоть они и были мусульманами, на Хуса и Хаса, коротко и сути не меняло.

Как-то Сергей меня спросил:

— Саня, ты же учился на инженера сельскохозяйственного профиля?

— Ну, да! А что, собрался поступать поле службы?

— Да, нет же. А вы животных изучали?

— Конечно. У нас на первом и втором курсе было и «Земледелие», и «Животноводство». Даже на учхоз на практические возили на фермы. Знаешь, как у коровы желудок называется? Нет?! Книга. Представляешь такую книгу, куда полцентнера сена и 3—4 ведра воды за день входит.

— Не, Саня, я об овцах хотел спросить. Их же вы тоже изучали?

— Всех мы изучали. Тебя породы интересуют? Есть шерстной породы, есть мясной. Моя сеструха на зоотехника училась, они в кошары на практику ездили, помогали стричь и прививки делать овцам, окоты принимали.

— Во-во, не говорили вам, как можно повысить густоту руна?

Я засмеялся, начиная догадываться, почему Серега завёл этот разговор.

— Ты, вероятно хочешь стать кучерявым, каким я был до «военки» в институте?

— Ну, где-то так. Мать говорили, что её брат работает в Москве в каком НИИ животноводства. Хочу ему написать, может есть средство против облысения.

Можно было и посмеяться, но я не стал, не тот случай. Зачем обижать парня. Это он ещё молодой, 20-ти нет, а лет через десять совсем лысым станет.

— Попробуй. Только инструкцию подробную попроси, а-то, как станешь после приёма таблеток орангутаном..., — всё-таки я не выдержал, чтобы не пошутить.

Серега, может и обиделся, но промолчал.

— Одно могу сказать, Серый, — уже серьёзно отвечал зёме, — селекция, как в растениеводстве, так

и в животноводстве сейчас на высоком уровне. Шерстяные изделия всегда были в цене и идёт конкуренция по увеличению количества руна, состригаемого с одной овцы и, если она не паршивая... не смотри, Серый, я об овце, то с овцы, если правильно помню, не забыл — до 5 кг, а с барана чуть-ли не все 10.

Серёга заулыбался и помолчал, видимо представив на своё голове золотое руно и подытожил разговор:

— Напишу дяде. А вдруг и есть такое средство.

— Напиши, Серый, напиши.

А Серёга-то не шутил, через месяц-полтора ему пришла маленькая бандеролька, в которой тюбик средства для увеличения количества шерстинок, произрастающих из одной луковицы. Кожа имеет такое свойство, что увеличить, как на огороде количество лунок для высадки рассады нельзя, а вот, чтобы, как из одной луковицы произросло два независимых стебля, оказывается можно.

Серёга с усердием втирал мазь в голову. И дня через два уже интересовался:

— А ну-ка глянь, не лезет?

— Лезет! Ой, Серёга, лезет... пьяный по забору, — подкалывал я «экспериментатора» над собой.

Как он не крутился перед зеркалом, но результата ожидаемого, конечно, не добился. Поэтому случаю, что лучше наблюдать за процессом, отпустил себе усы. Но усы, это сильно сказано, конечно, но какая-то растительность под носом была.

Когда у нас в команде появились братья, я Серёге предложил:

— Слышь, Серый, а ты попроси Хуса или Хаса, пусть бате напишут, чтобы тот, как овец сострижёт, пусть тебе вышлет руно. А ты сделаешь себе шиньон или парик. Полюбишь в любой цвет и будешь в увале перед деваками красоваться.

Обиделся, конечно, зёма, но не стал со мной лаяться, может быть из-за того, что частично благодаря нам и «выезжает» по службе без особого напряга. На то он и «Великой шланг», беспспорно.

Братья были горячими джигитами и свою горячность проявляли по отношению друг к другу. Иначе говоря, часто спорили, выясняли отношения и даже доходило до потасовок.

Я вспомнил, как мы с моим двойней, Виктором, выясняли отношения и за старшинство, и по всякой всячине спорили, и до драк доходило. А теперь, как я по нём соскучился. Он отслужил два года, уже дома почти полгода и когда ещё придётся встретиться.

Ссора у братьев начиналась с, казалось бы, мелочи. Старший, Хус, придерживался обычаев мусульман, он не кушал на камбузе свинину. Хас, если получалось, забирал и у него кусочек, с такой умильной улыбкой:

— Не хочешь? Давай сюда.

— Я вот батю отпишу, что ты сало жрёшь.

— Да пиши! Зато у меня в животе не урчит, как у тебя.

По тогдашним законам, братья должны были служить вместе. Вот и Хакимовы были и в учебке и распределили вместе. Но потом, как-то кто-то из штабных пришёл к такому умозаключению, что, если с лодкой что-то случится и погибнут сразу оба сына, как это будет родителям.

Хус был старше и посмышлёней, потому, когда на Б 46 потребовался в штат трюмный специалист, а он уже сдал на «самоуправление ПЛ», то предложили его. Надо было видеть Хаса в те дни. Он помрачнел. Брата явно не хватало. Хусу было ещё тяжелей. На Б 46 обучали иностранных подводников и выходы в море были намного чаще, чем у нас. Хус к тому же плохо переносил качку. Это усилило его страдание.

Примерно через месяц, он пишет рапорт командиру дивизиона с просьбой соединить его с братом опять вме-

сте, в одной команде и указал на соответствующие статьи закона. После возвращения старшего брата назад в команду, с неделю братья ладили, а потом... как и раньше.

Вова Молдован, нет не ошибся, это фамилия такая Молдован, сам из Украины, прибыл с представителем из Средней Азии Мансуром. Вот не знаю, почему-то всем служивым с первого дня прилипали погонялы. Какая может быть погоняла у Молдована? Да никакой. Его фамилия, как погоняла сама по себе. Мансуру Садыкову прилипло Ман или Суперман (супермен).

Вова был торпедным электриком, а Супермен или Побеждающий, как переводится его имя с казахского пополнил отряд БЧ-5, команду электриков мичмана Гаврилова. Наша братская Молдова не переставала поставлять нам, кроме традиционного молдавского вина, хотя венгерское предлагалось в море чаще, еще и смену подводников. Михаил (Михай) Дану стал очередным представителем этого эмоционального народа, с зажигательными танцами.

Я вспомнил свою троюродную сестру, отец которой был молдаванином, ну вылитая цыганочка, особенно в детстве была. Вспомнил, как она лихо отплясывала под патефон «цыганочку», толи ещё какой-то национальный танец, в красочном наряде. Как это давно было.

Михай был смуглый крепыш, серьёзный, но довольно общительный, в отличие от Мана. Ман больше улыбался своей милой азиатской улыбкой.

Саша Малышев — ну, наконец-то и в «моём полку прибыло», моторист, конечно же его прозвали Малыш. Вы видели такого Малыша? Рост примерно 175, вес 95—100 кг!!! Вот куда смотрят на призывной комиссии, когда призывают таких, как Серегу Райского и Вову Молдована, ростом под 2 метра или таких, как Саша Малыш, которого точно через люки переборок, повышением давления в отсеке, как газами шампанского пробки, так и его

пропихивать придется. «Убиться и не жить!». Но, главное, что есть смена. И какая? Богатыри!

Вот, кажется, всех и представил. Первый инструктаж под названием «где, что и когда можно и где чего никогда нельзя» свежие «караси» получали от нас, ставших «борзыми карасями» — вот она преемственность традиций. С первых минут общения было понятно, что душевных уродов среди пополнения нет, схватывали все, что говорилось быстро, а это важное свойство. При переспросах, можно было и «пендалей» выхватывать.

Я по возможности, когда позволяло время и во время авральных работ в лодке, подтягивал Малыша, вместе с ним шлифуя вместе с ветошью своей робой, особенно не особо уключий мой ученик.

— Саня, а ты хоть раз залазил вот в такие люки? — спросил я малыша, показывая на закрытые крышками люки, размерами, примерно, как и входные люки между отсеками, — знаешь, для чего они.

— Да, учили, знаю. Но никогда не залазил. А, что?

— А то, брат, что туда-то ты может быть и залезешь, а назад... сомневаюсь. Размякнешь там от моторного масла и что тогда? Придется тебя рвать на части.

— Как рвать? — недоуменно смотря мне в глаза, спросил Саша.

Я выдержал немного, пристально смотря ему в глаза, чтобы понять, когда сработает чувство юмора, если оно есть и поняв, что достаточно, продолжил:

— Ладно, не будут тебя рвать на куски. Ты, только, если не сможешь сам выбраться, хорошо в масле вываляйся, чтобы тебя легче было «со смазкой» протягивать через люк, — и видя, что Малыш никак не «въезжает» в шутку, успокоил, — шучу я, Саня. А чистить картер перед сменой смазки, придётся. Так, что лучше будет тебе чуток на перекладине вес-то сбросить.

Оказалось, что Саша мой земляк, но опять-таки из казачьей станицы из верховья Дона-батюшки. Отцу его шили казачью форму под заказ, очень крупный был казак. А в их краях, быть казаком и на праздник не одеть казачью амуницию — это преступление.

Молодая смена сдавала «на самоуправление кораблем». Мы ощутили облегчение и значительное в прямом, физическом смысле уменьшилась нагрузка. Но наступило тепло, моё любимое лето.

Меня вызвал в свою каюту механик.

— Разрешите войти, товарищ командир?!

— Входи, входи, коллега.

— ???

— Что смотришь? Ну ты, что разве не на инженера-механика учился?

— Ну, да. Только «недоучка», не закончил...

— Набирайся опыта, пригодится потом и на гражданке.

— Так стараюсь, товарищ капитан 3-го ранга. Вот, спасибо Вам, на 2 класс сдал.

— А мне за что? Знания у тебя хорошие. Виктор Туров, что-то тебя подсиживает, рвётся к повышению по службе, считает себя лучшим, а классность не смог повысить, не хватает пока у него того, что должно быть. Ну, да, ладно. Не поэтому позвал. Твой бывший кэп, командир наших соседей, Ханин, просил помощи в толковых специалистах. Ты же там у них на «эске» на «самоуправление» сдавал и освоил, как я знаю, неплохо. Ты, как, если мы тебя командиром на месяц к ним, «на прорыв», пока они в доке будут стоять?

— Как прикажете, товарищ командир, — не раздумывая ответил я.

— Похвально, похвально. Готовься. Как поступит команда, переведем тебя на довольствие на С 191, ну и в полное их распоряжение.

— Есть! Можно идти?

— Иди! — улыбаясь, проводил меня взглядом механик.

У Федора Федоровича были проблемы со здоровьем, он сильно кашлял, но при этом и курил много. А до пенсии оставалось еще лет пять служить. Добродушный Батя был. Прознал, что я с Дона, практически. Он был заядлым книголюбом, а с книгами тогда было не очень. Если работы В. И. Ленина или Материалы какого-то съезда партии, так этого сколько хочешь, а достать востребованную художественную литературу было тяжело.

— У вас там, на родине Михаила Шолохова, пожалуй, легче достать его роман. Меня интересует «Тихий Дон», сочинение в 4-х томах. Сможешь, вернее твои родственники могут там поспрашивать, сколько там будет, я оплачу.

— Хорошо, товарищ капитан 3-го ранга, я узнаю.

Я написал маме и спросил, сможет ли тётя Надя, двоюродная мамина сестра, бывшая фронтовичка, работающая в райпо и, как я понял, имела прямое отношение к работе книжных магазинов, к поставке книг. Раньше было популярны подписки на издания и поощрение сдатчикам макулатуры. Но мне-то это не грозило.

Довольно быстро, тётя достало новенькие томики «Тихого Дона» самого свежего издания, и мама мне выслала. Радость Федора Федоровича была, конечно, велика. Понятно, что после этого посыпались заказы некоторых офицеров и «сундуков», которым скучно было коротать время на дежурстве, а с книгой веселей. Но я же не типография и обещать, конечно, не мог всем. А со временем они и забыли о чём просили.

В команде Ханина меня приняли приветливо, как будто не было тех полгода, которые я успел уже отслужить на «букахе». Ведь всё равно мы частично жили одной большой семьёй, под одной крышей, в одном кубри-

ке. Да, команды разные, лодки и командиры тоже, но все знали друг о друге всё, все новости из первых уст.

На Усть-Двинском судоремонтном заводе имелся плавучий док, позволяющий кораблям таких габаритов и массы проводить в нём необходимые ремонтные работы и работы по обслуживанию и замене оборудования. Изначально, я серьёзно подумал, что потребовались мои знания, как наполовину гражданского инженера, так и освоившего устройство и работу оборудования двух типов военных кораблей, подводных лодок среднего класса, которой являлась С 191 проекта 613 (613 проект — океанская дизель-электрическая подводная лодка среднего класса) и класса повыше Б 75 проекта 611 (проект 611 — большая океанская дизель-электрическая подводная лодка).

Основными отличиями «букашки», как мы душевно называли лодку серии «Б», от «эски» было то, что она имела чуть увеличенные параметры в основном по диаметру прочного корпуса и, соответственно легкого корпуса (обшивки корабля). У «буки» было шесть носовых торпедных аппаратов, вместо четырёх у «эски» и больший запас торпед; четыре кормовых торпедных аппарата вместо двух на «эске»; трех основных двигателей и трех гребных моторов и генераторов в одном лице, вместо двух на «эске». Иначе говоря, «буки» имела три линии вала, а «эска» два. Были еще отличия и в устройстве отсеков, постов и командной рубки. Но это длинная история.

Всё-таки, как я понял позже, механик мне верил и возлагал на меня надежды, так как видел мое отношение ко всем заданиям и учебным задачам, проводимых лично им и во время выхода в море на отработки их и внештатных ситуаций. В экипаже Ханина тоже остались от меня неплохие отзывы.

А работа предстояла мне, как и многим другим матросам и старшинам ПЛ С 191, самая, что ни на есть

обычная, пыльная и трудоёмкая. Нужно было, в основном, пока ремонтные бригады выполняли проверочные работы, обслуживание и замену элементов оборудования, выполнить зачистку всего легкого корпуса снаружи, где возможно, под верхней палубой, где расположены коммуникации и кислородные баллоны для продувки балластных цистерн. Но основное и самое сложное, а главное, опасное — это очистка и окраска балластных цистерн.

Даже при грубом подсчёте, это около 10 тыс. м² поверхностей сложной конфигурации, которые изначально нужно было зачистить скребками, а потом окрасить вручную кистями железным или свинцовым суриком. А внешний корпус после всего еще и чёрной краской и выполнить разметочную раскраску.

Мой бывший товарищ по «эске» уже тянул срок за свои похождения. У меня, кроме Андрея Гудкова, из самых близких оставался ещё один пскович, Владимир Антонов. Он был плотного телосложения, довольно спокойный и рассудительный матрос. Мы как-то с ним снова сблизились и при распределении работ попросились в одну бригаду.

Завод располагался в одной бухте, где были и пирсы для лодок нашего дивизиона, только нас разделяла судорезка. Это был металлолом, находящийся наплаву. Больше всего меня привлекла некогда, возможно, героическая лодка «Малютка», самая меньшая «сестра» нашим современным дизельным лодкам. Она действительно была небольших размеров, более чем в два раза меньшую длину и диаметр корпуса, имела малые скоростные свойства, глубину погружения всего до 50 метров и два носовых торпедных аппарата с двумя торпедами. Но, что было на момент войны, то было.

Мы ходили на завод не через территорию ВМБ и судорезку, а по улице посёлка. Хоть полтора километра,

но пройти по земле, которая «пахнет» гражданской жизнью, много стоит. Очень интересен был процесс установки лодки на стапеля. Лодка заходила в погруженный в воду док. Её брали на растяжку тросами док начал медленно всплывать. Как хотелось это всё увидеть со стороны, но команда была: «Всем стоять по местам!»

Когда мы впервые вышли через рубку и посмотрели вниз, то от непривычки закружилась голова — до днища дока, на котором были установлены стапеля было более 10 метров. И лодка казалась более внушительной. Оно так и есть. Ведь раньше мы видели, как и у айсберга только надводную часть корабля, а теперь во всей красе.

Вот здесь в отличие от работ на базе не нужно было говорить дважды что делать, мы все выполняли с первого упоминания быстро и качественно. Работа спорилась и потому, что выполнялась в компании с товарищем за разговорами, которые никогда не надоедали и всегда находилась свежая тема.

Мы шуршали, как пчёлки над цветком над этой красоткой, которую не всем посчастливилось видеть вот так, во всей красоте. К обеду корпус лодки накалялся очень сильно, так как она была покрашена в черный цвет, поглощающий солнечные лучи. Даже нижнюю часть, обильно поросшую ракушками это, не спасало. Металл очень хорошо проводил тепло. Ветерка в тихой заводи бухты практически не ощущалось.

Мы были раздеты насколько это возможно только. За форму одежды, за её нарушение здесь разговора не шло. Любые средства хороши в достижении благой цели.

Долго я уже не получал удовольствие от выполненного труда, как после того, как видел объёмы работы выполненные или мной индивидуально или совместно с Володей. Вова был не лентяй, но чуть помедлительнее, чем я. Может быть сказывалось место службы. Всё-таки

на «отличной лодке» «годкам» не давали сильно «прессовать» молодёжь. Им хватило случая с, к счастью, не состоявшимся суицидом.

Мы перешли на обработку легкого корпуса изнутри и прочного корпуса снаружи. Чтобы неосведомлённый читатель смог лучше понять устройство лодки, представьте, что она — это термос, в который вы наливаете чай или кофе. Вот стеклянная колба, а в современных термосах и внутренняя колба металлическая, является прочным корпусом. Проще говоря — это броня. Толщина брони зависит от того какой отсек им обшит. Отсеки «живучести» — первый, третий — «центральный» и седьмой — «кормовой» выполнены из брони толщиной 32—35 мм, а остальные отсеки имели броню потоньше, 24—28 мм. Легкий корпус в самых нагруженных местах «ледового пояса» мог иметь максимальную толщину 8 мм. Между этими двумя корпусами были устроены балластные цистерны для осуществления выравнивания лодки (уравновешивания дифферента) служат носовые группы цистерн и кормовые, а в области центрального отсека ЦГБ — цистерны главного балласта быстрого погружения и расположенных вдоль бортов вспомогательного балласта. Кроме балластных цистерн между корпусами располагаются топливные цистерны, цистерны чистой питьевой и грязной воды, цистерны для хранения смазки для дизелей и провизионных хранилищ.

Помог я вам или, наоборот, запутал, но хотелось, как лучше. Конкретно о цистернах главного балласта чуть подробнее. В верхней части располагается вентиляционный клапан, в нижней части кингстон, крышка, закрывающая и открывающая люк, через который при погружении поступает забортная вода, а для того, чтобы не было противодавления, открывают вентиляционный клапан. После заполнения на нужный объём, клапан и люк кингстона закрывают, конечно же изнутри лодки.

При продувке, в случае экстренного всплытия или балансировки лодки, из баллонов в цистерны подают сжатый воздух, и открывают кингстоны. Вот так работают эти цистерны.

Конечно, морская вода делает свое дело, они подвергаются коррозии. Объёмы цистерн от десятков до сотен тонн. Для усиления лёгкого корпуса между ним и прочным установлены усилители их уголков и арматуры, потому изнутри они напоминают ёжика, утыканного иглами. По ним очень удобно перемещаться внутри и для того, чтобы подняться прямо из дока, нужно пролезть через открытый кингстон и за полминуты можно было неспеша добраться до верхнего люка, который открывают только, как сейчас для вентиляции и удобства попадания внутрь.

Попадать в балластную цистерну с палубной настройки удобно, конечно, через этот люк, выполненный эллипсом. Вот Саша Малыш точно бы застрял в нём. Он у узкого места был около 400 мм, а в широком около 600 мм. Он был съёмный и находился рядом на палубной настройке.

Конечно, комфортней было работать в нижней части, где через кингстон просачивался свежий воздух и дышать было легче. Вверху, да ещё в жару — невыносимо трудно. По инструкции, мы должны были меняться через каждые 10—15 минут работы и работать в противогазах. Но, из-за того, что в обычных химических угольных противогазах, особо не спасающих от растворителей, а в изолирующих, с регенерацией воздуха вообще можно было задохнуться.

Было решено применять шланговый вариант подвода воздуха. И тут опять столкнулись с трудностями. Дело в том, что через шланг можно было сносно дышать, если её длина не превышала 10 метров. А нам нужно было выводить шланг наружу метра на три и внутри, чтобы дотя-

гиваться до всех точек, да ещё с учётом того, что происходила путаница шлангов за усилители, установленные кругом, то необходимо было шланга метров 20—25. Шлангов специальных не было, приходилось разуконплектовывать все противогазы, чтобы набрать комплект и только один больше для показухи.

Сверху сидел кто-то из служащих, понятно, что это был или «подгодок» или «годок», который наслаждался солнышком и загорал. Мы парились внутри. И приняли решение, находиться внутри сразу вдвоём, без смены, так как на смену тратилось и так половина немногочисленного времени. Я предложил, чтобы до «белых мух» не занимались покраской, будем красить вдвоем и по часу, а потом перерыв. Это в разы бы повысило производительность. А для проверяющих шланг торчал из люка и протянут был сигнальный конец, для контроля за находящимся в емкости, как и при нахождении в воде, при обработке всплытия.

Одно только правило я предложил: один матрос работает вверху, другой внизу, тот который ниже, внимательно следит за верхним и минут через 20 нужно было меняться местами. И у нас стало получаться очень производительно. Сурик растворялся этинолевым лаком, что делало после высыхания поверхность прочную и водостойкую. Но он был ужасно пахнущим и ядовитым. Вдыхание его в больших количествах могли быть губительными. Отравление проявлялось повышенной весёлостью, действовало наркотически, отравлялся в первую очередь мозг.

С утра до обеда была наивысшая производительность. Удивительно, но нас внутри практически никто не контролировал. Можно было опуститься через кингстон выбраться наружу. Сесть под килем, покурить, сколько не надоеет, потравить байки, сверху всё равно никто не увидит. А начальство поднималось с боковых

помещений дока по трапу на верхнюю палубу и в рубку и-то были чаще дежурные офицеры.

Но мы с желанием работы, не из-под палки и результаты удивляли всех. Другие бригады, работающие по соседству или по левому борту, отстали намного.

— Возможно, что сегодня будем праздновать обжинки, Вова.

— Не понял, что за блатняк я слышу, от жинки, может быть сбежать к любовнице?

— Ой не могу, Вова, рассмешил. Ты, видимо городской парень. Обжинки — обряд завершения жатвы хлебов. Раньше отмечался в середине августа. А сейчас — это сабантуй, устраиваемый сразу по завершению жатвы. Обычно его проводят на природе, где-нибудь на пруду или в роще, выпивка, пиво завозили, обычно это в деревне роскошь, если бочковое, гуляли допоздна. Чествовали победителей, премии, ленты победителей и пр.

— Да, я живу в старом, древнем городе, основанном ещё в XIII веке. Когда Ливонский орден стал донимать псковичей, было решено в XIV веке на островке, образуемом рекой Великой и протокой Слобожихой, построить каменную крепость. Больше века крепость сдерживала натиск Ливонского ордена и только в начале XVI в ходе Русско-литовской войны (1500—1503) крепость была захвачена и сожжена.

— Вовчик, у тебя, наверное, «пятёрка» по истории была? Даты помнишь, вот.

— Да не жалуюсь на память. Я люблю исторические книги читать. Вот, как только немного нас напрягать перестанут, может после полутора лет, буду в библиотеку ходить, книжки читать. Уже год ничего не читал. Когда читать?

— Да, брат, это правда. Некогда.

— А я ещё после 7 класса на комбайне СК-4 штурвальным работал. Люблю поле, село своё родное. После

института, перед службой на ДТ-шке работал. Такая красота. Особенно в ночную смену. Главное не уснуть, чтобы трактор в пруду не утопить. Так, что если постараемся, то сегодня к ужину и обжинки отметим, так тихонько, втихаря вдвоём. А?

— Должны закончить, конечно.

— Мне сразу орден, а тебе медаль.

— А, чё так? Работали-то вместе.

— Вова, не понимаешь ты политики партии и правительства. У нас доярке дали Орден Ленина за то, что с председателем ладила и приписывали ей, от других доярок её перебрасывали молочко. Она же коммунисткой была, а это много значило. А потому мне орден, что старше от тебя на сколько, на год? Образование опять же по-выше будет. Да и рацпредложений от тебя я не слышал. Я же «бугор», наряды мне дают.

Смотрю, Вова, опустил голову, как бы обиделся.

— Не переживай брат. И для тебя Орден Красной Звезды, хочешь, сбцаем?! Тут главное не переиграть, а то... Короче у меня есть два плана, но первый лучше. Я плаваю хорошо. Вот, если будем в швартовой команде или ещё что-нибудь, но главное, чтобы волны хоть немного были, балла три-четыре. Я свалюсь за борт, а ты поднимешь кипиш и первым бросишься меня спасать.

— Так я сам не очень-то плаваю, а в открытом море ещё...

— Не бойся, главное факт. А, если чё, я тебя спасу. Я наш Миус в 9 классе на практике, когда были в палаточном городке на Миусе, за раз переныривал на тот берег и обратно, без вдоха. А там метров около 20 ширина реки.

— Ну, не хочешь спасать на воде, спасай на пожаре. Правда, мы же умышленно пожар не будем устраивать. Потом может статья, что и ЛОХ не справится (ЛОХ — лодочный огнетушитель химический большой производительности, очень эффективное средство пожаротуше-

ния). Короче, я же говорю, первый вариант лучше. Всё думай за вас. Вот в учебке отпуск профукал и тут с вами возишься, як с цуценятами.

— Что ты сказал?

— Ты не знаешь, что означает цуцыня? Шенки по-украински. Иначе говоря, возишься, как с малыми детьми. Это тебе понятней, пскович?

«Цели определены, задачи поставлены. За работу, товарищи!» — кто не знает социалистические лозунги, призывающие к коммунистическому труду.

После обеда, часа в три примерно, Вова «прохлаждался» ближе к кингстону, ловил широко открытым ртом горячий, но свежий воздух. И у него, и у меня на голове были бумажные, изготовленные из газет панамы, чем-то напоминающие адмиральские папахи, высокие и с козырьком. Очень удобно, главное, что, хоть голова не в краске и ржавчина не сыплется, когда чистили металл. Я поднимался всё выше и выше к подволоку, образованному вверху цистерны легким корпусом.

На крючке висела небольшая кандейка с краской. Я уже привычно, усаживался на одну перемычку, ноги ставил или оплетал ими другую, так как руками держаться почти не приходилось, они нужны были для того, чтобы держать кисть и передвигать краску. Мне становилось всё веселее и веселее. И я, вспомнив студенческую песенку, запел:

Вот получим диплом, гоп-гоп-дуба,

И махнем в деревню.

Соберем чуваков, гоп-гоп-дуба,

И вспашем землю.

Мы будем сеять рожь, овес,

Ломая плуги.

И от музыки той, гоп-гоп-дуба,

Проснутся люди.

Ты в навозе стоишь, гоп-гоп-дуба,
Юбочка с разрезом.
Держишь белого быка, гоп-гоп-дуба,
За хвост облезлый.
Эх ты, чува моя, чува,
Тебя люблю я.
Вытри сопли об забор, гоп-гоп-дуба,
Дай поцелую.

В той деревне жил дед, гоп-гоп-дуба,
Ел щи да кашу.
Записали его, гоп-гоп-дуба,
Мы в банду нашу.
И стал дед клевым чуваком,
Жует резинку,
Пьёт самогон, гоп-гоп-дуба,
Через соломинку...

Я так увлёкся пением, что забыл, чем занят, хоть и продолжал ловко орудовать кистью. Опустив взгляд вниз, где должен тем же заниматься Вовка пскович, но не увидел привычной кисти в его руках. Он полулежал на перемычках, прислонившись спиной к прочному корпусу и смачно ржал, мотая головой из стороны в сторону.

— Что? — спросил я. Обжинок не будет сегодня?

— Ой, не могу! Откуда ты это взял?

— «Гимн студента сельхоз профиля». Мы часто её пели, как у кого день рождения или ещё чё. Хоть и память не очень, но эту запомнил «от корки до корки». А ты прекращай ржать. Давай наверстывай, а-то и обещанной медали у меня не получишь.

Вова закричал, зашевелился и продолжая улыбаться, принялся за работу. Я поднимался выше и выше, было жарче и душнее, я уже наполовину вдыхал вместо воздуха пары быстро испаряющегося растворителя. Голова становилась чугунной. Я стал тупее и тупее соображать.

Но весёлость не прошла, а перешла лишь в какой-то гогот, как будто я с Вовой поменялся местами. Только гоготал неведомо от чего, стало до истерики весело. Я что-то бормотал толи вслух, толи себе под нос и закатывался гоготом. И осознавал это только чуть-чуть, на подсознании, сознание уже отключалось.

Вове было интересно наблюдать за мной таким, и он забыл инструкции и что это со мной происходит. Эх, Вова, Вова! А ещё орден хотел заработать. Как бы с тобой «железный крест» не светил.

Я не заметил, как упёрся своим подобием адмиральской папахи из газеты в подволок, почувствовал тепло металла. Потом мне в темечко прижигало сильнее и сильней. Сначала, было приятно. У меня перед глазами появился рыжий чёрт, он был без туловища, одна голова и эта его безобразная рогатая рожа, рыже-красного цвета с черными местами и даже седыми прядями длинных нечёсанных волос, с краснучими, горящими, как фонариками глазами, широко растопыренной зловонной пастью, длинным языком и большими клыками, удерживающими язык от сваливания в сторону. Он смотрел прямо мне в глаза издевательски и ржал, ржал, что сил есть. Я ощутил со вдохом его зловонный запах и мне захотелось его ударить.

— Пошёл прочь, сатана! Пошёл!!!

Я быстро смачивал кисть в кандейку и резко взбрызгивал, как это делает в церкви батюшка священной водой, окропляя чёрта краской. Он от этого краснел и становился ещё более злобным.

— Уйди нечистая сила! Уйди! — уже с раздражением выкрикивал в эту поганую рожу, даже забыв, что нужно было перекреститься. Правая рука моя была занята кистью, и краска обильно стекала по кисти и по руке в рукав робы.

И тут я почувствовал резкий прилив жара в голову, на секунду отвлёкся от чудища и увидел прямо над собой

яркой пятно раскалённого металла. Куда только делись глюки. Я глянул вперёд — никакого чёрта не было. Голова быстро прояснилась. Я чётко осознал, что сегодняшней разговор с Вовой о возможном пожаре был пророческим. Считанные секунды отделяли нас от возможности взрыва. Металл, а вернее ржавчина, нагревшись до высокой температуры горящими электродами, наверху варили леер, скорее всего и как от бенгальских свеч сыпалась раскалённая окалина везде.

— Прекратите варить! — кричал я и понимал, что из-за грохота работ меня не слышали.

— Вова, прыгай в люк кингстона! Сейчас взорвёмся! Вова, быстрее!

Я понял, что возгорание неотвратимо, под подволоком собралось столько паров растворителя, что... И я, с прытью макаки, бросился по усилителям к люку, который был в разы ближе, чем нижний кингстон. Там был, я надеялся Вовка. Пять метров я пролетел за две, максимум три секунды. И когда голова и плечи были уже вне цистерны, я собирался сделать «выход силой», сильный взрыв вынес меня наружу. И при этом как-то приземлился на легкий корпус неудачно. Голова была направлена вниз, и я начинал медленно сползать. Ещё секунда и я летел бы головой вниз с 10 метровой высоты на металлическую опалубку дока.

Чьи-то руки ухватили меня за ногу, я попытался ладонями создать силы трения, противоскольжения. Подбежал ещё кто-то. Я не понимал, что происходит, было состояние полу контузии. Из люка валил чёрный, едкий дым. Люк экстренно задраивали. Я судорожно пытался освободиться от помощи и кричал:

— Где Вова? Где Антонов? Он там? — показывая на задраиваемый люк.

Гудела сирена. Бегали матросы и старшины. Разматывали пожарные рукава. Я выхватывал у них рукава

и пытался тушить сам. Языков пламени уже видно не было. Люк задраили и просто поливали корпус сверху, чтобы остудить очаг горения.

Время летело с непонятной интенсивностью, то затормаживалось и я слышал протяжное разрывное эхо криков, то ускорялось и звуки становились более похожи на те, когда находишься в барокамере при давлении в 10 атм. И при этом кто-то говорит.

Я повернул голову назад. За мной стоял Вова Антонов и улыбался.

— Вовка, живой! Вовка! — я бросился обнимать своего товарища, с кем вот так получил «боевое крещение».

Вот так и не верь после этого, что мысли материализуются. Придется хоть самому эту медаль ему изготовить, если командование зажмет.

Глава XII. Все рыбы, как рыбы. А ты — камбала!

Умелыми действиями экипажа и рабочих дока пожар был быстро локализован и потушен. К счастью, пострадавших не было. А ими могли оказаться именно мы с Вовой, в случае промедления. Но, если не судьба, то не судьба.

Бесспорно, этот случай не мог пройти незамеченным. Во-первых, городские пожарные машины подняли шум сиренами, подъехав вплотную к доку и оперативно размазывая пожарные рукава. Мы уже давно успев обсудить то, что случилось и что могло бы, если что случиться, а потому нам было смешно наблюдать «за дракой после драки». Было такое ощущение, что пожарные настолько уверены в себе и в то, что пожар ещё не начался, а начнется ровно в то время, когда они во всеоружии смогут его встретить.

Действительно было смешно и мы от души с них посмеялись. Видимо, видя всё несуразность положения, кто-то из командования, прошел мимо киля лодки, и, как бы невзначай, зажег и бросил в щель над килем дымовую шашку. Пошел густой дым. Два пожарных экипажа оживились и стали гонять банку дымовой шашки напором струи из брандспойта вдоль киля. А она на это только «огрызалась» новыми клубами дыма.

Как в таких случаях бывает, сразу начали проводиться инструктажи по пожарной безопасности, на всех дверях и переборках дока появились свежие инструкции и красочные призывы быть осторожным и как действовать в случае пожара. Пожаловал на другой день и комдив, чтобы лично на месте узнать обстоятельства пожара. Не знаю, какие были сделаны выводы, но причина, по моему мнению в несогласованности действий доковских бригад рабочих с нашим командованием.

Главное, что и о нас с Вовкой заговорили в дивизионе, а это значило одно — нужно было дырочки под ордена ковырять в суконках. Благо, что пожар не наделал серьёзных дел. Оттянул, конечно, сроки окончания работ на день, но мы за это время сумели их на неделю опередить. Так что было все нормально.

Моя командировка подходила к концу и было откровенно жалко расставаться теперь с экипажем «эски», хотя и по своим тоже скучать начал. По прибытию из дока к родному пирсу, а для этого единственно, что было трудно, так это развороты в бухте, а расстояние не превышало и мили, командир построил команду и зачитал приказ.

Боюсь в неточностях формулировок, которые могу допустить, потому суть дела расскажу не сухим и чётким языком приказа, а немного вольным и доступным для понимания языком. В приказе указывались сроки нахождения ПЛ в плановом ремонте и также то, что работы

выполнены с высоким качеством и с опережением сроков. Назывался перечень работ и кем они были выполнены.

В конце, на основании выше сказанного, принято решение поощрить наиболее отличившихся матросов и старшин личного состава экипажа, краткосрочным отпуском домой сроком 10 суток и шёл список из трёх человек. Ниже, под тем же порядковым номером пункта приказа, но с указанием подпункта «б» было сказано, что поощрить прикомандированного с экипажа Б -75 матроса Иващенко А. И. за примерный труд, разумную инициативность и умелые действия во время пожара, ходотайствовать перед командиром в/ч 25119, по предложению командира дивизиона Камышана В. Ю. в поощрении краткосрочным отпуском домой сроком 10 суток...

Я стоял не жив и не мёртв. В строю пошёл легкий гул. По большому счёту всем хотелось домой, даже понимая то, что этот командированный может быть работал и лучше их, но он пришлый, а мы тоже старались, но не судьба.

Когда поступила команда «разойдись!», на меня накиннулись сослуживцы с поздравлениями, а «годки» с претензией, что мол мы уже домой собираемся и не были в отпуске, а ты не слишком «борзый карась»... Я только улыбался. А что я мог сказать. Я же никого не просил, не вымаливал, меня заметили — спасибо им за это.

После обеда годки собрались в моторном отсеке и меня пригласили. Не помню, чем я был занят, но явился без повторного приглашения. Все толкались на постах управления дизелями и сидели на компрессоре по правому борту. Как я зашёл, сразу выставили в 4-м отсеке на атаке одного бойца.

— Ну и рассказывай теперь нам, как ты до такой жизни докатился. Ведь так нельзя, так несерьёзно, многие из нас ещё ни разу дома не были, разве кто-то по семей-

ным обстоятельствам. А вот так за один год и сразу отпуск заработать — это как?

— Ты думаешь, что это ты его заработал? Это мы дали тебе заработать. Ты понял? Просидел бы месяц в трюме и никакого отпуска. А так вот, видишь вся хвала и честь, — продолжил второй.

— Что вы хотите? Прямо можно сказать? — не понимал я к чему они клонят.

— Ты, что маленький не понимаешь? Тебе же по возрасту, как и мне 22-й год пошёл, да?

Я кивнул в ответ. А первый продолжил:

— Нужно проставиться перед нами или как?

— Ну, если нужно, проставлюсь. Вот получку получу и проставлюсь.

— Нет, так не пойдёт. «Ты умри сегодня, а я подумаю ещё умереть завтра или нет». Сегодня день хороший, пятница.

— Мужики, так у меня сейчас денег сейчас нет и...

— Ничего, мы скинемся, а ты потом отдашь. Напишешь, мать пришлет тебе на подворотнички или ещё на что. Ну, так чё? Идёт?!

— А где это всё брать? Я ни разу за год, кроме бани никуда за забор не выходил.

— Мы расскажем всё, — вклинивался второй «годок», — держи пилотку, час набросаем.

«Годки» начали сбрасываться, в основном по рублю, три рубля и даже мелочью. Пересчитали, получилось рублей двадцать всего. Это почти три мои получки — подумал я. Мне объяснили, как пройти мимо судорезки и дальше по улице поселка Болдерая до ближайшего магазина метров 800 всего. Хорошо сказать всего, когда ты в робе и не ночью, а днём, а офицеров и мичманов снуют немерено.

«Ну, что поделать, негласные законы нужно блюсти и выполнять, как и воинский Устав, иначе никакой ува-

жухи не будет», — подумал я и отправился в «самоволку», хоть и организованную «годками», но от этого она «самоволкой» не перестала быть.

До магазина по маршруту, который мне подсказали, я быстро добрался до нужного магазина. Меня снарядили какой-то вместительной сумкой, простой, но крепкой. Видимо она не раз уже использовалась в таких вот переделках и много чего перенесла в себе.

Как я пожалел, что не отпросил с собой Вову Антонова. Он мог, хоть бы на «вассере» постоять и, если чё, сигнал подать. Но на нет и вопросов нет. Я осмотрелся кругом, тихо и вошёл в магазин.

В очереди стояли две женщины. Они медленно скупались, то это им, то того 300 грамм, то конфет 200 грамм таких, 200 грамм других, крупы, хлеба,...

Я заметно нервничал и все поглядывал через небольшие стекла тамбурной двери на улице. Люди подходили и занимали очередь за мной уже. Конец рабочего дня и недели, всем что-то нужно было.

— «Агдама» на все! — сказал я, когда очередь дошла до меня.

Продавщица выставила «батарею» из 8 бутылок объёмом 0,7 литра. Я спешно стал их всовывать в сумку. «Лишь бы ручки не оборвались», — подумал я и вышел.

И нужно было именно так, прямо к магазину подкатывала автомашина «копейка» цвета «пламя» и из неё мне навстречу вышел, на ходу одевая форменную фуражку капитан 2-го ранга, я его знал в лицо — это был офицер из нашего дивизиона.

— Матрос, ко мне! Вы, что тут делаете? Что у вас в сумке? — и не дождавшись ответа, заглянул в объёмную сумку, — Ну и ну! — только и сказал «кап два».

Подвёл меня к багажнику своей машины, открыл его и приказал:

— Выгружай! Кто таков? Ты забыл, что нужно представляться?

И действительно, я дар речи потерял. Я всё думал, ну как же так? Одно, что не видеть «годкам» вина, ещё и денег, которые они мне собрали «в шапку». Ну вечером галюна не миновать. Думаю, попробую, хоть деньги вернуть.

— Матрос команды Рекста, Иващенко. Товарищ капитан 2-го ранга, разрешите обратиться? Можно мы сдадим вино, мне деньги нужно отдать. Меня за них убьют.

— «Годкам» небось нес?

Я кивнул повинной головой. Ну не научился я врать. С детства учили говорить правду. А вот сейчас, «ложь могла бы быть во имя спасение, что есть благо».

— Ладно! Доложишь командиру, что я тебя наказал. Я проверю. Сдашь и быстро в часть. Я проверю.

«Кап два» оставил две бутылки в багажники, вложив между ними какую-то одежду, чтобы не побить, остальные отдал мне.

Я вернулся в магазин, он со мной.

— Верните матросу деньги за вино и примите товар назад, — сказал продавщице и вышел.

Продавец неохотно отсчитала мне за 6 бутылок деньги. Я вышел из магазина, «стрельнул» глазами в сторону курившего офицера, на ходу козырнул руку к пилотке и побежал в сторону ВМБ дивизиона. Скрывшись за углом, отдышался и выглянул в сторону магазина. «Кап два» докурил, выбросил окурок и сел в машину. Дождавшись, пока он скроется из виду, а потом бегом вернулся в магазин. «Меня же не поймут там, — подумал я, — если я без проставы вернусь».

Затарившись вновь, я бегом отправился на лодку, где меня давно уже ждали и думали, почему так задерживаюсь. По нормальному 30 минут с головой должно было

хватить. А заканчивался час, как я отбыл «в командировку».

— Ну, вот, можешь, если захочешь, — такими словами меня встречали «годки».

Вся команда собиралась на базу. Мне нужно было идти со всеми. Кто-то из годков остановил:

— С нами к вечерней проверке придёшь. Всё будет нормально. А до этого тебя никто искать не будет.

Я рассказал историю с вином и как теперь быть с докладом «кэпу».

— Ничего никому не говори. Ты думаешь, он тебя запомнил? Сейчас уже, небось одну бутылку осушил, за вторую принялся. Всё будет нормально. Давай, «карась борзый», держи тару.

«Годки» налили полный стакан. Я начал возражать.

— Никаких. До дна, за отпуск до дна.

Я с самой учебки, когда со Стёпой «завтракали» чаёй, до этого ничего спиртного не пробовал. Выпил стакан теплого вина, которое обожгло пустой желудок.

— Вот так! Держи галет.

Вино меня разбирало быстро. На лодке оставалась вахта и «годки». В общей сложности нас осталось «банковать» пять человек. И, судя по всему, я выпил около литра портвейна. Оно и ничего бы, если не на пустой желудок, да с закуской хорошей. А тут... Короче, я поплыл.

Время не тикало, оно летело. Сменилась вахта, заступила новая нижняя вахта. Прошёл ужин, вечер наступил. А я всё уже забыл, где я и зачем здесь, что нужно быть на вечерней поверке, да и состояние было уже мало транспортабельным.

Не хочется мне страсти-«мордасты» рассказывать, но на поверке вовремя я не появился. Кинулись в поиски и, конечно же, признались, что я остался на лодке с вахтой.

Вот бывает, что не глупый, даже умный человек делает такие глупости, что диву даёшься. Одно дело, что, когда это происходит на гражданке, дома и ты завтра проснёшься и только головная боль может напомнить о том, что не нужно было вот так надираться.

А тут мало того, что это может закончиться совершенно плачевно, это же не в первый раз. Где же твою чувство самосохранения, матрос? Ты, же не сойдя с грабель делаешь повторное движение и грабли бьют тебя в лоб, больно бьют и бьют не впервой.

Но тогда я об этом, конечно, ничего не думал. В голове туман и всё фиолетово. Но влип ты опять, брат, ох и влип.

Какого труда, сколько сил нужно было приложить, чтобы заслужить то, что другие за три года не могут себе позволить и на тебе, как говорят, проссать за один неверный, необдуманый поступок. Вспоминаю то, что произошло, думаю, а мог же поступить иначе? И почти без раздумий отвечаю — да, нет же, не мог. В эти моменты отключается чувство самосохранения, осторожности, которые обостряются, но совсем в другие моменты.

Если бы я мог остановиться вовремя, сказав своим внутренним голосом себе «Стоп!» — это был бы уже не я, а если я, то не тот, которого я знаю уже всё сознательные годы из 21-го прожитого. Видимо, совершать аморальные поступки — это моё кредо по жизни. Потом, обязательный синусоидный взлёт по стремительной траектории, но с усилием, а затем без особых усилий «скатывание» по ниспадающей траектории синусоиды.

Кто-то скажет — это же ненормально. А кто знает, что нормально и по каким критериям судить. Судить по Уставу воинскому, по чести и совести, по Гражданскому Кодексу. Адаму и Еве нельзя было срывать «запретный плод», а запретное — оно такое сладостное и желанное.

Мы с детства помним, если нам запрещают что-то, то ну, хоть плачь хочется. Если бы я был по гороскопу Близнаец, то было бы понятней. Тогда во мне было бы два «я» и были бы они противоположными друг-другу. А во мне видимо живёт белый Ангел и чёрный. Я не замечаю даже, когда один из них берёт верх. Они оба — это я в разных ипостасях.

Как вам разобраться в том, что происходит во мне, когда я сам не могу в себе разобраться. Если бы мне было суждено добиться головокружительных высот, я добился бы их и довольно легко, у меня к этому все было и есть: целеустремлённость, упорство в достижении цели, мобилизация сил, знаний, способностей — всё это было и есть, за исключением, конечно, физических сил, которые естественно убывают. Но в те годы-то, всё по плечу.

Я, кажется, путём вот этих нехитрых обдумываний причин того, что каждый мог взлёт обязательно должен чередоваться с падением. Видимо, Господу, угодно было, что в нашем грешном мире нашелся человек, сменивший, наконец-то, уставшего за много веков Сизифа. Помните, каких невероятных сил ему стоят усилия, чтобы закатить глыбу на вершину горы. И, вот, казалось, задача решена, осталось маленькое движение и... и камень вновь срывается и летит в самое глубокое ущелье.

Другой бы махнул рукой и сказал: «Не получается на этом поприще, пойду испробую себя в другом». Сейчас приведу вам такой пример, который не для кого не должен быть примером, потому что это не проступок уже даже, а преступление. Я всегда был и останусь всегда противником преступных методов обогащения.

Вот, если человек слаб физически, головой не получается решать важные задачи. Он не может обеспечить себя даже куском хлеба, так как его рабочая профессия невостребованная. Он, изначально ударяется в выпивку,

чтобы забыться. Это требует денег, по началу продаёт то, что смог скопить изначально, продавая за бесценок даже домашнюю утварь. А потом, понимая, что продать больше нечего, начинает воровать, поёмного и больше, и больше.

Не дай Бог никому, но часто такие люди заканчивают похождения в тюрьме, где, как минимум похлёбка ему обеспечена. Сейчас наша жизнь и так сложна, чтобы опускать руки. Если сложил руки, готовься сложить голову. Жизнь не любит слабаков.

Важно, чтобы дух у человека был стойким и был тот стержень внутренний несломленный, позволяющий держать голову прямо и гордо. Физически сильный человек может быть сломлен, как соломинка, если его дух слаб.

Как быто не было, человек индивидум, не должен быть одним из тех, взятых из серой людской массы и отличаться только ФИО, но не внутренней индивидуальностью в широком понимании этого слова. Я много в жизни встречал тех, кто старался повторять путь чей-то, быть похожим и не только, а до мелочей повторять кумира. Я вам скажу — это путь в никуда. Вы теряете свою личность. Человек, сидящий у паперти может быть личностью, а вы, стараясь клонировать кого-то, не можете.

Мой отец часто повторял поговорку: «Пьяница проспится, а дурак никогда», «лучше с умным потерять, чем с дураком найти», «дорогу осилит идущий», «нет слова «нет», есть слово «надо».

От себя скажу: «если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...», «всегда выбирайте самый трудный путь — на нем вы не встретите конкурентов». Я вам еще скажу, «смысл кулаками махать после драки?»

Раскаяние, конечно приходит, всегда поздно, а иногда и не раскаяние, а сожаление, что могло бы быть все иначе. Но уже поздно что-то исправить, потому нужно просто жить дальше.

Утром в длинном коридоре казармы, начинающегося от входных дверей с каюты «кэпа» и заканчивающегося курилкой я, выйдя из кубрика, лоб в лоб столкнулся с командиром, слегка сутулым, седым почти полностью, несмотря на ещё не преклонный, по меркам человеческой жизни, возраст, хотя через два года собирающийся на заслуженный пенсионный отдых.

Я, конечно, отошел в сторону, вытянувшись особенно старательно и уважительно, пропуская старшего офицера, командира. Но он и не собирался проходить мимо. Остановившись напротив меня, долго смотрел сверлящим взглядом мне в глаза и качая притом головой, потом произнёс слова, оставшиеся в моей памяти на всю жизнь:

— Вот, смотри, Иващенко, все рыбы, как рыбы. А, ты... А, ты — камбала! — взмахнув наотмашь рукой и продолжил свой путь по коридору, не нуждаясь в моих объяснениях по тому поводу, что случилось, эму это не нужно было, это было лишнее, он и без этого всё прочитал в моих глазах, всё, что хотел знать.

Приказы зачитывались одновременно. Сначала приказ о поощрении, а следом о наказании со снятием ранее объявленного поощрения в виде отпуска домой, его, естественно отменили.

Как и не было месяца напряженного труда, с желанием показать, что «мы не лыком шиты», все свои знания, умения и даже организаторские способности на некотором среднем неуставном уровне. Нужно забывать, как страшный сон, как будто ничего и не было. А есть служба, напряжённая служба, с трудностями, нарядами, караулами, приборками и учебными задачами, выходами в море и отработкой задач, как в море, так и на берегу, на корабле и на занятиях в кубрике.

Если бы можно было мое первоначальное поощрение передать Вове Антонову своё поощрение, сказав, что

ошибка произошла, он заслуживает этого отпуска больше других. К сожалению, это невозможно. А как же мои обещания, пустой звон? Прости, Вова! Вот как-то так получилось и ничего не исправить уже.

Дождётся тебя славный древний город Остров тебя, ну не сейчас, не в этом году, а к майским праздникам на следующий год, думаю, что в самый раз будет. И будешь, наверняка, уже не матросом, а старшиной 2-й статьи и командиром отделения. А девки как на тебя будут вешаться?! Всё будет, нужно немного еще подождать и не делать таких поступков, как я, пусть тебе уроком будет. Лучше на чужих уроках учиться. А, как я и на своих что-то не очень-то учусь.

Если звёзды зажигают, значит это кому надо. Если я живу, то это для чего-то и кого-то надо. А, если я совершаю проступки простые или аморальные — это кому-то надо? Видимо только для меня для того, чтобы я мог получить новый стимул, новый посыл для того, чтобы собраться и сделать рывок на границе 3-й космической скорости и достичь той высоты, которая многим снится только. А потом? А потом уже не важно, главное ты сделал — этот рывок, стоивший тебе колоссальных усилий, но ты доказал, что это не фантастика — это реальность.

«Товарищ командир, я знаю, что вы, несмотря ни на что, верите в меня. Я тоже, хоть и не настолько, но психолог, я видел в ваших глазах, не столько укор, сколько уверенность в том, что в случае чего, не на кого другого, а на меня можно положиться и Мы, как Бог даст уйдем „на гражданку“ вместе, но до этого ещё без малого два года службы. Будем служить, товарищ командир», — думал я, не сходя с того места, где остановился, пропуская командира.

— Иващенко, к батё! — прервал мои размышления дневальный, — бегом!

Каюта механика была сразу за тумбочкой дневно-го. Федор Федорович сидел серьёзный, даже сердитый и не дав представиться, начал:

— Я же верил тебе и надеялся, что не подведёшь, а ты...

— Товарищ командир, так я же и так не подвёл по поводу данного вами задания, выполнил с честью. А то, что после того, как...

— Помолчи, праведник! Будешь тут отца учить еб... Короче, думал я тебя командиром отделения ставить после командировки, вместо Алексея Ольшанского, да видимо рано ещё. Вот почему, скажи, такая светлая голова дураку досталась?

— Потому, что я, товарищ командир, камбала.

— Что, что?

— Кэп так сказал, я только повторил.

Суровое лицо капитана 3-го ранга, бати, стало улыбочивым и потом вообще он откровенно рассмеялся.

— Да, Давид Иванович, если скажет, что пригвоздит. Ты точно, не как все. Но не гордиться нужно этим, а хорошие дела, доброе семя на этой почве сеять. Ты же хлебороб? В детстве, я же в Белоруссии жил, на прицепном комбайне помощником работал. Тебе не пришлось?

— Нет, видел, в чермете стояли. Я уже на самоходном СК-4 штурвальным работал.

— Вот труженик, не лодырь, как некоторые, а видишь все свои заслуги сводишь на нет, насмарку. Ты знаешь, что Виктор Туров уже какой раз пороги мои обивает, должность просит, да на тебя опять с кляззой вот приходил, мол тебе нельзя должности доверять — ты не справишься. А он подходящая кандидатура. Что думаешь?

— Честно или промолчать лучше, товарищ командир?!

— Всё ясно. Не нужно никак. Иди и думай, голова-то для этого дана тебе, не так ли?

— Так точно!

Я вышел и меня лыба задушила, вспомнив о Витьке Турове. Надо же, вместе лямку тянем, я его, если что прикрываю, а он в открытую меня грязью обливает. Ну, Витёк, погоди. Вот много времени не пройдёт, будут тебе сапожный крем в рот пихать, когда храпеть будешь, не спасу, захлебнешься слюной вперемешку с кремом. Да, нет же, конечно. Это я так со зла сказал.

Он служака и застучать запросто может, это давно и всем известно. Это его дружба с Сергеем Кудряшовым тем закончилась. Тот ему в благодарность за то, что тот его будет мутизить, он говорил: «Витёк, не ссы, я тебя в обиду никому не дам». Вот уже и Сережа домой ушёл, а Витя по-прежнему думает, что у него присутствует мощный покровитель. А вообще, он просто этого ещё не понял, что нужно просто своими успехами добиваться званий и должностей, а не «выбиванием» из порогов начальства.

Да, видимо не видать и мне своей Наташки. Хотя, моя ли она. Хотя я сильно не поверил, но вот на днях получил письмо от её подружки, они вместе учатся в техникуме в Новочеркасске. Она написала примерно следующее:

«Саша, не удивляйся, письму. Я, Таня, подруга Наташи. Я о тебе многое знаю, Наташка много рассказывала. Мне обидно стало за тебя. Ты там служишь, а она... Короче в июне у нас практика. Были в колхозе. Она там замутила с парнем из старшего курса. Короче, она тебя вот так ждёт. Хочешь верь, хочешь не верь. Я бы так никогда не поступила...»

Сначала думал, что наговор. Поругались подружки и решила отомстить. Но потом понял, что вполне может быть. Во-первых, отвечать стала всё реже на письма и делает отписки на мои большие письма. Да и души в словах не слышно, наигранность какая-то. Вот сегодня у меня

настроение, подходящее для «разгонов», напишу всё, что думаю. Созрела девка. Я её «растил» с неполных 16 лет, думал вырастет воспитанная девчонка, не разбалованная, я во многом постараюсь, чтобы так и было.

Возраст берёт свое, гормоны играют, что-то где-то начинает чесаться. Да и где вы видели дуру, да ещё молодую, ничем не обременённую, чтобы три года сидела у окна, ждала и только вздыхала, глядя на отрывной календарь. Не зря ещё в институте говорили между собой обсуждая девок: «Бабы — гады, бабы — бляди, бабы — бешенный народ». Понимаю, что точно так и о нас можно сказать. Но то, что лишить себя удовольствия в развлечениях в молодом возрасте, когда на улице весна, лето. Всё пищит и «палка на палку лезет», а ты, как монашка сиди и жди неизвестно чего. Ещё может прийти и не глянет на ту, что хранила себя для него. Или, вообще, латышку привезёт себе.

Во, как. Когда уже нас в увольнение начнут пускать? Так и завывать волком можно. Витя Туров бросается на всё, что только движется. Так и до венерического диспансера не далеко. Да и кто с ним будет общаться, если при свете? Вот потому и шалавы где-нибудь под кустиком получают минимум собачьего удовольствия. Нет, это не моё. Я ещё не забыл, что меня ещё вспоминают сокурсники, как «учителя классической любви». Видимо, скоро придется переаттестовываться, снимать звание, если не удастся подтвердить. А всё идёт к тому.

По этому случаю анекдот, старый, добрый или не очень, сами рассудите.

«В школе Мария Ивановна спрашивает детей:

- Дети, скажите, каких вы знаете зверей?
- Зайчик, — отвечает Маша.
- Правильно, Маша, молодец.
- Лиса! — выкрикивает Андрюша.
- Верно, Андрюша.

Вова тянет руку и больше никто не хочет отвечать.

— Ну говори, Вова.

— Дед! Мой дед зверь.

— Вова, ну что говоришь. Разве можно так о дедушке говорить.

— Марь Ивановна, а вы сами приходите после занятий и сами увидите.

После занятий учительница звонит в дверь, где живёт Вовочка.

Открывает улыбающийся дед, а за ним Вовочка подбегает.

— Вова, ну зачем ты так о дедушке.

— Подождите. Дед, как давно ты живую п***у не видел?

Дед поднял голову кверху и завыл, по волчьи:

— У-у-у-у-у-у!

Во, как. Учительницу пришлось откачивать, в обморок пала».

Нет, я вам скажу, что без практики теряешь свои профессиональные навыки, однозначно. Каким-бы ты профи не был, но нужно подпитывать теорию практикой. Ну, пишу я от скуки порой, когда есть время, в наряде том же письма, Любе в соседнее село. Но мы же только два раза с ней и поцеловаться успели.

Другая Любаша, тоже пишет, ну дитё же ещё была, в 8-й класс ходила. Это сколько же ей тогда было, 15, наверное. Ну а сейчас 16—17 всего. Да и мысли у нее детские, как и почерк в письме.

Надо же дожился трое пишут, а по-настоящему то девушки нет. Надежда была на Наталку-молдаванку, но видимо ошибочка вышла. Несерьезно у неё, а я очень часто о неё думаю. Что меня на малолеток всё тянуло, на школьниц? Ну, а на кого, когда я в институте был 18—19 летним сельским парнишкой, а девушек выбирали по традиции года на два меньших или так получалось.

Как бы я не поверил, если бы мне Вова Усиков в институте сказал, на сколько моя будущая жена будет меньше от меня или старшей. Что за упущение. Если бы спросил, точно ответил. Он уникам, каких поискать ещё. Вспомнил своих однокурсников. Уже меньше, чем через год у них защита дипломов. Плохо, что не отпускаяют на сессии со службы.

А не честно так. Значит те, кто не получил полное среднее образование могут ходить в вечерку в посёлок, а я на месяц весной и осенью также на сессию, что слабо?

Эх, мои мысли, мои скакуны!

Всё решено. Вечером сяду и напишу Наташке письмо с «разбором» её полётов. Думаю, что отнекиваться будет, но меня не проведешь, всё равно пойму, если что-то там было.

Глава XIII. Как мало для счастья надо

Одногодки меня «подкалывали»:

— Скажи ещё спасибо, что «соплей» не было, а то ещё бы и разжаловали. Да и по комсомольской линии ещё могут «пропесочить».

— Кому? Тебе? Спасибо, Витя! Ты так добр ко мне, благодетель. Ты лучше скажи, когда Бате перестанешь на меня доносы носить и грязь лить? Сам ходишь, что негретос, невытый и меня хочешь в грязи вывалить, да? Витя, я сам себя могу в грязь выкатать, не узнаешь. Ты не старайся, а мне просто скажи: «Харе выслуживаться, давай опускайся, пока грязь не засохла, а то рыло подерёшь, когда будешь сверху падать». И, как только скажешь, сразу оттуда, куда добрался, сразу пикирую вниз, чтобы другу угодить. Мы же друзья, да? Ты этого же хочешь?

Туров заменживался, заёрзал, зашмыгал постоянно забитым носом:

— Ну чего ты, ну чего? Я так, по-дружески.

— Ну, да, конечно! Оно заметно, что по-дружески.

«Карасики» по-доброму сочувствовали. Они с таким, конечно, впервые столкнулись. Да и где бы они могли с таким столкнуться, в учебке? Так меня там давно нет, а кто кроме меня. Да и здесь среди «карасей» и «борзых карасей» только один, который и борзых превзошёл, он — камбала.

Они смотрели и вправду как-то странно, как бы представляя, как я двигаюсь в воде. Видимо, действуя плавниками и хвостом, схоже с тем, как подводная лодка маневрирует горизонтальными рулями и вертикальным. Только у камбалы вертикальный руль, как таковой отсутствует, а плавники вдоль овального корпуса, способны маневрировать, как, опять же на лодке по команде: «правый дизель — «полный ход», «левый дизель — «стоп!»...

Если подумать, то эта глубоководная чудо-рыба, чем-то и с лодкой схожа. А-то, что я и есть «камбала», не только командир подтвердил, я и сам уже давно об этом догадывался, только всё как-то не хотел себе в этом признаться.

Вот смотрю на эту пучеглазую рыбину. Кстати, с борта «буахи» в бухте матрос поймал недавно на самодельную удочку самую настоящую камбала. Видимо мой «собрат» меня проведать хотел, а тут неудача случилась. И у меня появилась возможность воочию увидеть живую камбалу. Её принесли в казарму и также, как делали в случае с бакланом, наполнили полную ванну для помывки ног, предварительно закрыв слив, пустили камбалу.

Бедная рыба пыталась спрятать свои пучеглазую голову под песок или ил, как это делает в море, а тут плиточка. От того, что у нее это не получалось, её глаза стали

ещё более выразительные и как у рака, вот-вот выскочат из глазниц. Мне жаль её было и я упросил, чтобы её пустили, всё равно нам на камбузе дают паренную, а перед тем замороженную морскую рыбу, в основном, конечно, хека.

Благо, никто не изъявил желания поиздеваться над диковинной рыбой и её отнесли в акваторию. А, чтоб «отвести» душу, мы ходили с удочками на петровские каналы, где клевала на голый крючок местная пиранья. Самое сложное было не поймать рыбку, размером с мелкого ерша, а снять потом с крючка.

Вода там была застойная и кроме «крокодилов», как мы говорили молодым, вновь прибывшим матросам, дабы напугать и отбить желание гулять в местах, где могут это делать только избранные. Места были настолько дикие, что можно было там провести двое-трое суток и тебя не нашли бы. Главное, чтобы уходил «в затворники», хотя-бы одного человека поставил в известность, где ты будешь иначе... Иначе всё, что угодно может быть и большой сбор и срочно будет тебя, если не командование, то «годки» разыскивать. Обычно для такой рыбалки выбиралось воскресенье или время между вахтами, когда меньше всего есть возможность быть в числе разыскиваемых.

Вот по этому случаю из-за работы в доке, напряжения и бесславного «подведения итогов», забыл вспомнить даже, как прошёл мой второй день рождения на службе. Если бы я в те годы имел хотя бы представления о гороскопах и прочем, во что комсомольцы по определению верить не должны. Да мы и понятия в те годы не имели об этом. А зря. Вот, что говорили звёзды по поводу этого дня. «... 29 лунный день. 29-е лунные сутки — тяжёлый день с отрицательной энергетикой. Это связано с тем, что этому дню покровительствует Спрут — темное и страшное существо...»

Ну, раз я сказал «А», то придётся сказать и «Б». Вот, если бы я тогда знал о себе то, что говорили звёзды, то всё то, что происходило со мной и вокруг меня было просто доказательством того, что дату рождения мне в роддоме не подменили. Всё, что многие могут сказать, что по гороскопу, рождённый 26 июня — Рак. Что я дальше приведу — это не мои умозаключения, а тех людей, которые занимаются этой наукой, я её называю хиромантией.

«...Число судьбы — «единица». По поводу этой самой единицы. Это символ собственной персоны, символ славы и могущества, действия и честолюбия. Человек с числом дня рождения «1» никогда не меняет свой курс и не пытается прыгнуть далеко вперед сразу же, рывком, раньше времени. Он достигает новых высот только прямым и прогрессивным путем.

Сила, индивидуальность, созидание. Люди этого числа — прирожденные лидеры. Они активны, агрессивны и амбициозны, всегда стремятся занять первые места, могут быть совершенно безжалостны и способны ради карьеры жертвовать всем, в том числе и отношениями с окружающими. Это число победителей и тиранов.

Резко выраженное «я», воля, энергия. Единица покровительствует людям активным, сильным, склонным к нововведениям — творцам и лидерам во всех областях. Люди единицы всегда излучают энергию, щедро дарят её окружающим, их нельзя не заметить даже в толпе. Среди них много артистов, политиков и национальных героев.

Такой мужчина независим в отношениях, энергичен и напорист. Вызывает у женщин особый интерес, поскольку представляет собой тип активного, целеустремленного, уверенного в себе мужчины. Он честолюбив, смел, прямодушен. На него можно опереться в трудную минуту. Все готов сделать для предмета своей страсти. Может влюбляться безоглядно, игнорируя здравый смысл. Для него главное — выразить свои сильные чув-

ства. Хорошо бы ему учитывать, что его избранница — это тоже независимая личность со своей жизнью и собственными интересами. Он часто игнорирует мнение своего партнера, решает все сам. Жизнь с ним интересна, но беспокойна. Он горяч, но отходчив. Любит внимание к своей персоне и похвалу. Ему нравится добиваться, покорять, быть великодушным. Может остепениться, завести детей, но всегда будет рабом собственных желаний и побуждений.

Эти люди благотворят окружающих. Способны на большие жертвы. Для друзей и любимых — мягки; их часто эксплуатируют, но до определенного предела: они не так безобидны, как кажутся...»

Кто был внимателен, ранее давая главному герою характеристики, навешивая ему на шею бирки и теперь имеет возможность сравнить с тем, что говорят астрологи. Если бы всё это выписать отдельно и начинать вычёркивать то, что подходит или наоборот, это оставлять, а, что не подходит вычеркнуть, то картина становится более ясной.

Ну, Бог с ним. С кем? Да с тем парнишкой в синей робе, с гуйсом на плечах, с нашивкой «боевой номер» на кармане «5-55-31», в прогарах на ногах, сегодня отмечающий своё 21-летие. Ну, отмечает — это громко сказано.

Утром при построении, мне ультиматумом было сказано:

— У нас есть виновник сегодня, это Иващенко Александр. Выйти из строя.

Я вышел и стал лицом к личному составу. Дежурный по команде, посмотрел на меня и продолжил:

— Поздравляем матроса Иващенко и желаем здоровья и верности Присяге и Уставу ВС СССР. Сегодня у нас суббота, а значит банно-прачечный день, уборка, помывка, стирка и прочее, как положено. Тебе можем сде-

лать исключение. Если сможешь до ужина спрятаться, чтобы тебя никому не попался на глаза, то работать не придется, освобождаешься. А, если попадешься на глаза — не обессудь. Всё понял?

— Так точно! Всё понял. Я могу идти?

— Ну, хоть позавтракай, чтобы до вечера сил хватило. А после завтрака время пошло.

Какое это счастье, сначала, оступившись на бревне, переброшенном через канал «кишащий крокодилами» искупаться не по графику, с самого утра в петровских водах. Затем, выкарабкавшись по отвесному берегу, хватаясь за густую травянистую растительность. Раздеться до трусов. Разложить робу для просушки на траву. Самому упасть на сочную траву-мураву. Закрывать глаза и просто отрубиться, чтобы тебе приснился приятный сон, дом, родные, девушка, нет, девушка не нужна, брат, который вернулся из армии лучше приснится. Как он там. Витя, с Днем рождения тебя! Как мама говорила, родила нас утром, примерно в это время. Будь счастлив, брат!

Я проваливался и провалился часа на два. И проснулся лишь из-за того, что солнце сильно припекло мне в темя так, что стало как-то некомфортно. Я привстал. На груди отпечатались все веточки и лепестки, как графика после теснения.

Трава прогрелась, воздух начинал быть душным, так как из-за древесных насаждений, кустарника и высокой травы, ветерок не мог пробиться через эту толщу растительности с густой июньской листвой. Вспомнил рекомендации отца: «Земля и лечит, и калечит. Никогда не ложись на спину. Спина самое незащищенное у человека место и от хворей, и от врагов. Хоть со спины трусы нападают, но, когда нож в спине, поздно говорить о том, что «ты поступил не честно». Помня это, я старался на сырую землю спиной не ложиться. Другое дело, когда июль или август и воздух раскалён до, практически 40⁰ С,

а сейчас ещё июнь и не на нашем юге, а на Балтике, где погода обманчива.

Тут где-то недалеко лежали наши снасти, но ловить этих колючих чекомазов не хотелось. Хотелось наслаждаться свободой, за более, чем год службы побыть одному со своими мыслями. Нужно постараться снять с души накопившийся на душе негатив. Как я буду служить дальше? Как-как — честно буду служить. Без «косяков»? Ну, как получится. Разве можно клятвенно обещать того, в чём сомневаешься. Постараюсь, а там, как Бог даст. Почему всегда люди говорят «как Бог даст». Но ведь «косяки Он не даёт, я их сам творю», творец хренов.

И от собственных размышлений мне стало даже смешно. Жаль «нет свободных ушей», чтобы поделиться своим мнением о своих же поступках. Судя по положению солнца, сейчас обед. Не хочу я обедать, мне свобода дороже. Сейчас захомутают и по фиг им будет, что у меня сегодня праздник. Нет такого в Уставе, чтобы именинников от работ освобождать. Кто как на это посмотрит, насколько понимающий окажется командир, а самый большой командир на флоте «годок», от него зависит твоё благополучие в большей или меньшей степени.

Кто-то скажет, да, если бы я, я бы... При этом забывает о том, что «я» — последняя буква в алфавите. Один неверный шаг и твоя служба может коренным образом измениться, не всегда и даже чаще, не в лучшую сторону. А комиссоваться по состоянию здоровья, чтоб потом всю оставшуюся жизнь кровью плевать — это не выход. Должна быть грань дозволенного тебе и так же им, тех, кто «вершит суд», а иногда самосуд, переходя эту самую грань и тогда их ждёт, как того «ущербного» обидевшего Сашу Панасенко и выхватившего два года дисбата.

Нужно о чем-нибудь хорошем. Помечтать, что ли. Говорят, что «мечтать — не вредно». Главное, чтобы вовремя оттуда вернуться в реальность. Можно вот так, лежать

и подложив руку под голову, которая мягче любой подушки, мечтать, но не забывать, если опоздать на ужин, то «праздничный наряд вне очереди» обеспечен будет. И весь праздник насмарку. Вот только в такие минуты по-настоящему понимаешь, сколько для счастья нужно. Нужно очень мало.

Когда видишь обеспеченных, если ничего не сказать, людей, которые сетуют о каких неудачных банковских вложениях, десятках миллионов убытков — они несчастливы? Да они просто трудностей, видимо, не знали. Они еще в престижной школе учились, когда родители уже делали на их счета приличные вложения и проплачивали карьерный рост и всё, к чему он должен был прийти, возможно, став их же приемником. Это не «червонец», который мне мама старалась послать один раз в три месяца. И для меня это было счастье.

В животе начинало ворчать. Режим давал о себе знать. Я только сейчас понял, что сделал оплошность, которая начинает о себе давать знать. Я забыл взять с собой питьевой воды. Пить воду из канала грозило кишечными заболеваниями. Буду до последнего терпеть, подумал, не самое страшное и плохое, что могло быть. Старался о жажде не думать.

Вспомнил, что так и не написал Наташке письмо. А может это и к лучшему, поостыну, глупостей не надеваю. А, вдруг, это простой наговор. Вот, если бы поехал в отпуск и не ломал бы над этим голову, а так...

Передравшись в легкую тень деревьев, чтобы не обгореть под июньским солнцем, решил просто поспать. Когда еще доведётся такая лафа. Да, видимо не скоро. О серьёзном думать не хочется. Я плавно проваливался и отпустив из напряженного состояния последний сгусток воли, провалился в глубокий сон. Я спал, как младенец у мамы на руках. А мамой мне была, хоть и не родная земля, не земля предков, но она ведь едина

в своей бесконечности, как замкнутая плоскость шара, где нет ни начала, ни конца.

Я вскочил резко, почувяв на себе прохладу. Солнышко повернуло к вечеру и стало явно свежее, от воды повеяло сыростью. Вставай, «новорождённый», тебя ждут подвиги, Родина верит в тебя, ты её не подведи.

Видимо «внутренние часы» и «внутренний будильник» сработали вовремя. Я выходил, как «инопланетянин» из потустороннего мира ровно рядом с камбузом. Издали заметил команды, строем подходившие к камбузу. Подойдя настолько, чтобы увидеть проход от плаца к нашей команде, заметил, что наши строились чуть поодаль от входа в сторону плаца.

В переднем ряду, как и положено стояли наши новенькие братья с Дану, во втором ряду колонны Молдаван с Садьковым и Малышом. В третьем ряду пошли наши, «борзые караси» и так далее по годам службы. Колона тронулась. «Годки», по обыкновению шли вне строя вольным шагом. Я, улучив момент и почти незаметно вклинился в строй, что ненадолго сломало стройность рядов, но быстро отрегулировали перемещением по инстанции.

Теперь за столом с десятью посадочными местами, где, как и строю, только в обратной последовательности формировался ранжир: во главе стола два «годка», за ними два «подгодка», иногда три и так далее; четвертой кастой была каста «борзых карасей», а за нами молодые «караси», не набравшиеся борзости, так сказать.

Годки, заметив меня за столом, стали отпускать колкости:

— Где отдыхал, в кабаке «Старая крепость»? Пил коньячок с «Рижским бальзамом»? Во, жизнь. Нам так не жить.

— Тебе, небось, наша еда не по нраву будет? Вам насыпать? — ехидничал «подгодок» Мыкола, как его величали, из-за полтавских корней.

— Спасибо! Ешь сам «керзуху». Я сыт Святым Духом, — ответно съязвил я, а внутри кипело и желало вырваться то, от чего и чертям жарко было бы, но сдержался.

И действительно, после таких предложений, кушать перехотелось, хотя желудок давно сам себя боками «целовал». Поковырялся в привычной, впрочем, еже и запил чаем.

— Выходить строиться! — послышалась команда дежурного по команде.

Справедливости ради, нужно сказать, что до отбоя меня «не кантовали» и оставили в покое. Вечером написал Наташке письмо, непривычно короткое и «сухое», без привычных душевных серенад.

Завтра я начинаю новую жизнь. Мои годки, пришедшие уже со службы, задумывались о женитьбе, а кто-то и вовсе не стал с этим затягивать. Как приду со службы, годик, точно, погуляю. Лучшие молодые годы всё-таки провести придётся здесь. Нужно немного взбрыкнуть перед тем, как хомут на шею одеть. На том и порешил.

Лето — прекрасная пора времени. Мы жили ещё под впечатлением состоявшегося XXV съезда КПСС на границе зимы и весны. Все лозунги и растяжки на улицах гласили «Решения XXV съезда КПСС в жизнь!». Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев в канун Дня Победы стал Маршалом Советского Союза. С конвейера автомобильного гиганта КамАЗ сошёл в этом же году первый отечественный грузовик КамАЗ-5320, а завод ЗИЛ выпустил миллионный автомобиль. Латышские автомобилестроители тоже не отставали, запустив новую серию микроавтобусов «Латвия» РАФ-2203 (*RAF-2203 Latvija*). И мы вскоре первые увидели эти симпатичные автобусы в качестве маршрутных такси и спецавтомобилей «скорая медицинская помощь».

Мы занимались привычным делом, оттачивали совершенство своих воинских специальностей в отработке учебных задач в море, поддерживали материальную часть в надлежащем виде. Одним из показателей порядка в отсеке было, когда проверяющего, входящего в отсек слепило блеском отдраенных с помощью шерстяной ветоши и пасты ГОИ медных и латунных деталей. Его нельзя было не заметить даже при слабом дежурном освещении.

Мой пост, как и раньше, находился в корме правого дизеля. Витя Туров и Саша Малыш располагались по постам линии вала правого дизеля в своих сменах в трюмах 6 и 7 отсеков, соответственно. Я понимаю, отчасти, кляузы Виктора, который желал побыстрее занять место в 5-м моторном отсеке и не в трюме, а наверху. Командиром отделения на моем дизеле назначили вместо Ольшанского, ушедшего весной на ДМБ, «годка» Андрея Бобрышева, до этого он был в отделении среднего дизеля.

Да, а у меня была возможность после года службы стать командиром отделения. Ну, да Бог с ним. Моё ещё впереди, какие наши годы. Главное навыки не растерять свои. А этого сделать нам не давали.

После «залётов» в увольнениях «годков», «кэп» дал указания командирам команд и служб, в первую очередь механику, чтобы увольняемые в город знали «на зубок» свои должностные обязанности по «книжке боевой номер». Бесспорно, это не могло не отразиться и на нас. «Бумерангом» это требование затрагивало и нас, хотя нас в увольнение никто и не думал отпускать. «Придёт ещё ваше время», — обещали «годки» и «подгодки», драившие хромачи и «торпедировшие» на клиновидные фанерные клинья, «торпеды», иначе говоря.

Суконные брюки, если их изначально намочить, а потом натянуть на фанеры в виде клиньев, материал растягивался и брюки приобретали форму клеш. А для того, чтобы стрелки хорошо держались, изнутри в области на-

ложения утюгом стрелки натирали куском туалетного мыла и проглаживали. В этом случае клеш и стрелки держались долго. Но, не дай Бог, попасть под дождь, вид брюк становился плачевным, они складывались гармошкой.

«Годки» для того, чтобы мы не злорадствовали, и служба «медом не казалась» заставляли и нас заодно с ними учить «книжку боевой номер» и строго спрашивать основательно и с «пристрастием». Но в какой-то степени, это было на пользу общему делу.

Всё это было потому, что количество увольняемых было строго регламентировано, был предельный «потолок», а старослужащим хотелось увольняться в каждое увольнение и это практически всегда получалось из-за того, что мы были лишены такой возможности. Придёт наше время, и я тоже в этом не сомневался, ещё и Рига узнает меня, как когда-то Черноград знал, как Дядю Сашу. Но для этого, хотя бы еще до ноября потерпеть нужно было.

В редкий момент отдыха, прилегли на травке вблизи пирса. Курим и наслаждаемся ласковым прибалтийским солнцем, прищуривая глаза от его яркости.

— Вот я смотрю, какая тут бесхозяйственность, — начал разговор Михаил Затворин, трюмный центрального отсека, отличительным говором северных народов нашей необъятной страны.

— Ты о чём, Миша? — спросил, не понимая о чём хочет сказать тот, запрокинув голову на сложенные в «замок» руки под голову, сдвинув пилотку на глаза и теребя в зубах свежесорванный стебелёк травы.

— Я говорю, сколько трОвы, а никто не косит. Можно кОровку держать. Вот завести бы кОрову. Будем её кормить. Я умею дОить кОрОв, будем дОить, пить пОрнОе мОлОкО. Эх! — вздохнул Миша с разочарованием.

— Слышь, Миха! Я удивляюсь, какие вы все хозяйственные мужики. Вот тут недавно Вова Молдаван предлагал в трюме кабанчика завести. Сколько в море продуктов пропадает, рыб кормим. А так, скармливали бы кабанчику. За полгода бы борова вырастили на таких-то харчах...

Мишка засмеялся.

— Чего ты, не веришь? Сам спроси. Но твоё предложение хоть реальней. Ты же не на лодке предлагаешь бурёнку держать? А он в трюме. И взбредится же такое, упаси Господи.

— Эй! Чего развалились, курортники. Перекур закончен, — прервал наш хозяйский разговор мичман Милькин, старший по приборке пирса, — давайте, подъём, нужно закругляться.

— Опять, на самом интересном месте, — бурчал Мишка, — товарищ мичман, с вам приходилось корову доить или козу?

— Ты бы ещё спросил, козла... Я корову только на картинках видел, в городе рос.

— Вот, потому и нет в вас, товарищ мичман, «крестьянского ребра», как батя говорил, — поддержал Мишку я.

— Чего? — не понял, не отличающийся особой эрудицией «сундук».

— Да, ничего. Это мы тут «крестьянский вопрос», как говорится «по ленинским первоисточникам» обсуждаем. Хотя, вы же..., — я заткнулся, потому что следом должна была вылететь, как воробей колкость, которую потом не поймаетшь, а мичман мог обидеться, — проехали.

На днях нам выдали новое обмундирование, положенное по истечению года носки: робу, тельняшки, майки, трусы, носки, прогары. В казарме стоял запах новых вещей. Сразу вечерами стал слышаться треск ручной швейной машинки, трудившейся без перерыва по под-

гонке робы. Основное в ней, что не устраивало было то, что она, как крестьянская рубаха была вольного свободного покроя, а мы старались по максимуму её приталить. Это было совсем несложно, наложить два шва с правого и левого бока и, после примерки, обрезать лишний материал.

Прошёл ещё один месяц службы. И меня уже не тыкали случаем с отпуском, а вернее с его бесславным концом. Все на службе наладилось и шло своим чередом по расписанию и графику. День ВМФ, в отличие от празднования в Севастополе прошел тихо и спокойно, с праздничным столом на камбузе, построением в парадной форме и поздравлением комдива.

Комдив Камышан, был, как всегда неотразим. Всегда в подогнанной по плечу форме и несоизмеримо огромной форменной фуражке-«аэродроме», что несмотря на то, что к его небольшому росту не совсем подходило, но было всё равно красиво и парадно. Единственно, на ком я замечал расклешённые брюки, видимо тоже шитые на заказ, что были на комдиве. Видимо этой привычке, он неизменно придерживался ещё со времени срочной службы на флоте в далёкие военные и послевоенные годы.

Приближалась осень. Осень на Балтика «седой» особенная. Давали отражение на настроении и погодные условия и то, что постоянно нужно было грести нескончаемый листопад.

Уходил ещё один призыв. А на смену приходили те, кто их сменит, конечно не в должности, а пока, как единицы штатного состава, при условии сдачи на «самоуправление кораблём». Этот период знаменателен ещё и тем именно мне, что после ноябрьских праздников, 14 ноября я отметил значимую дату — половина службы, 18 месяцев, 78 недель, 548 дней и ночей. Много это или мало. Будь моя воля, я бы в первый год службы ввёл бы

коэффициент 1:3, потому что прожитый в первый год службы можно засчитывать за три дня. Второй год 1:2, а третий уже 1:1. Итог — 6 лет жизни прожито в жизненном интервале равном 36 месяцев, столько сколько дырочек выполнено в галетах.

Среди уходивших были и те, кого и через 45 лет, как сейчас, не хочется вспоминать, а были и те, которые ничем не запомнились, а потому и сказать нечего, ну и были конечно те, кого с радостью встретил бы где-нибудь после службы, чтобы посидеть в кафе и под тост «За тех, кто в море!» вспомнить всех и добрым словом и кого с укором, и на прощанье пожать крепко руку, так же, как мы делали, прощаясь. Доброй вам дороги, сослуживцы!

Хоть не везло мне на командиров отделения, но видно судьба. И как ты её не пытайся обойти, она тебя, непременно, настигнет в нужный час и всё будет так, как Всевышнему угодно. А Ему было давно угодно, только я делал всё для этого, чтобы того не случилось и в этом было моё противоречие не с Ним, с Творцом, а с самим собой. Я порой сам себя не мог понять. Во мне жили два, как я говорил ранее, Ангела. Один Ангел сидел на правом плече, второй, бес, уместился на левом плече и внимательно следил за своим антиподом. Как только первый расслабится, бес делает своё дело и все добрые поступки насмарку.

Я понимаю, что сейчас время не то, что было в годы всем известного нам по детским рассказам, Аркадия Гайдара (Голикова), который в 14 лет стал кандидатом в члены РКП (б), в 15 лет командовал взводом, а в 17 полком. И я ничего не имею против опытных и толковых командиров, но, когда представил, что Витя Туров будет в походе отдавать команды для меня, начинало коробить.

— Нет, дорогой, пока я служу, этому не бывать! — машинально вслух произнёс свои мысли.

— Ты о чём сейчас, — спросил везде вставляющий свои уши Витёк Туров.

— Расслабься, ты всё узнаешь первым. Это план только разрабатывается, не решение выносится.

— А! — протяжно, понимающе затаил мой собрат и одновременно явный, не скрывающий своих планов противник.

Прошла неделя, другая и 7.12.76 г. в очередном приказе по личному составу были изменения штатного расписания, назначение на должности и список тех молодых матросов, сдавших на «самоуправление» и присвоение им штатных должностей. И не было никакой неожиданности, ну если не считать одного человека, самого близкого даже в прямом смысле, по койке соседней слева от меня, я был назначен командиром отделения мотористов.

— Витя, бойся и трепещи! — шутя, после оглашения приказа, я сказал Вите Турову, который получал всё же «тёплое» место в прямом и переносном смысле слова, бывший мой боевой пост и чему он не менее радовался, поощрительное звание старший матрос. К этой «сопле» он давно шёл и был очень рад.

А когда эйфория прошла, и он сообразил, что мне звания никакого не дали, начал публично возмущаться:

— Мужики, а где справедливость? Это что значит, матрос мной будет командовать? Нет, это неправильно. Я не к механику пойду, он Иващенко покровительствует, я к «кэпу» пойду.

Все покато катались от выражения изумленного лица и желания достичь свой цели, даже, если придётся через кого переступить или наступить даже.

— Иди, Витя, иди! «Кэп», может даст тебе должность пескаря при камбале.

— А, камбала, кто? — не врубаясь сначала к чему я клону, серьёзно спросил Витя.

— Ну, кто?! Вот он перед тобой, личной персоной.

Приближался Новый год. Как-то в курилке «отличники» с «Псковского комсомольца» решили нас «букашников» по теме новогодних мероприятий «подколоть»:

— А, что слабо вам «маслопупам» с нами в КВН сыграть?

— Да куда им с нами тягаться..., — поддержал другой.

— А почему бы и нет. Принято! — не раздумывая и без совещаний с товарищами ответил я, которые смотрели на меня растеряно, видимо понятия не имея, что это, не считая того, что видели по телевизору.

— Замётано! — произнёс комсорг С -191, — а кто у вас будет капитаном, чтобы не было ла-ла?

Я посмотрел на присутствующих наших, видя растерянные взгляды одногодков и «свежеиспечённых» «подгодков» и зная, что среди «годков» желающих можем не найти, взял на себя право самозванца, ответил:

— Я вас устрою?!

— Лишь бы вашу команду устроило.

Мы пожали друг другу руки. И договорились, что займёмся разработкой программы и будем работать плотно в контакте. Новый год обещал быть интересным. А до него оставалось всего три недели.

Глава XIV. КВН

Все мы знаем пословицу «Взялся за гуж — не говори, что туж». Меня никто за язык не тянул. Я привык, что если дал слово, то сдержу его, чего бы мне этого не стало. И мне не нужны игроки из «высшей лиги», я сам особо никогда не играл в этот самый КВН. Но мой отец обладал примерным чувством юмора, мог для любой ситуа-

ции подобрать броское определяющее слово, пошутить в тему и при этом очень остро и «в карман за словцом никогда не лез».

Я много от него перенял. А откуда у него это? До войны успев окончить всего шесть классов из обязательных семи, раньше-то «семилетка» была, как неполное среднее образование, а для получения полного нужно было 11 классов оканчивать. Война не дала. Но он прошёл дружную школу, школу жизни.

Как только немцев отогнали от родного села Марьевки в начале зимы 1943 года и фронт установился на реке Миус, «Миус-фронт» располагался всего в 25—30 км от села. Но открывались клубы и в селе заработали избы-читальни, предшествующие сельским библиотекам.

Где взять грамотных и способных исполнять работу заведующего избы-читальней? Попросили отца, а ему и 16 лет не было. Справлялся достойно. Вот там-то то он и раньше взрослел и много слышал историй и от комиссованных военных по ранениям и от тех, кто когда-то провёл несколько лет в «местах не столь отдалённых» и от одних, и от других что-то узнавал новое, интересное и познавательное, чего в книгах даже не прочтёшь. Хотя и любовь к чтению именно отсюда проявилась, а не из школы.

Он запоминал много жизненных историй, были и трагические, и юмористические, разного толкования. Студия звуковой записи на граммофонных пластинках не могла записывать те песни, что пели в народе, те, что рождались на зоне и в окопах на фронте. Память у отца было феноменальной. Он помнил десятки и сотни песен, сотни анекдотов, баек и занятных историй.

Часто, во время перекуров, а я в 18 лет начал курить и потому прятаться не стал, он мне рассказывал самые разные истории. Он только спросил: «Ты когда закурил?» И иногда жаловался на плохую память словами: «Вот, ко-

гда немцы пришли к нам, а было это или 14 или 15 числа..., не помню точно...». Мне бы такую память, чтобы после 35—40 лет в датах на один день ошибаться, тут год не вспомнишь, не говоря о месяцах и днях.

Работал отец в избе-читальне вплоть до ноября 1944 года, когда его призвали в армию. Все, кто приходил в клуб, в избе-читальню, находили там отдушину в тяжелое военное время. Одни приходили и просили написать на фронт сыну письмо, так как старики были малограмотные. Другие просили, чтобы он рассказал, как там обстановка на фронте? А то, что фронт стоял совсем рядом, не нужно было даже радио, канонада была прекрасно слышна и залпы орудий и вспышки взрывов, и пожарища пожаров всё было слышно и видно. Но люди желали живого общения и получали его.

Неудобно было называть по сути мальчика по имени и отчеству, но приходилось и со временем, кроме, как Федорович никто его не называл. Это нужно заслужить. Другого и в 70 лет Лёхой Хромым зовут. Хотя не на работе так же присутствовало прозвище сельское, Прасол. Мы были Прасолами и тут ничего зазорного не было.

За время работы, отец, прочёл всю содержимую на тот момент в избе-читальне литературу. А кроме этого все, что издавалось и привозили из периодики, газеты, листовки и прочие бюллетени, и сводки о положении на фронтах. Он и пропагандист, и агитатор и, если попросят какую, песню споёт.

Отслужив в армии три года и вернувшись в родное село, его двумя руками взяли работать заведующим клубом. Я был слишком мелким, чтобы помнить отца на работе, да и не интересно мне это было в ту пору. Но, после он иногда рассказывал, как он руководил коллективом самодеятельности, с номерами и программами они ездили на районные смотры и занимали призовые места и были заслуженно отмечены всегда, как минимум ста-

линскими грамотами райкома партии и районо. Я в сундуке их много видел, пропахшие нафталином.

В клубе ставили постановки и тут же тоже нужна была артистическая, режиссёрская жилка. У отца она, бесспорно была.

В начале 60-х годов, когда в село приезжали уже дипломированные библиотекари и с дипломами об окончании училища культуры, культпросветучилища, молодые кадры подвинули опытного практика. «Без бумажки — ты букашка, а с бумажкой — человек» — так говорили, да и сейчас актуальность этого остается.

Учась в институте и когда, бросил на полпути к диплому, попытался «поумничать» и поспорить с отцом на актуальные темы. Как-никак философию изучал, историю КПСС, да и всякие другие гуманитарные дисциплины. Ох, как я пожалел, что ввязался в это.

Отец «одной левой заткнул меня за пояс». Такого позора я никогда не ожидал, от человека с 6-летним образованием, но с таким багажом прочитанного и услышанного, усвоенного и имея на все обсуждаемые вопросы, не прописное, а личное мнение и кучу примеров и аргументов в защиту собственного мнения. Он знал историю всех стран мира, бывших и нынешних руководителей стран, как устанавливались с этими странами отношения СССР, нашего руководства и то, что не писали в газетах, но он же откуда-то узнавал. В области культуры, изобразительное искусство, кино и театр, история России от «царя Гороха» и до наших дней для него не было «белых пятен».

Мама моя родная, это был мне урок на всю жизнь. После такого урока я мог только по вопросам профессиональным, инженерным что-то ещё доказать и-то не всегда. Он знал все ремесла с практической стороны, передаваемые от дедов.

Спорили мы всегда во время перекуров и не всегда приходили к консенсусу, часто расходились при своих

интересах. Видимо у меня формировался его характер непокорности до последнего.

Очень многое я от отца перенял и характером был сильно на него похож. Возможно, имело значение и то, что я родился в начала господства знака Рак, а он в конце. Но схожесть была ошеломительная.

И чувство юмора я от него перенял, бесспорно, и даже, как ни странно, манеры общения с женщинами. Откуда у него, большую часть жизни проработавшем на ферме механизатором, иметь изысканные аристократические манеры? Не знаю. Видимо от того, что он прочёл столько литературы, сколько мне уже никогда не прочесть.

Если, по какой-то причине он не читал периодику за несколько дней и какую-то газету кто-то невзначай куда-то использовал не по назначению, тот сильно потом жалел. Он слаживал все газеты и журналы в стопку, а тогда выписывали десятки изданий, и пока не прочтёт всё «от корки до корки», ни к чему не приступал. Это была эмоциональная зарядка. Духовная пища для него была важнее материальной, однозначно.

Не откладывая в долгий ящик, я провёл неофициальное собрание, на котором был изначально поставлен вопрос с предложением тех, кто сможет участвовать в этом мероприятии. Нужно было собрать человек десять самых-самых, из расчёта, что в момент проведения кто-то может даже заболеть или нужно будет вахту нести и замена будет невозможна.

— Я предлагаю и надеюсь, что те, чьи кандидатуры я предложу не станут отнекиваться, а серьёзно отнесутся к предложению, так как нужно не о себе только думать, а отстаивать честь команды. Сразу скажу, я уверен лично в себе и в том, что мы сможем, как минимум выступить

достойно, а если будет реальная помощь всех, то и победить.

Осмотревшись вокруг, а мы обсуждали этот вопрос, сидя на кроватях в кубрике, заметил, что со стороны экипажа «отличной» проявляется повышенный интерес к нашему сборищу.

— Заметили? — кивком показал в ту сторону соседей, где, открыв рты, проявляли к тому, о чём мы говорим нескрываемый интерес, — видите, лазутчики. Теперь нужно важную информацию сообщать только тогда, когда на 300% уверенны, что «враг не подслушивает». А ещё лучше, если мы сможем в нужный момент подсунуть им «дезу». Но об этом ещё рано. До этого, нужно с составом определиться, а потом и роли распределять. Я предлагаю и отставки не потерплю, если вы доверяете мне и выберете «кэпом», конечно, Вову Урсулова, Васю Молдована, Хуса, обязательно, кавказский юмор должен присутствовать, ещё кого, ну себя, так и быть, а-то забудете и зажигательного молдаванина Дану. Это сколько? Половина только, ещё предложения давайте.

— А «сундуков» можно? — спросил Урсулов.

— А, ты чё спросил, — я поинтересовался, — не Милькина хочешь предложить? Он ничего не будет делать, только чуток заправить его «горючкой» и выпустить — импровизация полностью и успех гарантирован.

Все засмеялись такому раскладу.

— Да, его я и хотел предложить, — подтвердил Володя.

— Давайте серьёзные кандидатуры несерьёзных участников. Вот и Суперман колоритный персонаж, внук басмача Абдулы, что в «Белом солнце Пустыни»..., — дальше и сам не смог говорить, смех не давал.

— Вот сейчас ржёте, а когда нужно будет, языки в задницу запихнёте, — обозвался Витя Туров.

— «На ловца и зверь бежит», — похлопав Витька по плечу, произнёс Урсулов, — Витя, тебя главное неде-

лю не умывать, парик оденем, будешь Анжелу Девис демонстрировать, разрывающей тюремные решетки с кличем «банзай!»

После того, как гогот успокоился, а Витя Туров высказал пару нецензурных высказываний в адрес Вовы и всего нашего сборища, сообщил всем:

— Вот пойду и соседям за пару банок сгущенки продам ваши планы.

Я Хусину шепнул тихонько:

— Вот и информатор «дезы» готов.

— Ещё, мужики, нам нужно будет выгодно представить свою команду и не во время игры, это само собой. Нужно командование и жюри, если будет таковое, а оно должно быть из независимых представителей, вот их нужно чем-то подкупить.

— Может «шилом»? — спросил, молчавший до этого Хас.

— Разве их спиртом можно удивить. Нужно чем-то, что сейчас в моде, но не приелось. Ладно, все думаем над этим. На домашнее задание, если нужна сценка, у меня есть задумка. Потом, без лишних свидетелей поделюсь. Короче, о том, что мы будем готовить, должны знать только участники команды КВН, иначе сюрприза не будет. Где-то, что-то всё равно просочится. Потому, не приставать и не вынюхать, если в команду не попадете. Интересно, принимайте участие или оказывайте помощь в организации и изготовлении реквизита.

— А мы, как будем отмечать Новый год или никак? — не ожидали прямого вопроса в лоб от Хасина.

— Во, бл..., алкаш обозвался, — отозвался его брат Хусин, — забыл, как тебя дома откачивали, когда виноградного перебрал, ещё, когда в школе учился.

— Ничего, Васе Молдавану обещали к Новому году сала выслать свеженького. Салом закушу и «никаких гвоздей», — умышленно злил своего брата Хас.

Но тот поняв это, не обращал больше на «подколы» братишки внимание.

— А, что, если братьев выпустить, как «цеповых», только перед этим раздразив? Цирк будет. Они всех «ушатают» своим «лаем», — поджигивал братьев Урсулов.

— Нужно «интеллигента» Черкесова взять, он неповторим в занудности, — предложил Вася.

— Подумаем, если подходящий персонаж нужен будет, — принимал предложения я и помечал в блокноте.

— Ещё у кого есть предложения? — помогал мне в обсуждении Вова Урсулов.

— Нужно присмотреться к новеньким. Они сейчас притаились, как раки в норках сидят. Нужно чтобы они проявили себя. Может быть в ком талант дремлет. Проследите за своими подчиненными, разговорите их, — предложил я собравшимся.

— Точно. Яниса нужно зафаловать, «горячий» прибалтийский темперамент, а? — предложил Хусин, — он парень толковый и юмор, наверняка оригинальный будет.

— Тут главное, искрометность в ответах и репризах, нужно будет на лету придумывать, импровизировать часто. Ну уже не плохо, семь человек есть. Отказы не принимаются, только в случае предложения более достойной кандидатуры. После вечерней проверки соберемся ещё и обсудим. Готовьте предложения, — закрывая блокнот, подытожил я с явным удовлетворением, начало есть.

На том и порешили. Когда разошлись все, я вспомнил, а что же мы «Великого шланга» забыли, Серёга юморист ещё тот. Будет «из себя верёвки вить» и ничего больше не нужно. Один раз выйдет и то дело. И в контраст в нем нужно или Малыша или из новеньких кого выставить. Чем разношёрстней будет наша команда, тем лучше. Всё будет хорошо. Это говорю я вам, сын работника культпросвета 40-х военных, послевоенных и 50-х годов.

Вечером мы опять собрались, но не всей командой, конечно, а человек, десять из которых большинство уже как бы считались участниками команды КВН и собрались мы в баталерке, выставив охрану снаружи за дверь, чтобы исключить утечку «секретных» сведений.

— Я с замполитом говорил, вопрос замены на вахте, если нужно, будет решен положительно и обещал помощь в рамках «приличия», конечно, что от него зависит, — начал я отложенное совещание, — кого я вижу, Малыш! Тебе не принудительно заставляю?

— Нет, мне предложили, почему я должен отказываться. Буду стараться делать всё, как нужно.

— А, как у тебя с соображалкой? — спросил Серёга Райский.

— Я учился хорошо в школе.

— Да это не самое важное сейчас. Двоечники, как правило, наоборот, хохмачат, похлеще «ботаников». Хорошо, проверим в деле. Кто умеет на музыкальных инструментах играть? Это может пригодиться. Янис, ты как? — с надеждой спросил нашего прибалта.

— Ну у нас же пианино нет. Я на клавишных немного могу. А на струнных не очень. Хотели в детстве из меня Раймонда Паулса сделать.

— А кто это? Что-то не слышал, — поинтересовался Вова Урсолов.

— Наш, латышский композитор, у нас очень известный, — ответил Янис.

— Так, Паулсы, чтобы нам не грозила участь Пауэрса, сбитого в 1960 году за Уралом, нужно вывернуться наизнанку, если нужно. Я тут вспомнил старый советский фильм, еще довоенный, «Вратарь». Видел кто? — спросив я, так как появилась внезапно в голове идея.

— А, про что? Может и видели, — ответил Черкасов.

— Да, ты наверняка видел, Толя, — ответил я Черкасову, — там один из героев, инженер Карасик, смешная

фамилия, строил суда на воздушных крыльях, ну типа современных «Ракет» и «Метеоров», но и не это главное, а другое. У него в квартире стоял допотопный робот, средневековый рыцарь, начиненный разными приводами, чтобы руки могли двигаться, и он мог говорить простые вещи, типа «Здравствуйте! Добро пожаловать! Уходя, гасите свет!» и пр.

— Я видел, вспомнил! — воскликнул тот же Толик.

— Кто бы сомневался. Тебя же из дома, небось, и во двор в футбол не выпускали играть? «Ботаник» ты наш, — шутил Серега.

— Пацаны, хватит лаяться. Нам есть с кем «лаяться», между собой, если захочется, потом. А тебя, Вася, видимо, как только с пальмы слез, сразу за белы ручки и в военкомат, Родине долг отдавать? — ответно «подколол» я о обидчика Толи Черкасова, сам бы тот мог и не сделать этого.

— Ну и к чему ты это кино вспомнил? — спросил Вася.

— А к тому, что нам нужно смастерить подобного робота, но не железного, как в кино, рыцаря, а из фанеры и бумаги. Но главное, чтобы его напичкать электроникой, лампочки чтоб мигали и самое главное, нужно записать на магнитофон металлическим голосом несколько фраз и в нужный момент включать. Кто у нас силён в электричестве, проводках там? Вот как раз Толя и электрик, а Вова Урсулов поможет, он тоже по специальности с радиометрией связан.

— Хорошо, лампочки там, да и тумблеры для включения поставить не проблема, — отозвался Анатолий.

— Серега, а тебе хватит альбомы малевать. Нужно будет плакаты нарисовать новогодние и самого робота разрисовать. Вот твоё задание. Да и подумаем насчёт костюмов. Может из бумаги чего-то смастерим, типа мушкетёров. А, что? Тема не стареющая.

Я смотрел, как Великого шланга начинало корёжить от моих предложений. Когда он рисовал альбомы — это в его интересах, а что он с этого будет иметь. В крайнем случае, я так прочел в его кислом виде нежелание заниматься такого рода художеством.

— А я слышал, елка настоящая будет, большая, под потолок, оба «кэпа» побеспокоились и ещё, если это точно, Дед Мороз и Снегурочка будут «настоящие», — увидев удивление многих, кто понял, что я сказал, — ну не совсем настоящие, а гражданские, и Снегурочка красotka будет, из подшефных.

— Ура! Снегурочка — это круто. Плохо, что одна. Могли бы девок с «силикатки» или «камволки» пригласить, — возмутился Витя Туров.

«Силикаткой» называли комбинат силикатных изделий, кирпича и пр., где было мужское и женское общежитие в п. Болдерая. «Камволка» — камвольный комбинат или фабрика, где особенно много девушек и женщин одиноких работало, там производили шерстяные ткани. Шерсть доставлялась в основном овечья из Дагестана. Называлось предприятие «Паризес коммуна». На это предприятие съезжались молодые девушки не только с окраин самой Латвии, а даже больше из Псковской области и из Белоруссии. И большая часть из них приходили и приезжали в наш «матросский клуб» на танцы. Кроме названных предприятий, много девушек приезжали из самого центра Риги, где они работали на фабрике «Большевичке».

У фабрики «Буффало» долгая история, это она только в 1941 году стала называться «Большевичка». Текстильная фабрика, где, как известно, основной работающий контингент — женский.

Пока оставлю в покое тех, чья трудовая деятельность начиналась с обучения и работы на сугубо женских производствах. Мне уже скоро с некоторыми представитель-

ницами этих профессий придется познакомиться и довольно близко. А пока мы только мечтали, что к нам на праздник, на ёлку и КВН приехало, как можно больше девушек. Фантазёры, ё-моё.

Подготовка к празднику закипела. В ней участвовали одновременно и команды Ханина и нашей команды совместно, что касалось убранства кубрика и по-отдельности, что касалось подготовки к КВН. Но мы обсуждали друг с другом программу, задания и прочее, что нужно было согласовать.

В кубрике дня за два до праздника или даже раньше, была сделана генеральная уборка. Кровати все до предела стеснённо сдвинуты к нашему дальнему углу, чтобы освободить «фойе» сразу за входом из коридора, где и расположилась красавица елка. Все спальные места, кровати и тумбочки были отделены брезентами, на который были прикреплены праздничные плакаты, снежинки и пр.

Левое восточное крыло, где располагались до этого кровати экипажа С 191 и уголок для тренажёров и тяжелоатлетических снарядов, штанг и гирь, освободили под зал для театрального действия и размещения зрителей, членов экипажей и гостей. Ближе к стене-перегородке с коридором были установлены столы и стулья для гостей и жюри. Для личного состава и стулья и лавки.

Команды КВН, их базовое место определялось так, что они были расположены слева и справа и от жюри и от зрителей, с той лишь разницей, что зрители сидели ровно напротив жюри, а между ними было «поле битвы» двух доблестных команд КВН. Но всё по порядку.

Хочется отдельно сказать о старшем брате Хакимове Хусине. Ох и пронырой он оказался. За полгода успел втереться в доверие и стать личным писарем в команде. Кроме того, пробил себе и даже мне возможность беспрепятственного прохода через КПП в любое время су-

ток с помощью того, что мы стали штатными оповестителями командования, в случае тревоги или нештатных ситуаций.

Эти карточки располагались у поста дневального под стеклом и опечатанные, но печать имелась у дежурного по команде. После того, как 7 декабря я был назначен командиром отделения, мне дозволялось по должности заступать дежурным, не вахтенным, а дежурным по команде.

Что давали эти карточки, удостоверяющие оповестителей? Это давало то, что можно было, не по парадной форме, а в робе, пробегая через КПП, показывать карточку оповещения, на что ни один дежурный по КПП не останавливал и не спрашивал — «по какому поводу „кипиш“ в команде», просто и моды такой не было или полномочий у дежурного. Свернув от КПП за угол, можно было идти вольным шагом куда нужно. Иначе говоря, когда нужно было, можно «законным» незаконным методом покидать расположение части.

Сколько я помню, ни я, никто другой никогда на этой авантюре не попадался. Чтобы затариться на праздник «горячительными» напитками, а на общем собрании служивых средних «каст» (1,5—2 года службы) было решено, что отмечаем «по-взрослому» праздник. Слово большинства — закон.

Место для хранения я придумал и все одобрили, потому что оригинальной не придумаешь. Во-первых, все знали, что каптёрки, тумбочки, под матрасами и прочие места проверялись тщательно, даже сушилку и гальюн.

— Мы будем держать нас запас «кальвадоса»...

— А почему «кальвадоса»? — прицепился к названию Витя Туров.

— Витя, я начинаю сомневаться, что родился и жил в Молдове. Какой молдаванин не знает кальвадос? Это фруктовая водка, что-то наподобие виноградной чачи,

только её готовят наподобие коньяка в бочках. Просто вспомнил и сказал, в неё 42⁰, крепкая вещь. Вот теперь по новой начинать. Мы будем держать «запасы»... на самом видном месте, там их никто и не подумает искать. Кто-то догадался?

Какие только варианты не предлагались, но всё время «в молоко» или, как ещё говорят «в небо пальцем».

— Мы поставим бутылки под «матрёшку» робота. Он же будет из фанеры. Нужно сделать его пообъёмней. По его габаритам в проекции, примерно, 800x800 мм, изготовим подставку, как бы его туловище, практически до пола. Крышку, на которой будет стоять наш «глашатай» сделаем с небольшим отверстием. Когда все лампочки, провода, динами и пр. будет установлено, наш «хозяин» мероприятия оденется в картонную мантию, тогда мы в самый последний момент и выставим внутрь нашего «троянского коня» батарею «горючего». Ферштейн? — с улыбкой и тихо, чтобы информация не смогла рассосаться во вне круга общения, сообщил собравшимся.

— Ну, ты, в натуре! Долго до этого додумывался? — спросил Вася Молдован.

— И правда, кто тут в середине кубрика, практически искать станет. Да и оно как-бы цельным всё будет. Оригинально! — одобрил Вова Урсулов.

Вино заносить рискованным способом, как это я делал по совету бывших «годков» — это глупо и рискованно. Тот же Хус заимел знакомство с водителями автопарка, они доставили нужное количество «боекомплекта» емкостью 0,7 л в гараж. Нам оставалось просто зайти в нужное время и затарясь под ремень и бушлат по 3 бутылка и доставить на базу.

Самое трудное состояло в том, чтобы сохранить секретность авантюры, но это удавалось. В нужный момент, робота окружала толпа, как-бы колдуя над его усовершенствованием, кто-то один, нагнувшись, запус-

кал руку под «одежды» робота и, как факир — вжик, получите!

Я только один раз и успел подумать, а что, если мы «спалимся», но тут же отогнал нехорошую мысль — всё будет хорошо. Сколько можно. Зачем голова на плечах?!

Кубрик вдоль и поперёк был завешал мишурой и самодельными гирляндами, растянутыми через весь кубрик с закреплением на колонах. Самые, по-нашему жгучие высказывания и номера, мы держали в строжайшем секрете даже от своих. Тот-же Витёк мог сдать нас за пять копеек, просто, чтобы насолить мне.

Заранее, около часа до основного мероприятия, по кубику ходила комиссия, в которую входили штабные работники и лица незаинтересованные, офицеры каких-либо служб обеспечения. Их задача была оценить подготовку экипажей к празднику, убранство и оригинальность оформления.

Как только эта бригада из 5—7 человек свернула у тумбочки дневального направо в кубрик, свет в кубрике тух. Они немного заволновались и остановились с догадками в голове — «Ну и что дальше?»

Включилась гирлянда огней на красивой елке и наш «глашатай», замигав глазами-лампочками, произнёс магнитофонную запись металлическим голосом:

«Здр-р-равстуйте, ува-ажаемые гости! Вас приветствует «дублёр» старшего помощника командира подводной лодки «Буки-75», сдавший «на самоуправление» годовым праздником, робот Стёпа.

От лица командования подводной лодки «Б-75», всего личного состава и от себя лично, поздравляю Вас, товарищи, с наступающим Новым 1977 годом, годом 60-летия Великого Октября!

Желаю Вам здоровья (море не любит слабых), счастья Вам и Вашим семьям (без надёжного семейного тыла

не бывает значимых успехов и побед), успехов в боевой и политической подготовке!

Слава Вооруженным силам Советского Союза! Слава подводным силам ДКБФ! Ура, товарищи!»

Какое-то замешательство произошло. Гости и командование не были готовы к такому. Но мы-то знали, что будет происходить. И глубоко вдохнув выпалили:

— Ура! Ура! Ур-а-а-а!

Это приветствие эхом разнеслось по всему дивизиону.

Зависла минута непонимания, что же дальше и тут тишину разрядил тот же робот Стёпа:

— Включите, пожалуйста свет! Добро пожаловать, дорогие гости! Мы рады Вас видеть в своём тесном, но уютном кубрике.

Проверяющие не могли сосредоточиться на проверке убранства кубрика. Да и что тут смотреть, тут один Стёпа чего стоит. Кто подходил к Стёпе, пытаясь пощёлкать тумблеры и даже поговорить с ним. Но были предупреждены, что робот экспериментальный, его стоимость обошлась очень дорого экипажу, а последствия поломки предсказать невозможно. Стёпа даже имеет даже «прямую связь» с Министерством Обороны СССР. Короче, наплели «три короба бреда».

И когда было осмотрено всё, что можно, все проверяющие были приглашены на КВН, который в любую погоду должен состояться в 20—00. И заодно мы увидели, что среди морских офицеров как-то не по-хозяйски даже себя чувствовали главные наши гости, Дед Мороз и Снегурочка. Они заявили, что после подведения итогов смотра по всем кубрикам экипажей дивизиона, они примут участие в продолжении праздника в том кубрике, который станет победителем. Вот тебе и раз! А говорили, что они и так у нас будут на КВН. Ну, да ладно. Расслабляться нельзя.

В назначенное время все члены экипажа и члены жюри расселись на приготовленные места. И только собирались объявить приветствие команд, как в кубрик вошли Дед Мороз со Снегурочкой и офицер сопровождения. Результат конкурса убранства кубриков можно было не объявлять. Раз они здесь, значит «Б-75» и «С-191» сделали кубрик самый красочный и праздничный.

Говорят, что не нужно планировать неприятности, мысли материализуются. Переживал я за Сашу Малыша и он, выйдя со своей командой КВН, забыл от волнения слова, пришлось на ходу импровизировать и «переписывать» сценарий приветствия. Потом он, поняв, что в него никто не бросает «тухлые яйца», осмелел и финал был уже на высоте.

Музыкальный номер, как и предполагалось, мы откровенно провалили. Кто мог противостоять виртуозности игры на гитаре Максима Островского, который за прошедший год «заматерел», как музыкант, даже несколько песен собственных сочинил. А переделать для него какую-то композицию, главное, что бы была тематика морская — дело плёвое.

Не хочу сказать, что Янис с Дану не старались, старались, конечно, но артистизма не хватало, опыта, да и способностей. Одно дело музицировать на пианино, другое дело исполнять под гармонь, которую выпросили пару раз на репетицию и сегодня, своего такого инструмента, конечно, не было. Но, главное, что выступили, и пусть не «пять» по максимуму, но «три» балла-то дать должны, так думаю.

Разминка проходила с переменным успехом. Было заметно, что наши соперники тоже время даром не теряли, готовились основательно. Вопросы их были запудренные, время на обдумывание ограниченное и дать интересный и смешной ответ не всегда получалось. Да и переживания присутствовали, само-собой в обеих ко-

мандах это было заметно. Вот здесь результат зависел от личных симпатий, отдающих голоса. И тут мы на полбалла отстали.

Оставалось два конкурса, где «кровь из носу», но нужно было обходить экипаж «эски», хваленную «отличную». Нужно было не на руках конаться, а впечатлить членов жюри. По большому счёту, может быть и отдавали небольшое предпочтение члены жюри не за лучший юмор иногда, а потому, что эта лодка, как бы сейчас сказали «бренд дивизиона», на неё организуют экскурсии, приезжают артисты даже, да и в газете «Страж Балтики» не раз «светилась». А потому нужна убедительная победа, наша убедительная победа.

— Домашнее задание, — объявил ведущий, — первой своё домашнее задание покажет команда КВН экипажа ПЛ С-191 «Псковский комсомолец».

Вышло два участника от команды. Они разыграли сценку: «Болтанка в море». Было живенько и весело, но как-то не смешно. Как жюри судило, не знаю, но сценка, прошла как-то монологом одного с переключением на монолог другого. Так мне показалось, а может так хотелось. Хотя, если бы «зацепило», то оно бы зацепило.

— Своё домашнее задание показывает команда КВН экипажа Б-75.

— Сцена-пантомима, которую вы можете наблюдать в нашем «матросском клубе» во время увольнения матросов, соскучившихся по девичей ласке и не только, — объявил я перед выходами участников сценки.

У меня сердце заколотилось, такого волнения я давно уже не испытывал. «Всё будет хорошо! Нужно, чтобы было всё хорошо и будет так» — настраивал я себя. Сначала вышли двое: Вася Молдаван и Хусин — играли роли девушек, которые скромно присели на скамью. Включили популярную на танцах музыку. Вася и Хус вместо косы-

нок, обвязали головы гюйсами. Вася крутил в руках сделанную из тетрадного листа розочку и глубоко вздыхал, тупя взор в пол и из-под тешка, следя за происходящим. Хус, наоборот был неусидчив, вскакивал, вращал головой, готовый повеситься кому-либо на шею.

Заходит Миша Дану. Бескозырка на затылке, грудь колесом и прямым ходом к Васе, тот совсем застеснялся. Хус вскакивает и втискивается между впереди Васи, которого приглашает на танец Миша. Начинается потасовка. Хус снимает с ноги прогар и пытается достать до головы своей соперницы, чтоб настучать ей по бестолковке. Но у Хуса рост «метр с кепкой», а у «Василины» назову так героиню Василия, под два метра и никак этого не получается. Миша ухитряется «вырвать» Василину из рук разъярённой соперницы, и они танцуют.

Миша обнимает свою «избранницу» чуть выше колен, партнерша обхватывает его за шею и прижимает к себе с такой силой, что Миша бросает руки и пытается вырваться, что у него не получается.

Пришёл мой черёд. В эпицентре действий появляется новый «герой», в клешах, натянутых на «торпедах», что обуви не видно, в тельняшке с закатанными рукавами. На руках разрисованы якоря, надпись «ВМФ 75—78», сердце пробитой стрелой, голова девушки с подписью «Катя». Бескозырка в руке, ленточки тащатся по полу, взгляд прищуренный. С трудом «пришвартовываюсь» к Хусу на лавку, начинаю лебезить с «девушкой», она отворачивается.

Василина тем временем хватает измученного Мишку на руки и на руках бегом уносить «за кулисы», за брезентовую ширму. Я поворачиваюсь к Хусу и заваливаю его вместе с лавкой. Зрители ахнули, подумав, что это не запланированный эффект. Но всё шло по сценарию. Хус лежал на спине, я, завалившись на него, натянул себе выше головы тельняшку, тем самым имитируя поцелуй.

Хус дрыгает ногами, и эти движения плавно затихают. Он выкарабкивается из-под пьяного ухажёра, но не убегает, а тщетно пытается меня поднять на ноги.

Я сначала на коленях плетусь за избранницей. Потом Хус достаёт из-за пояса бутылку с чаем, имитирующую спиртное. Я быстро вскакиваю, принимаю презент, делаю несколько жадных глотков. Передаю Хусу, он делает тоже самое.

Потом мы берем друг друга за талию одной рукой, другие смыкаем в «замке» впереди себя и с исполнением фигуры танца уходим за сцену. Публика неистовствовала: смех, свист, эмоции, выкрики. Было в тот момент непонятно — это освистывание или овации успеха.

И смех, и грех, но эту роль-то мне и играть не пришлось и сюжеты взяты из моей студенческой жизни Дяди Саши. Но как расценит жюри, не скажут, что это пропаганда пьянства личного состава на флоте. Но ведь это высмеивало. Не знаю, но думаю, что такая сценка со словами была бы только во вред, сценка-пантомима — лучший вариант. Публика постепенно успокоилась, в полголоса обсуждая, да чего уж там скрывать, в первую очередь меня, а не героя сценки.

В конкурсе капитанов, хотелось сказать о своем противнике, с кем сошлись в личной «дуэли», словами киногероя «Маэстро» из фильма «В бой идут одни старики», когда он забивал гол в ворота подчинённого — «Сла-а-абак!» Вот здесь я уже собрался окончательно и мои вопросы, и ответы были острее, что отражалось и прослушивалось по эмоциональным отзывам зрителей, и реакции на них жюри.

Для подведения итогов команды выстроены и объявлен результат:

— Со счётом 23,8 против 22,6 баллов победу одержала команда КВН экипажа ПЛ Б-75, командира Рекста. Капитану команды вручается приз.

Я вышел к жюри, Дед Мороз с улыбающейся Снегурочкой вручили мне торт. И я, пожав Деду Морозу его «старческую» руку, не упустил возможность поцеловать его замечательную Внушеньку в розовую щечку.

Мы сфотографировались. Обсудили некоторые нюансы выступления. Пожали соперникам руки и пригласили после вечерней поверки на тортик в гости. Они, конечно, не отказались. Но главного сюрприза они-то и не знали.

У них было припасено немного шила, который сэкономили радиометристы и электрики из того, что выдавался на протирку контактов. У нас всё было намного «кучерявее». Главное, что Новый год начался замечательно. А есть поговорка: «Как Новый год встретишь, так его и проведёшь».

Эх, братцы, жизнь хороша и жить хорошо!

Глава XV. Моряк, как молоко, без любви скисает

Мы часто говорим, что наша жизнь в полоску. Кто-то сравнивает её с зеброй. Мне привычнее это делать, сравнивая с морской тельняшкой. Всё-таки она ближе мне и по пониманию, и в прямом смысле.

Мы так часто говорим, даже забывая о том, что и кинематограф, и телевидение давно уже цветное. Да и кроме семи известных цветов имеются сотни оттенков. Просто нам привычнее разделить события контрастно и при этом становится дальтониками, не различая палитры жизненных событий.

Я чаще всего жизненные коллизии и в целом жизненный цикл представляю, как колебательный контур,

издающий волновые колебания. При этом происходящие события сравниваю с синусоидой, имеющей положительные и отрицательные четверти.

Есть понятие «фронт волны». Он может быть подвижным или стабильным. Фронт волны разделяет то пространство, где происходят колебательные движения от той, где колебания в данный момент времени не возникли.

Когда мы наблюдаем за дрейфующим предметом, то там не наблюдается фронта волны. Предмет перекачивается на волнах, копируя колебательные движения объёмного пространства, тех же морских волн. В этом случае положение предмета определяется внешней ситуацией, амплитудой волн, парусностью предмета и сил, возникающих от воздействия потока воздуха и определяющих таким образом курс дрейфующего предмета.

Второй пример, когда назовём лучше то, что находится в пучине волновых колебаний не предметом, а объектом или даже субъектом. Объектом может быть плавательное средство, но не дрейфующее, а использующее порывы ветра, как движущую силу, изменяя его направления путем парусной оснастки и такелажа. Может к тому использоваться и силовой агрегат с гребными винтами или использовать, кроме потоков воздуха, энергию потока струи воды, создающих реактивную движущую силу.

Ежели это субъект, оказавшийся без элементарных средств, обеспечивающих плавучесть и передвижение не дрейфованием, а по заданному курсу, то ему нужно будет очень постараться, чтобы его старания не приводили только к бесполезной трате собственных сил и не приближением к намеченной цели, а наоборот. Всё зависит, конечно, не только от физических и волевых данных пловца, но и от того в какие условия попадает он, от силы колебаний волн.

Как-то стало иносказательным даже, когда говорят о силе волнения, называют значение «девять баллов». Но такое волнение называется штормом и не просто, а «исключительное волнение». Шторм в 7 и 8 баллов соответственно называют «сильное» и «жестокое волнение».

Но это на море различают волновые колебания по шкале Бофорта. А на суше тоже различают порывы ветра или воздушные колебания и различают порывы до 12 баллов, когда скорость ветра превышает 32 м/с и называют их ураганом.

Как можно сравнивать колебания волн и порывы ветра с жизненной ситуацией, жизненным периодом или духовным состоянием человека? Как вот здесь «раскрасить» красками это состояние, нельзя же чётко разделить на «чёрное» и «белое». Вот, например, если волнение моря «0 баллов» и море зеркально гладкое, это всегда вызывает положительные эмоции? Очень часто этого не происходит.

Дело в том, что угодить человеку — это такая трудная задача. Я не завидую Господу, который пытается угодить всем нашим просьбам. Да это невозможно, по определению.

Вот возьмём приведённый ранее пример. Полный штиль не всегда и не всем понравится. Нет движения воздуха, а если ещё и летом, то жарко. Нам хочется «дуновения» воздуха.

Легкое или слабое дуновение ветерка нас бодрит и делает более энергичными, творческими, не даёт «скиснуть» и застояться душевному покою до застойного состояния омута без родников и возможности насыщения её элементарным кислородом из воздуха. Появляются водоросли, плесень и пр. застойные явления.

Человек должен быть деятельный. Незря популярная поговорка гласит: «Движение — жизнь!» Это справедливо. Как водный поток, перекрытый плотиной, с засорён-

ными родниками, превращается в простое болото, так и человек становится, даже в молодые годы «старой клячей».

Потому нельзя однозначно называть состояние, схожее с полным жизненным штилем, как «белая» жизненная полоса, а «штормовые» жизненные ситуации, как «чёрная полоса». Шторм может что-то разрушить крушением планов, крушением или, лучше сказать, падением авторитета, положения в обществе, коллективе и, в то же время, очистить «акваторию» от ненужных вещей или наоборот, столько наворотить, что жизни не хватит разбирать обломки.

Если шторм выдержать может не каждый смертный, кто-то «ломается», опускает руки, то для многих «умеренное» или даже «сильное» волнение необходимо. Да, хотя бы взять, к примеру, любовь. Чувства могут достигать таких «колебаний», «шторма эмоций и страстей», что не все и эти испытания готовы выдержать. А, если отношения проходят при полном «штиле», разве это можно назвать любовью? Скорее нет, чем да. Это «идиллия» равнодушных и бесчувственных людей. Им хорошо вдвоём, из-за каких-либо сходств характера, образа жизни, привычек, любимых занятий и пр., но не буйств, присущих страстным отношениям, когда в венах бурлит кровь, как «цунами», снося всё и всех на пути к достижению своей цели, завоевания руки и сердца избранника.

Самое опасное, если мы не готовы к испытаниям и, не обязательно, к любовным, к жизненным. Мы не можем быть провидцами, наперёд знающими всё и готовиться к тем или иным испытаниям. Хотя, в общем должны понимать, если мы идём на службу на два-три года в ряды Вооружённых сил, что это не прогулка по парку, не курорты, не морская прогулка на прогулочном катере. Всё серьёзней.

Конечно, осторожные люди, живущие по принципу и думающие наперёд «как бы чего не вышло» и «настоящие герои идут в обход», меньше попадают в передраги. Быть прагматичным, конечно, замечательно, но на все случаи жизни не предусмотритишь самое верное решение.

Что-то я ухожу и ухожу, а вы меня не останавливаете. Я так могу забыть, где я и что я. Кто-то помнит ещё? Надеюсь, что внимательный читатель лучше меня помнит и не обязательно для этого быть «злопамятным» можно и иметь самые добрые побуждения.

Я не могу сказать, что за более, чем полтора года службы я попадал в сильные штормовые ситуации в прямом или переносном смысле. Нет, грешить не буду. Волнения были и штормило, шишки от этого набивал о «переборки» ситуаций, но всё, как говорится «до свадьбы заживёт». И ещё говорят, что «за одного битого двух небитых дают». Но верно же или нет?

В том и состоит закалка человека. Человек может закалить себя, как физически, накачав мышцы, сделав организм выносливым к природным катаклизмам, легко переносить жару, холод и физическую нагрузку. Но, порой «ломается», даже не при предельном по баллам шторме из-за того, что слаб духом. Душевную ломку порой перенести в разы труднее, чем чисто физические нагрузки.

Если говорить о тех цветах жизненных полос, то, если подумать, то можно различить в ранее нами установленной, как «чёрная» полоса, оттенки серого, синего цвета и даже дымчатого оттенка и тогда переход от одного состояния к другому не происходит так же резко, как падение в пропасть, когда оступился на узкой тропе, а постепенно, темнея или, наоборот, светлея. И, если успеть где-то «ухватиться» даже «за соломинку», то возможен вариант, когда, не достигая апогея падения, начинаешь выкарабкиваться из тёмной

глубины уступа скалы, начинаешь медленное восхождение к вершине.

Новый год, новые задачи, новый прилив сил и результаты не замедлили сказаться. Успехи воодушевляют и толкают на новые высоты, достичь которые, ох, как захотелось. «Куй железо, пока горячо», так говорили наши предки. Хоть многое во власти лишь Всевышнего, но если Он не будет замечать нашего стремления к прогрессу, то и помогать нет смысла. Может быть это нам будет лишним.

Полтора месяца я был командиром отделения. Мой подопечный, тщательно перешив на всех возможных формах одежды погоны с той желанной «соплёй», к которой он шёл целых полтора года.

Как-то заходит в кубрик Хусин, только побывавший в кабинета, «кэпа», где подрабатывал «по совместительству» писарчуком и сразу ко мне с требованием:

— Давай, танцуй! Или Витя Туров будет вторую «соплю» нашивать на погоны.

— Хус, ты на батарее где-то перегрелся или в сушилке прилёг, да и уснул на часик, что мозги пересохли совсем. Ты к чему всё это?

— Приказ от сегодняшнего дня о присвоении тебе и мне звания старшин 2-й статьи подписан «кэпом» при мне.

— Так мы тогда с тобой вдвоём лезгинку должны танцевать. Только, извини, я не умею. Может Хаса попросить, он вместо меня будет, и вы сбациаете, как положено, не извращая красивый кавказский танец, а? — предложил я Хакимову старшему.

— Ну, хохол, хитёр же ты!

— С чего ты взял, что я хохол?

— По фамилии, разве нет?

— Наполовину. Ладно. Ничья — 1:1. Спасибо, всё равно, тебе!

Я пожал Хусу руку крепко, он ответил тем же. Крепыш, хоть и был ростом 162 см, если не ошибаюсь.

— Поздравляю, Хус! А с братом теперь драться не будете, что ты теперь ещё и командиром его по факту будешь?

Хус пожал плечами:

— Спроси сам у него. Что-то он становится неуправляемый. Нужно бате написать, пусть «стружку снимет».

— Не нужно, Хус. Он же тоже хочет быть, как минимум равным тебе и не только по возрасту, а ты постоянно его унижаешь. Я тоже не так давно понял, что своего двойню в своё время притеснял. А нужно было больше хвалить и меньше ругать. А теперь так скучаю по брату. Три года не виделись уже.

И Хусин не шутил, на построении командир зачитал о присвоении очередных воинских званий. Большинство из этих присвоений было связано с декабрьским назначением на освободившиеся должности старших специалистов и командиров отделений. Брату Хуса, Хасину, как старшему специалисту присвоили звание старший матрос. Вове Урсулову, засидевшемуся в старших матросах, тоже дали «второстатейного» и Толику Черкасову.

Антоненко и медбрат Алексей Квасов получили звания «первостатейных». Вот когда бы нам добрый и старый робот Стёпа пригодился со своим «стратегическим запасом».

И тут проныра Хусин, как прочитал мои мысли, отозвал в сторонку и прошептал, практически, как важный секрет:

— Механик канистры с «шилом» запирает в своей каюте на сейфовский замок. Ты же тоже механик?! Сможешь ключ сделать?!

— ???

— Я отгиски на пластилин сделал. Так, что?

— Попробую, Хус. Но, если что, мне не то, что отпуска не выдать, служить придётся, «как медному котелку», все 25 лет.

— Хорошо! Вдвоём будем служить.

Самое трудное было подобрать стальную полосу нужной толщины. А дальше, слесарный инструмент: ножовка, напильник, надфили и 2 часа кропотливого труда.

Когда «золотой ключик» был изготовлен, нужно было испробовать его на месте. Расставив «посты безопасности», зашли в каюту. С некоторым усилием, ключ повернулся, но замок был закрыт на два оборота. Повернул второй раз и «сим-сим, откройся!», поднимаем стальную дверцу, внутри сундука, действительно две канистры, емкостью 20 л.

Одна была начата на треть. Вторая практически полная. Благо, что они не были опечатаны.

— Сколько «доить» будем спрашиваю Хуса, литр хватит?

— Мало, что это две бутылки?!

— Хус, литр спирта — это 2 литра водки, даже два с половиной. Короче, пять бутылок водки, как?

— Пойдёт! Делай лейку, я за тарой бегом.

Слили литр спирта. Поставили канистру, стараясь поставить так, как было. Я начал запереть. На один оборот замкнул, а на второй никак. Перевернул ключ. Не-а, никак.

— Да, что он помнит? Когда открывает, сам, небось, «дегустирует» прежде, чем на протирку выдать. А потом, что память свежая?!

— Ты-то откуда знаешь, Хус? Можно подумать, что он это при тебе делает.

Вечером те, кто был «виновником» и те, кому полагалось проставиться дегустировали разбавленный спирт, с пробой на возгорание. Я слышал ещё в институте такой

метод проверки. Опускаешь спичку в водку и отсчитываешь 40 секунд. Зажигаешь. Если в водке есть 40 градусов, спичка, хоть и с шипением, но загорается. Если нет, как не старайся, не зажжёшь.

Конечно, «шило», я вам скажу, это не портвейн. Спирт — коварная вещь, кто когда-нибудь, если имел с ним дело. Казалось, разбавь и та же водка. Но, нет. «Отходняки» после одного и другого разные, совершенно. Спирт — коварный «змий». Хорошо, что мы на литре остановись.

Жизнь менялась к лучшему. С января месяца, хоть один раз в неделю, но получалось сходить в увольнение. Хорошая отдушина, впечатлений дня на три хватало после обсуждать все нюансы. А потом уже нужно было готовиться к следующему увольнению и молить Бога, чтобы увольнение «не зарубили» или «штормовым предупреждением» из-за непогоды, шторма и, как правило, прилива в бухте воды из Рижского залива. А значит, перешвартовка лодки обеспечена, могут и с вечера и ночью поднять и бегом и в снег, и в дождь в бухту на корабли.

В «матросском клубе» познакомился с Ириной. Ира, брюнетка с прямыми длинными волосами, что мне всегда нравилось, может потому, что Наташка была похожа на неё, приезжала из Старой Риги на «маршрутке» со Светой, светловолосой подружкой. Светой занялся Хусин. Не всегда получалось увольняться нам вдвоём, из-за вахты, которую никто и в выходные не отменял. А «годки» не упускали возможность, чтобы нас втиснуть на вахту на выходные.

Но это не смертельно. Главное, что я заступал теперь практически постоянно дежурным по команде, реже вахтенным на КПП. Там основной напряг был, когда командный состав сходил и съезжался на службу и в конце смены, когда уходили домой. Но зимой несмотря

на то, что в дежурке, где храпел «сундук» и работал электрообогреватель, в проходе, где необходимо было находиться вахтенному, сквозило и было ночью довольно мерзко стоять.

Перед новым годом заступал на пост в штаб, благо не на пост №1 у знамени, а на внешнюю охрану. Выдавали тулуп и валенки. Было неудобно, тулуп тяжелый и тоже утром, если вахта в первую смену выпадала, козырять начальству уставал, а рука в тулупе не поднималась.

Что это я о службе, да о службе. Ша!

Ира стройная молодая девушка, лет 17, как и большинству тех, кто к нам приезжает. Хотя, не редкость, пятнадцати-шестнадцатилетние, совсем редко, девицы кому за двадцать — «старушками», видимо себя уже считали. Я же, наоборот, в свой разменянный двадцать второй год чувствовал себя как-то неудобно с девочками несовершеннолетними. Хотя, те действия, которые мы производили после танцев, особенно, зачастую впритык вкладывались в категорию до 16+ или в том же диапазоне до совершеннолетия.

Конечно, было приятно прижать молодое девичье тело в медленном танце в клубе. Говорить о том, о чём говорили в то время молодые люди. С нетерпением ожидали окончания танцев, чтобы часик предаться где-нибудь поцелуям до одури и головокружения. И, обязательно, нужно было успеть проводить девушку на последнюю «маршрутку», деньги-то на такси откуда, хоть и у командира отделения, получавшего, конечно уже больше, но в пределах 16 рублей.

Вспоминая то время, хочу сказать, как мы могли обходиться без кафешек, не говоря об ресторанах. Конечно и цветах речи не шло, да еще зимой — это фантастика. Зато чувств была полная грудь и пуговицы с якорями отрывались от их избытка. Ох, как вспомнишь, так и вздрогнешь. Как тянуло в этой девчонке, как я целую

неделю ждал с нетерпением увольнения, а иногда и две недели.

Скорее бы весна пришла, думал не только я один. Весной в разы приятней бы было присесть, не на холодную скамью. А так приходилось самому садиться на свою шинель, Иринку усаживал себе на колени. Чтобы было удобно общаться глаза в глаза, нужно было удерживать в полулежачем положении, удерживая левой рукой за плечи так, чтобы её уста были чуточку ниже от своих. Была нагрузка на спину, на позвоночник, но какие мои годы? Тем более, что Иринка была миниатюрная, как куколка девушка.

От Наташки отличалась тем, что: во-первых, была чуть выше от первой ростом, но вместе с тем чуть постройнее, поизящней фигуркой; во-вторых, была потактичнее первой, не закатывалась, как та смехом, когда ей «пальчик покажешь», как говорят.

— У тебя отец, видимо ювелир? — спрашивал я Иру, тем самым делая комплимент о её красивой фигуре, которую не портило даже приталенное пальто на улице. А когда в клубе раздевалась, предстала предо мной во всей красе.

— Нет, — серьёзно отвечала Ира, — он у меня токарь, на заводе работает. Сам он русский, даже мордвин, а мама моя латышка. Папа служил здесь и поженулись с мамой, так и остался в Риге. Мама на «Большевичке» работает, сейчас мастером участка и меня к себе взяла. Мне нравится работа. Но я ещё мало-что умею сама. Хожу в вечерку. Думаю, в институт поступать.

— У тебя планы серьёзные. А, что папа токарь — тоже говорит о точности главного «изделия», которое он сотворил.

— Что он сотворил? — с настороженностью спросила меня Ира.

— Да, тебя, конечно! — такую красоту не каждый может создать.

Ирина засмушалась. Я, воспользовавшись заминкой, принялся расцеловывать её лицо и руки, которые начинали остывать.

— Прячь мне под шинель, — предложил я и начинал протискивать её ручки к себе под расстёгнутую сверху шинель. Она, сначала одернула руки, но увидев добрую улыбку на моем цветущем лице позволила не сопротивляться и размякла в моих объятьях и страстных поцелуях.

— У самого уже руки холоднеющие. Грей теперь у меня..., — кокетливо предложила Иринка.

Как я мог отказать ей в таком мне же удовольствии, да и ей, надеюсь приятно будет, как только пальцы чуток отойдут от холода.

— Руки холодные, зато сердце, знаешь, какое горячее? Вот прислонись, послушай, как бьётся...

— Ого! И правда, колотится, как молот по наковальне. А ты не думал остаться после службы здесь?

— Если без шуток, то написал «кэпу» рапорт по поводу характеристики-рекомендации. У меня дружок был в учебке, тёзка мой, фаловал меня в торговый флот. Думал попробовать, но сначала нужно отслужить нормально. А-то ты меня ещё не знаешь.

— Что такой плохой? — смеялась, смотря мне прямо в глаза, Ира.

— Ну это со стороны должно быть виднее. Тебя пока ещё не обижал?!

— А, что можешь? Мне кажется, что ты муху не обидишь, такой пайныка.

— Да, ладно! Сейчас весь снег в округе растает.

— Что весна придёт скоро?

— Нет, глянь какие у меня щеки, как кузнечный горн. Всё растопят вокруг. Засмушала скромнягу.

— Да, прям. А, я, что распутная?!

— Я, что-то сказал? Даже не думал. Девушка, комсомолка, спортсменка, просто, красавица!

— Ну, вот, а теперь меня в краску загнал. Точно весна не за горами. Смотри, снег вокруг тает...

Смеялись зажигательно. Молодость, однако.

— Ира, а когда я звоню, и мама поднимает трубку, что она тебе говорит?

— Иди! Твой морячок звонит. Соскучился.

— Вот так прям, «твой морячок».

— Ну, да! А ты, что разве не мой?! — в уголках глаз мелькнуло плутовство и какие-то девичьи, понятные только им, а мы можем только догадываться, ошибаться и ошибаться в их объяснении.

— Твой, конечно! Вместе с распахнутой для тебя душой и сердцем, которое ты мне ранила, и оно ноет, ноет, не заживая.

— Вот так? Но у тебя же есть девушка дома? Не поверю, что нет.

— А я и не скрываю, девушка есть, а любимой нет.

— Это как?

— Раз я с тобой и мне замечательно, а о той не вспоминаю, когда ты рядом — это не доказательство? Кстати, она на тебя чем-то похожа или мне просто так кажется. Наверное, только прямыми длинными волосами. Нет, вы разные, совсем разные. Ты — это ты!

Ирина насупилась. Наклонив голову и отворачиваясь от меня, что я почувствовал по тому, что мне её мне уже тяжело удержать, я теряю равновесие. А, была — не была! Я перестал пересиливать её сопротивление и удерживать в объятиях, а просто поддался на её отталкивающее движение от меня. Ирина с визгом завалилась в снег, я шлепнулся следом.

Её глаза блестели, снежинки опустившиеся на горячие ланиты таяли и я пользуясь господствующим положением, как победителя в классической борьбе, положившего

«противника на лопатки», стал медленно капельку за капелькой слизывать их, ощущая с жаром щёк, трепет тела, при прикосновении к ней языком и губами.

— Я тебя сейчас буду пить, пить до конца, без остатка!

Ирина рассмеялась азартно, по-девичьи:

— Пей, пей, дорогой!...

Я перевернул Иру на себя, чтобы она не промокла на снегу и теперь, лицо её, хоть по прежнему было близко и я имел возможность её по-прежнему целовать, но дальних фонари за её спиной бросали тень и она стала какой-то таинственной. Она молча упивалась моими ласками и часто дышала, вызывая плотное прикосновение девичьих грудей, хоть и через одежды, но я их ощущал, так как она руками не отталкивалась и не упирала сложенными в локтях руками в мою грудь.

Но всему, даже хорошему приходит когда-то закономерный конец. Ира, одернула правой рукой левый рукав пальто и воскликнула:

— Пора, Санёк! Время. Автобус через 10 минут. Ты позвонишь, когда?

— А в какое время, но лучше после восьми вечера. Я выбегу вон туда и позвоню. — Ответил Ирише и понял, как бы не хотелось, но пора расставаться, ненадолго, но всё же.

Я показал Ирина за железнодорожным переездом на углу улицы телефонную будку. Я так делал постоянно, так даже с КПП не было выхода на город. Для этого действовал по отработанной схеме. Брал карточку оповещения и бегом, на ходу показывая вахтенному, поднятую до уровня глаз в левой руке карточку с подписью командира и печатью.

Пробежав до трёхстороннего перекрестка, где подъезд к КПП пересекался с улицей Флотес, надо понимать, как Флотская. Налево, улица шла на подъём и выходила мост через реку Булльупе, направо она протянулась ми-

мо ограды нашей ВМБ в сторону Усть-Двинского судоремонтного завода. Параллельно улице на железнодорожной насыпи располагался железнодорожный путь, связывающий наши обслуживающие службы и судоремонтный завод.

За этой насыпью и располагался посёлок Болдерая. И на углу второй улицы от реки располагался телефон-автомат. Из него я и звонил Ире, когда договаривались по поводу следующей встречи или просто минут десять-пятнадцать поговорить. Больше могли не дать, желающие сделать тоже самое. Хотя, место не было оживленным.

И сейчас мы находились за той же самой железнодорожной насыпью, в начале посёлка, на скамью под грустными березками. Почему грустными? А какие деревья зимой веселятся?

Нам нужно было возвращаться назад, перейти насыпь и от КПП в сторону наших казарм была остановка рейсового и маршрутных такси. На остановке уже ожидали 3—4 девушки, провожаемые такими же галантными кавалерами, как я. А, что, нет?

Поцелуй, как в последний раз и по пути в автобус ловлю от Ирины «воздушный поцелуйчик». Господи, готовишься-готовишься к увольнению всю неделю, а оно вжик и пролетело, как одна минута. Но губы ещё долго ощущают нежные прикосновения девичьих пухленьких уст. А голландка пропиталась её духами и ты идёшь к КПП, чтобы отчитаться в дежурной части о прибытии из увольнения, глубоко вдыхаешь морозный воздух с её запахом и запахом её духов и..., и кружится голова от того, что организм ещё не отошел от зашкаливающего адреналина в крови и тестостерона там, где ему в это время и нужно быть.

Доложив дежурному по дивизиону о прибытии и сдав увольнительную записку, отправляешься в казарму, где

уже отбой и только, кроме дежурного по команде и дневального у тумбочки, в курилке восседают прибывшие из увольнения, обсуждая свежие похождения. Это нужно сделать именно сегодня, потому что завтра они будут уже «не свежими» и никому не интересны. Как правило «разбор полётов» занимает около получаса. Потом умывание и в кубрик, где уже слышно посапывание и откровенный храп, где ждёт, ставшая родимой кровать.

Но уснуть, конечно, сразу не получается, под впечатлением общения с девушкой — приятные впечатления, из-за которых и умываться не хочется, чтобы подольше ощущать её присутствие, закрыв глаза, чувствуя вкус губок-«вишенок», нежность кожи, томность взгляда красивых глаз...

Писал я Ирине и письма, особенно, если увольнение по какой-то причине откладывается, а по телефону не всегда скажешь то, что в письме, обдумав, напишешь. Что такое для служивого увольнение? Это своеобразный стимул, как говорят «пряник», которым поощряют за хорошую службу и лишают «увольнения на берег» в случае провинности в чём-либо.

Скажу даже больше, пока не попробуешь, не поймешь «вкус» того, без чего потом становится ох, как при-скорбно, служишь и не думаешь об этом, голова другими заботами забита. Но стоит вкусить этот «плод», и ты пропал, тебя тянет, ты страдаешь, если не получается, если, тем более пообещал и она приедет, а тебя не пускают — трагедия.

В таких случаях служивые чаще и чаще задумываются над тем, что называется «самоход», т.е. самовольное покидание территории части без разрешительных на то документов. Не обошло это явление и меня. Не скажу, что каждую ночь бегал, но случалось и не только в пределах посёлка Болдерая, но и в Старую Ригу наведываться. А у меня-то там жила девушка. Но это редко.

Чаще всё же, когда девушка приезжает, а ты по какой-то причине «привязан». В этом случае «путы» не держат, рвёшь, как жеребец, услышав только знакомый голос любимой.

Наилучший вариант «самохода», когда ты находишься в зоне доступности и, в случае необходимости, через 5 — 10 минут, благодаря оповестителю, сообщающему, что тебя разыскивают, являешься в распоряжение команды с готовой «легендой» причины отсутствия. Уходить же, не предупредив, где будешь находиться — очень рискованно. Иногда, дежурный по дивизиону строил команду на плацу и стоять приходилось до тех пор, пока не появлялся разыскиваемый матрос или старшина или его не «сдавали», ради блага остальных. Хотя и этот вариант не был предпочтительным.

А было и так, когда увольнение уже закончилось, а прощаться, «хоть плачь» не хочется ни тебе, ни ей. Раз заикнулся, вкратце опишу один случай и буду спать. Завтра политзанятия, а я на них, по традиции должен быть лучше всех, в смысле сообразительности и, если потребуется собственного мнения по какому-либо политическому аспекту.

Весна всё же, как зима не хотела, наступила. Я был противников того, что извращались над березками, который были посажены вдоль ограды, но кто меня будет слушать, когда в моде была песня «Берёзовый сок» в исполнении «Песняров». Это дало популярность никому не нужному до того продукту. И наши «эстеты» понаделали надрезы, наставили банок и склянок и следили, чтобы никто не «спионерил» содержимое сосуда.

Так вот, погода чудная, настроение для свидания только усилилось, а уже пора прощаться. Вижу, что и Ирина настроена идентично.

— Я сейчас сбегая, «увольнительную» сдам дежурному по команде, пока ещё не нужно лично докладывать.

А ты жди напротив трёх берёзок, я через забор перемахну в том месте. Хорошо?

— Хорошо! А тебе за это не влетит?

— Чтобы не влетело, попадаться не нужно. Я быстро. Посиди пока на остановке. Минут двадцать, максимум и я у твоих ног.

Эти слова не могли не заставить девушку улыбнуться.

Я, не задерживаясь, забежал в казарму. Дежурный только собирался нести «увольнительные записки» тех, кто возвратился досрочно, за полчаса до окончания увольнения. Если увольняемый не укладывался в это время, ему нужно было самому явиться в дежурную часть, где его могли и прощупать, и обнюхать. Короче, неприятная процедура «засветки» перед начальством.

Кто-то меня задержал, и я присел в курилке обсудить какой-то вопрос. По времени уже был отбой. А это значит, что все должны находиться там, где должны, за исключением только что прибывших из увольнения. Эти должны готовиться ко сну. Но я был так одет, как и пришёл, по парадной форме.

И тут дневальный прошипел, отбегая от входной двери:

— Дежурный по дивизиону!

Это говорило о том, что мне в таком одеянии после отбоя в казарме делать было нечего. Или бегом и не раздеваясь в кровать под одеяло или убежать в «самоход», но входная дверь отпадает, там поднимается проверяющий.

Весной у нас открывались окна настежь в гальюне и в умывальнике. И сейчас они были открыты настежь. Наш кубрик, каюты офицерского и мичманского состава, а также помещения культурно-бытового назначения находились на втором этаже и к тому же цоколь в этой части здания был выведен где-то на метр от поверхности земли или отмостки.

Мы иногда тренировались в «альпинизме», залезая или вылезая из окон вниз по уступам на стенах, хотя это делать в тапочках или хотя-бы в прогарах было намного удобнее, чем в парадных ботинках со скользкой кожаной подошвой. Я из курилки через длинный коридор заметил, что входная дверь начала приоткрываться и дневальный, владеющий ситуацией, стал умышленно не у тумбочки, а среди коридора, спиной ко мне, таким образом перекрывая обзор входившему человеку до конца коридора.

Я без раздумий сорвался и влетел в умывальную комнату, с разгона вскочил на подоконник. Мне нужно было развернуться и осторожно, из-за того, что за окном темно, хоть глаз коли, спускаться, нащупывая выступы и цепко цепляясь пальцами, иначе...

Из-за того, что в умывальнике после многочисленных плесканий личного состава была мокрая плитка, я, пробежав по ней, намочил подошву и она стала не просто скользкой, как кожа, а ещё и мокрая подошва. Когда я уже стоял обеими ногами на подоконнике, по инерции я, как на лыжах продолжал ехать к раме и не успев, не только развернуться спиной, но и просто остановиться и ухватиться за раму, по инерции вылетел в окно. Подоконник был от уровня земли не меньше, чем в шести метрах.

Вот когда вы смотрите фильм «Белое солнце пустыни» и там таможенник выбрасывает белогвардейца через окно, а тот летит в воздухе и при этом дрыгает ногами — это был я, с той лишь разницей, что у меня не было портупей и высота окна была раза в два, даже три выше.

В итоге я выпадал не «солдатиком» и не плашмя, а как лыжник-прыгун парит над трамплином, с наклонном туловища вперёд. Первым касанием было приземление на ноги, часть инерции я погасил ногами, при этом даже крикнул или мне так показалось из-за того, что я-то

остановился, а мои внутренности внутри ещё двигались вниз. Вторым касанием было касание рук о землю. Если бы наоборот, то руки обе были бы сломаны, сила равная массе тела и помноженная на ускорение свободного падения была приличная. Третьим касанием, когда руки, несмотря на попытку удержать тело, всё же согнулись в локтях, я из-за чуть сильнее просевшей правой руки, накренился направо и клюнув лбом землю, повернулся относительно правого бока на 270⁰.

Всего четверти оборота не хватило, чтобы замкнуть полный оборот. Я лежал на левом боку, голова на свежей и прохладной траве, а перед глазами травы не было. Я пощупал перед собой и у меня мурашки пробежали по спине — передо мной был канализационный люк колодца, который, как и полагается устанавливается в тех местах, где происходит подвод воды с аварийными кранами и слив жидкостей в канализацию.

Мысль, а что было, если бы я выпал именно на люк пулей пролетела и вторая мысль, а целы ли кости, заставили меня медленно привстать и попробовать даже присесть, как на физзарядке. Все было в порядке. Покрутил руками, тоже более не ощутил.

«Парень, ты в рубашке должен был родиться, чтоб так „катапультироваться“ удачно» — подумал я про себя и пустился убежать из-под окон, где все было освещено светом из открытого окна второго этажа. Привычно, с разгона вскочил на нижнюю прожилину сплошного деревянного забора высотой более трёх метров, с неё на вторую, третью и перекинув ногу через верхний край забора, увидел на остановке заскучавшую Иришку.

И сразу все осталось там, за высоким забором. А меня ждали горячие поцелуи и пара незабываемых часов с девушкой, в которую я, как мне уже не казалось, а всё отчетливей вырисовывалось в сознании, влюбился.

Глава XVI. «Аккордная» работа

Стараясь не увлекаться, благодаря «щедрости» Федора Федоровича, мы отметили значимый праздник для служивых мужчин, День Советской армии и Военно-морского флота. Вот почему-то продолжение после «и» многие считают излишним и, из-за лени поздравляют только «С Днем СА». Знаете, как обидно нам, тем кто служил не в армии, а на флоте и не два года, что очень существенно и наша служба не была сплошь схожа на увеселительную прогулку на курортном побережье теплого моря на прогулочном катере.

Не совсем и не всегда. Всякое случалось. Но, «За тех, кто в море!» — тост этот, святое, что следует за праздничным тостом. Отобрав изрядно из обеих канистр «шило», пришлось дополнить до требуемого уровня водой. А, когда крепость, по показаниям той же спички на воспламенение, давали результаты 50—55⁰, пришлось эту «лавочку» прикрыть иначе «палева» не миновать.

Весна, она, не знаю, как в Африке, не был там, но в России и Прибалтике тоже замечательна и везде, по своему неповторима. Одно всегда неизменно и на подъеме — внутреннее, душевное состояние. А, если к этому и прибавить то, что в конце февраля приказ о призыве в ряды Вооруженных сил граждан, достигших призывного возраста и не имеющих отсрочек от призыва и лиц, отслуживших...

С этого момента «годки» становятся «гражданскими», «подгодки» «годками» и так далее по восходящей, начиная с тех, кто только прибывал на пополнение, взамен уходящим на «гражданку». Зная все эти передвижения, которые так или иначе могут отразиться и на дисциплине в команде и на организации несения службы и многом другом, хотя и незначительно.

Батя вызвал к себе в середине апреля.

— Разрешите, товарищ капитан 3-го ранга?!

— Вошёл же, всё равно. А почему не «товарищ командир» — пошутил механик, зная, что когда нужно было комплимент отвесить, явившись с какой-либо просьбой, мы всегда старались называть командиров именно так, хоть и не совсем по уставу, не по званию.

— Виноват, товарищ командир! Исправлюсь!

— Исправишься, куда же тебе деться с подводной лодки. Так же вы говорите, обычно?

— Так точно, товарищ командир.

— Ну, хватит мне уши чистить криками, не глухой. Расслабься. Не ругать позвал или есть за что?

Мысль о «шиле» сразу прошила мне мозг и вместо уверенности, появились легкие сомнения.

— Что? Видимо есть, раз примолк?

— Никак нет, товарищ командир! Просто задумался, пытаюсь разгадать ребус, по какому поводу я вам срочно потребовался.

— Вот, уже начинаешь приходить в себя. Тогда не буду томить. Ты сколько раз просра..., ну профукал отпуск домой?

— Объявленных два.

— Вот, а Бог любит «троицу». Есть срочная работа. «Годков» не хочу привлекать, надежды мало, что сделают, как надо. А тебе ещё раз поверю и доверю. Но, смотри, если что....

— Всё понял! Не подведу, товарищ командир. Да, если честно, то и домой хочется съездить, два года дома не был почти.

— Перед майскими праздниками к нам приезжает московская проверка по состоянию стационарных постов пожарной безопасности. Где-то случилось ЧП с жертвами, теперь «мужики должны креститься», чтобы и у нас гром не грянул.

— Я понял вас!

— Что ты понял? Я ещё ничего не сказал.

— А, что тут не понятно. У нас пост на пирсе нужно оборудовать. Одно название, что есть.

— Вот, раз понимаешь проблему, тебе и карты в руки. Нужно будет от всяких вахт и работ будешь освобожден. Но за две недели, «кровь с носу», а пост должен заработать, как часы. И все горело, в правильном смысле и блистало.

— Будет всё, как надо. Виноват. Так точно, сделаю.

— У тебя в роду евреев не было?

— Нет, товарищ командир, можно назвать, как и смесь говора русско-украинского «суржики». А у мамы какая-то там бабушка была цыганкой, да и она сама погожа на цыганку.

— Ясно. Я дам команду, чтобы тебе без волокиты выдавал боцман шанцевый инструмент, материал, краску, что там ещё понадобится. Только не наглеть.

— Не обижайте, товарищ командир. С завтрашнего дня, ты же наполовину инженер, продефектуй, самое главное, пожарную помпу, а потом по описи посмотришь, чем необходимо укомплектовать пост. Покрасить, надписи все обновить. Короче, чтобы по высшему классу.

— Сделаю, товарищ командир! Можно идти?

— Если вопросов нет, можешь идти.

Вечером собрав самых надежных уже «борзых карасей» и новоиспечённых «полторашиков» и поставил задачу.

— Ну, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы... Кто хочет сегодня поработать? А?! А что вы смеетесь? Дело серьезное. Сразу скажу, что песчаный карьер вам не грозит, но и о ликёроводочном заводе с мясокомбинатом тоже не думайте. Работа не тяжёлая, но срочная. Мне нужно все два человека, которые будут освобождены на дни, которые будете заняты на объекте, от всех других работ и нарядов.

Желающие были все. И это понятно. Лучше выполнять одну работу и под командой одного человека небольшим коллективом, чем все подряд будут гонять и пинать куда придётся. Это для меня было также понятно, проходили совсем недавно.

— Раз так, я сделаю выбор сам. Желание, оно хорошо, но нам взвод не нужен, там порядка не будет. Кто сказал «лучше меньше, но лучше»?

Посмотрел на реакцию собранных мной, одни пожимания плечами и опускание глаз в палубу. И, вздохнув, продолжил:

— Владимир Ильич Ленин уже тяжело больной написал эту работу. Вы чем занимаетесь на политзанятиях? Так и быть, вы всё равно конспектировать не сможете, дам вам свои конспекты, перепишите, спрашивать буду.

Я, конечно, пошутил, но в глазах присутствующих прочитал недоразумение и сожаление, что хорошая идея по поводу «аккордно-премиальной» работы переходит в разряд нравоучения.

— Мне нужны не просто исполнители, а те, сможет выполнять задание продумано, не машинально, принимая, при необходимости самостоятельные решения, если нет возможности получить одобрение или согласование со старшим.

— А, кто будет старшим?

— Вот один уже отпал. Зачем мне такие несообразительные работники.

— Кто не сможет, если потребуется, ночью работать?

Я внимательно следил даже на малейшие изменения мимики служивых. Кто-то отвернулся и что-то шепотом трактовал своему товарищу, видимо, высказывая недовольство тем, что придётся и ночью работать.

— Вот ещё один отпал, — обратился я к тому, кто возмущался шепотом.

— А, чё? Я ни чё! — пытался оправдаться, вступающий в касту «борзых карасей» матрос.

Естественным отбором и всевозможным тестированием, для выявления нюансов в тех скрытых способностях, которые до сих служивые не проявляли или не было повода и потребности в этом.

Больше всех мне подходил, как незаменимый помощник, готовый на любые самопожертвования, если это потребуется, Миша Дану и Виктор Харитонов, ещё в качестве резерва я попросил, при нештатных ситуациях в качестве подмены Женя Нищенко. Миша уже за год службы не раз сумел проявить профессиональные компетенции и преданность, как товарища. Его я назначил старшим в моё отсутствие.

Витя, моторист моего отделения успел отличиться исключительным порядком не только на своем боевом посту и примерным содержанием вверенного оборудования, но и неоценимой помощи в наведении порядка во всем нашем моторном отсеке. Как минимум, хотел бы, чтобы он стал после меня командиром правого дизеля или, скорее всего, он станет раньше на одном из ещё двух дизельных установках, где «отделённые» уходили даже раньше, чем я на полгода.

Женя был почти земляк мне, проживал от моего родного районного центра всего в 120 км, он был из Донецка областного, что на юге-востоке Украины, а область граничила с моим районом Ростовской области. Аккуратный трюмный, без особого желания «прогнуться», что я очень уважал, но правильного и умеющего отстаивать свое мнение. До службы Женя успел окончить первый курс Донецкого института горного дела и геодезии.

Я оставил ребят и уже конкретно поговорил о том, что нам предстоит сделать. Осмотр производили после завтрака, когда вместе с командой прибыли на пирс, но в отличие от экипажа, который спустился на лодку,

для выполнения плановых работ и занятий, мы остались на пирсе, где в правом ближнем углу и располагался пост. Помещение поста представляло металлический каркас, сваренный из уголков и стальных листов, крыша односкатная, также металлическая. Если бы длиной объект был на 2—3 метра длиннее, то можно было сказать, что это «ракушка», так называли металлические автомобильные гаражи.

Опробовал пожарный насос, обнаружил неисправность эластичного соединения между ступицей электродвигателя и центробежного насоса большой производительности. Обратный клапан не держал и потому заполнить всасывающую полость, чтобы насос мог «схватить» водяной столб было невозможно. Притирка займет время, но без этого никак. Составил опись такелажа и противопожарного имущества. Посчитал площадь объекта снаружи и изнутри и рассчитал примерный расход краски и общее её количество. До покраски необходимо было хорошо ещё поработать по зачистке коррозионных участков, которые, особенно в нижней части стенок кое-где начинали даже светиться насквозь, проеденные ржой.

— Миша, сейчас идешь к боцману, пусть откроет кладовую шкиперского имущества и выдаст по распоряжению бати на мое имя скребки, наждачную бумагу крупную и растворителя пока пару литров с ветошью. Справишься?

— Обижаешь! — ответил Миша и без долгих разговоров метнулся исполнять задание.

— Теперь вы, мужики. Пока я дефектную ведомость механику покажу и уточним, что делать, вы время не теряйте, просто наведите здесь в внутри шмон, весь хлам в мусор, что непонятно куда деть, сложите снаружи. Я приду, разберемся. Вперёд.

Согласовав с механиком то, что мне было необходимо и объёмы расхода материальных ценностей, он только предупредил:

— А, вот запасных частей на насосную станцию нет. Что думаешь делать? Мысли есть?

— Так точно. Как же им не быть, раз делать нужно. Кроме того, что я указал, нужно добавить ещё пасту ГОИ, думаю, что грамм 300 хватит и толстой транспортной ленты с половину метра квадратного на соединение. Я его сам изготовлю.

— Так-ли!

— Как два пальца обо... Простите, товарищ командир.

— Иди. Я боцману дал указание, чтобы отпускал всё, что потребуется. А, если «перебор» случится, я с тебя потом спрошу.

— Зачем мне? Считаю пока хорошо, с математикой дружил в школе, с головой, с головой... конечно, но... Всё будет, как надо.

Механик, улыбаясь, опустил голову и молча помахал мне в сторону двери из каюты.

Прибыв на объект, понял, что не ошибся в выборе своей «штурмовой» команды. Все задания были выполнены в полном объёме.

— Хвалю! Неплохо поработали. Первое поощрение: на камбуз будем ходить вольным строем, не со всеми и время приема пищи можно даже сдвинуть, дежурный по команде в курсе, будут накрывать нам отдельный стол на «четыре персоны».

— А доп-паёк нам давать за вредность не будут? — пошутил Дану.

— Будет. Всем выдадутся респираторы, а особо старательным малярам противогазы. Чего приуныли? Молодцы, начало хорошее. Сейчас и я переодеваюсь, дела веселее пойдут. И вообще, я предлагаю разбиться на две смены. Одни будут работать, другие в это время отдыхают. Сейчас тепло, можно два матраца с лодки «на прокат» взять или у боцмана выпросить. Пока красить

не будем, можно внутри на полы в уголок, чтобы работать не мешать бросить и отдыхать на них. А через пару часов сменяться. Я так прикинул, что «рвать» себя не стоит, а часов до двух ночи, если работа будет ладиться, и чтобы не «накосячить». Ответственную работу делаем только днем и при хорошем освещении. Красить, когда время подойдет, тем более, не ночью же. В первую смену будет Миша и Женя, если не против. Я с Витей во вторую. На второй день поменяемся. Но одна из смен должна отдыхать в кубрике полноценно.

На том и порешили. Погода замечательная. Днем даже припекало, но из залива свежий морской бриз не давал перегреваться. Днем работали все четверо. С 18 часов одна смена работала, другая отдыхала и так далее. Получалось неплохо, а главное, что дело спорилось и уверенно, со значительным опережением сроков.

В первую ночь, а вернее до 2 часов ночи мы работали с Виктором. Почему я взял именно его в напарники, потому что наша с ним задача была в восстановлении работоспособности насосной станции. Здесь и нужны были технические специалисты, а не гидроакустик, как Дану. В вторую половину ночи, осталась первая смена, а я, отпустив Витю на базу, остался кимарить на матрасе, свернувшись калачиком, из-за того, что в любой момент могла потребоваться моя помощь или совет.

На третий день, я двоих попросил усиленно налечь на очистительные и покрасочные работы, а Витю заняться ремонтом и комплектованием шита со средствами пожаротушения. Сам заканчивал наладочные работы. Соединение было изготовлено быстро, так как у меня был подобный опыт в колхозной мастерской, с той лишь разницей, что там насос в разы меньшей производительности и он служил для принудительной циркуляции в системе отопления в отделениях мастерской.

Я всегда своим подчиненным говорил: «То, что знаешь или умеешь, за плечами не носить, а пригодиться может всегда». Витя до этого замечательно справился с притиркой обратного клапана к седлу. Водяной столб, а в насос и во всасывающий трубопровод нужно было залить ведра три воды, чтобы удалить воздух, а затем только запускать электродвигатель насоса.

Когда к концу третьего дня у нас получилось запустить насос, а пожарный рукав лежал смотанный в скатку. Как только в рукаве создалось давление, он, моментально развернувшись, стал «танцевать», как кобра под дудку факира стал, извиваясь выписывать пируэты. И хотя насос отключили через 20—30 секунд, все за это время были искупаны с ног до головы. Пришлось снимать ту робу, которую мы брали у боцмана для покраски, списанную уже на ветошь и продолжить работать, пока та не протряхнет на леере на весеннем ветерке.

Главную победу мы уже совершили. Пост заработал. Все поверхности были готовы под покраску и, даже, где нужно было, подшпаклёваны и грунтованы. Осталась ответственная работа — окрасить валиком в основном, а где-то и кистью стены и крышу поста.

— Мужики, сегодня отдыхаем все по-человечески в кубрике, а завтра торжественный момент — покрасим и сдадим батю готовый пост. Миша, краску получил? Замечательно. Значит, прям с утра и начнём красить. К обеду управимся. Часа за четыре, она на солнышке и ветерке высохнет. Вот на 17 часов и устроим сдачу объекта, пока батя ещё тут будет. Я ему умышленно не докладываю о том, сколько ещё работы осталось, чтобы сюрприз сделать. Он вообще сказал, что через неделю проверит, что мы там наделали, может подогнуть нужно будет. А мы завтра — «вот, пожалуйста, принимайте и распишитесь». Серёга Райский обещал трафареты поделывать для надписей. Всё будет красиво, як в кино.

К обеду противопожарный пост больше походил на будочку, которые устанавливались на танцплощадках для музыкантов. Только одного не было, светомузыки и фейерверков в ознаменование окончания работ. Яркая красная краска поста вместе с белыми надписями, сделанными под трафареты, бросались в глаза за две сотни метров, как только открывался вид на пирсы и наш пост при том выгодно отличался тем, что был, как новая копейка.

— Товарищ командир, нужно ваше присутствие. Когда сможете посетить нас на объекте?

— Я же собирался через неделю, а сегодня, что? Ещё и четырех суток не прошло.

— Нужно, чтобы мы не «закосячили».

— Хорошо перед ужином проведаю вас. Надеюсь, старика не доведёте «до белого каления»?

— Да, какой же вы старик, товарищ командир?!

— Иди. Буду! «Нашивайте лобки», если что.

— Может и обойдётся, — тихо сказал я, выходя от механика.

Механик зарылся в технической документации, сидел сутками. Некогда было даже на лодку наведаться. Видимо, это всё результат предстоящей проверки из Москвы.

Наша Б-75 стояла вторым бортом, а за ней еще две «Эски». И мне пришла идея не просто показать нашу работу, а продемонстрировать, как работает оборудование в режиме пожаротушения. К приходу бати, мы решили тщательно подготовиться.

Как только заметили приближавшегося с боцманом механика, которые что-то обсуждали и практически не смотрели в нашу сторону. Дану взял стальной прут и стал часто ударил по обрезку трубы, который был заменён нами на приемной трубе выше заборной защитной сетки. Металлический стук привлёк внимание и не только нашего бати. Из компрессорной и отделения зарядки

и обслуживания аккумуляторов выскочили служащие, не понимая, что за «кипиш». Виктор и Женя заливали воду в всасывающий трубопровод, открыв вентиляционной кран. Как только вода появилась после воздуха из крана, Дану включил рубильник и электродвигатель, недовольно заворчав, начал нагнетать воду, забираемую из бухты, устремив её по рукавам к брандспойту, который я уже держал в руках.

Реактивная сила была такой мощной, что у меня с трудом хватало массы тела, для удержания «неукротимого змея». Мощная струя взвилась вверх и описав дугу, обогнувшую все четыре лодки, начала «освящать» струёй тихую заводь бухты, создавая характерный шум, падающего потока воды. Когда же струя мощного фонтана плавно стала перемещаться на соседний пирс а после и на подъездные пути, сравнявшись в траектории с линией взгляда на ещё яркое послеобеденное солнце, рассеивающиеся брызги заиграли ослепительно красивой радугой.

Я поймал боковым зрением, как на подходе к пирсу замерли две фигуры, механика и боцмана. Они были, как под гипнозом, недвижимы и молчаливы. Из аккумуляторного отделения «высыпала», пожалуй, вся дежурная вахта, чтобы увидеть, хоть и искусственно созданную, весеннюю радугу над бухтой.

— Хватит, хватит! — закричал, пришедший в себя батя, при этом ожесточённо махал рукой.

Услышав окрики, кивнул Мишке, так как из рук выпускать «анаконду» нельзя было:

— Вырубай, Дану!

На мне не было голландки, так как та, в которой приходилось ремонтировать и красить, была мокрая, а переодеться не успел. Подошёл механик с боцманом, моя команда, выйдя из дверей поста, не решилась приближаться к начальству, застыли там же у входа.

— Почему не по форме, — как ни в чём не, бывало, спросил Ивлев, — как ты будешь докладывать в таком виде, даже не знаю, матрос, старшина или кто?

— Товарищ командир, я это..., ну в общем ваше приказание выполнено. Принимайте работу.

— Как тебя командир зовёт? Камбала? Вот теперь и я вижу, что командир наш никогда в определениях не ошибается. Камбала-камбалой!

У механика появилась слабо выраженная улыбка, он никогда «зубы не продавал», в этом был сдержан.

— Ну, что, как говорится «победителей не судят», поздравляю! А к чему такая срочность? Я же давал срок две недели.

— Это, товарищ командир, чтобы было время испытать, обкатать, выявить недоработки, если есть и успеть устранить. Так же, товарищ механик?

— Ну, хитрюга! Камбала и этим всё сказано. «Убалтал» ты меня, как Атлантика не убалтывает. Ну веди, показывай теперь, что тут внутри сделали. На тебя, что вся команда работала?

— Никак нет, товарищ командир, только «добровольцы» и без ущерба на несение службы и вахты. Проходите. Кресла нет, а вот столик и стул имеются. Присаживайтесь, товарищ командир.

Посмотрев перечень оборудования и инструкции по эксплуатации и обслуживанию заведений поста, механик сделал замечание:

— Обновить нужно инструкции и весь печатный материал. Кто там у нас этим занимается, Хакимов? Дашь ему, пусть перепечатает, я даты свежие и подписи с печатями поставлю. Ну, пожалуй, и всё.

— Хе, камбала! — глянув мне в глаза хмыкнул батя.

Уходя уже, повернулся и сделав жест в сторону молчавшего боцмана, добавил серьёзно:

— Сдадите шанцевый инструмент и остаток лакокрас-

сочного материала боцману. И ещё, подашь рапорт о поощрении «добровольцев», если такие есть, не сейчас, в письменном виде мне, а я подумаю и «кэпу» потом подам окончательный вариант. Всё понял?

— Так точно!

— Оденься, мореман, а-то накажу.

Я подал механику список всех своих «добровольцев» на поощрение. А оно должно быть. Еще не одни Первомайские праздники не проходили без таких приказов.

Потому-то служивые ещё и ждали с нетерпением майские и ноябрьские праздники, как и в детстве, когда родители нам обновки покупали, чтобы на демонстрации выглядели не хуже других. А куда же еще наряды одевать? Ну, у нас в селе, в кино и то, в зависимости от погоды. Иногда приходилось одевать даже брезентовый плащ и резиновые сапоги. А сапог всегда имели две пары: одни для работы, родители на ферму одевали или на бригадные, полеводческие работы, а мы чаще одни на все случаи жизни; вторая пара «парадно-выходных», чтобы в магазин ходить и в клуб.

Мужики в 60-е, памятные мне годы в сухую погоду и, когда не сильно развезло улицы, одевали сапоги кирзовые на работу, в них ногам было комфортней, чем в резиновых, а «на выход» хромовые или яловые. Ну, а к ним, конечно, лучше всего галифе шло, галифе парадное.

Что это я о доме опять вспомнил? Да, как же не вспомнить, без малого два года дома не был, потому и скучаю по дому и это нормально. Не так, конечно, как в учебке первый месяц, но ностальгия есть, особенно,

когда не задействован где-то и чем-то, а остаешься наедине со своими мыслями.

Ожидаемая в конце апреля проверка из Москвы, как предполагалось 28—29 числа, на самом деле состоялась 24. Толи начальство хотело побыстрее управиться со всеми текущими делами накануне Первомая, толи хотели тем самым заставить врасплох расслабленное ответственное руководство на местах.

Как бы то не было, если бы я послушал механика и тянул бы с работой две недели, то точно не успел бы к их прибытию. Проверка состоялась и результаты её были ожидаемы. Конечно, не найти ни одного замечания, был бы показатель их плохой работы, а потому, что-то из мелких замечаний всё же было в писано в акт осмотра.

На построении экипажа «кэп» скупое, в двух словах объявил, что была проверка и по результатам её грубых нарушений не обнаружено. Были наставления по поводу увольнений в предпраздничные дни. В такие дни всегда инструктажи и на разводе увольняемых были особо подробными.

И только в сам канун праздника, 30 апреля, проныра Хусин, ухмыльнулся мне:

— Готовься!

— Ты о чём? Я же, вроде бы, как «ниже травы, тише воды».

— Узнаешь на построении.

А, ещё друг называется. Ну ладно, ждать-то недолго. Хотя, догадки были, но я их гнал, чтобы не сглазить.

После привычного построения, командир поздравил весь личный состав с приближающимся Первомаем, пожелал от себя лично, как принято, кроме здоровья, успехов в службе, в боевой и политической обстановке. После старпом Храпов зачитал праздничный приказ. Николай Иванович, скорее всего, по нашему предполо-

жению, служивший старпомом у нас всего полгода, был намечен кандидатом в командиры «букахи», так как Рекст через уходил на пенсию и нужно было время, чтобы подготовить замену.

В приказе, после привычной формулировки следовал список присвоения очередных воинских званий и поощрений служащих. В списке тех кому были присвоены очередные воинские звания оказался и я, мне присвоили звание старшины 1-й статьи, Витя туров дождался всё-таки второй лычки на погоны, не забыл механик и о моих «добровольцах»: Дану стал старшиной 2-й статьи, матросам Нищенко и Харитонову присвоены звания старших матросов.

В поощрительном списке я оказался совместно с Анатолием Черкасовым и ставшим совместно со мной первостатейным и отпусником одновременно, Владимир Урсулов.

Эмоции, поздравления, ревностная зависть — всё перемешалось в один «букет» в курилке, когда построение закончилось. На праздники, мы, конечно, домой уже не попадали, даже на День Победы, а сразу после можно было отправляться на побывку.

Радость-то-радостью, но нужно было форму готовить, погоны, в клеш клинья вшить. Хочется шикарно выглядеть. Не так уж и часто в глушь сельскую на побывку морячок едет.

«Ох и оторвусь по полной!» — так думает каждый отпусник, а как там оно получится, кто может знать наперед. Сообщать домой ничего не стану, пусть сюрприз будет. Наташке тоже решил ничего не сообщать, хотя в планах на втором месте после дома уже стоял Новочеркасск. Нужно было разобраться в отношениях. Тем более, что и я к ней охладел и этому было не только письмо подружки Тани. Не считая редких встреч, когда я приезжал к ней на несколько часов перед службой, мы не виде-

лись чуть-ли не три года. Это большой срок для испытания чувств, если они были.

Домой я ехал поездом через г. Минск, конечно же в плацкартном вагоне. Не помню на какой станции подсадела девушка, как потом выяснилось, она ехала после Первомайских праздников или даже отпуска из дома в г. Минск, где проживала в общежитии и работала на заводе по производству фотоаппаратов.

А до того, как познакомиться, я просто пристально рассматривал её, сравнивая с теми девушками, с которыми мне посчастливилось встречаться в разное время. Она была совершенно иная, «бульбашка» с причёской и чертами лица схожими с популярной французской певицей Мирей Матье. Она мне понравилась и я, познакомившись, выпросил у неё адрес. Звали мою новую знакомую Сашенькой, тетка, однако.

Я ехал домой и не знал, какой он мой новый дом. Через три месяца, как я ушел служить, родители переехали жить в районный центр, поближе, к стареющей уже бабушке, маме моей мамы. И дом купили на одной улице, только на расстоянии трёх жилых кварталов. Когда я учился в Матвеевом Кургане и стоял на квартире у бабушки, там, где сейчас располагался купленный, недавно построенный дом был пустырь.

Как меня встретят дома, не будет это большим стрессом для мамы? Может быть лучше было всё же сообщить им в письме. Но, что сделано, то сделано. Я еду, встречайте!

Оглавление

Часть первая. Дядя Саша	5
Пролог	6
Глава I. Позор	12
Глава II. Всё за одного, а один «против»	21
Глава III. «Жирафа»	27
Глава IV. «Испытания на прочность»	39
Глава V. «Аморальный» поступок	56
Глава VI. «Кандидат»	71
Глава VII. Дядя Саша	83
Глава VIII. Ночь «возмездия»	96
Глава IX. «Стрелка»	106
Глава X. Воспоминания Дяди Саши	121
Глава XI. «Козлова балка»	131
Глава XII. «Шизгара» 50-х годов или сингл 90-х ...	140
Глава XIII. Рыба мечет икру	150
Глава XIV. Хиромант	159
Глава XV. «Тут моя могила»	172
Глава XVI. Брат	185
Глава XVII. «Кіна не буде. Кінщик спився»	206
Часть вторая. Камбала	221
Глава I. Учебка	222
Глава II. Зам замполита	240
Глава III. Бункер, «иглы» и парад.	253
Глава IV. Караул	272
Глава V. «Погружение»	287
Глава VI. «Псковский комсомолец»	300
Глава VII. «Декабрист» 1975 года	314
Глава VIII. «Птюха»	330

Глава IX. «Ломка»	353
Глава X. Учения «Океан-76»	370
Глава XI. Док	387
Глава XII. Все рыбы, как рыбы. А ты — камбала! ..	409
Глава XIII. Как мало для счастья надо	425
Глава XIV. КВН	441
Глава XV. Моряк, как молоко, без любви скисает	461
Глава XVI. «Аккордная» работа	481

Александр Иванченко

Камбала

Роман в двух книгах. Книга первая

Редактор Александр Иванович Иванченко

Дизайнер обложки Александр Иванович Иванченко

Фотограф Александр Иванович Иванченко

Иванченко Александр Иванович, поэт, публицист, писатель. Творчеством занялся в канун пятидесятилетнего юбилея. Член Российского союза писателей и Международного Союза Русскоязычных писателей, автор семи авторских сборников стихов и множества эссе и заметок в СМИ. За написание романа взялся не вдруг, а давно испытывал такое желание. Надеюсь, что читатели не будут разочарованы, после прочтения моего автобиографического романа.

Роман охватывает промежуток времени более 10 лет. В основном, это юность и молодость героя периода 70—80 годов XX века, так называемого «периода застоя». Героя на всех описанных жизненных этапах ожидают испытания, душевные переживания и, конечно же, любовь. Роман, состоящий из двух книг, включает в себя пять частей, затрагивая события школьной скамьи, институтские годы, службу в ВМФ и вплоть до судьбоносного события, уже на «гражданке». Почему назван роман «Камбалой», вы узнаете, прочитав роман.

Внимание!
Книга содержит
нецензурную
брань